T25 3/150

T25 3/150

Бернгардъ Таннеръ,

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ПОЛЬСКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ МОСКВУ ВЪ 1678 году.

переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія

И. Ивакина.

Съ пятью фототипіями.

МОСКВА.
1891.

30
Т25 3/150

БЕРНГАРДЪ ТАННЕРЪ.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ПОЛЬСКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ МОСКВУ

ВЪ

1678 году.

переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія

И. Ивакина.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1891.

704п

№ 409202

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Т 25 2/150

О Бернгардѣ-Леопольдѣ-Францискѣ Таннерѣ, бывшемъ въ Россіи лѣтомъ въ 1678 году, очень мало извѣстно. Единственный источникъ для его біографіи—его сочиненіе.

Онъ былъ чехъ, родился въ Прагѣ, но когда—неизвѣстно. Судя по его сочиненію, въ бытность его въ Польшѣ и Россіи онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, и потому можно думать, что онъ родился между 1650—1660 годами.

Гдѣ учился Таннеръ, мы не знаемъ. По сочиненію видно, что онъ былъ знакомъ не только съ латинскими писателями золотаго и серебрянаго вѣка, но и съ новѣйшими, писавшими по-латыни, напр., съ Оуэномъ. Впрочемъ онъ не былъ образцовымъ латинистомъ и не безъ основанія называетъ себя варваромъ-писателемъ.

Ригеръ въ своемъ «Словникѣ научномъ» называетъ Таннера іезуитомъ, не приводя впрочемъ ничего въ подтвержденіе. Судя по многимъ мѣстамъ въ его сочиненіи, гдѣ онъ никогда не забываетъ упомянуть о іезуитахъ, это можетъ быть и правда.

Таннеръ говоритъ о себѣ, что любилъ путешествовать — ѣздилъ по Германіи и Италіи. Въ Италіи онъ былъ въ 1675 г. на пятнадцатомъ юбилеѣ; вѣроятно, проѣздомъ туда онъ побывалъ и въ Германіи, но о его пребываніи въ Германіи мы знаемъ изъ случайной его замѣтки только одно, что онъ былъ въ Пассау, гдѣ видѣлъ образъ Богоматери, похожій на видѣнный имъ на стѣнѣ Успенскаго собора въ Москвѣ (см. XIII гл.).

Воротясь въ Прагу, онъ задумалъ снова отправиться въ чужіе края. Опредѣленнаго плана, повидимому, онъ не имѣлъ; средства его были весьма ограниченныя, а уѣхать хотѣлось. Онъ, какъ кажется, нанялся къ нѣкоему уѣзжав-

шему въ Польшу канонику и въ іюнѣ 1676 года выѣхалъ съ нимъ изъ Праги въ Краковъ.

Тутъ Таннеръ пробылъ у него всего два мѣсяца: канонникъ, по его словамъ, сталъ ненавистенъ ему за неблаговидные поступки. Какъ бы то ни было, онъ благодаря какому-то Меньчинскому поступилъ отъ него въ дворню сына короннаго мечника Бѣлинскаго.

Съ Бѣлинскимъ онъ уѣхалъ въ Варшаву, но пробылъ и у него недолго, потому что отецъ Бѣлинскаго отказался принять его въ свою дворню. Таннеръ остался безъ средствъ, но судьба его выручила. Виленскій каштелянъ Котовичъ «спасъ его отъ нищеты», принявъ къ себѣ на службу.

Съ Котовичемъ онъ ѣздилъ на областной сеймъ въ Вильну, а оттуда воротился въ Варшаву. Здѣсь 14 января 1677 г. открылся сеймъ, на которомъ постановили оставаться въ мирѣ съ сосѣдними государствами и снарядить посольства въ Австрію, Турцію и Москву. Въ Турцію долженъ былъ отправиться посломъ воевода холмскій Янъ Гнинскій; по возвращеніи его положено было отправить посольство и въ Москву, иначе боялись, что султанъ можетъ Гнинскаго задержать. Послами въ Москву были назначены двое: Черторыйскій и Сапѣга, а при нихъ секретаремъ Іеронимъ Комаръ, ѣздившій и прежде (1673 г.) въ Москву.

Таннеръ почему-то интересовался Турціей и, желая отправиться вмѣстѣ съ Гнинскимъ, завелъ знакомство въ его свитѣ. Онъ уже разсчитывалъ уѣхать, какъ вдругъ судьба измѣнила его планъ: безо всякаго будто бы съ его стороны повода на него напали челядинцы подскарбія великаго княжества Литовскаго Сапѣги (брата посла) въ Краковскомъ предмѣстьѣ и изранили его. Раны были настолько тяжелы, что ему пришлось вылежать шесть недѣль, а Гнинскій въ это время уѣхалъ. Тогда Таннеръ, по его словамъ, дерзнулъ на бо́льшее—вмѣсто Турціи задумалъ побывать въ Россіи. Для этой цѣли онъ поступилъ въ дворню князя Михаила Черторыйскаго.

Князю пришлось ждать долго. Посольство Гнинскаго, отправленное въ Маѣ 1677 г., было допущено въ Константи-

нополь только въ январѣ 1678 года. Въ это время при дворѣ Черторыйскаго происходили сборы. Тщеславные магнаты въ такихъ случаяхъ не жалѣли средствъ. Послы, какъ разсказывалъ послѣ московскому приставу Ефимьеву одинъ православный шляхтичъ Савостьянъ Каменскій изъ свиты Черторыйскаго, закладывали города свои и затяга́ли шляхту своими деньгами, чтобы идти люднѣе. Сапѣга, напримѣръ, заложилъ три города.

Посольство двинулось въ путь только въ февралѣ 1678 года. Началась ростепель, дороги испортились, ѣхать приходилось медленно. Только въ началѣ апрѣля прибыло оно къ московскимъ предѣламъ.

Въ Москвѣ были очень недовольны пріемомъ, оказаннымъ въ Польшѣ нашимъ посламъ Волынскому (1672 г.) и Чаадаеву (1677 г.). Чаадаеву не было встрѣчи, корму и подводъ не давали. Такой же пріемъ хотѣло сдѣлать Московское правительство и польскимъ посламъ.

На извѣщеніе пословъ о томъ, что они приближаются къ московскимъ предѣламъ, изъ Смоленска не давали отвѣта. Послы не стали дожидаться и перешли рубежъ. Буйная дворня, конечно, не могла идти мирно. Съ первыхъ шаговъ поляки стали грабить: во дворцовомъ селѣ Досуговѣ и иныхъ мѣстахъ «имали сильно» конскіе кормы—овесъ и сѣно и чинили всякія обиды уѣзднымъ людямъ. Въ виду этого Смоленскій воевода Юрій Урусовъ на свой страхъ послалъ имъ навстрѣчу голову смоленскихъ стрѣльцовъ Василья Чадуева, за что впослѣдствіи и получилъ строгій выговоръ: «то вы учинили не гораздо, что не дождались по отписки своей нашего, великаго государя, указа о пріемѣ пословъ на рубежѣ, послали пристава и принять велѣли, а вамъ было въ такое великое дѣло безъ нашего, в. г—я, указа вступаться не довелось».

Въ Смоленскѣ пословъ задержали на цѣлую недѣлю. Задержали на нѣсколько дней и въ Вязьмѣ въ ожиданіи высланнаго изъ Москвы, но запоздавшаго пристава, стряпчаго Никифора Ефимьева. Онъ имѣлъ такой же наказъ—всячески задерживать пословъ на пути, говоря, что о такомъ

скоромъ ихъ приходѣ не было извѣстно, что мостовъ не починено, подводъ нѣтъ, и стараться придти съ ними на подхожій станъ къ Москвѣ не ближе 9-го мая.

Ефимьевъ пословъ принялъ и объявилъ имъ поденный кормъ и жалованье—въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ давали и Волынскому въ Польшѣ. Послы были недовольны, жалованья и кормовъ не приняли. Ефимьевъ старался точно исполнить наказъ, но послы не хотѣли ничего слушать: просили подводъ «съ шумомъ великимъ», спѣшили идти. Однако на подхожій станъ къ Москвѣ всеже прибыли согласно съ даннымъ приставу Ефимьеву наказомъ не раньше первыхъ чиселъ мая.

Мая 15-го (нов. ст.) посольство торжественно въѣхало въ Москву, а 20-го представлялось государю.

Послы провели въ переговорахъ почти три мѣсяца. Таннеръ въ это время знакомился съ Москвой, съ ея обитателями; особенно подружился онъ съ нѣмцами изъ Нѣмецкой слободы. Онъ научился говорить по-русски, но судя по тѣмъ мѣстамъ сочиненія, гдѣ у него встрѣчаются русскія слова, кажется, довольно плохо. Въ Москвѣ его приглашали на русскую службу въ виду того, что онъ зналъ пять языковъ: чешскій, польскій, нѣмецкій, латинскій и итальянскій, но онъ отказался.

Поведеніе посольской свиты во время пребыванія въ Москвѣ, повидимому, было далеко не безукоризненно. Такъ, кто-то изъ посольскихъ завелъ связь съ москвитянкой; результатомъ было то, что она зарѣзала своего мужа и сама была казнена; затѣмъ, вопреки запрещенію иноземскаго приказа, состоялась свадьба посольскаго лейтенанта съ принявшей католичество нѣмкой—молодые, какъ кажется, и укрыты-то были отъ властей на посольскомъ подворьѣ; наконецъ и самъ Таннеръ возбудилъ безпокойство въ боярахъ своимъ неумѣстнымъ разговоромъ съ какимъ-то московскимъ священникомъ о крестномъ знаменіи (см. XIX гл). По окончаніи переговоровъ посольству сейчасъ же было велѣно оставить Москву. 24-го августа послы выѣхали, а въ октябрѣ уже были въ Польшѣ.

Въ январѣ 1679 года открылся въ Гроднѣ сеймъ. Таннеръ нѣсколько разъ былъ на немъ, но отъ большаго крика никогда не могъ понять, о чемъ собственно шло дѣло. «Три раза случалось, говоритъ онъ, что сенаторы съ протестами уходили и дѣлали попытку сорвать сеймъ, но тайно подкупленные, возвращались снова. Про это узнали другіе, менѣе значительные члены; надѣясь тоже заработать деньги, они прибѣгали къ разнаго рода протестамъ; оттого-то сеймъ и затянулся до Пасхи».

Марта 17-го Таннеръ разстался съ Черторыйскимъ и поступилъ къ люблинскому воеводѣ, съ которымъ и уѣхалъ въ Варшаву. Но здѣсь ему не нравилось: у воеводы все было лишь на—показъ, а дома приходилось жить впроголодь.

Онъ служилъ у воеводы недолго. Въ это время изъ Варшавы въ Вѣну уѣзжалъ цезарскій посолъ графъ Альтгеймъ. Таннеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вернуться на родину. Въ Прагу онъ пріѣхалъ 8-го мая 1679 года, пробывъ на чужбинѣ около трехъ лѣтъ.

Сношенія его съ Россіей впрочемъ не прекратились. Въ 1682 г. его друзья изъ Нѣмецкой слободы извѣстили его письмомъ о происшедшемъ въ Москвѣ переворотѣ (см. XXIII гл.).

Вѣроятно онъ былъ живъ еще въ 1689 г., когда вышла его книга въ Нюрембергѣ.

Когда онъ умеръ—неизвѣстно.

Таннеръ отнюдь не принадлежитъ къ числу первостепенныхъ писателей о Россіи, но достоинство его въ томъ, что онъ не переписывалъ у другихъ. Онъ глухо говоритъ въ предисловіи, что его сочиненіе содержаніемъ не ново, а судя по его книгѣ, онъ не былъ знакомъ ни съ однимъ извѣстнымъ въ его время сочиненіемъ о Россіи. Даже такое извѣстное сочиненіе, какъ записки Герберштейна, и то стало ему немного извѣстно навѣрное лишь по разсказамъ его пріятелей изъ Нѣмецкой слободы, у которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ Крижаничъ (см. Русск. Госуд. въ XVII в., разд. X)

имѣлись подобнаго рода книги. Думаю, что разсказъ его о первыхъ временахъ поселенія иностранцевъ въ Москвѣ дошелъ до него именно этимъ путемъ. Худо ли, хорошо ли, но онъ писалъ свое, что слышалъ и что видѣлъ.

Кто знакомъ съ сочиненіями иностранцевъ о Россіи, тотъ знаетъ, каковъ ихъ вообще характеръ, какъ они относятся въ большинствѣ случаевъ къ Россіи. Таннеръ не составляетъ исключенія, и гдѣ онъ высказываетъ свои сужденія, тамъ почти вездѣ виденъ лишь легкомысленный иностранецъ, мало знакомый съ русскимъ языкомъ, народомъ и страною. Надо впрочемъ замѣтить, что много сужденій высказываетъ онъ явно подъ вліяніемъ враждебныхъ намъ поляковъ и нѣмцевъ изъ Нѣмецкой слободы. Отношенія поляковъ къ намъ не были никогда дружественны, а въ то время, когда исконныя русскія области отходили отъ Польши къ Россіи, тѣмъ менѣе. Поляки не скрывали своихъ чувствъ къ русскимъ, а русскіе къ полякамъ, какъ это засвидѣтельствовалъ и самъ Таннеръ (см. XVII главу). Неуступчивость бояръ на переговорахъ съ послами, конечно, не могла нравиться полякамъ. Таннеръ, служа ихъ вѣрнымъ отголоскомъ, во всемъ винитъ бояръ—ихъ непостоянство, несогласіе и упорство, хотя въ несогласіи, конечно, было бы справедливѣе винить польскихъ пословъ—Черторыйскаго съ Сапѣгэй. Свою XIX главу «О нравахъ москвитянъ и состояніи страны» (которой, если правду сказать, слѣдовало бы дать названіе поскромнѣе) онъ начинаетъ такъ: «нравы этого народа, сколько я замѣтилъ за время своего пребыванія, до того грѣшатъ непостоянствомъ, что по какому-то таинственному свойству мѣняются съ луною и подлинно заслуживаютъ названія ея подобія». Но оканчиваетъ ее еще болѣе несправедливымъ отзывомъ: «Удивительно, что въ теченіе 15 недѣль я не могъ замѣтить въ москвитянахъ ничего добродѣтельнаго или пріятнаго, или хоть сколько-нибудь похожаго на истинное благочестіе. Я вынужденъ поэтому сказать, что въ большинствѣ случаевъ они лукавы, развратны, обманчивы, надувалы, вѣроломцы, вздорливы, разбойники и человѣкоубійцы, такъ что если въ надеждѣ на прибытокъ или полученіе денегъ, убьютъ чело-

вѣка да поставятъ за его душу зажженную свѣчку въ церкви, то считаются свободными и наказанію неподлежащими». Мнѣ кажется, что послѣднимъ отзывомъ Таннера о нашихъ предкахъ обязаны мы главнымъ образомъ протестантамъ-нѣмцамъ, съ которыми онъ велъ бесѣды. Конечно, находившіеся на царской службѣ обитатели Нѣмецкой слободы сообщили ему и басню о происхожденіи князей Долгорукихъ (см. гл. XXII). Конечно, съ ихъ же словъ, Таннеръ берется судить о нравственности московскихъ монахинь и авторитетно говоритъ, что не можетъ ничего сказать къ ихъ чести. Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ онъ и со словъ русскихъ, но плохо понимая по-русски, явно ихъ искажаетъ. Такъ исказилъ онъ слова, вѣроятно, пристава Ефимьева о пребываніи царицы подъ Вязьмою во время чумы; она, оказывается, будто бы тутъ умерла и погребена. Онъ увѣряетъ, будто бы ему москвитяне говорили, что при освященіи воды въ рѣкѣ купающіеся младенцы пріобщаются крещенію, а всѣ грѣшники получаютъ отпущеніе грѣховъ и проч.

Сочиненіе его имѣетъ интересъ и значеніе тамъ, гдѣ онъ, не мудрствуя лукаво, пишетъ, какъ очевидецъ. Таково наглядное описаніе пути посольства отъ предѣловъ Польши до Москвы, описаніе посольскаго въѣзда, посольскаго подворья, пріема пословъ царемъ, города Москвы (одно изъ самыхъ подробныхъ), впечатлѣнія, какое производили переговоры съ боярами на самихъ пословъ и на ихъ свиту, отъѣзда пословъ.

Сужденія и осужденія въ сочиненіи Таннера могутъ характеризовать не столько нашихъ предковъ, сколько тѣхъ, кто ихъ внушилъ. Все, что дышитъ злобой и несправедливостью, отпадаетъ само собою, а за невольныя ошибки и винить нельзя. Не будемъ и мы обвинять автора за то, отъ чего онъ не воздержался, а лучше поблагодаримъ за то, что онъ былъ въ состояніи дать.

—

По Аделунгу, есть изданіе Таннерова сочиненія 1680 года. Я знаю лишь изданіе 1689 года, вышедшее въ Нюренбергѣ, подъ заглавіемъ: Legatio Polono-Lithuanica in

Moscoviam potentissimi Poloniae regis ac reipublicae mandatu et consensu anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter, sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato Bernhardo Leopoldo Francisco Tannero, Boemo Pragense, Dn. Legati Principis Camerario Germanico. Norimbergae sumptibus Iohannis Ziegeri. Anno 1689. Оно довольно неисправно: много опечатокъ и искаженій, есть даже пропуски словъ.

Къ книгѣ приложены рисунки:

1) Конь подъ сѣдломъ съ конюхомъ и конскія украшенія (цѣпи, подковы).

2) Изображеніе мальчика и (довольно неуклюжее) двухъ фигуръ въ верхней одеждѣ съ длинными рукавами.

3) Качели.

4) Изображеніе таракана (caracan).

5) » польской сѣкиры (obuch).

6) » крылатыхъ высланныхъ на встрѣчу посламъ всадниковъ.

7) » оружія рындъ.

8) Красная площадь.

9) Какая-то церковь со звонницей, фигура молящагося москвитянина, церк. Вас. Блаженнаго.

10) Бердыши стрѣльцовъ и ножи (culter).

11) Желѣзка, употребляемая для игры (см. гл. XIX).

12) Планъ Москвы.

Порусски изъ сочиненія Таннера были переведены лишь отрывки:

Въ Вѣстн. Европы, 1826, №№ 8, 21, 22, 23, 24, главы IX и XIV.

Въ Журн. М. Нар. Просв., 1837, ч. 15-я; изложено кратко все сочиненіе, переведена же (впрочемъ съ выпусками) XIX глава.

Въ Москов. Губ. Вѣдомост. 1842 г. (заимств. изъ Вѣстн. Евр. 1826 г. о посольск. подворьѣ).

Въ Костр. Губ. Вѣдом. 1843, №№ 30 и 31 (перепеч. изъ Москов. Губ. Вѣд.).

Сѣверн. Обозрѣніе 1849 г., № 1.

Былъ переводъ, которымъ пользовался для своей исторіи царствованія Ѳеодора Алексѣевича Берхъ; онъ былъ сдѣланъ Алоизіемъ Леонтьевичемъ Неверовскимъ. Берхъ сдѣлалъ много изъ него заимствованій.

О Таннерѣ см. у Замысловскаго, Царств. Ѳеод. Алексѣевича. Обзоръ источниковъ, стр. 206—208.

Ригера, Slownik naučny.

Матеріаломъ для примѣчаній, кромѣ указанныхъ источниковъ, послужили документы Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностран. Дѣлъ, которые много помогли переводчику.

И. Ивакинъ.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

въ

МОСКОВІЮ,

по указу и соизволенію короля польскаго и рѣчи посполитой благополучно предпринятое въ 1678 году, а нынѣ кратко, но обстоятельно описанное очевидцемъ

Бернгардомъ Леопольдомъ Францискомъ Таннеромъ,

пражскимъ чехомъ, пана князя посла дворецкимъ германскимъ.

ВЪ НЮРЕМБЕРГѢ
иждивеніемъ Іоанна Цигера
въ 1689 году.

Пречестной Небесной Владычицѣ,
Преславной Матери-Дѣвѣ,
Пресвятой Богородицѣ

Маріи,

въ своемъ ченстоховскомъ образѣ
чудотворящей,
демоновъ сокрушающей,
адскаго дракона побѣждающей,
бѣсноватыхъ избавляющей,
несчастныхъ утѣшающей,
подъ благимъ водительствомъ коей совершено сіе путешествіе,

въ честь и во славу
съ благоговѣніемъ приноситъ

ея божественному величеству,

земно преклоняясь, изъ рабовъ

наименьшій

Бернгардъ Таннеръ.

Благосклонному и любознательному читателю привѣтъ!

Лишнимъ считаю, благосклонный читатель, хвалить то, что съ давняго времени практиковалось—писать похвальное слово путешествію. Вотъ вкратцѣ славное Исократово наставленіе о путешествіи: не стыдно даже большое путешествіе предпринять и къ варварамъ, коли можно отъ нихъ чему поучиться. Дурно было бы ради презрѣнной прибыли изъѣздить столько морей, а совершить путешествіе по сушѣ для украшенія и облагороженія души не захотѣть.

Я съ своей стороны былъ того убѣжденія, что истинная слава учености и ума пріобрѣтается не изъ однѣхъ только книгъ, но и изъ практики и опыта, какъ наилучшаго во всемъ наставника. Вѣдь не тѣ только мудры, кто начитавшись книгъ, претендуетъ на ученость, а гораздо болѣе тѣ, которые, отложивъ въ сторону многое другое, извѣдали на дѣлѣ превратности судьбы, жили долго внѣ отчизны, ознакомились съ обычаями разныхъ странъ, государствъ и людей, видѣли разныя формы жизни и прочія достопримѣчательности, привлекающія вниманіе путешественниковъ.

Обдумавъ совѣтъ Исократа, я объѣздилъ сначала Германію съ Италіей, а затѣмъ предпринялъ трудную и опасную поѣздку въ менѣе просвѣщенные края сѣвера—въ Россію и Московію, краткое повѣствованіе о чемъ и рѣшился издать по настоянію своихъ друзей.

На содержаніе сочиненія, трактующаго о варварахъ, не новое да литературно и не обработанное, прошу тебя благосклонный читатель, не погнѣвись: вѣдь и взялся-то за него писатель, по языку и перу тоже варваръ, лишь бы чему-нибудь тебя научить. Какъ одежду слѣдуетъ всегда цѣнить не за роскошь или щеголеватость, а больше за пригодность, такъ да послужитъ тебѣ на пользу и это сочиненіе, изданное ради только твоего блага. Пользуйся имъ, благосклонный читатель, и не поминай автора лихомъ.

I.

Путь отъ Праги до Варшавы.

Разъ овладѣвшая моей душею страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, не давая мнѣ покою, имѣла послѣдствіемъ то, что я, въ юбилейный годъ [1]) посѣтивъ сперва Италію, въ 1676 году рѣшилъ опять покинуть свою родину—Прагу и Чехію и отправиться въ дальніе края. Итакъ 6-го іюня, сказавъ дружеское „прости“ своимъ роднымъ и знакомымъ, я присоединился въ сопутники къ нѣкоему варшавскому канонику и по его маршруту, черезъ Кенигрецъ, Глацъ, а затѣмъ въ Силезіи черезъ Вратиславль, Бригу, Ополье, Тарновицы и иные города достигъ песчаныхъ предѣловъ Польши и наконецъ матери польскихъ городовъ Кракова. Городъ этотъ, отстоящій отъ Праги на 72 мили, красуется величественностью королевскаго замка и великолѣпною издали панорамою храмовъ и иныхъ зданій; внутри же на улицахъ загаженъ грязью и нечистотой. Обнесенный очень старинными стѣнами, опоясанный обширными предмѣстьями [2]), онъ лежитъ при подошвѣ холма, гдѣ находится упомянутый королевскій замокъ, хорошо укрѣпленный стѣнами и прочими военными приспособленіями, служащими и для обороны всего города. Въ немъ есть храмы, замѣчательные величиной, постройкой и священной, весьма дорогой утварью; между ними въ королевскомъ замкѣ соборъ св. Станислава [3]),

---

[1]) Юбилейное торжество (15-е по счету) было при папѣ Климентѣ X въ 1675 году.

[2]) Въ началѣ XIX стол. Краковъ обнесенъ былъ стѣною съ 46 башнями; теперь остались только Флоріановы ворота, построенныя въ 1498 г. — Предмѣстья Кракова: Страдомъ, Клепаржъ, Весола, Пясекъ, Смоленскъ, Рыбаки, Велеполе.

[3]) Когда построенъ соборъ св. Станислава—неизвѣстно, но теперешній свой видъ получилъ въ 1320—59 г.—Св. Станиславъ, патронъ Польши, род. въ 1030 г., учился въ Гнѣзнѣ и Парижѣ. Въ 1071 сталъ епископомъ Краковскимъ,

епископа и мученика, замѣчателенъ олтаремъ, священными его останками и при нихъ многочисленными и дорогими пожертвованіями по обѣту, хотя онъ и старинной постройки да и довольно теменъ. Второй за нимъ — храмъ св. Маріи фасадомъ своимъ, башнею и часами украшаетъ площадь; внутри же отличается благолѣпіемъ жертвенниковъ и прочей утвари и потому усердно посѣщается народомъ. [4]) Еще удивительнѣе то, что всѣ, одержимые нечистымъ духомъ (по-тамошнему opentanii), при входѣ въ этотъ храмъ, распознаются по какому-то знаку въ ту же минуту, хотя бы о томъ прежде и не было никому извѣстно. Въ тѣхъ краяхъ бѣсноватыхъ необыкновенно много; валяясь на-земи (иногда для собиранія милостыни и обманщики принимаютъ личину бѣсноватыхъ), они оглашаютъ безпорядочными криками площади и храмы. Когда священникъ у жертвенника выноситъ тѣло Господа нашего къ народу, они оглашаютъ къ ужасу все страшнымъ свистомъ, ржаніемъ, воемъ и всякими нечеловѣческими криками. Нечего впрочемъ особенно дивиться на множество этихъ несчастныхъ: извѣстно, что у этого народа нѣтъ ничего обычнѣй, какъ желать даже близкому человѣку, если кто считаетъ себя обиженнымъ словомъ или дѣломъ, лихой болѣзни и—величайшаго изо всѣхъ золъ—самого демона въ тѣло. Bug dai zibiz sto dziabluno siad—дай Богъ тебѣ сто дьяволовъ съѣсть.

По срединѣ краковской прощади красуется городская ратуша, замѣчательная какъ величиною, такъ и наружной и внутренней красотою. Кругомъ нея много разнаго рода богатыхъ торговцевъ, расположившихъ среди грязи свои лавки въ приличномъ порядкѣ [5]). По прибытіи въ Краковъ, едва пріѣхали мы на эту площадь—смотримъ, въ толпѣ солдатъ вдругъ начинается ссора. Грустное было зрѣлище, несчастный тотъ солдатъ въ толпѣ, котораго ожидала погибель! Онъ далъ своему болѣе сильному противнику выхватить у себя бердышъ (родъ острой сѣкиры), которымъ защищался отъ нападенія толпы, вслѣдъ затѣмъ своей же собственной сѣкирой получилъ сильный ударъ въ

въ 1079 по приказу короля Болеслава Смѣлаго, котораго онъ обличалъ за безнравственные поступки, былъ уб. въ Краковск. церк. св. Михаила за обѣдней. Канонизованъ при папѣ Иннокентіи въ 1253 г.

[4]) Церковь св. Маріи построена въ 1226 г. въ готическомъ вкусѣ; при ней—башня вышиною въ 73 метра.

[5]) Эта ратуша была сломана въ 1820 г.; уцѣлѣла отъ нея одна башня. На площади есть и суконныя лавки—прежній суконный базаръ. См. All. Encycl. d. Wissen. u. Kunst. v. Ersch u. Gruber.

голову, повалился бѣдняга и при дикихъ рукоплесканіяхъ жестокосердой толпы испустилъ духъ. Бездыханнаго, обагреннаго собственной кровью, его взяли, завернули въ плащъ, вынесли изъ города и зарыли. Я стоялъ тутъ же, дивясь на это жестокое своеволіе: нечестивый человѣкоубійца даже не былъ посаженъ въ тюрьму, а стоялъ себѣ свободно на площади! Когда я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ по поводу этой дерзости, то получилъ отвѣтъ, что это польская вольность.

Здѣсь на два мѣсяца задержалъ меня мой сопутникъ, коего я сначала уважалъ, а потомъ возненавидѣлъ за его неблаговидные поступки (дошедши наконецъ до вѣроотступничества, онъ съ чужой женою бѣжалъ къ еретикамъ). Онъ заставилъ меня прервать съ нимъ отношенія, и я, принятый славнымъ Казиміромъ Меньчинскимъ и отрекомендованный имъ младшему сыну короннаго мечника Бѣлинскаго, уѣхалъ въ его свитѣ въ Варшаву.

11-го августа пріѣхали мы въ ченстоховскій монастырь ордена св. Павла—первопустынника, мѣсто прославленное чудотворной иконой блаж. Дѣвы. Оно хорошо ограждено скалами и расположено на холмѣ; отъ Кракова отстоитъ на 11 миль. Замокъ отлично защищенъ укрѣпленіями и постоянно охраняется многочисленнымъ гарнизономъ; паче же всего огражденъ онъ заступленіемъ св. Богородицы—Дѣвы, коей храмъ, замѣчательный величиною и колокольней, находится въ серединѣ [6]). Правдивая молва, думаю, не утаила ни отъ кого тѣ многія и великія чудеса, кои Богъ соизволяетъ творить при тамошней иконѣ Маріи; написалъ ее, какъ гласитъ привѣшенная тутъ же табличка, св. Лука и притомъ кипарисная дска, на коей она видна и нынѣ, есть та самая, которая служила св. Матери-Дѣвѣ по окончаніи времени страданія ея искупителя-сына [7]).

---

[6]) Св. Павелъ, подвижн. египетскій, ум. 341 г. Тѣло его изъ Египта было перенесено въ Константинополь, потомъ въ Венецію и наконецъ въ Офенъ въ Венгріи.—Въ 1382 г. сынъ венгерск. и польскаго короля князь Владиславъ построилъ въ Ченстоховѣ каменную церковь и монастырь, куда призвалъ изъ Венгріи монаховъ-павликіанъ. При Сигизмундѣ III въ Ченстоховѣ сооружено укрѣпленіе, а въ 1644—50 году къ храму, гдѣ находится икона Ченст. Богоматери, пристроенъ былъ костелъ, существующій доселѣ. Въ 17 ст. монастырь безуспѣшно осаждали шведы. Крѣпость была усилена въ 1657 г.

[7]) Икона Ченстоховской Богоматери писана по преданію св. Лукою. Въ 72 г. во время разоренія Іерусалима икона уцѣлѣла вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ она хранилась. Въ 320 г. вмѣстѣ съ обрѣтеннымъ крестомъ она б. перенесена императ. Еленою въ Константинополь, гдѣ пробыла около 800 лѣтъ. Какъ она пе-

Я напрасно потратилъ бы трудъ, если бы сталъ исчислять всюду прославленное множество совершенныхъ тамъ чудесъ и разсыпанныя щедротами жертвователей сокровища. Въ числѣ первыхъ сокровищъ считается тамъ одно блюдо для евхаристіи, вѣсомъ 14 фунтовъ чистаго золота (оно обыкновенно называется monstrantia), которое за художественную работу и обиліе восточныхъ камней цѣнится весьма дорого и стоитъ, какъ утверждаютъ, 100,000 талеровъ.

Тутъ на богомольи мы пробыли одинъ день. Продолжая затѣмъ путь, мы поспѣшили къ намѣченной нами цѣли—въ Варшаву. Черезъ 42 мили показались высокія башни, заставлявшія предполагать о великолѣпіи построекъ и о значительности всего города. Однако весь городъ, обнесенный старинной стѣною, состоитъ лишь изъ 6 довольно впрочемъ большихъ улицъ и одной площади; значительность же Варшавѣ придаетъ обширное предмѣстье—населенное непростымъ людомъ и довольно красивое; у обывателей зовется оно Краковскимъ. Въ немъ виднѣются красивыя палаты магнатовъ, чудесные сады и въ нихъ прославленные фонтаны.

Едва въѣхавъ со мною въ городъ, мой юный путеводитель панъ Бѣлинскій сейчасъ же направился къ своему вельможному родителю, коронному мечнику, и объявилъ, что я поступилъ къ нему въ дворню. Родитель наотрѣзъ отказался держать меня въ дворнѣ, и я былъ принужденъ разстаться съ сыномъ и съ его искреннѣйшимъ ко мнѣ расположеніемъ. Покинутаго уже всѣми, благое провидѣніе привело меня къ вельможному Котовичу, каштеляну виленскому, который по своему радушію къ чужеземцамъ и благородству высокой души, давъ мнѣ у

решла изъ Константинополя—разсказываютъ разно: одни говорятъ, будто ею благословили сестру свою Анну царн Василій и Константинъ при отъѣздѣ ея на Русь; икона будто бы пребывала въ Кіевѣ, а потомъ перенесена въ Бельзъ; другіе—что импер. Никифоръ подарилъ ее Карлу Великому въ благодарность за помощь противъ сарацинъ, что она находилась въ Аквигранѣ на Рейнѣ, а потомъ перешла къ русск. князю Льву, имѣвшему земли въ Червон. Руси, тожс въ благодарность за охраненіе имъ западныхъ странъ отъ монголовъ, и что она хранилась въ Бельзскомъ замкѣ до послѣдней четверти 14 вѣка; третьи—что изъ Константинополя она перешла въ славянскія княжества, побывала и въ Галиціи, и въ Моравіи, и въ Чехіи, и на Руси; она перенесена, будто бы была св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, по родственнымъ связямъ досталась опольскому князю Владиславу, который и перенесъ ее въ Ченстохово. Несомнѣнно одно, что икона съ православнаго востока и была присвоена католиками отъ православныхъ. См. Ченстох. икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881.

себя приличную должность, спасъ отъ пищеты и не усумнился выбрать провожатымъ въ Вильну, куда приходилось ему ѣхать на тамошній сеймъ. Этотъ великодушный мужъ, изъѣздивъ бо́льшую часть Германіи и даже Чехію, изъ своихъ странствій вынесъ уваженіе и къ моей родинѣ.

II.

Поѣздка въ Вильну, а потомъ на сеймъ.

По пути не встрѣчалось намъ красивыхъ городовъ. Попалось одно селеніе болѣе прочихъ замѣчательное—Прага почти все (за исключеніемъ Лоретскаго собора, довольно обыкновеннаго) деревянное, каковы были и всѣ прочіе городки и крѣпости, которые мы на этомъ пути проѣзжали. Напередъ же всего намъ пришлось переправляться черезъ р. Вислу, текущую самой Варшавой и впадающую въ море въ Гданскѣ.

Въ 26 миляхъ отсюда встрѣтили мы г. Тыкоцинъ, застроенный тоже деревянными домами и переполненный плутами евреями. Онъ кое-какъ защищенъ Литовской рѣкою Наревомъ да старинной стѣной, воздвигнутой по берегу близъ лежащаго озера. Въ 15 миляхъ отъ него мы не безъ опасности перебрались черезъ быструю рѣку Нѣманъ, и были рады, что доѣхали до г. Гродны. У туземцевъ р. Нѣманъ пользуется очень дурной славой: опытомъ многихъ предшествовавшихъ лѣтъ дознано, что каждый годъ здѣсь тонетъ обыкновенно по меньшей мѣрѣ по десятку, а въ старину такъ и по пяти десятковъ человѣкъ. На самой ея серединѣ намъ тоже грозила опасность: по польскому обыкновенію, мы сложили лошадиныя сѣдла въ ладью, а сами, сидя въ ладьѣ, стали переправлять за собою лошадей вплавь; одна лошадь, барахтаясь и карабкаясь въ ладью, раскачала ее и затопила такъ, что она чуть было не пошла ко дну, и мы бы всѣ захлебнулись, не догадайся во-время снять съ лошади узду и пустить ее плыть назадъ къ берегу.

Г. Гродна, когда-то неплохой, сильно разоренъ московской войной—отъ него, кажется, только и остался городской мусоръ [8]). Мой вельможный патронъ показалъ здѣсь какъ, цѣнитъ онъ своего сына: сложивъ съ себя почетный санъ старосты, онъ предоставилъ его сыну.

---

[8]) Гродна существовала уже въ 12 в. и имѣла каменныя церкви. Лучшее ея время—при Баторіи, который въ ней жилъ и занимался дѣлами правленія; при немъ выстроенъ былъ и каменный замокъ. Въ 1655 г. его заняли русскіе, а потомъ владѣли имъ шведы.

Тутъ-то можно было наглядѣться на роскошь угощенія, продолжавшагося въ октябрѣ цѣлыхъ три дня. Богатый и радушный хозяинъ не только угощалъ всякими лакомыми у поляковъ яствами, но и расточалъ ихъ, повидимому, съ излишкомъ. Гостей тоже наѣхало немало: не только столовыхъ, но и простыхъ комнатъ въ домѣ, казалось, не хватитъ. Множество простыхъ шляхтичей, отдѣленныхъ однакоже отъ вельможныхъ особъ, охмелѣвъ и задремавши, безъ разбору повалились, гдѣ попало—кто на лавкахъ, а кто и подъ лавками въ углахъ.

18-го октября двинулись мы изъ Гродны въ Вильну къ цѣли нашей поѣздки—на сеймъ. Проѣхавъ 24 мили мы прибыли въ Вильну. На пути нѣсколько насъ задержало грустное зрѣлище—мѣсто въ 14 миляхъ отъ Гродны; тутъ видѣли мы лишь дремучій лѣсъ, а прежде стоялъ великолѣпный городъ: о былой величинѣ его можно было судить по глубокой долинѣ, поросшей соснами и кустарникомъ, гдѣ и доселѣ еще иногда выкапываютъ сковороды, желѣзныя вещи и иной хламъ. Лѣтописи литовскія такъ говорятъ объ этомъ: здѣсь былъ городъ и отъ города не осталось ничего кромѣ мѣста; это—была республика преступныхъ гражданъ, а теперь сосновый лѣсъ. Обширный городъ поглощенъ бездной: граждане не были достойны, чтобы терпѣло ихъ государство, а государство не было достойно, чтобы терпѣла его земля: то и другое и провалилось подъ землю, дабы исчезла недостойная скверна.

Литовская столица Вильна пострадала нѣсколько отъ московской войны, но всеже въ ней немало красивыхъ домовъ и прочихъ сооруженій богатыхъ сановниковъ великаго княжества литовскаго [9]). Не послѣднее мѣсто занимаетъ соборъ, замѣчательный драгоцѣнностями и особенно мощами св. Казиміра, королевича польскаго [10]). Чтимый образъ сего блаженнаго князя, считающійся однимъ изъ главныхъ сокровищъ собора, чудеснымъ образомъ являетъ двѣ правыхъ руки, держащихъ лиліи: одну правую руку написанную безобразно помощникомъ,

---

[9]) Вильна, думаютъ, основана въ X вѣк. Въ 1323 г. Гедиминъ перенесъ сюда столицу изъ Трокъ. Въ 1364 г. построенъ первый францискан. костелъ; въ 1387 г. Ягелло заложилъ соборъ св. Станислава. Въ 1498—1506 г. построена каменная стѣна. Въ 1519 г. заведена русская типографія, а въ 1555—польская. Въ 1655 русскій воевода кн. Хованскій взялъ городъ, при чемъ значительная часть его сгорѣла.

[10]) Св. Казиміръ, сынъ короля Казиміра Ягеллона и дочери импер. Альбрехта II Елизаветы, род. 1458 г., ум. въ 1484 г. Канонизованъ папою Львомъ X въ 1521 г. См. Ригара, Slownik.

художникъ хотѣлъ было уничтожить, а вмѣсто нея написать другую получше и поискуснѣе, но не могъ—на слѣдующій же день появлялась та и другая и въ той и другой по лиліи. Есть и другія католическія церкви, правда, неплохія, но въ—перемежку съ храмами лютеранъ, кальвинистовъ и схизматиковъ и съ жидовскими синагогами.

Вся область этого города подчинена воеводѣ виленскому (онъ же и гетманъ великаго княжества литовскаго). Этотъ санъ имѣлъ въ то время ясновельможный панъ Пацъ, краса знаменитой фамиліи. У него было еще два брата, изъ коихъ одинъ по смерти жены сдѣлался епископомъ виленскимъ, а другой имѣлъ санъ канцлера въ томъ же княжествѣ литовскомъ.

Случилось, что въ это самое время пришло извѣстіе, что къ кормилу церкви избранъ (коего и нынѣ ублажаемъ) Иннокентій XI. Здѣшній епископъ хлопоталъ немало, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать это событіе. Онъ приказалъ на открытомъ мѣстѣ въ городѣ воздвигнуть обелискъ сколько возможно болѣе схожій съ римскими и иллюминовать блаженное имя новаго папы при торжественномъ звукѣ трубъ и литавровъ.

По окончаніи областнаго сейма, для коего пріѣжали мы въ Вильну, рѣчь посполитая потребовала въ числѣ прочихъ сенаторовъ и моего ясновельможнаго на универсальный и общій для всего королевства сеймъ, и потому мы снова вернулись въ Варшаву. Стояла уже давно зима, заморозившая встрѣчныя намъ рѣки—обратнымъ путемъ намъ удалось проѣхать безъ затрудненій и опасности.

Варшава, казалось, была въ восторгѣ, видя и чествуя значительную прибывшую съ нами свиту, величественный сонмъ сенаторовъ и скакавшую на коняхъ чуть не безчисленную вереницу польской шляхты. Воеводы имѣли тутъ свое поприще тщеславія, завистливо соревнуя другъ съ другомъ необыкновенной пышностью одежды какъ на себѣ и на своихъ, такъ точно и на множествѣ служителей, съ какой выѣзжали они ежедневно во дворецъ; при чемъ слѣдовавшая позади и окружавшая карету толпа челядинцевъ и солдатъ—либо драгунъ, либо по ихъ обыкновенію гайдуковъ — представляла такую пышную картину, какая заставила бы молчать самаго злобнаго зоила. Въ сеймовую избу его величество король польскій провожался вельможами королевства съ всевозможными почестями, въ великолѣпной сіявшей золотомъ и серебромъ каретѣ. Когда занялъ онъ королевскій тронъ, и свѣтскіе чины усѣлись по порядку, то принялись за государственныя дѣла и—безъ шумныхъ пререканій не разошлись ни разу! Оттого-то сеймъ, начавшійся 14-го января, и затянулся до Пасхи. Эта затяжка

тоже не положила бы конца несогласіямъ, если бы король не распорядился запереть представителей на 2 сутокъ въ палатѣ и не принудилъ такимъ страннымъ способомъ покончить со всѣми остававшимися еще дѣлами.

На сеймахъ въ Польшѣ бываетъ еще и вотъ что: пока сенаторы и вельможи королевства рѣжутся на словахъ въ королевской палатѣ, въ это время толпа вооруженныхъ челядинцевъ на прилежащемъ дворѣ, при безпорядочномъ шумѣ и крикахъ, выхватываетъ въ свой чередъ оружіе (особливо если подвыпьетъ), такъ что сеймы рѣдко кончаются безъ убійствъ, пораненій щекъ (рубить саблей въ щеку — особенно ловко) и кровопролитія.

III.

Препятствіе къ поѣздкѣ въ Турцію.

По обсужденіи дѣлъ и окончаніи сеймовой неурядицы Рѣчь Посполитая повелѣла наконецъ довести скорѣе до свѣдѣнія подчиненныхъ коронѣ областей касающійся ихъ указъ, а затѣмъ увѣдомить и сосѣднихъ монарховъ о вожделѣнномъ концѣ совѣщаній. Къ апостольскому престолу, коему слѣдовало оказать честь прежде, да вмѣстѣ и къ августѣйшему императору Римскому назначенъ былъ посломъ сіятельный князь Радзивилъ, къ турецкому султану—ясновельможный воевода холмскій, къ великому царю въ Москву—сіятельный князь Михаилъ Черторыйскій, воевода волынскій. Когда я услыхалъ, что рѣчь Посполитая снаряжаетъ столько важныхъ посольствъ, во мнѣ тоже пробудилось желаніе побывать въ отдаленныхъ краяхъ. Я постарался завязать знакомство при дворѣ ясновельможнаго воеводы холмскаго [11]). Съ нимъ бы, конечно, я и обозрѣлъ интересныя мнѣ турецкія области, если бъ за нѣсколько дней до отъѣзда не случилось со мной вотъ какой бѣды: неизвѣстно почему, безо всякаго повода съ моей стороны, на меня наскочили съ саблями челядинцы подскарбія великаго княжества литовскаго, ясновельможнаго Сапѣги, въ то время проживавшаго съ своимъ дворомъ въ Краковскомъ предмѣстьѣ. Я сталъ было защищаться, но видя, что я одинъ, а ихъ много, впрыгнулъ для спасенія жизни въ въ домъ одного поляка-портного. Озлобленные преслѣдователи напали на домъ и начали ломать окна. Желѣзная рѣшетка на окнахъ была мнѣ желанной оградой, сдерживая ихъ напоръ. Однако я и здѣсь не

[11]) Яна Гнинскаго, который былъ посломъ и въ Москвѣ въ 1672 г.

былъ въ безопасности: они такъ меня забросали каменьями сквозь рѣшетку, что куча ихъ дошла мнѣ до поясницы. Весь избитый, находясь между надеждой и страхомъ, я даже не почувствовалъ боли отъ ударовъ. Когда я отчаивался уже за жизнь, меня ударило большимъ камнемъ.... Такъ какъ бѣда возрастала, и волненіе, при вмѣшательствѣ въ ссору и постороннихъ лицъ, длилось свыше полутора часа, то была послана королевская гвардія, чтобы ихъ усмирить; началось побоище и смертоубійство.... Однако разломавъ стѣну, которая загораживала другой входъ въ ту комнату, гдѣ я находился, они снова осыпали меня градомъ камней... Получивъ ударъ въ лобъ (рубецъ на немъ такъ и останется до могилы), я упалъ безъ чувствъ... Потомъ по набросаннымъ вокругъ меня каменьямъ они ворвались внутрь и вытащили меня за волосы наружу. Очнувшись, я увидѣлъ, что меня кто-то волочетъ по всему двору, а другою рукой (дивное дѣло!), изъ сожалѣнія ко мнѣ полумертвому, обнажилъ саблю и защищаетъ отъ сабель другихъ; но я всеже получилъ двѣ раны въ голову да одну въ руку. Онъ далъ мнѣ возможность впрыгнуть въ костелъ св. Духа, стоявшій близъ стѣны, гдѣ я и возблагодарилъ Бога и ангела-хранителя, въ то время какъ на улицѣ длилось еще смятеніе, при чемъ убито было до 10 человѣкъ.

Избитый ударами камней и сабель, я вынужденъ былъ для поправленія здоровья вылежать шесть недѣль на одномъ мѣстѣ. Покойно было тѣло да безпокоенъ духъ, волнуемый, не смотря на такого рода польскіе гостинцы, желаніемъ при первой же возможности отважиться на бо́льшее—я рѣшился вмѣсто Турціи побывать въ Московіи. Все еще прикованный къ постелѣ, я съ подобающей вѣжливостью и признательностью позаботился распрощаться съ отъѣзжавшимъ уже ясновельможнымъ холмскимъ и мая 19-го 1677 г. поступилъ съ великолѣпную дворню сіятельнаго князя Черторыйскаго [12]) на должность дворецкаго.

---

[12]) Черторыйскіе ведутъ родъ отъ Ольгердова сына Коригайла и получили прозваніе отъ вотчины Черторыи. Коригайло былъ княземъ въ Черниг. и Сѣверск. области. Онъ былъ православнымъ. Его сыновья: 1) Глѣбъ или Василій, уб. подъ Вильной въ войнѣ съ Витольдомъ и нѣм. рыцарями. 2) Михаилъ—выхлопоталъ грамоту у Свидригайла на Клевань и первый сталъ писаться „княземъ на Клевани“. (Клевань—нынѣ мѣстечко въ Волынск. губ., ровенск. уѣзда). У Михаила сынъ былъ Ѳеодоръ. Сыновья Ѳеодора: 1) Александръ, воевода волынскій, началъ службу при кн. Острожскомъ, Онъ первый изъ Черторыйскихъ сталъ въ Литвѣ тяготѣть къ полякамъ, подписалъ унію въ 1569 г. 2) Иванъ имѣлъ сыновей Ивана да Юрія. Юрій перешелъ въ католичество, построилъ на Кле-

IV.

Поступленіе въ дворню отправлявшагося въ Московію посла.

Съ этимъ княземъ-посломъ я уѣхалъ въ его резиденцію Сѣдлецъ; потомъ опять ѣздилъ съ нимъ же въ Варшаву, куда онъ приглашенъ былъ на свадьбу, и вернулся съ нимъ 9-го іюля черезъ Луковъ въ Сѣдлецъ.

Лежащій въ 4 миляхъ отъ Варшавы г. Луковъ состоитъ преимущественно изъ деревянныхъ домовъ. Здѣсь и площадь и улицы и всю сосѣднюю мѣстность занимаютъ луковскіе шляхтичи (drobna szlachta lukowska). Можно было бы подумать, что жиды (которые безполезно бременятъ широкую площадь) зажгли для встрѣчи насъ иллюминацію: это засвѣтились ихъ неизвѣстно отчего загорѣвшіяся лачуги. Я бы насмѣшилъ, если бы началъ разсказывать, какой подняли они гвалтъ, какъ колотили ихъ раздраженные христіане. О положеніи этихъ плутовъ въ здѣшнихъ краяхъ надо замѣтить одно — они содержатъ большую часть корчемъ: куда, бывало, ни пріѣдешь, повсюду видишь корчмарями однихъ чистыхъ жидовъ.

Натерпѣвшись муки на 30 миляхъ, наконецъ-то мы добрались до г. Любартова, лежащаго близъ замка князя Вишнивецкаго. Миновавъ лишь въ 3 миляхъ отсюда селеніе Нѣмце, мы доѣхали до усадьбы моего князя Якубовицъ. Отсюда сопровождали своего пана на богомолье въ Люблинъ, а потомъ вернулись опять въ Якубовицы.

Г. Люблинъ, обнесенный стѣнами, надо причислить къ первымъ городамъ этого края. Самый городъ малъ, зато отовсюду окруженъ каменными кругами населенныхъ почти одними жидами предмѣстій, изъ коихъ одно называется Краковскимъ, а другое — Варшавскимъ, думаю, отъ дороги, ведущей къ упомянутымъ городамъ. Городъ этотъ слѣдуетъ похвалить въ двухъ отношеніяхъ—за красоту зданій и благолѣпіе церквей, изъ коихъ особенно замѣчательна доминиканская церковь, высокая и красивая; главная же ея достопримѣчательность— довольно большая частица отъ спасительнаго креста Искупителя на-

---

вании костелъ, водился съ іезуитами, даже основалъ іезуитскую коллегію въ Виницѣ на Волыни. Ум. въ 1616 г. Сыновья его: 1) Николай, воевода волынскій, ум. въ 1662 г. 2) Флоріанъ, епископъ гнѣзненскій, и 3) Михаилъ, воинъ, дипломатъ и судья. Онъ-то и ѣздилъ посломъ въ Москву въ 1678 г. Въ Чернелицѣ въ Галичинѣ онъ основалъ доминиканск. монастырь, а въ Каменцѣ Подольскомъ—іезуитскую коллегію. См. Ригера, Slownik.

шего, унесенная тайно откуда-то изъ областей схизматиковъ однимъ монахомъ, тоже схизматикомъ. Монахъ проходилъ Люблиномъ въ намѣреніи отнести ее въ иное мѣсто, но почувствовалъ, что она такъ къ сему мѣсту прикрѣпилась, что ее ужъ нельзя было отторгнуть никакой человѣческой силою—они нынѣ и обладаютъ этимъ великимъ сокровищемъ животворящаго древа. Непрестанное поклоненіе сей святынѣ побудило затѣмъ воздвигнуть довольно красивый храмъ, куда и донынѣ стекаются богомольцы [13]).

По обозрѣніи всѣхъ тамошнихъ достопримѣчательностей намъ велѣно было 9-го августа направиться въ помѣстье моего князя, въ то время владѣльца—Данишевъ. На перепутьи мы заѣзжали въ г. Петровинъ, лежащій на Вислѣ, гдѣ презящный храмикъ во имя св. Станислава хранитъ память о его чудѣ: обвиненный въ неправильномъ присвоеніи нѣкоей усадьбы, тамъ онъ во свидѣтельство правоты своей воскресилъ схороненнаго три года назадъ шляхтича, по имени Петра Петровина, который и сказалъ, что та усадьба принадлежала нѣкогда ему, а потомъ была продана имъ законнымъ порядкомъ св. Станиславу, и снова вернулся въ могилу, умерши вторично. Чтобы сохранить это чудо отъ забвенія, надпись на мраморной доскѣ гласитъ о немъ слѣдующее:

Здѣсь
трехгодовалаго трупа кости
по гласу великаго священнослужителя,
природѣ и міру на диво,
живыми возстаютъ,
и Христово наслѣдіе свидѣтельствомъ мертвыхъ Христу усвояется.
Кто бы ты ни былъ,
достояніе алтарей святотатственно
похищающій, задерживающій, присвояющій,
взирай, возвращай, берегись!

Помолившись, какъ подобало, въ семъ святомъ мѣстѣ, мы переѣхали Вислу и закончили свое путешествіе въ Данишевѣ.

---

[13]) Объ этой части креста Господня извѣстный ревнитель уніи (въ полов. 17-го в.) холмскій еписк. Іаковъ Суша писалъ: „хорошо извѣстно польскому народу, что часть Божія древа Креста Господня, которая по величинѣ больше той, какая находится въ Римѣ, во время войны русскихъ съ поляками взята была послѣдними изъ Кіева и перенесена была въ Люблинъ къ отцамъ доминиканскаго ордена“. См. Ченст. икона и церковь въ гор. Ченстоховѣ. Вильна, 1881 г.

Радость князя съ княгиней по поводу благополучнаго прибытія во-свояси омрачена была вѣстью о чумѣ въ Варшавѣ. Княгиня плакала въ страхѣ за своего любимаго сына, воспитывавшагося тамъ на попеченіи друзей, и задумала снова ѣхать въ Варшаву съ немногими провожатыми, въ числѣ коихъ мнѣ пришлось быть казначеемъ.

12 августа мы двинулись рѣкою и пріѣхали сначала въ Казимѣржъ—городъ, обнесенный каменной стѣной, на берегу Вислы, гдѣ платятъ пошлину съ привозимыхъ рѣкою товаровъ. Все изъ той же боязни заразы никому не было разрѣшено сойти на берегъ. На лѣвомъ берегу видѣли мы Пулавскій замокъ, великолѣпный, окруженный прелестными садами, считающійся однимъ изъ главныхъ имѣній сіятельнаго князя Любомірскаго, главнаго короннаго маршала; потомъ—сколоченный изъ бревенъ городъ Танжичу (Tanzycza), потомъ городъ Гуру (Gura)—каменный, на высокомъ берегу, откуда открывается видъ на орошаемую рѣкою окрестность. Когда было удостовѣрено, что мы изъ мѣстности незараженной, и намъ разрѣшили сойти на берегъ, мы въ праздникъ Успенія бл. Дѣвы были за богослуженіемъ въ церкви францисканцевъ, гдѣ поклонились и тѣлу св. Валерьяна въ драгоцѣнной ракѣ.

Продолжая свой путь дальше, мы проѣхали 24 мили до Варшавы, но въ нее насъ не пустили. Изъ города впрочемъ кстати явился одинъ изъ слугъ того молодаго князя, за коимъ мы пріѣхали, и сказалъ, что онъ вдали отъ опасности проживаетъ съ мамками въ 2 миляхъ отсюда. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсказалъ о громадной смертности въ городѣ отъ чумы—сострадательная княгиня даже заплакала.

Оставивъ намъ строжайшій приказъ—не выходить на берегъ, она сейчасъ же поѣхала за сыномъ своимъ Казиміромъ, вернулась съ нимъ на другой день и приказала ѣхать обратно. На 12-й день — память св. Варѳоломея—мы пріѣхали къ князю въ Данишевъ.

Уже въ концѣ октября мы снова проѣзжали въ Сѣдлецъ черезъ Любартовъ и черезъ рѣку Вепрь и въ опустошенномъ казаками городѣ Чемерникахъ попали въ гости къ тамошнему городничему, были приняты имъ крайне радушно и весело прогостили у него сутки.

Уцѣлѣвшій тамъ замокъ, выстроенный для защиты отъ враговъ, окруженный наполненными водой рвами и разными укрѣпленіями, снабженный въ избыткѣ множествомъ орудій, показался мнѣ весьма крѣпкимъ, а внутренность замка и комнатъ, гдѣ насъ принимали; очень богатой; всюду виднѣлись ковры, картины и другія украшенія, казалось, всѣ богатства прочихъ княжескихъ замковъ собраны въ одномъ этомъ.

По обычаю подкрѣпившись горилкой, мы на утро пустились въ дальнѣйшій путь, проѣзжали по развалинамъ города и замка Радзина, оставленнымъ тоже казаками, въ обширной усадьбѣ напяснѣйшаго пана каштеляна Подляхіи угощались трое сутокъ, а потомъ прибыли къ себѣ въ Сѣдлецъ.

Насталъ день поминовенія усопшихъ, когда князь созвалъ со всего города нищихъ, роздалъ имъ милостыню и сдѣлалъ угощеніе, за коимъ смиренно прислуживалъ самъ съ княгинею, сыномъ Казиміромъ и дочерью Софьею.

Отъ короля польскаго пришло письмо, изъяснявшее причину, почему посольство не можетъ такъ долго отправиться въ путь—именно боязнь, что турокъ, оскорбясь снаряженіемъ посольства въ Москву, задержитъ въ плѣну отправленнаго къ нему посломъ воеводу холмскаго. Вслѣдъ затѣмъ однако, въ день именинъ пана, пришло отъ короля другое письмо, повелѣвавшее поспѣшить отъѣздомъ въ Москву.

V.

Снаряженіе посольства.

Между тѣмъ княжескій казначей панъ Обертинскій, посланный съ 20,000 почти тысячами польскихъ флориновъ во Вратиславль Силезскій для закупки необходимыхъ для пышнаго посольства предметовъ, вернулся невредимо съ нагруженными разнаго рода сукномъ возами, съ каретами—одной позолоченой, другой дорожною — и съ 8 фрисландскими лошадьми. Изъ Люблина и отовсюду призвали множество портныхъ—ихъ едва хватило, чтобы обшить всѣхъ, въ томъ числѣ и низшихъ членовъ двории, помимо 60 драгунъ.

Рождество набожный князь со всѣмъ дворомъ провелъ благочестиво, чтобы Богъ даровалъ счастливый путь; сдѣлано было угощеніе 24 нищимъ, раздана милостыня. По причинѣ снѣга все было нагружено на сани и даже въ карету. Вдругъ, гляжу, большинство стало такъ настойчиво совѣтовать князю не брать меня съ собою, какъ чужеземца, въ дорогу и не оказывать мнѣ въ этомъ предпочтенія предъ поляками, тоже хотѣвшими съ нимъ ѣхать, что я было потерялъ надежду, еслибы не вступилась за меня по усерднѣйшимъ моимъ просьбамъ княгиня, помнившая мою вѣрную службу. На все время поѣздки я былъ приставленъ завѣдовать бѣльемъ всей свиты. Простившись съ грустной, проливавшей слезы княгиней, сіятельный князь-посолъ Михаилъ Чорторыйскій отправился съ нами въ дорогу. Радѣя, какъ и

подобало, о величіи Рѣчи посполитой, онъ взялъ съ собой и соотвѣтствовавшую важности посольства свиту. Каждую субботу всѣмъ, даже прислужникамъ своихъ помощниковъ, за все время онъ выдавалъ жалованье на прожитіе и на кормъ для лошадей. Насколько еще помню, перечислю имена и должности всѣхъ.

Сіятельный князь Михаилъ Черторыйскій, князь на Клевани и вмѣстѣ воевода волынскій. Съ нимъ въ каретѣ ѣхалъ панъ Ферендини, докторъ, люблинскій врачъ, родомъ флорентинецъ, взятый въ качествѣ лейбъ-медика и компаніона. Преподобный отецъ Томасъ Шванъ, ордена проповѣдниковъ [15]), капелланъ свиты, ѣхалъ въ каретѣ и на лошадяхъ отдѣльно и имѣлъ своего слугу.

За нимъ слѣдовалъ панъ Казновскій, гусарскій капитанъ, ѣхавшій въ болѣе легкой каретѣ, въ 2 лошади, а двухъ другихъ, верховыхъ, вели два служителя сзади.

Затѣмъ слѣдовала польская шляхта (такъ называемое „товарищество“), съ которой князь обращался обыкновенно просто и прилично даже за однимъ столомъ съ собою.

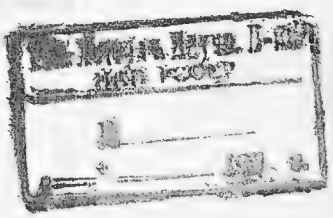
Изъ этихъ были почетными добровольцами:

яснѣйшій панъ Оборскій. „ „ Олепскій. „ „ Тынецкій. благородный панъ Соколовскій. „ „ Кобылинскій.	на 6 лошадяхъ, а провожатыхъ у каждаго по 3 человѣка.

Гусарскіе офицеры:

благородный панъ Хрипицкій. „ „ Меньжинкій. „ „ Голубь. „ „ Савичъ. „ „ Портанти.	съ лошадьми и слугами — каждый по состоянію.

[15]) Т. е. доминиканскаго.



Главные члены свиты.

Яснѣйшій панъ Буйновскій, подвоеводье, начальникъ свиты и маршалокъ, почтенный сѣдиною, разумомъ и важностью.

Благородный панъ Гумовскій, секретарь свиты.

„ „ Іосифъ Яшилковскій, конюшій.

Благородный панъ Янъ Обертинскій, казначей и начальникъ надъ польскими спальниками.

Благородный панъ Янъ Радзиминъ, смотритель за парадными конями.

Благородный панъ Голинскій, завѣдующій кухнею.

} всѣ съ лошадьми и слугами по состоянію.

Второстепенные служители князя:

Благородный панъ Зброжекъ.
„ „ Ольшевскій.
„ „ Домбровскій.
„ „ Лупа.
„ „ Хахульскій.
„ „ Садовскій.
„ „ Лускина.

} каждый съ тремя лошадьми и однимъ слугою.

Слѣдовалъ я: Бернгардъ Леопольдъ Францискъ Таннеръ, дворецкій князя германскій — мнѣ было предоставлено на волю ѣхать либо въ повозкѣ, либо на княжеской лошади.

Польскіе спальники:

Благородный панъ Александръ Косцинскій.
„ „ Чуденовичъ, счетчикъ.
„ „ Шимановскій.
„ „ Зелинскій.
„ „ Каминскій.
„ „ Недзвецкій.
„ „ Гноинскій.

} каждый съ 2 лошадьми и слугой.

Прочіе служители:

Карскій.
Древинскій.
Оленскій.
Симонъ Вельковольскій, экономъ свиты.

} каждый съ одной лошадью безъ слуги.

Ремесленники:

Янъ, цирульникъ.
Климентъ, буфетчикъ.
Янъ, портной.
Станиславъ, плотникъ.
Казиміръ, пекарь.

Кромѣ того, одна женщина—прачка, жена главнаго кучера.
Къ этимъ присоединены три трубача съ слугой.
Еще капитанъ съ 60 драгунами.

Слѣдомъ ѣхало многое множество подводъ, на которыхъ везлась утварь и кладь столь многочисленной свиты и иные необходимые предметы. Въ числѣ ихъ впереди ѣхали двѣ новыя повозки (попросту—carozzae), каждая въ 6 лошадей; затѣмъ 4 повозки, называемыя по-польски carawan, а по-нѣмецки ristwagen, везомыя тоже шестью лошадьми; столько же запряжено было въ другую громадную повозку, нагруженную кухоннымъ скарбомъ и поварами; въ другую такого же рода поменьше—двѣ лошади. Наконецъ 8 благородныхъ коней велись подъ уздцы; восемь другихъ, фрисландскихъ, предназначавшихся для въѣзда въ городъ, шли всѣ на свободѣ безъ груза. Конюхи ихъ сидѣли на другихъ коняхъ, попроще.

Охраной вышеупомянутыхъ подводъ завѣдовали 12 сильныхъ гайдуковъ, принявшихъ на себя заботу стеречь насъ и наше добро какъ въ дорогѣ, такъ и въ самой Москвѣ и карауливших смѣнами по-двое: первую стражу держали Янушъ и Янчи, оба дюжіе и высокіе — они сторожили карету, въ которой ѣхалъ князь; вторую—Казиміръ и Голодевичъ; эти были моими помощниками; третью—Будзило и Ольшанскій, по прозванію собутыльники, потому что были великіе мастера пьянствовать; четвертую—Стрига и Прокуратъ, первый былъ мастеръ на плутни, а второй—ловкій стрѣлокъ; пятую—Янушъ малый и Губицкій; эти за испытанную честность допускались прислуживать за столомъ князя; шестую—Якубекъ и Янушекъ; послѣдній, вѣчно пьяный и лѣнивый, на возвратномъ пути къ литовскимъ предѣламъ, былъ прогнанъ изъ дворни. Всѣ прочіе слѣдовали за княземъ съ постоянствомъ и усердіемъ. Вообще народу въ посольствѣ, вмѣстѣ съ присоединившимися послѣ съ ясновельможнымъ посломъ литовскимъ, было навѣрное больше полуторы тысячи человѣкъ.

VI.

Путь посольства до московскихъ предѣловъ.

Снарядившись такимъ образомъ въ путь, мы, послѣ приличнаго обѣда и прощаній, 11-го февраля 1678 года въ 3 часа пополудни съ Божіей помощью выѣхали изъ Сѣдльца и въ первый же день, ѣдучи безъ князя, прибыли въ городъ Морды (Mordi). Время близилось къ ужину; поваръ развелъ небольшой огонь, надѣлавшій намъ однако большихъ хлопотъ: отъ искры занялась въ печной трубѣ сажа и грозила разгорѣться. Мы живо устранили отъ опасности повозки, лошадей и всѣ свои пожитки, а гайдукъ Казиміръ неустрашимо взлѣзъ на трубу, затушилъ въ отверстіи разгоравшееся пламя и такимъ образомъ спасъ постройку отъ опасности сгорѣть. Мы легли спать, забывъ объ ужинѣ.

На другой день проѣхали мы городокъ Лосичи (Lossice), гдѣ уже смѣшанно съ католиками живутъ и схизматики. Къ ночи въ 2 миляхъ отсюда нагналъ насъ наконецъ князь. Глубокій снѣгъ, напавшій въ то время и заставившій насъ ѣхать на саняхъ, благодаря неожиданной оттепели за ночь растаялъ, такъ что по бездорожью мы принуждены были у деревни Корницы (Cornica) поставить повозки свои на колеса. Пріѣхали въ Яновъ (Janovv), хорошій городъ, окруженный довольно большими насыпями, но домами, какіе казались получше, владѣютъ въ немъ большею частію жиды. Миновавъ затѣмъ все еще по грязнѣйшей дорогѣ Малову гору (Malova hora), мы къ вечеру прибыли наконецъ въ Брестъ-Литовскъ (Brzisz Litewski), отъѣхавъ уже 16 миль.

Этотъ городъ замѣчателенъ больше всего грязью да печистымъ отребіемъ жидовъ, такъ что по множеству ихъ зовется обыкновенно Stoliza Zidovska, т. е. жидовской колоніей. Вмѣстѣ съ этими плутами живутъ схизматики, у коихъ тутъ довольно церквей и порядочные дома. Мы не могли отыскать приличнаго для князя помѣщенія, кромѣ коллегіи іезуитскаго братства, гдѣ насъ весьма радушно пріютили 14 и 15 февраля. При отъѣздѣ князь замѣтилъ, что кучера, гайдуки и иные изъ солдатъ напились по корчмамъ меду и водки, такъ что еле могли править лошадьми, сильно разсердился и нѣкоторыхъ изъ нихъ велѣлъ отстегать порядкомъ.

На ночь остановились мы въ селеніи Братиловѣ (Bratilow pagus). Потомъ приходилось уже заѣзжать на постой почти все къ жидамъ. Паны неохотно сдаютъ корчмы полякамъ: полякъ корчмарь любитъ-

медъ да водку, а давать отчеты панамъ не любитъ, тогда какъ жидовъ они безъ церемоніи могутъ къ этому принудить. Потому и приходилось и обѣдать и спать кое-какъ среди домашней вони и неразлучной съ ними грязи.

Въ полдень пріютилъ насъ городъ Пружана (Prushiana). Мы остановились въ усадьбѣ, снабженной всѣмъ необходимымъ, и пробыли весь день 18-го февраля. Тутъ схизматиковъ уже еще больше; по мнѣнію многихъ, они умножаются по нерадѣнію тѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ.

Февраля 19-го пріѣхали въ г. Селецъ (Selce), большой, но деревянный, переполненный жидами, гдѣ есть и одинъ лютеранскій храмъ. Всюду были мы желанные гости; какой городъ ни проѣзжали, всѣ, особенно жиды, снабжали насъ необходимымъ и пригоднымъ для дороги — кто пивомъ, кто медомъ и водкой, кто мясомъ и кормомъ для лошадей. Здѣсь-то (въ Сельцѣ) привезли бочку пива вдвое больше чешской, очень чернаго цвѣтомъ, однако запахомъ добраго и вкусомъ весьма пріятнаго.

Черезъ 4 мили, дремучими лѣсами, по тяжелой отъ древесныхъ корней дорогѣ пріѣхали мы въ Лососну (Lossossin), обѣдали тутъ, а потомъ 20 февраля прибыли въ Ружану (Ruszana) [15]), городъ наияснѣйшаго Льва Сапѣги, гдѣ не въ примѣръ подобнаго рода городамъ довольно много каменныхъ домовъ и есть великолѣпный храмъ. Тутъ опять напугавшая насъ бѣда: за неимѣніемъ печей, приспособленныхъ для княжеской дворни, завѣдующій кухнею бывалъ принужденъ для приготовленія кушанья разводить огонь подъ кровлей; въ щелку легковоспламеняющагося гонта и попала искорка, занялась, перешла на кровлю и такъ разгорѣлась, что не будь пламя затушено толпою дворни, всѣ сосѣднія деревянныя постройки обратились бы въ пепелъ. На утро пріѣхали черезъ 3 мили въ г. Дзевинковицы (Dzievienkovice), пообѣдали и, сдѣлавъ снова 2 мили, ночевали въ Клоссовицахъ (Klossovice) 21 февраля. Намъ уже стали встрѣчаться такія пристанища, которыя были похожи скорѣй на трущобы, чѣмъ на дома или хижины: въ каждомъ такомъ помѣщеніи одна комната, крайне тѣсная, почернѣвшая отъ находящейся внутри нея печи и дыма, съ окнами (правильнѣй бы—съ дырами), въ которыя и голова человѣче-

[15]) Ружана принадлежала Сапѣгамъ, славилась великолѣпіемъ и богатствомъ. Здѣсь у Сапѣги былъ дворецъ съ портикомъ, галлереями, паркомъ, оранжереями. Въ 1644 г. Сапѣга угощалъ здѣсь короля Владислава IV. См. Живописн. Россія.

ская не пролѣзетъ, темная, полная, сверхъ того, назойливыми насѣкомыми, отъ которыхъ теряешь всякое терпѣніе—называется громкимъ именемъ гостинницы.

Намучившись въ нѣсколькихъ такого рода трущобахъ, князь рѣшилъ пока остановиться въ г. Жировицахъ (Zirovice) [16]) для поклоненія чудотворной иконѣ Богородицы-дѣвы въ уніатскомъ базильянскомъ монастырѣ. Помолившись, мы переѣхали рѣку Шару (Scara) и въ селеніи Шидловичахъ (Zidlovice) сочли нужнымъ пробыть нѣсколько подольше для возстановленія утомленныхъ непрерывнымъ путешествіемъ силъ. Въ этотъ день 22 февр. приходилось еще и заканчивать масляницу; князь на прощаніе съ нею, чтобы еще проститься и съ мясомъ, въ коемъ недостатокъ былъ значительный, приказалъ купить тучнаго быка, распорядился его убить и раздѣлить съ придачей немалаго количества меда и водки да привезенной изъ-за полуторы мили бочки пива, такъ что подвыпили всѣ порядкомъ.

Насталъ день пепла [17]) (cinerum dies), и мы по неудобной дорогѣ, снова дремучимъ лѣсомъ, пріѣхали въ городъ Полонку (Polomko), обращенный москвитянами въ развалины (хоть и толкуютъ, будто подъ ней тысячи москвитянъ перебиты были горстью поляковъ).

Въ день св. апостола Матвѣя мы поспѣшили въ г. Мышь (Miss) (въ 2 миляхъ отсюда) для празднованія этому святому, слушали тамъ миссу, при чемъ гостепріимные отцы братства Іисусова угостили насъ обильнымъ обѣдомъ, медомъ и пивомъ. По постнымъ днямъ въ Польшѣ принято ѣсть пищу не съ коровьимъ, а съ льнянымъ масломъ. Это было рѣшительно не по моему чужеземному желудку — я и питался, гдѣ можно, по своему обычаю молочной пищей, но осторожно, чтобы не ввести въ искушеніе пылкую ревность поляковъ. Къ ночи пріѣхали мы въ г. Крашинъ (Kroszin), городъ князя Радзивила, во дворцѣ коего

---

[16]) Жировицы—мѣстечко, славящееся съ 15 ст. иконою Богоматери. Въ 1480 г. пастухи нашли икону въ лѣсу на деревѣ. Владѣлецъ мѣста Александръ Солтанъ построилъ на мѣстѣ обрѣтенія православный храмъ, а послѣ былъ основанъ и монастырь. Икона славилась чудесами, привлекала богомольцевъ; тутъ и образовалось селеніе. Въ 1560 храмъ сгорѣлъ, но икона уцѣлѣла. Маршалъ Иванъ Солтанъ построилъ новую церковь, куда и перенесли икону. Со времени уніи въ 1603 г. здѣсь поселились базильянцы, и первымъ настоятелемъ былъ ревнитель уніи Іосафатъ Кунцевичъ. Сигизмундъ III сдѣлалъ Жировицы мѣстечкомъ. Съ той поры монастырь сталъ славиться въ Польшѣ и Литвѣ и разбогатѣлъ. Въ немъ бывали короли—Владиславъ IV, Янъ Казиміръ, Янъ Собѣскій.

[17]) День пепла бываетъ у католиковъ въ среду (popelečni stréda) на первой недѣлѣ четыредесятницы. См. Ригеръ, Slownik.

и остановились. На зарѣ двинулись въ Сновъ (Sniow), гдѣ ничего не достали себѣ къ обѣду ни деньгами, ни просьбой и—нечего дѣлать—поспѣшили 25 февраля въ Несвижъ, городъ князя Радзивила, покормивъ только лошадей. Городокъ этотъ — что очень рѣдко—обнесенъ кос-какъ стѣной, отличается величиной площади, ратушей и правильнымъ рядомъ примыкающихъ къ ней лавокъ; славится замкомъ, защищеннымъ пушками и окруженнымъ валами. Проѣхавъ изъ Сѣдльца 59 миль и видя радушіе здѣшнихъ горожанъ, мы рѣшили тутъ остановиться, чтобы дать отдыхъ себѣ и лошадямъ, имѣя въ виду то, что остальные члены нашей дворни подъѣдутъ къ намъ съ Клевани на Волыни.

27-го февраля мы слушали миссу въ церкви преподобныхъ отцевъ Іезуитскаго братства; по ихъ приказу школяры привѣтствовали князя, а потомъ въ столовой какой-то магистръ въ сказанной безъ приготовленія рѣчи изъявилъ свою радость по поводу его благополучнаго пріѣзда. Затѣмъ угощали его подслащенной (по польскому обыкновенію) наливкой, поставленной въ бутылкахъ, которыя и мы не переставали съ удовольствіемъ осушать—смотримъ, подъѣхали и ожидаемые нами товарищи, ѣздившіе въ Клевань за кладью. Пріѣздъ ихъ былъ причиной того, что мы, давши передохнуть прибывшимъ солдатамъ и служителямъ, въ тотъ день только послѣ обѣда пустились въ дальнѣйшій путь.

Уже на закатѣ солнца проводили насъ голоса желавшихъ намъ добраго пути жителей. По удобной дорогѣ миновавъ деревню Сечелова (Seszelowa), мы пріѣхали 27 февраля ночевать въ дер. Рымаши (Rimosez), расположенную на горѣ, въ 2 миляхъ. Рано утромъ, по чрезвычайно грязной дорогѣ, добрались черезъ деревню Ядрейково (Gendrzeikowa) до города Песочна (Piaseczna), въ конецъ разореннаго: здѣсь всѣ жители разбѣжались (въ Польшѣ часто случается, что напуганные криками разбойниковъ и тому подобныхъ негодяевъ и ложными вѣстями о приближеніи непріятеля обыватели покидаютъ городъ)—не осталось ни души. Мы поэтому и вошли въ покинутое помѣщеніе, болѣе приспособленное для нашей дворни—заняли самый домъ корчмаря, очень помѣстительный, и весело пообѣдали своими дорожными запасами.

Подъѣхали затѣмъ и къ быстрой рѣкѣ Нѣману; только по серединѣ она была свободна ото льда, а у береговъ такъ крѣпко замерзла, что переправа была затруднительна. Съ большимъ трудомъ принялись мы ее устраивать—глядь, проломился ледъ, и панъ Обертинскій (завѣдовавшій дорожною кладью) упалъ въ воду, и не поддержи его на льду лукъ да полный стрѣлами колчанъ, висѣвшій у бедра, навѣрное онъ бы потонулъ. Натаскавъ отовсюду бревенъ, мы сплотили ихъ, по

нимъ благополучно, хотя и съ немалой опасностью переправили повозки и еще засвѣтло проѣхали 2 мили до дер. Семеновичей (Semenioviae) 28 февраля.

На слѣдующій день черезъ 2 мили доѣхали до дер. Чиликова (Czilikow), тоже покинутой жителями. Закусивши тутъ въ полдень, мы затѣмъ въ селеніи Пятовщинѣ (Piatovsczisna), расположенномъ на горѣ и населенномъ схизматиками, были приняты крайне плохо и принуждены за неимѣніемъ крова ночевать 1-го марта подъ открытымъ небомъ да еще въ сильный снѣгъ. Проѣхавъ 3 мили, мы черезъ дер. Лошницу (Lossica)[18]) достигли наконецъ Минска. Это—городъ большой, широко раскинувшійся по холмамъ и долинамъ. Онъ пострадалъ отъ москвитянъ, которые обратили его почти въ развалины; но съ теченіемъ времени сталъ онъ принимать лучшій видъ: монастыри доминиканцевъ и францисканцевъ, коллегія отцевъ братства Іисусова, коимъ основаніе уже положено, снова придадутъ городу не малую красу. Да не дурныя и весьма многочисленныя церкви схизматиковъ (непріятелемъ-схизматикомъ достояніе ихъ осталось не тронуто) и теперь дѣлаютъ городъ красивымъ.

Послѣ схизматиковъ—всего больше тутъ жидовъ съ ихъ синагогами. Внося всегда аккуратно магнатамъ огромныя подати и будучи черезъ это имъ весьма полезны, они обладаютъ и немалою свободой. Главное украшеніе площади—ратуша, стоящая въ серединѣ, окруженная множествомъ лавокъ. Образъ жизни и одежда, особенно женскій нарядъ, церкви, сравнительно съ прочими болѣе приглядныя, украшенныя при входѣ картинами, указываютъ на зажиточность горожанъ. Паномъ своимъ городъ признаетъ Яна Казиміра Сапѣгу, воеводу полоцкаго, назначеннаго въ то время посломъ отъ великаго княжества литовскаго. Въ его жилище, построенное на горѣ и снабженное всѣмъ необходимымъ, за его отсутствіемъ насъ не пустили; мы остановились въ городѣ, гдѣ жители приняли насъ радушно, вдоволь угощали медомъ, пивомъ и прочими приношеніями. Мы пробыли здѣсь до 4-го марта, а затѣмъ пообѣдавъ, при благихъ пожеланіяхъ жителей пустились въ дальнѣйшій путь.

По гладкой дорогѣ быстро проѣхали мы 4 мили до Городища, стоящей среди лѣса корчмы, грязной не хуже своего содержателя-жида. Въ это время драгунскій капитанъ, ѣхавшій далеко позади насъ, не помня себя отъ пьянства, повздорилъ со своими товарищами и прокололъ цирульника, который сталъ было ссорящихся разнимать. Хотя онъ и старался избѣгать князя, однако за это его велѣно было по-

[18]) Или, вѣрный, Ложицы. См. спеціал. карт. зап. части Россіи XXVIII.

досланнымъ тайно солдатамъ схватить и засадить подъ арестъ. Раненый цирульникъ былъ отправленъ въ Минскъ на излѣченіе.

4-го марта мы заночевали на лугу, а 5-го пріѣхали въ г. Смолевичи (Smolevicz), гдѣ по окончаніи обѣда виновный капитанъ по приговору судей былъ лишенъ должности, удаленъ изъ дворни и наказанъ 30 ударами плетей. Должность его получилъ хорунжій на все время путешествія посольства.

Пріѣхавъ ночевать въ Богуславо поле (Boguslaw pole), мы нашли на площади торчавшіе еще древесные корни — знакъ, что еще недавно былъ тутъ лѣсъ. 6-го марта при выѣздѣ вмѣстѣ съ мостомъ обрушились запряженныя въ грузовую повозку лошади и повисли несчастныя на постромкахъ, барахтаясь на вѣсу. Постромки пришлось обрѣзать—лошади упали и выплыли. Завѣдовавшіе дорогой пригнаны были нагайками и починили мостъ.

Проѣхавъ затѣмъ много страшныхъ лѣсовъ, мы черезъ 3 мили добрались до г. Борисова, гдѣ рѣшили отдохнуть 7 и 8 марта. Городомъ этимъ владѣли москвитяне и благодаря удобству, представляемому большой рѣкой Березиной, успѣли сдѣлать его сильною крѣпостью, поскольку и теперь еще свидѣтельствуютъ виднѣющіеся остатки стѣнъ и валовъ. Но черезъ нѣсколько времени поляки собрались съ силами, храбро напали на непріятелей, выгнали ихъ изъ города и перебили почти всѣхъ. Немало затрудненій должны мы были потомъ испытать по окружающимъ городъ топямъ и безтолково нагаченнымъ мѣстамъ, прежде чѣмъ добрались черезъ 3 мили до г. Лошницы (Lossice), а оттуда до населеннаго схизматиками города Начи на р. Начѣ, гдѣ и переночевали 9-го марта.

Въ 2 миляхъ отсюда, въ состоящемъ изъ деревянныхъ избушекъ городѣ Крупкахъ (Krubki) мы заѣзжали обѣдать къ жиду; былъ постный день, и князь—полякъ отказался отъ предложеннаго жидомъ хлѣба съ масломъ и яйцами и отдалъ съѣсть его мнѣ, какъ чужеземцу.

Въ городѣ Бобрѣ (Bobr), называющемся такъ по рѣкѣ, въ 2 миляхъ отсюда (гдѣ мы переночевали 10-го марта) присоединился къ намъ одинъ богатый жидъ, пользовавшійся во весь остальной нашъ путь свободнымъ съ нами проѣздомъ. Черезъ дер. Павловичи (Pawlovice), усадьбу Тетеринъ (Tczeczerin), небольшой и разоренный москвитянами городокъ Головчинъ (Holevczin) мы проѣхали къ Могилеву и подъ самымъ почти городомъ, въ недавно воздвигнутомъ городѣ Княжицахъ (Knissice) сдѣлали остановку, чтобы въѣхать попараднѣе, и, приведя въ порядокъ всю сопровождавшую насъ свиту, съ трубачемъ впереди въѣхали въ городскія ворота.

Этимъ городомъ нѣсколько лѣтъ владѣли москвитяне, но по мирному договору снова въ цѣлости уступили его полякамъ. Въ немъ очень много прекрасныхъ церквей, но только все схизматическихъ (католиковъ мало и у нихъ одна доминиканская капелла съ небольшимъ монастыремъ); кромѣ того онъ состоитъ изъ домовъ, украшенныхъ чѣмъ-то въ родѣ картинъ, удивительныхъ и изящныхъ[19]). Надо еще прибавить рядъ укрѣпленій: валы, видные въ немногихъ здѣшнихъ городахъ, да громадная, наваленная на подобіе стѣны насыпь дѣлаютъ городъ сильной крѣпостью.

Большинство женщинъ по крупной, круглой фигурѣ не отличишь отъ мущины. Особенно чудна́ ихъ одежа: голову онѣ покрываютъ рогатой шапкой (mitra cornuta), а сверху накидываютъ длинное покрывало; носятъ мѣхъ, висящій съ плечъ на подобіе плаща; сверхъ того, всѣ (что смѣшнѣй всего) обуваются въ большіе пепельнаго цвѣта сапоги (ocreis indutae).

Здѣшніе обыватели очень гостепріимны: мы пробыли 8 дней, и они вдоволь снабжали насъ всякими припасами—пивомъ, медомъ, водкой, виномъ, кормили щедро всѣхъ нашихъ лошадей. Тутъ пришла вѣсть, что другой посолъ (отъ княжества литовскаго) держитъ другой путь; мы поэтому 19-го марта, послѣ обѣда, перешедъ р. Днѣпръ (Nieper), иначе называемый Борисѳеномъ, направились въ Старый Могилевъ тихимъ шагомъ, чтобы другой посолъ, наияснѣйшій панъ воевода полоцкій, имѣлъ возможность догнать насъ. Черезъ 3 мили мы остановились 20 марта въ жалкой деревушкѣ Макаринцахъ (Makarinci). Все еще было холодно; князь велѣлъ затопить въ избѣ печь, откуда за неимѣніемъ трубы и повалилъ дымъ черезъ открытыя окна и дверь наружу. Такія избы вообще у нихъ черны; намъ частенько встрѣчались такого рода прелести на ночлегахъ.

Г. Василевичи (Vasilevice)—одинъ изъ самыхъ жалкихъ; проѣхавъ снова 2 мили, мы тутъ пообѣдали и переночевали 21 марта. Прибывъ затѣмъ къ рѣкѣ Басѣ (Bassa), стали мы переѣзжать ее по деревянному мосту; когда одна повозка доѣхала уже до его середины, онъ пришелъ въ такое движеніе, что не будь солдатами подпертъ бревнами, онъ бы навѣрное затонулъ.

Проѣхавъ городокъ Hubarin (Сухари?) и минуя деревню Ждановичи (Zdanovice), намъ пришлось спасать упавшую съ моста въ топь

---

[19]) Въ подлинникѣ: insuper domibus miro quodam et eleganti picturarum genere ornatis constat. Какіе это украшенные картинами дома, не знаю.

прежнюю тройку лошадей, обрѣзавъ постромки. Потомъ опрокидывается въ топь другая слѣдовавшая за нами повозка — неудачи эти взяли нѣсколько часовъ. Наконецъ въ дер. Губиновѣ (Hubinow) 23 марта мы позавтракали, отобѣдали и ночевали.

Кухонныя повозки двинулись было въ ближайшій городъ Горки (Horki) въ 3 миляхъ отсюда, но по бездорожью должны были 24 марта заночевать въ дер. Гермаки (Hermaki). Послѣ легкой переправы черезъ 2 рѣки — Гольшу (Holissa) и Czernava мы выбрались изъ обычныхъ болотъ и грязи и прибыли всѣ въ г. Горки, принадлежащій наияснѣйшему Полутинскому, и въ день Благовѣщенія блаж. Дѣвы были за богослуженіемъ въ приходской церкви (очень убогой, тогда какъ остальные храмы схизматиковъ очень украшены). На слѣдующій день отправили отсюда гонцовъ въ Смоленскъ съ увѣдомленіемъ, что послы уже близко къ Московіи, а намъ дали на отдыхъ отъ труднаго пути цѣлыхъ два дня. 27 марта, оставивъ Горки вправо, мы пріѣхали въ Соколово (Sokolow), гдѣ за завтракомъ пробавлялись чистой водою, а за обѣдомъ пили привезенное изъ другаго мѣста пиво. Во время переѣзда, при спускѣ съ одной горы лошади попали въ топь—мы насилу вытащили повозку, припрягши сзади другихъ лошадей. Сейчасъ же за Соколовымъ съ большими усиліями пришлось намъ переѣхать черезъ большую, топкую гору, откуда спускъ былъ очень труденъ. Воды тутъ было, повидимому, немного, но мѣсто глубокое; мостъ по обыкновенію еле держался. Когда поѣхала по немъ нагруженная главнымъ скарбомъ повозка и всѣ шесть лошадей перешагнули уже на землю, а переднія колеса ѣхали еще по мосту, онъ съ такимъ трескомъ сталъ разрушаться, что испуганныя лошади рванули, вынесли повозку и такимъ образомъ спасли себя и ее отъ потопленія.

Послѣ этой опасности гайдуки согнали нагайками изъ сосѣдней деревни Shavieva (Шавнева?) мужиковъ починить скорѣе мостъ. Не мало еще намучившись на пути, мы 28 марта пріютились въ дер. Pierwszinoho, (Першино?) на р. Березовкѣ (Brzeza). Мы держались лѣваго ея берега: правый былъ уже отвоеванъ Московіей. Миновавъ деревни—Денисовку (Deniszovko), Beresavvo, Тишковку (Cziskov) и Virisabi, довольно хорошія и правильно построенныя, мы добрались до вожделѣннаго города Кадина (Kadzin).

Намѣстникомъ этого города былъ воевода троцкій, во дворцѣ коего мы и остановились. Гостили мы у него до пріѣзда наияснѣйшаго воеводы полоцкаго [20]), котораго встрѣтили 2 апрѣля съ большою

[20]) Воевода полоцкій, посолъ отъ княжества Литовскаго, былъ Казиміръ Павелъ Янъ Сапѣга. Сапѣги ведутъ родъ отъ троцкаго каштеляна Сунигайла,

свитой. Впрочемъ этотъ городъ на границахъ Литвы съ Московіей не особенно замѣчателенъ: живутъ въ немъ схизматики да жиды (католиковъ очень мало); ни насыпью, ни стѣнами онъ не огороженъ. Торгуютъ больше все жиды—лучше сказать продувные плуты: скупая задешево (какъ и водится у этихъ плутовъ) изъ сосѣдней Московіи мѣха, они перепродаютъ ихъ въ Польшу съ огромнымъ барышемъ. Тутъ крайній предѣлъ ихъ торговой дѣятельности — въ Московію они и показаться не смѣютъ[21]).

3-го апрѣля послы праздновали Вербное воскресенье съ музыкой во время миссы, тамъ еще дотолѣ не виданной—глядѣть сбѣжались всѣ тамошніе схизматики. Потомъ задали знатный обѣдъ въ складчину и до захода солнца направились къ московскимъ предѣламъ, коихъ надо было еще достичь.

VII.

Вступленіе въ Московію черезъ Смоленскъ.

Упомянутая рѣка Березовка (Brzeza), протекая городомъ Кадинымъ[22]), вслѣдствіе послѣднихъ неудачъ поляковъ составляетъ границу между московскими предѣлами и Литвой. Славный король польскій Сигизмундъ продвинулъ было границы на 32 мили отсюда вглубь Московіи за городъ Дорогобужъ, но москвитяне успѣли впослѣдствіи отвоевать предѣлы до рѣчки Березовки. Переѣхавъ черезъ нее, мы съ перваго же шагу встрѣтили неудачу—весь этотъ день лилъ дождь,

---

живш. въ нач. 15 в. Его сынъ Симеонъ сталъ первый называться Сапѣгою. Отъ двухъ его сыновей Богдана и Ивана пошли двѣ линіи Сапѣгъ—Сидерская и Коденская. Представителемъ первой былъ Богданъ, правнукъ котораго Янъ Петръ въ смутное время воевалъ въ Россіи и умеръ въ 1611 г. въ Москвѣ. Младш. сынъ его тоже принималъ участіе въ войнѣ съ русскими и въ 1667 г. подъ Полонкою вмѣстѣ съ Чарнецкимъ поразилъ Хованскаго. Старшій его сынъ, помянутый Каз. Пав. Янъ, и былъ отправленъ посломъ вмѣстѣ съ Черторыйскимъ. Умеръ въ 1720 г. См. Ригеръ, Slownik.

[21]) Жидовъ въ Россію пускали въ видѣ исключенія. О жидахъ, ѣхавшихъ съ этимъ посольствомъ, приставъ за Смоленскомъ говорилъ посламъ, чтобы имъ къ Москвѣ не ходить, но послы ссылались на то, что въ прежнее время съ послами хаживали торговые люди и жиды съ товарами невозбранно.

Со времени Петра жиды, повидимому, стали селиться уже и въ Москвѣ и даже справляли богослуженіе. См. главу XIV, прим. 2.

[22]) Таннеръ ошибается: Кадино на рѣкѣ Городнѣ, а Березовка восточнѣе.

дорога сдѣлалась такъ грязна, а другая рѣка, называемая у тамошнихъ жителей Молоховой (Molocha), такъ разлилась, что мы, переваливъ къ тому же черезъ гору и, не смотря на усталость лошадей, всетаки вынужденные подвигаться дальше, уже послѣ заката солнца очень поздно добрались до дер. Досугова (Suchovo). Тутъ новая бѣда: чиновникъ (порусски—приставъ) еще не явился, а безъ его позволенія ни для насъ, ни для измученныхъ лошадей ничего не хотѣли давать. Изъ жалости къ лошадямъ послы велѣли наконецъ сломать ворота, взять сѣна и т. п., за что однакожъ, несмотря на отказъ хозяевъ, уплачено было сполна, дабы не было жалобъ на пословъ въ Московіи.

4-го апрѣля тронулись мы въ путь — несчастливый и ужасный, по дремучимъ, топкимъ лѣсамъ, гдѣ для проѣзда приходилось нерѣдко въ одну повозку запрягать по многу лошадей. Передняя грузовая повозка почти затонула въ топи—ее въ тотъ день не успѣли вытащить, она такъ и пробыла тамъ цѣлую ночь. Прочія между тѣмъ добрались до ближайшаго селенія. На утро гайдуки обоихъ пословъ, солдаты и прочій народъ (съ помощію и кое-кого изъ москвитянъ, обязанныхъ смотрѣть за исправностью пути), истребляя лѣсъ, насилу одолѣли этотъ трудный переѣздъ. Заночевали мы въ дер. Григорковѣ (Rihorko) въ 2 миляхъ.

На встрѣчу намъ является приставъ съ 20 стрѣльцами и свитой [23]). Привѣтствуя пословъ, какъ гостей въ Московіи, онъ поклонился и

---

[23]) Смоленскій воевода Юрій Урусовъ послалъ на встрѣчу посольству голову смоленскихъ стрѣльцовъ Василья Чадуева. „А сказывалъ онъ, писалъ воевода въ Москву: что принялъ пословъ въ деревнѣ Григорковѣ отъ Смоленска въ 20 верстахъ“. Воевода поспѣшилъ его послать потому, что боялся, чтобы отъ посольскихъ людей уѣзднымъ людямъ обиды и налоги не было. Когда изъ Москвы прислали выговоръ за самовольную посылку пристава, воевода оправдывался тѣмъ, что посольская дворня грабила народъ. „Въ твоемъ, великаго государя, дворцовомъ селѣ Досуговѣ и въ иныхъ мѣстахъ у разныхъ всякихъ чиновъ людей овесъ и сѣно (посольскіе люди) имали сильно и всякія обиды уѣзднымъ людямъ чинили, и о тѣхъ ихъ налогахъ били челомъ тебѣ, великій государь, разныхъ чиновъ многіе челобитчики, а намъ, холопемъ твоимъ, въ Смоленскѣ въ приказной избѣ подавали челобитныя“. Вообще эта многочисленная дворня вела себя буйно и послѣ за Смоленскомъ. Чадуевъ доносилъ въ Москву, что по дорогѣ ѣдучи, посольскіе люди въ деревняхъ у крестьянъ сѣно и овесъ грабятъ, а стрѣлецъ Иванъ Тимоѳеевъ прибавлялъ, что для конскихъ кормовъ ѣздятъ поляки отъ большой дороги въ сторону верстъ по 20 и по 30 и кормъ и конскій овесъ и сѣно емлютъ безденежно, а платятъ деньги только за тѣ кормы, которые покупаютъ въ дорогѣ на торгѣ.—О Чадуевѣ см. Ист. Россіи Соловьева т. XII, стр. 144—165.

принялъ ихъ подъ свое покровительство. Когда мы повѣдали ему о предшествовавшихъ неудобствахъ на пути, онъ сказалъ, что въ здѣшнихъ краяхъ это нерѣдкость; впослѣдствіи однакожъ о постоѣ и прочемъ необходимомъ заботился старательно, приставилъ, кромѣ того, караулъ для большей нашей безопасности ночью. Подвигаясь впередъ, мы доѣхали такимъ образомъ до небольшаго городка Лубни (Lubni)—послѣднюю станцію до Смоленска. Отобѣдавъ, мы поэтому и составили расписаніе, въ какомъ порядкѣ вступить намъ въ городъ. 7-го апрѣля на зарѣ мы выѣхали изъ упомянутаго селенія Лубни. Двѣ кухонныя повозки мы выслали впередъ и много еще парныхъ и троечныхъ подводъ поменьше, на коихъ везлась утварь пословъ и посольскихъ людей въ приготовленное намъ приставомъ помѣщеніе, гдѣ комнаты убраны были между тѣмъ красивыми коврами. Проѣхавъ 3 мили, въ 3-мъ часу пополудни прибыли и мы въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди въ нѣмецкомъ платьѣ съ золотой бахромою шли три трубача съ литаврщикомъ и поперемѣнно играли; за ними съ своими начальниками драгуны ясновельможнаго воеводы полоцкаго, всѣ въ красной одеждѣ съ бахромой и прочими украшеніями; за ними, впереди турецкихъ коней сіятельнаго князя, покрытыхъ попонами турецкой работы и ведомыхъ каждый отдѣльнымъ конюхомъ въ красной одеждѣ, шелъ панъ Радзиминъ, главный конюшій; позади—12 верховыхъ лошадей ясновельможнаго воеводы тоже съ главнымъ его конюхомъ впереди, покрытыхъ краснымъ же сукномъ съ бѣлою оторочкой—каждую велъ подъ-уздцы тоже конюхъ; за ними кучера, въ красномъ же одѣяніи, вели 8 благородныхъ фрисландскихъ коней, вороныхъ, крупной стати, предназначавшихся для въѣзда въ Москву подъ карету сіятельнаго князя; потомъ еще 7 гнѣдыхъ лошадей ясновельможнаго воеводы, всѣ вздымаясь на дыбы, ведомые одѣтыми въ красное конюхами, сдѣлали въѣздъ довольно парадным. За конями слѣдовала везомая 6 воронымы лошадьми карета пана секретаря посольства; за ней—дорожная карета сіятельнаго князя, везомая 6 рыжими лошадьми, въ коей ѣхали—посольскій врачъ панъ Ферендини, капелланъ князя Томасъ Шванъ, ордена проповѣдниковъ, и два пріѣхавшихъ съ посломъ литовскимъ іезуита. Затѣмъ двигалась посольская шляхта, состоявшая изъ разныхъ сопутниковъ-добровольцевъ, коихъ вело благородное любопытство взглянуть на Москву, и изъ членовъ посольской свиты верхомъ на отборныхъ и разубранныхъ коняхъ; потомъ трубачи въ красивомъ польскомъ одѣяніи трубили поперемѣнно передъ каретой пословъ. Карета была очень красива (хотя въ виду дурнаго состоянія дорогъ и выбрали худшую); ее горделиво везли 6 разномастныхъ фрисландскихъ лошадей, блистая богатствомъ серебряной и шелковой сбруи;

кучера, по обычаю поляковъ, одѣты были въ красное; по бокамъ шли 2 гайдука, тоже въ красномъ, осыпанные по ихъ обыкновенію серебромъ. Карету занимали: сіятельный князь Черторыйскій, воевода волынскій, посолъ польскій, и ясновельможный воевода полоцкій, посолъ великаго княжества литовскаго, панъ Комаръ, судья оршинскій, посольскій секретарь, и панъ приставъ московскій, высланный намъ на встрѣчу. Со стороны князя ѣхало верхомъ 12 спальниковъ (по польски называемые pokoiovi), со стороны воеводы тоже 12, всѣ въ красной одеждѣ; за каретой вели по-одиночкѣ 2 иноходцевъ того и другаго посла подъ дорогими сѣдлами и въ великолѣпной сбруѣ; наконецъ 150 человѣкъ посольской свиты и частныхъ лицъ, 600 княжескихъ драгунъ въ новой одеждѣ, съ оружіемъ заключали шествіе. Еще слѣдовало 9 военныхъ повозокъ, кои поляки зовутъ karavan, а нѣмцы—rüstwagen; двѣ великолѣпныя, новыя кареты для въѣзда пословъ въ Москву и множество другихъ малыхъ подводъ. Далеко отъ г. Смоленска стояло для встрѣчи насъ 2 полка московской конницы съ трубами и литаврами. Они провели насъ не въ городъ и не подлѣ стѣнъ, а дѣлая большой крюкъ, въ предмѣстье.

Въ предмѣстьѣ справа и слѣва были разставлены отряды московскихъ стрѣльцовъ съ сурнами (fistulis) и литаврами, кои вдвое больше нашихъ. Мы, не смотря на большое затрудненіе отъ грязи, живо двигались между ними и переѣхали мостъ черезъ рѣку, называемую у нихъ Днѣпромъ, а полатыни Борисѳеномъ; черезъ него мы тутъ переѣзжали уже вторично. Отсюда сворачивая къ улицѣ влѣво въ сопровожденіи московскихъ дворянъ [24])... тамъ праздновали Пасху.

Намъ не позволили хорошенько осмотрѣть мѣстоположеніе города и его достопримѣчательности; насъ не пускали даже ходить по мосту изъ опасенія сколько предать укрѣпленіе, столько и накликать тѣмъ на насъ же самихъ бѣду.

Городъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, кос-какъ обнесенъ недавно выстроенными стѣнами; кромѣ того, огражденъ многими укрѣпленіями. Каменныхъ домовъ, какъ и всюду въ Московіи, почти не имѣетъ, а деревянныхъ въ немъ очень много [25]). Посреди нихъ поднимается значительное возвышеніе; на немъ, замѣтилъ я, производи-

[24]) Пропускъ нѣсколькихъ словъ въ подлинникѣ.

[25]) Вотъ какъ за три года до Таннера секретарь посольства отъ римск. имп. Леопольда Лизекъ описывалъ Смоленскъ:

„Смоленскъ—городъ обширный и хорошо отстроенный; русскіе считаютъ его какъ бы непобѣдимымъ укрѣпленіемъ своего отечества. Въ послѣднее время, по возвращеніи его отъ Польши, въѣздъ въ него запрещенъ всѣмъ чужестраннымъ министрамъ и посламъ изъ опасенія, чтобы они, узнавъ расположеніе крѣ-

лись работы—люди копали, отвозили землю. Я въ удивленіи спросилъ у жителей: къ чему эти необычайныя работы? они отвѣчали, что въ этомъ мѣстѣ хотятъ воздвигнуть нѣчто достопримѣчательное, но что именно — не сказали. [26]) Близъ города—очень обширныя предмѣстья, гдѣ производится оживленный торгъ преимущественно деревянной выточенной на подобіе каменной посудой, разными горшками и прочими дешевыми товарами; ихъ украшаютъ и церкви, почти все деревянныя. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда городъ былъ еще подъ властью польскаго короля, жители носили и одежду польскую; нынѣ же, придя подъ власть великаго князя московскаго, стали и одѣваться всѣ по-московски. Особенно смѣшенъ нарядъ у женщинъ: онѣ рядятся въ длинную

пости, не воспользовались этимъ въ случаѣ войны; мѣсто смоленскаго воеводы самое почетное и дается вельможѣ, заслужившему полную довѣренность царя. Въ городѣ содержится большой гарнизонъ. Впускать въ него иностранцевъ запрещено подъ смертною казнію, но когда мы сказали, что будучи утомлены долгимъ путемъ, хотѣли бы отдохнуть въ Смоленскѣ нѣсколько дней, то воевода въ знакъ особеннаго расположенія и довѣрія къ римскому императору не только согласился на нашу просьбу, но и положилъ ввезти насъ въ городъ съ небывалымъ дотого великолѣпіемъ.... Передъ нами открылся большой городъ, который дотого скрывался за лѣсомъ и горами. На полѣ насъ окружила толпа стрѣльцовъ и любопытныхъ, смотрѣвшихъ на нѣмецкихъ людей, какъ на диво... У городскихъ воротъ стояло множество воиновъ, которые отдали намъ честь; на улицахъ до самой новой крѣпости, куда слѣдовало намъ ѣхать, толпился народъ. Старая крѣпость лежитъ на другомъ берегу Днѣпра и заключаетъ въ себѣ столько строеній, что кажется городомъ. Съ одной стороны омываетъ ее рѣка, съ другой окружаютъ острыя скалы, а посрединѣ возносится башня съ храмомъ Божьей Матери. Все это даетъ крѣпости грозный видъ".

Посольство пробыло въ Смоленскѣ три дня. „Путь отъ Смоленска до Москвы, продол. Лизекъ, сколько опасенъ отъ медвѣдей, столько и скученъ по причинѣ непрерывныхъ лѣсовъ. Единственная между этими городами дорога идетъ по полосѣ вырубленнаго лѣса, шириною около 30 футовъ, съ бревенчатою по болотамъ настилкою". См. Ж. М. Нар. Просв. 1837, ноябрь; Никитинъ Ист. города Смоленска, стр. 205—7.

[26]) По всей вѣроятности Таннеръ говоритъ здѣсь о построеніи Успенскаго собора. Во время осады города Сигизмундомъ III соборная церковь была взорвана; на ея развалинахъ поляки соорудили костелъ. Царь Алексѣй Мих., овладѣвъ Смоленскомъ, задумалъ построить въ немъ соборъ. Для работъ были присланы изъ Москвы мастера; царь пожаловалъ 2000 р. да 399 пудовъ желѣза, а воеводѣ смоленскому Михайлѣ Голицыну приказалъ заготовить весь потребный матеріалъ. Работы начались въ 1677 г.; закладка была 2-го августа. Въ началѣ работы пошли успѣшно: въ полтора года были возведены три стѣны—свв., зап. и южная до круглыхъ оконъ. См. Никитинъ, Ист. города Смоленска. 1848. 208—9 стран.

желтаго цвѣта свитку съ рукавами, свѣшивающимися съ плечъ до-земи, безъ пояса; голову покрываютъ необыкновенными шапками. Дѣвушки отличаются только спускающимися косами съ заплетенной въ нихъ лентой. Мущины подстригаютъ волосы; бороду, рыжую по большей части, не брѣютъ никогда; почтеннѣе и важнѣе прочихъ признается у нихъ тотъ, у кого больше складокъ на рукавѣ кафтана.

Городъ, какъ уже гнѣздо схизматиковъ, во всемъ отступаетъ отъ обряда католиковъ — даже въ крестномъ знаменіи есть отличіе: они полагаютъ его со лба на нижнюю часть груди, потомъ справа налѣво (въ противность намъ), съ глубокимъ поклономъ въ землю.

Было 10-ое апрѣля, когда празднованіе Пасхи по новому обряду у насъ, по старому—у нихъ, въ томъ году случилось въ одинъ и тотъ же день. Тутъ можно было видѣть, какъ они празднуютъ: встрѣчающіеся безъ различія пола и состоянія цѣлуются и, по общему съ нами обычаю давая другъ другу красное яйцо, говорятъ съ поклономъ: „Христосъ воскресъ! (почешски—Kristus wokr'zal), на что другой, благодаря и взявъ яйцо, отвѣчаетъ:“ воистину воскресъ! (gistu vokr'zał) и цѣлуетъ того въ свою очередь, чему немало мы дивились, видя, что на улицахъ это происходитъ поголовно со всѣми встрѣчающимися.

Мы по-своему праздновали Пасху—торжественно съ трубами и литаврами, при чемъ особенно необычнымъ для необразованныхъ зрителей показалась наша пріятная музыка и ласкающее слухъ пѣніе по нотамъ—всѣ и стояли, разиня ротъ, въ изумленіи, какъ это мы можемъ молиться Богу въ то время, когда раздается столь пріятное пѣніе и игра на инструментахъ; имъ казалось, что это скорѣе располагаетъ душу къ пляскѣ.

Немало жителей собиралось у нашего подворья ради болѣе утонченной манеры нашихъ въ обращеніи; а мы въ свою очередь дивились на нихъ, что они во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являютъ манеру обращенія полныхъ варваровъ, говорятъ и другъ другу и чужимъ неучтиво „ты“. Однако ради великаго почтенія къ своему царю, чтобы изъ-за насъ не навлечь на себя его немилость, они ежедневно присылали намъ хлѣбовъ, мяса, живности, меду, пива, водки и др. припасовъ въ изобиліи. Намъ показалось долго ждать тутъ новаго пристава изъ Москвы; послы, убѣдивъ бывшаго при насъ пристава, что онъ встрѣтитъ насъ на дорогѣ, добились того, что они черезъ нѣсколько дней насъ отпустили [27]). Тутъ по горамъ да по доламъ началась ужъ

[27]) Воевода Урусовъ писалъ, что великихъ пословъ держалъ онъ въ Смоленскѣ 8 дней, и они съ Вас. Чадуевымъ приказывали, чтобы имъ дать подводъ и отпустить изъ Смоленска, иначе грозили уѣхать назадъ.

истинно варварская дорога—мы въ часъ испытали больше муки, чѣмъ въ Польшѣ за цѣлый день.

14-го апрѣля, послѣ приличнаго и торжественнаго при звукѣ трубъ и литавръ угощенія, началось наше дальнѣйшее путешествіе въ Московію, въ сопровожденіи также и нѣкоторыхъ тамошнихъ дворянъ. Городскія власти сдѣлали выѣздъ нашъ вполнѣ торжественнымъ по приказу великаго князя и ради важности пословъ и проводили насъ при звукахъ трубъ и литавръ изъ города. Кромѣ того, 500 поселянъ (кои по-тамошнему называются „подводы“; у каждаго изъ нихъ одна телѣга въ одну лошадь) дали возможность съ бо́льшимъ удобствомъ везти посольскую кладь. Для большей безопасности на пути приставъ, долженствовавшій сопровождать посольство, взялъ и съ собою конвой солдатъ.

VIII.

Путь отъ Смоленска внутрь Московіи.

Подвигаясь по кручамъ впередъ, мы ѣхали не безъ большаго горя и досады и, миновавъ невиданную доселѣ нами грязь, черезъ 2 мили очень поздно добрались до убогой деревушки Волчиницы (Volczinic). Деревушка была такъ мала, что всѣхъ насъ не помѣстила, и мы къ довершенію бѣдствія принуждены были провести почти безсонную ночь на ближнемъ лугу подъ открытымъ небомъ, разложивъ кругомъ много огней для защиты отъ сѣвернаго вѣтра.

Въ 3 миляхъ отсюда мы завтракали въ городкѣ Chmosci и въ виду чрезмѣрной усталости лошадей, не смотря на блохъ и постоянный дымъ изъ печи, кое-какъ переночевали тутъ 15 апрѣля. Печи въ избахъ, занимающія почти ихъ четверть, они устраиваютъ въ той части, которую мы почитаемъ главною, назначенною для пріема гостей; у нихъ — наоборотъ: гостямъ мѣсто у двери, гдѣ мы обыкновенно устраиваемъ печи. Дѣлать нечего, ради все еще большой стужи пришлось переночевать тутъ. Насъ сильно искусали насѣкомыя; на слѣдующій день виднѣлись на тѣлѣ знаки.

Сдѣлавъ затѣмъ 5 миль, мы проѣхали г. Бѣлую Церковь (Biala cerkev) и мостъ, называемый живымъ (онъ устроенъ на канатахъ черезъ порядочную рѣку Вопь), и къ большой радости достигли до г. Ульховой слободы (Vulfoneg Slobodi); мы тамъ почевали 16-го апрѣля, потому что отобѣдали поздно. Чтобы избавиться ночью отъ насѣкомыхъ, я присоединился на ночлегъ къ гусарскому капитану пану Казновскому, а тотъ такъ употчевалъ водкой и себя и насъ, что всѣ

мы мертвецки проспали ночь, не обращая вниманія на тварей, коимъ у насъ въ отечествѣ едва-ли водится что подобное. Утромъ, готовясь въ дорогу, мы не безъ огорченія казали другъ другу некрасивые знаки и красноту на лицѣ и рукахъ. Спросили мы у хозяина, кто оставляетъ подобные знаки — блохи или клопы; онъ отвѣчалъ, что есть насѣкомыя, гнѣздящіяся по щелямъ бревенъ, называются они тараканами (karacan), туземцамъ они ни малѣйшаго безпокойства не причиняютъ, а чужихъ тревожатъ немало.

Въ подлинникѣ слѣдуетъ изображеніе таракана.

Въ воскресенье 17-го апрѣля мы отслушали въ своей убогой лачугѣ миссу; смотрѣть сошлось много схизматиковъ, дивившихся, что мы справляемъ службу въ такомъ недостойномъ мѣстѣ (они не знали, что намъ нельзя совершать священнодѣйствія въ ихъ храмахъ).

Встрѣтилась деревня Воиновщина (Vognovszizna), считающаяся довольно значительной. Сдѣлавъ 3 мили, мы рѣшили провести тутъ и полдень и ночь; насъ только страшили ночныя бѣды отъ таракановъ. Но хозяинъ ради прибытка пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и убѣдилъ насъ, что подъ его кровомъ мы переночуемъ спокойно и безопасно ото всякаго ночнаго зла. На дѣлѣ же вышло не то: мы не спали отъ насѣкомыхъ почти всю ночь, проклинали хозяина и насилу дождались разсвѣта. За такой обманъ мы твердо было всѣ порѣшили и обманщику отплатить тою же монетой да мѣшало то, что были мы не въ Польшѣ, а на чужбинѣ. Изругать же мы изругали его какъ нельзя хуже, но онъ все принялъ въ шутку, говоря, что здѣшніе ничего такого не претерпѣваютъ—должно быть, только на чужихъ и обрушивается такая бѣда.

Оставалось до г. Дорогобужа (Dorohobusz) еще три мили. По пріѣздѣ мы остановились на 4 дня также въ предмѣстьѣ близъ р. Днѣпра, отдѣляющаго его отъ города. Тутъ тоже никого не пустили въ городъ, обнесенный старинными и притомъ деревянными, кое-гдѣ обветшавшими стѣнами. Деревянныхъ домовъ, сколько видно было ихъ на холмѣ за стѣною, насчитывается въ немъ немало; среди нихъ замѣтилъ я сверхъ того схизматическую церковь.

Днѣпръ здѣсь такъ разлился, что вода затопила прибрежные луга, и не только черезъ рѣку, но и по лугамъ приходилось переправляться на лодкахъ.

Мы проѣхали 2 мили, а на третьей переправились уже черезъ Днѣпръ (Борисѳенъ); при переправѣ лошади свободно плыли черезъ

рѣку за нами. Завѣдовавшій переправою лошадей главный конюшій панъ Яшилковскій, распоряжаясь этимъ дѣломъ, оступился, желая вскочить на плотъ, и едва спасся съ помощью другихъ. 21 апрѣля пріѣхали мы на ночлегъ въ село Молодилово (Mlodzilo) [28]). Утромъ, выѣзжая въ путь, завидѣли довольно красивый схизматическій монастырь [29]). На встрѣчу намъ вышли 4 монаха, обрядомъ греки (называемые черпецами отъ черной одежды, которую носятъ), выраженіемъ лица, жестами и даже ласковыми словами выказывая явное намѣреніе преподать намъ свое благословеніе въ надеждѣ, что имъ перепадетъ что-нибудь въ мошну. Послы не обратили на нихъ вниманія—они и осыпали насъ бранными словами, обзывая преимущественно басурманами (bisurman), т. е. обрѣзанными.

По лугамъ да по полямъ ѣхать намъ было еще ничего, но по лѣсу очень грязно. Къ тому же приходилось проѣзжать много гатей, пока мы добрались черезъ 4 мили до Чоботова (Czobotow), одного изъ древнѣйшихъ селеній. Тутъ завтракали и по особому усмотрѣніюословъ обѣдали и ночевали. Тутъ снова объялъ душу страхъ предъ тварями, тараканами именуемыми—мы печаловались о томъ предъ поселянами, но со смѣхомъ услыхали, что избавиться отъ ихъ ярости легко, стоитъ только намъ по угламъ избы наложить кусковъ хлѣба. Совѣтъ былъ удаченъ, и мы могли наконецъ ночью заснуть.

Меня перваго разбудило любопытство поглядѣть на какого-нибудь изъ этихъ таракановъ. Взявъ хлѣбъ, я замѣтилъ, что за исключеніемъ жесткой корки онъ сглоданъ весь, при чемъ захватилъ нѣсколькихъ ѣвшихъ еще и потому замѣшкавшихся таракановъ и далъ поглядѣть своимъ сотоварищамъ. На нихъ-то мы и выместили причиненныя намъ бѣды.

Тараканы—не то жуки, не то безкрылая саранча—твари мерзкія и пречерныя; они по запаху чуютъ человѣка, незамѣтно заползаютъ въ одежу и кусаютъ такъ, что отъ внезапной боли спящій человѣкъ вдругъ пробуждается, вскакиваетъ съ постели, точно желая защититься отъ вражеской руки, и—что нерѣдко въ подобнаго рода внезапныхъ напастяхъ—оступившись, стремглавъ валится на полъ.

За благопріятной ночью слѣдовалъ не менѣе благопріятный день: стоялъ уже почти май мѣсяцъ. Весело проѣхали мы милю; виднѣлся уже и пресловутый четыреугольный ровъ, выкопанный по распоряже-

---

[28]) Подъ Молодиловымъ для посольства было заготовлено 4 плота.

[29]) Это Болдинъ Троицкій мужской монастырь, основанный преподобнымъ Герасимомъ въ 1525 году. Окруженъ каменной стѣною съ 4 башнями.

нію воинственнаго короля польскаго Сигизмунда для означенія границы его владѣній и названный имъ Поляновце (Polanovce).

За рвомъ идетъ дорога, свыше мѣры испытывающая иноземное терпѣніе какъ лужами и глубокими топями, такъ и плохими гатями, настланными изъ толстыхъ бревенъ—почти непроходимая. Отъ слишкомъ сильной тряски экипажей сіятельному князю было трудно ѣхать въ каретѣ по такимъ гатямъ, коихъ я насчиталъ больше 35; онъ и велѣлъ гайдукамъ нести себя въ креслѣ, а мы, дворня, охотно шли пѣшкомъ, окружая его и толкуя о жалкомъ состояніи пути; наконецъ поздно добрались черезъ 3 мили до Семлева (Semlovo), гдѣ, сильно уставши, закусили и провели ночь тоже спокойно 23 апрѣля.

На другой день былъ праздникъ великаго патрона Польши и Чехіи св. Адальберта, который мы по обыкновенію встрѣтили съ особымъ торжествомъ, а затѣмъ опять пришлось мучиться по гатямъ, о чемъ говорено выше. Дорога тутъ устлана 53 гатями—иныя въ полмили, а двѣ такъ и въ цѣлую милю. Отъ одной изъ нихъ грозила общая опасность повозкамъ: устроенная на порядочной рѣкѣ, она не выдержала грузовой повозки воеводы, стала разрушаться, и передняя лошадь попала уже въ воду; она надѣлала бы бѣды и больше, еслибъ во-время не подперли ее крѣпкими бревнами, при чемъ лошадь спаслась, когда обрѣзали постромки и дали ей плыть свободно.

Благополучно добравшись наконецъ до г. Вязьмы, мы были по назначенію пристава размѣщены по болѣе значительнымъ домамъ въ предмѣстьѣ (въ городъ насъ не пустили) для отдыха, который неожиданно (приходилось дожидаться новаго пристава, который заботился бы о послахъ и по приказу великаго князя проводилъ бы въ безопасности до мѣста) затянулся на-долго.

IX.

Путь отъ Вязьмы до Москвы.

Городъ этотъ лежитъ за рѣкой Вязьмой, отъ коей и получилъ свое имя. На ней наведенъ мостъ, деревянный, но прочный, при началѣ котораго построена у нихъ гостепріимная для путниковъ корчма (называемая у москвитянъ кабакомъ). Городъ обнесенъ по обыкновенію деревянными стѣнами съ нѣсколькими башнями и ходами кругомъ, выстроенными тоже изъ дерева; за ними видны были всего двѣ церкви да по обыкновенію деревянные же дома. Большія предмѣстья по вязкости (mollities) почвы вымощены здѣсь большею частью круглыми бревнами,

по коимъ очень неудобно ходить; тутъ-то, вокругъ помѣщенія пословъ, нашъ приставъ и размѣстилъ насъ. Тутъ мы нашли невѣроятное количество таракановъ, точно здѣсь ихъ родина—стѣны сплошь ими черпѣли. Чтобы избавиться отъ нихъ, мы выбрали себѣ помѣщеніе, гдѣ бы можно было спать покойнѣе, чему благопріятствовала тогда и погода. Церкви у нихъ деревянныя, съ башенкой, выстроены довольно красиво; при нихъ есть, какъ я замѣтилъ, и каменныя, поменьше, куда они ходятъ обыкновенно зимою.

Меня поразило, что въ помѣщеніи моего князя хозяйка, не задолго передъ тѣмъ родившая ребенка, убаюкивала его не на рукахъ, а въ привѣшенной къ потолку на 4 веревкахъ люлькѣ и кормила его коровьимъ молокомъ истинно варварски: сверху отъ тѣхъ веревокъ свѣшивалась веревочка съ привязаннымъ къ ней рожкомъ, откуда выставлялась коровья соска; мать наливала въ рожокъ теплаго молока, которое черезъ отверстіе внизу проходило въ соску, и эту-то соску, почернѣвшую отъ долгаго употребленія, издававшую тяжелый запахъ и сгнившую на половину, вкладывала ребенку въ ротъ; привыкнувшій къ ней ребенокъ самъ подставлялъ ротъ и сосалъ теплое молоко, которое на дню часто, въ случаѣ недостачи, подливалось. Мы выражали неудовольствіе особенно потому, что соска отъ долгаго употребленія издавала очень тяжелый запахъ, и неоднократно упрекали мать въ безчеловѣчіи, но она только и отвѣчала: таковъ у насъ обычай.

Ребенку, который уже началъ ходить безъ помощи няньки, мать обыкновенно привѣшиваетъ на шею нѣсколько погремушекъ, чтобы по ихъ звуку можно было его отыскать въ случаѣ, если онъ заблудится, какъ мы навѣшиваемъ на шею скотинѣ что-нибудь звенящее на случай, если она отобьется отъ стада. Этихъ разгуливающихъ съ побрякушками малютокъ называютъ они по-своему Hribienka (т. е. ребенокъ), что значитъ почешски hrzibatka (жеребенокъ), а полатыни hinnulus (жеребенокъ) [30]).

Приставъ снарядилъ въ Москву гонца со спискомъ всѣхъ насъ; такъ какъ тотъ запоздалъ, то намъ и пришлось промѣшкать здѣсь нѣсколько дней, пока не пріѣхалъ наконецъ высланный отъ великаго царя на встрѣчу новый приставъ по имени Strabcz—въ пышномъ одѣяніи, съ длинной бородой [31]). Принимая пословъ, онъ просмотрѣлъ

---

[30]) Сходство чешскаго слова gribatka (жеребенокъ) съ русскимъ *ребенокъ* да эти погремушки и дали Таннеру поводъ думать, что въ Россіи ребятъ зовутъ жеребятами.

[31]) Указомъ отъ 3-го апрѣля повелѣвалось ѣхать на встрѣчу посламъ и

списокъ всѣхъ ѣхавшихъ, соотвѣтствуетъ ли на дѣлѣ ему число лицъ, и отослалъ прежняго пристава въ Смоленскъ. При отъѣздѣ его щедрый мой князь подарилъ ему въ благодарность золотую саблю.

Новый приставъ ради препровожденія времени разрѣшилъ побывать за городомъ, и послы ѣздили въ старинный большой дворецъ, отстоящій въ ¼ мили. Намъ позволили осмотрѣть этотъ дворецъ, по ихъ обыкновенію весь деревянный, расположенный на горѣ. Разсказывали, что нѣкогда, во время чумы въ Москвѣ, здѣсь нашла себѣ убѣжище супруга великаго князя, тутъ же кончила жизнь и была погребена. Потому-то и доселѣ никто изъ москвитянъ не дерзаетъ войти сюда изъ почтенія къ своей государынѣ. Такъ велико уваженіе у нихъ къ государямъ [32])!

Надо было еще дожидаться отъ великаго князя отвѣта, когда намъ выѣзжать. 4 мая приставъ наконецъ увѣдомилъ, что пора отправляться, и мы, въ надлежащей мѣрѣ снабженные имъ кормами, благополучно тронулись въ путь [33]).

Ведомые приставомъ, мы ѣхали близъ стѣнъ. Всѣ жители высыпали поглядѣть на насъ и провожали благими пожеланіями. Проѣхавъ немного, глядимъ—снова начались ужасные лѣса, глубокія топи, плохія гати. Сдѣлавъ по сквернѣйшей дорогѣ двѣ мили къ востоку, мы въ лѣсу выбрали поляну, натаскали для устройства лачужки хвороста и на-земи обѣдали, на-земи и спали; послы удалились въ свои палатки. Отсюда до Можайска на разстояніи 22 миль только и есть одинъ городъ да одно селеніе.

Выстрѣлами изъ ружей, отдававшимися по лѣсу, москвитяне насъ на этомъ первомъ почлегѣ развеселили, и возбужденные поляки, паля изъ ружей да соревнуя другъ съ другомъ за чаркой, запировались за̀ полночь. Не смотря на попойку и безсонную ночь, мы на другой день

быть у нихъ въ приставахъ *стрянчему* Никифору Сергѣевичу Ефимьеву. Таннеръ слово стрянчій (Strabcz) принялъ за имя собственное.

[32]) Дворецъ близъ Вязьмы — то помѣщеніе, гдѣ жилъ во время чумы 1654—5 г. царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ и патр. Никонъ. Въ это время была построена и деревянная дворцовая церковь. См. Семеновъ, Геогр.-ст. словарь.—Царица Марья Ильинична умерла въ Москвѣ въ 1669 году 4-го марта и погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

[33]) Въ подлинникѣ: unde nos ab illo alimentis probe refecti... Alimenta, повидимому, есть только переводъ слышаннаго Таннеромъ слова „кормы“. Но тутъ явно недоразумѣніе, ибо по донесенію Ник. Ефимьева послы кормовъ не приняли. См. предисловіе стр. VI.

до полудня сдѣлали 4 мили и за непмѣніемъ корчмы по дорогѣ, гдѣ бы позавтракать, потребили вмѣсто завтрака, что было у насъ на кухнѣ, въ пріятной мѣстности, гдѣ гайдуки изъ земли устроили подобіе стола.

До Царева Займища (Czarske Zaimoscie) проѣхали мы еще три мили. Послѣ пожаровъ, превратившихъ его почти въ деревню, городъ снова поднялся. Среди площади находится въ немъ церковь да одинъ кабакъ. Здѣсь переночевали 5-го мая. 6-го мая послѣ завтрака, благодаря хорошей дорогѣ, еще до ночи сдѣлали 5 миль; пріютомъ послужила намъ пріятная поляна, которую москвитяне называли Kameniwrab. Поляну раздѣлили такъ, что лучшая ея часть была предоставлена сіятельному князю, вторая—воеводѣ, третья—секретарю посольства, четвертая—приставу (къ каждому примкнула и своя дружина); неподалеку были и драгуны обоихъ пословъ, назначенные для общей охраны. Всѣ, кому угодно было, разложили костры, у коихъ, чтобъ было веселѣй ночью, играла и музыка.

Утромъ, послѣ 4 миль по лѣсамъ да по гатямъ, встрѣтилась еще поляна, называемая туземцами Островокъ (Ostrowik), орошаемая свѣтлымъ ручейкомъ, гдѣ приставъ во время завтрака съ послами, затягивая время, уговорилъ и почевать. Всю ночь была сильная гроза; къ утру всѣ мы промокли до костей. По грязи и по лужамъ пришлось проѣхать 3 мили; въ полдень однакожс, когда нѣсколько разгулялось, мы прибыли въ усадьбу Ельню, расположенную на горѣ. Позавтракавъ тутъ, мы еще черезъ 3 мили достигли до города Можайска (Mosaisko). Въ городъ насъ опять не пустили; мы заняли предмѣстье.

Городъ обнесенъ по горѣ каменными, но за ветхостью уже развалившимися стѣнами; онъ имѣетъ предмѣстья, гдѣ много лавокъ. Народъ преданъ пьянству: двѣ корчмы (тогда какъ въ каждомъ городѣ обыкновенно бываетъ по одной), называемыя у нихъ, какъ я говорилъ, кабаками, всегда были полны пьянчугъ. Этотъ людъ — заячьяго благородства: боится даже одного строгаго взгляда, впрочемъ лишенъ всякаго человѣкоподобія. Тутъ снова пришлось промѣшкать нѣсколько дней въ ожиданіи разрѣшенія великаго князя. Наконецъ 12 мая, послѣ торжественнаго завтрака по случаю предстоявшаго окончанія нашихъ томленій, мы двинулись въ путь съ болѣе веселымъ духомъ.

У москвитянъ миля называется верстою (viast), каковыхъ четыре составляютъ нашу одну. Итакъ черезъ 12 верстъ или три нашихъ мили отъ Можайска намъ опять встрѣтилась пріятная поляна для отдохновенія, гдѣ мы изъ хворосту воздвигли лачугу (по-ихнему шалашъ), чтобы удобнѣе было спать. На утро, продолжая путь черезъ

Шелковку (Scholkovka—это нѣсколько лачугъ среди лѣса) и черезъ Часовню (Wczassowna—такъ называются три тоже лачуги), мы, сдѣлавъ 5 миль, доѣхали до города Кубинскаго (Kubinsko), куда насъ впустили. Тутъ мы пробыли цѣлыя сутки, а на слѣдующій день, перешедъ рѣчку Татарку (Tatarka), проѣхали три мили; на очень пріятномъ мѣстѣ, среди еловаго лѣса, въ шатрѣ посольскими священниками совершена была служба; потомъ мы позавтракали и съ этихъ поръ возымѣли уже надежду, что дорога будетъ лучше.

Въ полумили отсюда проѣхали мы старинный монастырь Вяземы, обнесенный каменной стѣною, окруженный большимъ прудомъ, украшенный, кромѣ того, мостомъ, тоже каменнымъ [34]).

Остальныя 4 мили сдѣлали по совершенно ровной дорогѣ, среди пріятной зелени. Вдали по окрестностямъ всюду виднѣлись прекрасныя хоромы (palatia) и церкви. Мы сдѣлали привалъ 14-го мая въ избушкахъ села Мамонова, гдѣ и князь получилъ отъ короля польскаго письмо, привезенное московскимъ верховымъ. Верховые ѣздили постоянно между Москвой и Смоленскомъ—одинъ изъ Москвы въ Смоленскъ, а другой обратно, такъ что мы каждую недѣлю поперемѣнно посылали и получали письма [35]). Ровность дороги, красивое мѣстоположеніе, частыя строенія—все указывало намъ, что Москва недалеко.

Чтобы удобнѣе устроить въѣздъ въ Москву, приставъ своротилъ здѣсь на 15 верстъ въ сторону и провелъ все посольство въ г. Строгино (Ostroginost), гдѣ пробыли мы полдень. Въ милѣ отсюда пере-

---

[34]) Въ началѣ 17 в. Вяземы описываются поляками такъ: Это селеніе принадлежало умершему царю Борису. Въ немъ есть дворецъ, довольно обширный, обнесенный палисадникомъ и окопанный рвомъ съ рогатками. Подлѣ дворца каменная церковь очень изрядная; иконы и подсвѣчники въ ней богаты и прекрасной работы. Дневн. Марины.—Въ Вяземѣ есть каменная церковь; ограда ея съ 6 острыми деревянными башнями похожа на крѣпость. Дневн. польск.ословъ. См. Устряловъ, Сказан. соврем. о Дмитр. Самозв., изд. III, стр. 141, 205. Дворца теперь нѣтъ, церковь уцѣлѣла.

[35]) Кильбургеръ (1674): Почту впервые завелъ въ Россіи Іоаннъ фонъ-Шведенъ въ 1663 г., а дотого письма пересылались съ нарочными. Вечеромъ по вторникамъ почта идетъ въ Новгородъ, Псковъ, Ригу. Отъ Москвы до Риги ходитъ 9—11 дней; золотникъ стоитъ въ Новгородъ 6, въ Псковъ 8, а въ Ригу 10 копѣекъ. Эта почта приходитъ снова въ Москву по четвергамъ. Почта въ Польшу черезъ Вильну отходитъ вечеромъ въ среду. Съ нею можно посылать письма въ Римскую имперію черезъ Кенигсбергъ.... Приходитъ она въ среду утромъ. См. Büching, Magaz., ч. III, стр. 319—320.

сѣкла намъ дорогу р. Москва, текущая городомъ. Переправясь, мы должны были еще миновать большую деревню Щукино (Szukieno). Отсюда провели пословъ со всѣми ихъ сопутниками за 2 мили—къ тому деревянному подворью, которое воздвигли когда-то предшественники великаго царя для удобства пословъ и похвальбы городомъ Москвою (оттуда уже виднѣлись золоченыя башни, дворцы и прочее великолѣпіе) [36]). Такъ какъ Москва, куда мы ѣхали съ такими затрудненіями, была всего въ полутора мили, то всѣ развеселились и забыли о томъ, что дотолѣ пришлось испытать.

X.

Торжественный въѣздъ въ Москву.

Послы имѣли 2 дня для приготовленія ко въѣзду въ городъ — 15 и 16 мая. Готовили экипажи, чистили всѣхъ лошадей, особенно фрисландскихъ, и водили ихъ по двору нашего подворья для того, чтобы онѣ явились въ приличномъ видѣ и выступали мѣрнымъ шагомъ (при торжественномъ въѣздѣ на нихъ особенно разсчитывали). Посольскіе чиновники и прочіе сопутники старались одѣться попышнѣе; сами послы готовились явиться во всемъ блескѣ. Когда все было готово для торжественнаго въѣзда, изъ числа московскихъ вельможъ пріѣхали 2 всадника съ многочисленною свитой и привезли посламъ отъ великаго князя разрѣшеніе въѣхать въ городъ. Въѣздъ въ великую метрополію Московіи (называемую по-ихнему „столицей“) происходилъ 17-го мая въ 10 часу утра, при множествѣ зрителей, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Сначала выслали впередъ (какъ дѣлалось это и въ другихъ городахъ) до 500 телѣгъ, забранныхъ подъ посольскую кладь въ Можайскѣ. Нагруженныя ящиками и разнымъ скарбомъ, онѣ начинали посольское шествіе; не въ очень дальнемъ разстояніи отъ нихъ длиннымъ рядомъ слѣдовали пары, тройки, четверни и многочисленныя подводы шляхты, перечислять которыя было бы долго. Затѣмъ тихимъ шагомъ двигались 4 повозки съ кухоннымъ скарбомъ; ѣхали и другія повозки, которыя

---

[36]) Это такъ называемый подхожій станъ, стоявшій на р. Ходынкѣ. — „А какъ послы пріѣдутъ близко Москвы, и дворянину велѣно бываетъ съ тѣми послами остановитися, не доѣзжая Москвы за 20 верстъ, и о посольскомъ пріѣздѣ отписать. И по ево письму велятъ ему съ тѣми послами итти къ Москвѣ на подхожей станъ, верстъ за семь, и ожидати указу, какъ ему велятъ быть съ ними къ Москвѣ“. Котошихинъ. О Россіи въ ц. Алекс. Мих., гл. V, ст. 1.

я выше назвалъ karawan, четыре сіятельнаго князя, крытыя желтымъ сукномъ да пять ясновельможнаго воеводы полоцкаго, крытыя краснымъ, съ коврами, гардеробомъ и комнатнымъ убранствомъ, въ 6 лошадей каждая; три трубача да литаврщикъ ясновельможнаго воеводы въ красномъ нѣмецкомъ одѣяніи съ золотой бахромой, сидя на благородныхъ коняхъ, здѣсь громко играли впереди отряда изъ 60 драгунъ, одѣтаго тоже въ красное и обращавшаго на себя общее вниманіе. Затѣмъ ѣхали 2 дорожныхъ экипажа пословъ, въ 6 лошадей каждый; въ одномъ ѣхали посольскіе священники, въ другомъ — посольскій врачъ (онъ былъ одѣтъ понѣмецки; къ нему присоединился и я въ такой же одеждѣ, не найдя себѣ мѣста между поляками); потомъ ѣхала карета ясновельможнаго воеводы, вся блиставшая золотомъ, везомая 6 крапчатыми лошадьми въ золотой сбруѣ, съ развѣвающимися красными шелковыми лентами на головахъ. За ними слѣдовали 18 нарочно взятыхъ для парадности коней подъ персидскими, богато убранными сафирами и дорогими камнями сѣдлами, рѣзвясь и играя: четыре послѣднихъ, хотя и спутанные веревкою по ногамъ и ведомые кромѣ того конюхами, обращали однако на себя особенное вниманіе зрителей благородной и величавой статью. За ними вереница сопутниковъ и посольскихъ чиновниковъ, человѣкъ навѣрное во сто, ѣхала на горделивыхъ коняхъ. Наконецъ въ далекомъ отъ нихъ разстояніи три одѣтыхъ по-польски трубача торжественными звуками возвѣщали о шествіи пословъ, идя далеко впереди посольской кареты. Въ ней ѣхали послы:

Сіятельный князь Михаилъ Георгій, князь на Клевани, Черторыйскій, воевода волынскій, староста велижскій, великій посолъ королевства польскаго;

Ясновельможный панъ Янъ Казиміръ Сапѣга, воевода полоцкій, посолъ великаго княжества литовскаго;

Наияснѣйшій панъ Комаръ, судья оршинскій, секретарь посольства;

Московскій приставъ Strabezi, сопровождавшій посольство.

Карета нарочно для этого была куплена, какъ сказано выше, во Вратиславлѣ, силезской столицѣ, на средства князя; внутри она была вся обита краснымъ атласомъ, а на крышѣ съ внутренней стороны было множество золотыхъ и серебряныхъ петелекъ (nodulis) — украшеніе, не виданное москвитянами; все желѣзо на ней было позолочено и придавало ей огромную цѣнность. Карету везли 6 фрисландскихъ лошадей въ золотой же сбруѣ, съ султанами изъ бѣлыхъ перьевъ на головѣ; онѣ выступали горделиво, придавая процессіи

много торжественности и, испуская благородное ржаніе, казалось, точно рѣяли по воздуху. Со стороны князя шли 12 гайдуковъ въ одеждѣ ярко-краснаго цвѣта съ серебромъ; шестеро другихъ въ такого же цвѣта одеждѣ шли при ясновельможномъ воеводѣ съ сѣкирами на плечахъ, называемыми у поляковъ обухами (obuch) [37]); по сторонамъ пословъ ѣхало верхомъ еще 24 спальника, обращавшіе на себя вниманіе благородствомъ коней и ярко-краснымъ цвѣтомъ одежды. Позади слѣдовало до 300 разнаго рода слугъ въ новой одеждѣ. Слѣдовавшій за ними отрядъ тѣлохранителей сіятельнаго князя замыкалъ посольское шествіе.

На эту процессію, выступившую въ открытое поле съ подворья, которое, какъ я сказалъ, находилось въ полутора мили, народъ, благодаря необычайной пышности этого посольства, сошелся глазѣть въ такомъ множествѣ, что едва можно было проѣхать. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что спѣшить намъ нечего, а надо ѣхать самымъ медленнымъ шагомъ, чтобы не предупредить выѣзда изъ города тѣхъ, которые по приказу царя готовились идти намъ навстрѣчу. Мы медленно подвигались впередъ, пока не пришло извѣстіе, что все готово и что пословъ ожидаютъ.

Всѣмъ нетерпѣливо хотѣлось видѣть городъ, особенно царя и его мѣстопребываніе, а въ это время уже доносились издали громкіе звуки литавръ, трубъ, роговъ; потомъ представилось взорамъ блестящее войско, раздѣленное на 2 половины, справа и слѣва (посламъ приходилось проѣзжать серединой) въ разноцвѣтномъ одѣяніи, со множествомъ трубъ и литавръ.

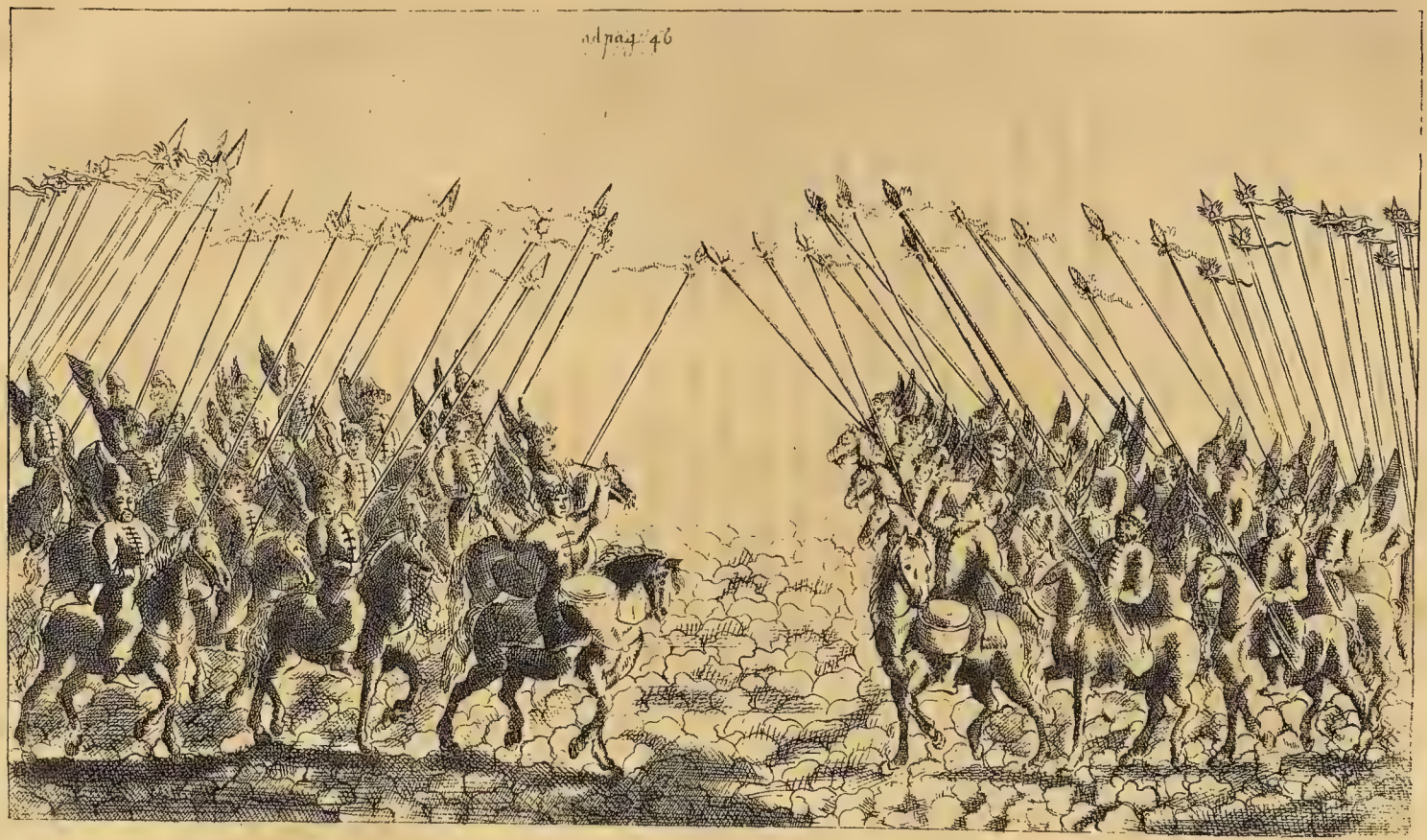
Военачальники верхомъ на статныхъ коняхъ, на богатыхъ персидскихъ сѣдлахъ представляли большое разнообразіе одеждъ и убранства и красою и величественностью превосходили одинъ другаго. Подъѣхавъ къ городу ближе, глядимъ — новый, невиданный дотолѣ отрядъ воиновъ! Цвѣтъ длинныхъ красныхъ одѣяній былъ на всѣхъ одинаковъ; сидѣли они верхомъ на бѣлыхъ коняхъ, а къ плечамъ у нихъ были прилажены крылья, поднимавшіяся надъ головой и красиво расписанныя; въ рукахъ—длинныя пики, къ концу коихъ было придѣлано золотое изображеніе крылатаго дракона, вертѣвшееся по вѣтру. Отрядъ казался ангельскимъ легіономъ [38]). Кто не подивился бы на

---

[37]) Въ подлинникѣ изображеніе польской сѣкиры.

[38]) Эти были *жильцы*, учрежденные при Иванѣ Грозномъ. Назывались они такъ потому, что приходили въ Москву изъ другихъ городовъ на опредѣленный срокъ или на житье. Они набирались изъ дѣтей стольниковъ, стряп-

ad pag. 46



такое чудное зрѣлище, того по справедливости я счелъ бы слѣпымъ и среди цвѣтущаго сада, полнаго всякаго рода цвѣтовъ.

Мы проѣхали уже три четверти мили, когда встрѣтили царскихъ спальниковъ въ богатомъ нарядѣ, мчавшихся на роскошно убранныхъ иноходцахъ. Сознаюсь, что мнѣ не подъ силу описать, какъ слѣдуетъ, убранство ихъ, разнообразіе одѣяній и прочее великолѣпіе всей этой вереницы—необычайную ихъ пышность, красу и блескъ можно развѣ вообразить! Впрочемъ разскажу, какъ сумѣю, что въ изумленіи я увидѣлъ.

На нихъ ловко сидѣли красныя полукафтанья, а другія въ родѣ длиннаго плаща были накинуты на шею, мастерски вышитыя, подбитыя соболемъ; они называютъ ихъ ферязями. На каждой ферязи на груди по обѣ стороны виднѣлись розы изъ крупныхъ жемчужинъ, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернувъ ихъ у праваго локтя и забросивъ за спину. Блиставшія на солнцѣ каменьями, золотомъ и серебромъ шапки придавали еще больше красы этой вереницѣ и безъ того нарядныхъ спальниковъ. Сбруя тоже была великолѣпна: справа и слѣва отъ удилъ до передней сѣдельной луки, въ видѣ полукруга, имѣли они серебряныя, а иные такъ и золотыя, испещренныя разными узорами цѣпи, толщиною въ три пальца, заставляя коней привскакивать отъ ихъ бряцанія; пріятный ихъ звукъ производили они и съ помощью имѣвшихся въ ихъ рукахъ хлыстовъ [36]). Конскія ноги украшались подковами, тоже производившими звукъ отъ привѣшенныхъ къ нимъ серебряныхъ цѣпочекъ, и дорогими на-

---

чихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ чрезвычайныхъ собраніяхъ при дворѣ жильцы числомъ 50—100 и болѣе являлись въ видѣ почетной стражи въ разноцвѣтныхъ терликахъ (верхняя одежда)—бархатныхъ, объярныхъ и атласныхъ; на головѣ имѣли шапки изъ золотой парчи съ мѣховымъ околышемъ... Подобный описанному нарядъ съ крыльями былъ и у поляковъ. Лица, видѣвшія подобныя крылья въ натурѣ, утверждаютъ, что они состояли изъ орлиныхъ перьевъ, воткнутыхъ въ небольшіе брусочки, и держались на всадникѣ съ помощью кожаныхъ ремней или поясовъ, къ коимъ были прикрѣплены. См. Ист. описан. одежды и воор. рос. войскъ, стр. 87, 88, прил. CXX—CXXI. Таиъ же есть и изображеніе коннаго жильца съ крыльями, рис. 105.

[36]) Это были такъ называемыя „чепи“. Онѣ были двухъ родовъ—поводныя и гремячія; поводныя дѣлались изъ колецъ и висѣли отъ удилъ до передней сѣдельной луки въ видѣ поводьевъ, а гремячія—изъ нѣсколькихъ скрѣпленныхъ между собою дутыхъ гремушекъ; прицѣплялись онѣ у той же луки и висѣли иногда ниже живота.

колѣнками (monilia) [37]). Словомъ весь отрядъ ихъ (думается, было ихъ до двухсотъ) такъ и горѣлъ, какъ жаръ, своимъ свѣтлымъ убранствомъ. Довольно долго гарцовали они такъ другъ передъ дружкой, потомъ съ утомленныхъ коней пересѣли на другихъ въ еще болѣе пышной сбруѣ и начали — удивительно сказать! — не касаясь земли, перескакивать съ одного сѣдла на другое, выказывая такую ловкость, что всѣ въ изумленіи залюбовались на ихъ искусство.

За этой нарядной вереницей ѣхала большая великокняжеская карета, снаружи блиставшая золотомъ, а внутри изукрашенная золотой и серебряной бахромой, французскаго образца, высланная княземъ за послами [38]). Шествіе принуждено было останавливаться дважды: разъ—по случаю отведенія назадъ въ городъ вооруженныхъ москвитянъ, коихъ мы оставили назади, долженствовавшихъ занять площади, гдѣ надлежало намъ ѣхать. Въ это время шагъ за шагомъ съ большимъ шумомъ подъѣхали москвитяне, незамѣтно ударяя коней, чтобы они больше играли и ржали; всѣ, посланные, какъ я сказалъ, намъ на встрѣчу, приближались по одиночкѣ къ каретѣ пословъ, отдавали почтеніе, пока послѣдній въ ряду и первый по сану маститый старикъ, между всѣми отличавшійся богатой ферязью, не пригласилъ пословъ въ карету и послѣ многихъ разговоровъ и церемоній, когда они сѣли, не присоединился къ нимъ туда же и самъ—шествіе при этомъ, уже почти близъ самаго города, останавливалось вторично [39]).

Во время такихъ намѣренныхъ замедленій оставленные нами позади солдаты (много ихъ было услано на войну съ турками и для

---

[37]) Украшенія на конскихъ ногахъ были: наколѣнки, надѣвшіяся съ серебряными и золотыми бляхами подъ самыми колѣнками; остроги — у самыхъ копытъ, въ видѣ шпоръ; также бубенчики и цѣпи; эти послѣднія украшенія или привязывались тесьмою къ ногѣ лошади, или прикрѣплялись къ подковамъ. См. Истор. описаніе одеждъ и вооруж. россійск. войскъ.

[38]) За послами была выслана карета въ 6 лошадей со стременнымъ конюхомъ. Въ каретѣ ѣхалъ князь Борисъ Мышецкій; онъ былъ встрѣчникомъ посольскимъ. Въ городъ съ послами, кромѣ него, должны были ѣхать въ той же каретѣ—приставъ Никифоръ Ефимьевъ да дьякъ Семенъ Протопоповъ. Королевскіе дворяне и посольскіе люди ѣхали впереди пословъ верхомъ на своихъ лошадяхъ, а передъ ними ѣхало 70 человѣкъ конюшеннаго чину въ цвѣтномъ платьѣ. Королевскія поминки несли впереди стрѣльцы.

[39]) По росписи слѣдовало въ каретѣ сидѣть стольнику Борису Мышецкому противъ пословъ—князей Михаила (Черторыйскаго) и Казиміра (Сапѣги), въ дверяхъ сидѣть Ефимьеву да дьяку Протопопову.

ad pag: 47

парада царь, повидимому, располагалъ немногими) боковыми дорогами забѣгали впередъ и снова являлись передъ нами въ другомъ мѣстѣ.

Все, повидимому, обстояло благополучно — вдругъ чиновники пословъ и великаго князя жарко заспорили о мѣстахъ. Споръ длился три часа; шествіе остановили, доложили великому князю — спросили его волю, и онъ рѣшилъ, чтобы два московскихъ чиновника имѣли въ серединѣ поляка, во второмъ ряду, чтобы два поляка—москвитянина и т. д. У себя въ Москвѣ, конечно, москвитяне пышностью безъ сравненія превосходили дорожный нарядъ пріѣхавшихъ къ нимъ поляковъ; зато полякъ, находясь между двумя москвитянами, затмѣвалъ ихъ обоихъ важностью и благородствомъ лица.

По въѣздѣ пословъ въ городъ московскимъ трубачамъ было велѣно играть громче, но несходнымъ съ нашими трубачами образомъ. Сравнивъ искусство этихъ и тѣхъ, я могъ бы сказать, что москвитяне дуютъ въ liripipium, а наши въ трубы [40]). Въ самомъ дѣлѣ, москвитяне издаютъ такіе безпорядочные звуки, что въ ихъ музыкѣ не различишь никакого складу. Народу вышло на улицы столько, сколько могли онѣ помѣстить; прочіе глядѣли изъ оконъ, съ карнизовъ и съ крышъ въ такомъ множествѣ, что я дивился, какъ подъ такой массою не развалились дома, выстроенные только изъ дерева.

Въ числѣ зрителей было немало и дѣвицъ, постаравшихся прiукрасить себя для въѣзда пословъ. Чтобы казаться красивыми, онѣ бѣлятся и румянятся, на лобъ надѣваютъ ободокъ въ 3 пальца шириною, съ золотомъ и серебромъ и съ висящими кругомъ звѣздочками, такъ что нельзя шевельнуть головою безъ того, чтобы онъ не засіялъ лучами [41]).

Мы миновали предмѣстье Slobodow, имѣя предъ собою столь разнообразное зрѣлище и сами служа предметомъ зрѣлища для многочисленной толпы, и подъѣхали къ городскимъ воротамъ, гдѣ былъ сильный караулъ и пушки. Часть эта называется Земляным городомъ (Zemlenigorod). Проѣхавъ здѣсь опять длинную улицу, вымощенную круглыми, очень неудобными для ѣзды въ экипажахъ бревнами, мы достигли площади, гдѣ стояли солдаты и трубачи, привѣтствовавшіе насъ торжественною музыкой. Потомъ мы проѣхали въ другую часть города, стѣны коей бѣлы, почему она и зовется Бѣлымъ

---

[40]) Что разумѣетъ Таннеръ подъ словомъ liripipium, мнѣ не понятно. У Du-Cange'a — liripipium: epomis, unde Belgis liire-piipe seu potius longa fascia vel cauda capitii. Слово это между прочимъ встрѣчается и въ Epist. obscur. viror., p. 96: est autem habitus magistrorum (in jure) caputium magnum cum liripipio.

[41]) См. Забѣлина, Дом. бытъ рус. царицъ, 1869 г., стр. 589.

городомъ (Bialgorod). Ворота ея тоже были заняты вооруженнымъ отрядомъ и пушками; по длинной и широкой ея улицѣ разставлена была пѣхота, а на площади — конница, встрѣтившая насъ разными привѣтственными звуками.

Наконецъ подъѣхали къ Китай-городу, укрѣпленному лучше прочихъ частей, на воротахъ коего на нашъ въѣздъ глядѣлъ самъ царь, а чтобы лучше было видѣть, посольству велѣно было остановиться на полчаса. Проѣхавъ этими воротами, мы достигли площади, которая вся была вымощена гладкими бревнами, гдѣ вторично встрѣтили прежній отрядъ воиновъ съ крылатыми драконами на пикахъ, впереди коего было 6 барабанщиковъ, кои били палками въ огромные барабаны, удивительно ровно и согласно всѣ двигая вокругъ головы руками и раскачиваясь тѣломъ. Проѣхавъ площадь, мы повернули въ улицу налѣво и на великолѣпномъ, построенномъ для иноземныхъ пословъ подворьѣ 17-го мая положили желанный конецъ своему путешествію въ 219 нѣмецкихъ миль [42]).

XI.

Посольское подворье и первый пріемъ у царя.

Чтобы читатели получили понятіе о посольскомъ подворьѣ, надо знать, что это прекрасное зданіе построено Алексѣемъ Михайловичемъ изъ кирпича (что здѣсь по деревяннымъ городамъ рѣдко), въ три жилья, по 4 угламъ украшено 4 башенками, или, какъ ихъ называютъ, куполами, возвышающимися надъ столькими же ступенями. Оно заключаетъ внутри четыреугольный дворъ, средину коего занимаетъ большой колодезь. Главная краса зданія — высокая и изящная башня служитъ великолѣпнымъ въ него входомъ и своими тремя балконами (изъ нихъ одинъ на самомъ верху, средній на серединѣ башни, а третій съ остальнымъ зданіемъ наравнѣ), пріятными по открывающимся съ нихъ видамъ и просторными для прогулки, придаетъ немалое украшеніе этому городу. Для жительства пословъ москвитяне

---

[42]) Посольство ѣхало нынѣшней Тверской отъ Новыхъ тріум. воротъ до старыхъ (Slobodow); тутъ въѣхало оно воротами въ Земляной городъ, направилось по Тверской между стар. тріумф. воротами и Страстнымъ монастыремъ; тутъ опять воротами въѣхало въ Бѣлый городъ; потомъ по Тверской направилось къ Воскресенскимъ воротамъ и, въѣхавъ ими въ Китай-городъ, прослѣдовало по Красной площади на Ильинку, гдѣ было Посольское подворье.

раздѣлили зданіе это на 3 части: первую и лучшую назначили для князя-посла, вторую—для посла-воеводы, третью—для секретаря посольства. Этотъ обширный домъ помѣстилъ одинъ всѣхъ сопровождавшихъ посольство людей. Своды въ комнатахъ были такъ низки, что нельзя было приладить къ стѣнѣ ни одной изъ привезенныхъ съ нами занавѣсей, не подогнувъ ее хорошенько.

Теперь посмотримъ, какую обстановку сдѣлали москвитяне въ комнатахъ. Кругомъ по стѣнамъ придѣланы были лавки; середину комнаты занимали длинные столы и переносныя скамейки, всѣ обитыя краснымъ сукномъ, которымъ обиты были внизу и стѣны, насколько сидящій человѣкъ доставалъ спиною. Въ одной изъ предоставленныхъ князю-послу комнатъ, роскошно убранной, приготовлено было возвышеніе съ дорогимъ балдахиномъ наверху, гдѣ былъ портретъ польскаго короля; подъ нимъ кресло, назначенное для князя-посла, когда ему нужно было принимать посѣтителей. Внутренній покой князя украшался шитыми золотомъ коврами, на коихъ изображена была исторія Сампсона. Такъ какъ воздухъ въ немъ былъ спертъ и испортился, то явилась необходимость, чтобы онъ не былъ вреденъ князю, къ неудовольствію москвитянъ, вынуть нѣсколько рамъ. Устроены были три большія кухни съ чуланами, птичниками и прочими принадлежностями; для лошадей, нужныхъ для ежедневныхъ разъѣздовъ, были три конюшни; прочихъ пасли конюхи въ полѣ за $6^1/_2$ миль отсюда, смѣняясь еженедѣльно. Наконецъ — два большихъ зала для прогулки и пирушекъ. Немало подивились послы на то, что всѣ окна были скорѣй желѣзныя и каменныя, чѣмъ стеклянныя и прозрачныя, а выходившія на улицу имѣли еще и глубоко вдѣланныя въ стѣну рѣшетки толщиною въ человѣческій кулакъ; затворялись они также и желѣзными ставнями, изъ коихъ къ каждому однакожъ москвитяне приставили еще нѣкоторое число солдатъ, чтобы предупредить, какъ они утверждали, покушенія грабителей и воровъ [43]).

---

[43]) Англійскій посолъ Карляйль въ 1669 г. такъ описываетъ посольское подворье: „Домъ, занятый нами въ городѣ, былъ большое каменное строеніе неподалеку отъ крѣпости. Это былъ самый удобный, какой только можно найти. Всѣ комнаты были со сводами; при каждомъ окнѣ—желѣзныя ставни, при каждой входной двери—затворы тоже желѣзные, что и дало намъ поводъ сказать, что попали мы въ желѣзный вѣкъ. Впрочемъ предосторожности такого рода въ той странѣ довольно рѣдки. Наши комнаты обиты были больше все саржей или краснымъ сукномъ, а вмѣсто стульевъ были скамьи, обитыя тѣмъ же. Постелей и иныхъ принадлежностей не было, кромѣ столовъ и печей. Остальныя

Затѣмъ начались заботы о дарахъ великому князю, кои надо было сдѣлать сколь возможно пристойнѣе отъ имени ли короля, лично ли отъ пословъ, причемъ многіе посольскіе дворяне-поляки добровольно отдавали бывшія при нихъ драгоцѣнности для поднесенія царю.

Когда все было готово, въ пятницу 20-го мая, въ 8-мъ часу утра, на дворъ къ намъ въѣхали 20 паръ всадниковъ, всѣ въ красной одинаковаго цвѣта одеждѣ, верхомъ на бѣлыхъ коняхъ и построились длиннымъ рядомъ. За этими слѣдовало до 15 паръ придворныхъ, саномъ выше, въ нарядѣ болѣе пышномъ, верхомъ тоже на бѣлыхъ коняхъ; рядъ ихъ заключалъ главный конюшій, отличавшійся особенною пышностью одежды и красотою коня, ѣхавшій впереди роскошной кареты, подаренной нѣкогда великому князю французскими послами вмѣстѣ съ лошадьми. Въ каретѣ ѣхали 3 московскихъ боярина, одежда коихъ блистала золотомъ и серебромъ. Прибывъ на посольское подворье, они явились къ князю-послу, гдѣ нашли и другаго посла; поклонясь каждому отъ великаго князя, они весьма вѣжливо пригласили ихъ на свиданіе съ нимъ.

Послы охотно изъявили согласіе. Чтобы сдѣлать это съ полнымъ блескомъ, они приказали сопровождать себя всѣмъ почти посольскимъ людямъ (что и было исполнено съ большою пышностью, ибо всѣмъ пришлось по душѣ). Въ той же каретѣ, съ тѣми же тремя боярами они и отправились въ княжескій дворецъ.

Съ самаго нашего выѣзда по площади и по всѣмъ улицамъ въ Китай-городѣ, потомъ и въ Кремлѣ (Crimgorod), княжеской резиденціи, лежащей точно сердце въ серединѣ города, справа и слѣва видѣли мы длиннымъ и густымъ рядомъ разставленныхъ солдатъ. Непрерывное ржаніе скачущихъ коней, которыми полны были улицы, торжественные звуки трубъ и литавръ дѣлали посольское шествіе еще болѣе праздничнымъ и занимательнымъ для толпившагося въ городѣ народа.

комнаты были двѣ большихъ палаты; въ одной, гдѣ былъ балдахинъ, мы устраивали молельню по тѣмъ днямъ, когда слушали проповѣдь; въ другой было помѣщеніе для 7 или 8 джентльменовъ.

Іоганнъ Арнольдъ Брандтъ въ 1673 году: Это помѣщеніе, называемое посольскимъ подворьемъ, имѣло большія ворота спереди и широкій дворъ. Входъ по нѣсколькимъ ступенямъ кверху велъ въ разные покои — все каменные и со сводами, точно въ капеллѣ. Предоставленныхъ намъ комнатъ было пять слѣва да четыре справа, изъ коихъ первая назначена была для посла, а другія—для насъ, подарковъ и поклажи.

Въѣхавъ въ Кремлевскія ворота и длинной улицей проѣзжая мимо монастыря дѣвицъ (называемыхъ черницами) на площадь, мы замѣтили 200 пушекъ, стоявшихъ дулами одна противъ другой; нѣкоторыя имѣли по три отверстія, были различнымъ образомъ расписаны и окружены многочисленныхъ карауломъ. Проѣхавъ между ними, мы достигли наконецъ великокняжескаго дворца. При входѣ на крыльцо караульные велѣли намъ снять оружіе (они велѣли бы и посламъ, не будь тѣ еще у себя дома заблаговременно предувѣдомлены не являться съ оружіемъ) и безоружными ввели всѣхъ во дворецъ.

Сейчасъ же навстрѣчу выходятъ три московскихъ царедворца, въ великолѣпной одеждѣ. Весьма вѣжливо поздоровавшись съ послами, они отъ имени князя пригласили ихъ на аудіенцію по принятому у москвитянъ обычаю. Именно они съ величайшей точностью прочитываютъ отъ начала до конца титулъ своего князя, не ошибаясь и не запинаясь ни въ одномъ словѣ (иначе понесли бы по обыкновенію тяжкія наказанія, даже смерть), потомъ съ величайшей почтительностью произносятъ титулы короля, пословъ коего принимаютъ, и пословъ, не пропуская даже секретаря посольства, и въ принятой у нихъ формѣ приглашаютъ наконецъ къ князю. Исполнивъ эту формальность, они пошли впереди пословъ и возлѣ домовой княжеской церкви, о красотѣ которой даютъ понятіе мѣдныя вызолоченныя двери съ изображеніемъ исторій патріарховъ этого народа, провели по нѣсколькимъ ступенямъ въ большую каменную палату. Тутъ опять царедворцы высшихъ чиновъ, въ роскошныхъ нарядахъ, попрежнему повторили всѣ титулы, сказаннымъ уже порядкомъ явились къ услугамъ пословъ и по каменной, искусно построенной, украшенной четырьмя колоннами галлереѣ, гдѣ стояли съ пиками тѣлохранители, одѣтые какъ швейцарцы въ зеленую шелковую одежду, привели къ дверямъ великокняжеской палаты, гдѣ уже были опять три московскихъ царедворца, еще нарядпѣе прежнихъ; они сказаннымъ уже образомъ пригласили въ самую палату и, сами идя съ прежними впереди, привели пословъ на мѣсто аудіенціи [44]). Это была обширная палата, коей сводъ по серединѣ поддерживался колонной, которая и мѣшаетъ поставить княжескій тронъ по серединѣ, почему онъ и былъ поставленъ предшественниками князя въ сторонѣ.

---

[44]) Посламъ по обычаю было три встрѣчи; первая—Лука Ѳедоровичъ Долгоруковъ; вторая - Яковъ Ѳед. Долгоруковъ; третья — Андрей Ивановичъ Голицынъ; при каждомъ по дьяку. Представить (явить) пословъ государю долженъ былъ Александръ Савостьяновичъ Хитрово.

Этотъ тронъ хотя и невеликъ, но драгоцѣненъ; состоитъ онъ изъ 4 украшенныхъ разными изображеніями позолоченныхъ колоннъ; верхняя часть похожа на кровлю или сводъ, кончаясь конусомъ, и замѣчательна какъ пышностью, такъ и цѣнностью. На верху трона—орелъ двуглавый, съ коронами на обѣихъ головахъ да, кромѣ того, надъ этими коронами высилась по серединѣ еще третья; это княжескій гербъ, часто встрѣчавшійся намъ въ иныхъ мѣстахъ во время путешествія по Московіи на верху башенъ и зданій.

На этомъ тронѣ высоко возсѣдалъ великій князь московскій. Величіе его, къ удивленію присутствовавшихъ, превосходило его возрастъ (ему было 18 лѣтъ); голову князя украшала блиставшая шапка, поверхъ коей была золотая, богато украшенная дорогими каменьями и другими драгоцѣнностями корона; въ рукахъ былъ княжескій скипетръ. Кафтанъ (tunica) на который отъ чрезмѣрнаго блеска (я стоялъ близко) нельзя было пристально смотрѣть, былъ столь роскошенъ, что и послѣ, при возвращеніи на посольское подворье, только и было разговору что о немъ. Верхнее одѣяніе (paludamentum), накинутое какъ мантія, такъ блистало алмазами и жемчужинами, что московскаго царя, красовавшагося въ этомъ убранствѣ, назвали убраннымъ звѣздами солнцемъ (!) [45]).

По сторонамъ трона стояли четыре служителя съ оружіемъ, изображеніе коего прилагается здѣсь [46]), и великій маршалокъ, по имени Долгорукій, черезъ котораго князь говорилъ съ послами. Остальную часть палаты наполняли сановники и прочая знать числомъ свыше 50. Наряды ихъ, казалось, затмѣвали одинъ другой.

Затихъ гулъ удивленія и похвалъ собравшагося на зрѣлище народа, когда самъ князь обратился къ стоявшимъ у самыхъ ступеней престола посламъ съ такими словами:

---

[45]) Маія въ 10 день были у Великого Государя въ Грановитой палатѣ на пріѣздѣ Яна Казимера, короля Полского, великіе и полномочные послы, князь Мих. Черторыйской, воевода волынской, Казимеръ Санѣга да Геронимъ Комаръ. А на Великомъ Государѣ былъ нарядъ царской: крестъ золотъ съ алмазы, съ Спасителевою ризою; перевезь золота съ запаны; діадима греческого дѣла; платно царское, отласъ по серебреной землѣ травы золоты; кафтанъ станковой, зарбафъ серебренъ, по немъ травки золоты съ розными шелки, кружива и запястьи низаны жемчюгомъ съ каменьи; зипунъ, тафта бѣла; шапка царская съ изумрудомъ. Стряпни было: скипетръ, да на окнѣ поставлено стоянецъ посолской серебренъ золоченъ прорѣзной, на немъ яблоко съ крестомъ греческое съ каменьи. См. Выходы царей, стр. 657.

[46]) т. е. въ подлинникѣ.

— Какъ се братъ нашъ Янъ, круль польски, маютъ, т. е. какъ здоровъ братъ нашъ Янъ, король польскій?

Князь-посолъ отвѣчалъ:

— Вамъ, брату свему, божау милосціан велькему господару, цару и велькему князу Ѳеодору Алексіевичу вшисткей — велькей и малей и бялей Руши самодершцу и велу господаржтво (!) и земъ возточнихъ и западнихъ и шѣвержскихъ очичу и дзѣдичу, наслѣднику, оссудару и обладателю, вашему царжскему величеству поклониц се и оздровьѣ вашего царжскего величества вѣдзѣчь и навидзичь росказалъ.

Т. е.

Вамъ, брату своему, Божіей милостію великому Государю, царю и великому князю, Ѳеодору Алексѣевичу, всей — великой и малой и бѣлой Россіи самодержцу и великому Государю, и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверскихъ (т. е. сѣверныхъ) отчичу и дѣдичу, наслѣднику, преемнику, государю и обладателю, Вашему Царскому Величеству, поклониться и о здоровьѣ освѣдомиться приказалъ.

Вторымъ держалъ рѣчь къ князю воевода, посолъ княжества литовскаго, и прибавилъ кое-что о перемиріи. Наконецъ третій объявилъ себя присланнымъ для производства дѣлъ при посольствѣ [47]). Великій

---

[47]) Черторыйскій въ своей рѣчи къ царю сказалъ, что король, вступивъ на престолъ, поставилъ цѣлью смирить внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и успокоить разоренную 30-ю войною свою отчину; Богъ „ублажилъ“ его намѣренія—онъ не только далъ мужественный отпоръ басурманской силѣ, но и кровію басурманскою хотимскія изобильно разсѣлины напоилъ.—„А съ Вашимъ Царскимъ Величествомъ, какъ съ ближайшимъ государствъ своихъ монархомъ и сосѣдомъ, желаетъ Его Корол. Величество, государь нашъ милостивый, сосѣдской дружбы утвержденія, а тѣмъ лучше съ вами, вел. государемъ, съ Ваш. Царск. Величествомъ, съ братомъ своимъ, всекрѣпчайшей дружбы желаетъ слученія и черезъ договоры андрусовскіе и посольскіе при наияснѣйшихъ предкахъ своихъ присягою утвержденную хочетъ обновити дружбу. И то самымъ дѣломъ хотя учинить, Е. Корол. Величество послать насъ сюда изволилъ, великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ и рѣчи посполитой, на утвержденіе коммиссіи андрусовской, которая понеже чрезъ утвержденіе прошлыхъ договоровъ збытіе свое приняла и общею присягою съ обѣихъ сторонъ коммисарскою есть укрѣплена, того ради Е. К. Величество, примѣряясь къ договорамъ андрусовскимъ, послать сюда насъ изволилъ... со утвержденіемъ граматы своей государской, которою что и на нынѣшнихъ и на прошлыхъ договорѣхъ посольскихъ постановлено есть и общею присягою коммисарскою укрѣплено, утверждати изволяетъ Е. К. Величество, а ту грамоту государскую... мы, вел. и полном. послы, на назначенный отъ Вашего Царскаго Величества срокъ отдать готовы есмы“. Посольскій секретарь Іеронимъ Комаръ отъ лица короля выразилъ

князь наклоненіемъ головы велѣлъ имъ сѣсть. Затѣмъ князь-посолъ представилъ дары отъ короля, затѣмъ каждый посолъ отъ себя лично и наконецъ посольскіе чиновники и сопутники съ изъявленіемъ почтенія стали подносить много и своихъ, потому что великолѣпіе царя во многихъ пробудило надежду на то, что онъ отблагодаритъ ихъ еще щедрѣй.

Въ знакъ своего благоволенія за такой почетъ онъ дозволилъ всѣмъ посольскимъ людямъ цѣловать свою руку, что и было почтительно исполнено каждымъ изъ насъ, однако по порядку чиновъ. Подъ конецъ великій князь благосклонно обѣщалъ прислать посламъ съѣстныхъ припасовъ на угощеніе, и мы описаннымъ уже порядкомъ (соблюдавшимся и при всѣхъ прочихъ засѣданіяхъ) вернулись къ себѣ на подворье.

По улицамъ и площадямъ все еще стояли солдаты, снова провожая ѣхавшихъ къ себѣ на подворье пословъ непрестанными звуками трубъ и литавръ. Великому князю присутствіе наше было очень пріятно; наши дворяне дарами заявили ему свое расположеніе, результатомъ чего для насъ, сопутниковъ, и было то, что мы получили неограниченную свободу ходить по городу въ сопровожденіи всегда одного изъ карауливщихъ у воротъ солдата во избѣжаніи дерзкихъ покушеній недобрыхъ людей.

XII.

Московское угощеніе.

По возвращеніи домой послы и посольскіе люди разошлись по своимъ комнатамъ. Скоро пріѣхали 4 воза, въ двѣ лошади каждый, со съѣстными припасами и кухонными принадлежностями, сопровождаемые сильнымъ карауломъ. За этими шли другіе солдаты въ одинаковаго цвѣта одеждѣ; ихъ зовутъ „караульщиками“ (Krahulczik). Предводитель ихъ, по-ихнему голова, шелъ впереди; они шли попарно и несли кувшины, кубки и чаши, большіе, украшенные золотомъ и серебромъ, разной формы и отдѣлки, доставшіеся, какъ говорили, въ даръ великому князю отъ пословъ разныхъ государей. Всѣ мы было думали, что въ нихъ отборные напитки, но оказалось, что они пустые,

---

желаніе, чтобы они, послы, по данной имъ полной мочи, съ великимъ государемъ черезъ „ихъ милостей господъ бояръ о томъ о всемъ, что къ прибыли обоихъ государствъ належати будетъ, разговорилися, постановили, описали и утвердили“ и просилъ царя назначить уполномоченныхъ на то бояръ.

изъ чего мы и заключили, что открыто несли ихъ по городу для оказанія чести посламъ.

Съ главнымъ поваромъ прибыли затѣмъ и повара — каждый насилу тащилъ желѣзную жаровню на ножкахъ, служившую потомъ для разогрѣванія кушаній на угольяхъ (на дворцовой кухнѣ они были уже почти изготовлены).

Между тѣмъ главный дворецкій, изъ числа княжескихъ придворныхъ, начало стола, предназначавшееся для пословъ, накрылъ скатертью и уставилъ шестью серебряными тарелками, ножами и ложками; остальная часть стола была не накрыта. Сырыхъ (crudi) кушаній было двѣсти. Когда для приготовленія поварами угощенія едва ли что можно было еще пожелать, во дворецъ посланъ былъ гонцемъ одинъ изъ упомянутыхъ солдатъ сказать, что все уже готово. Назначенный царемъ московскимъ князь не замедлилъ пріѣздомъ—прибылъ скорѣе, чѣмъ ожидали, верхомъ на богато осѣдланномъ конѣ, въ великолѣпномъ одѣяніи и, пригласивъ отъ имени царскаго пословъ въ описанную выше залу и столовую, повелъ угощать [48]). Явились служители, тоже москвитяне, стали ставить кушанья на столъ; кушанья хоть и были горячія, однако послы ѣли очень мало; ибо московское угощеніе по непривычкѣ казалось полякамъ даже и вреднымъ.

О многочисленности и разнообразіи наставленныхъ блюдъ разсказывать нечего. Кушаній было очень много, но все рыбныхъ, которыя не только ѣсть, но и видѣть было противно. У москвитянъ многое множество морской рыбы; потому-то, во избѣжаніе расходовъ, они всегда и угощали насъ только рыбою. Нѣкоторыя рыбы, по бѣлому мясу называемыя у нихъ бѣлугами (bielcze), величиной съ быка. Итакъ изъ нарѣзанныхъ на кусочки рыбъ они и наставили на столы множество разныхъ кушаній. Эта порода рыбъ даетъ изъ мяса какую-то клейкую жидкость или сокъ; изъ нихъ-то, превращенныхъ въ массу, способную по усмотрѣнію поваровъ принять любую форму, были надѣланы гуси, пѣтухи индѣйскіе, куры и пр. больше на поглядѣнье, чѣмъ на ѣду. Изъ муки, разведенной тоже на льняномъ маслѣ, сложены были башни, стѣны и—не говоря о прочемъ—очень много вещей, сдѣланныхъ съ особеннымъ искусствомъ. Замѣтны были въ особенности двуглавые орлы по верхушкамъ. Надо замѣтить о числѣ и величинѣ другихъ рыбъ: по крайней мѣрѣ, половину одной на огром-

---

[48]) Указомъ 9-го мая повелѣвалось стольнику князю Никитѣ Семеновичу Урусову ѣхать съ ѣствомъ и питьемъ.

номъ блюдѣ насилу внесли въ палату три дюжихъ человѣка. На другомъ блюдѣ вотъ какая достопримѣчательность: было много разныхъ плодовъ, сваренныхъ въ сахарѣ и сдобренныхъ и слѣпленныхъ инымъ ли чѣмъ, или невѣдомыми намъ благовоніями, только удивительно какъ напоминавшихъ сложенное кускомъ красное сукно и до того обманывавшихъ глазъ, что между посольскими, стоявшими вокругъ, не на шутку поднялся споръ, сукно это или кушанье. Не послѣднее мѣсто занимали разрѣзанныя пополамъ дыни, сваренныя, повидимому, въ сахарѣ съ перцемъ, сладости невообразимой. Когда готово было угощеніе, пословъ пригласили за столъ и сначала подали тѣ горячія блюда, которыя нарочно были изготовлены для пословъ.

Въ то время, какъ послы кушали, вышеупомянутый московскій князь, во время угощенія бывшій представителемъ царской особы, окинулъ взглядомъ всѣхъ посольскихъ людей и, обратясь къ посламъ, сказалъ:

— Велите своимъ посольскимъ людямъ садиться за остальную часть стола, чтобы откушать вмѣстѣ.

Князь-посолъ сказалъ, что онъ проситъ извинить нашихъ посольскихъ людей—польская шляхта не привыкла кушать за ненакрытымъ столомъ. Князь немного смутился и отвѣчалъ: „и я прошу извиненія за малое знаніе польскихъ обычаевъ“. Московскій слуга принесъ немедленно изъ дворца огромную скатерть; князь велѣлъ накрыть и остальную часть, и съ согласія пословъ тогда только сѣли всѣ.

Отвѣдавъ немного кушанья, князь велѣлъ предлагать напитки въ такомъ порядкѣ: вопервыхъ, winicza ossudarzka (винцо государево), или горилка, которою онъ угощалъ по чинамъ изъ золотой дивной работы чарки. Вино это у нихъ считается напиткомъ одного лишь князя, почему такъ и называется. Во вторыхъ, пиво и медъ въ серебряныхъ стопахъ каждому по желанію. Въ третьихъ, вино и притомъ разное, подававшееся къ столу сообразно цѣнѣ и вкусу: во-первыхъ ренское, во-вторыхъ мозельское, петрциментъ и французское (что-то вродѣ вина этого названія) въ-третьихъ. Наконецъ подали испанскаго и кравчіе при перемѣнѣ сортовъ вина и соблюденіи порядка другихъ напитковъ поднимали такіе громкіе крики и свистъ, что посламъ да и всѣмъ прочимъ, бывшимъ за столомъ, пришлось въ удивленіи замолчать.

Въ это время веселая толпа служителей — гайдуковъ и солдатъ коротала время въ попойкѣ, и князь, во избѣжаніе, быть можетъ, жалобы со стороны посольской прислуги на недостачу напитковъ, велѣлъ поставить на серединѣ двора еще боченокъ водки на всѣхъ; онъ зналъ, что поляки до водки охотники. Извѣстный, упомянутый

мною пьяница, гайдукъ Стирга напился такъ, что безъ памяти повалился на землю, закативъ глаза, издавая безсмысленные звуки, извергая, сверхъ того, изъ нутра (водка уже горѣла) клубы чернаго дыма (!). Это положило было конецъ общему веселью прочихъ. Сжалившись надъ своимъ собутыльникомъ, гайдукъ Прокуратъ, не столько дружеству, сколько чаркѣ вѣрный Ахатъ, намочилъ платокъ водою, сталъ тереть ему грудь и угасилъ внутреннее пламя. Очутившись внѣ опасности, тотъ опять принялся за привычную чарку.

Когда все было пьяно, нѣкоторые изъ москвитянъ, завѣдовавшихъ погребами, замѣчены были въ томъ, что радѣя больше о своей пользѣ, чѣмъ объ удовольствіи пословъ, смѣшивали разные напитки, дабы изъ присланныхъ княземъ напитковъ осталось что получше послѣ опьяненныхъ смѣсью гостей въ ихъ пользу. Но обманъ открылся; гости съ негодованіемъ стали выливать изъ кубковъ и даже выплевывать изо рта предлагаемыя жидкости; москвитяне и увидѣли, что то, что они такъ старательно скрывали, открылось. Гости стали явно возмущаться и отказываться, и москвитяне волей-неволей должны были всѣмъ безъ различія подать лучшій сортъ вина. Откланявшись затѣмъ посламъ, они вернулись въ княжескій дворецъ.

XIII.

Описаніе Москвы.

§ 1. Кремль.

Дворецъ князя москвитянъ, главная часть г. Москвы, лежащая точно сердце въ серединѣ, называется ими Кремлемъ (Crimgorod). Мѣсто это, болѣе другихъ возвышенное, омывается съ одной стороны Москвой, съ остальныхъ трехъ окружено раздѣляющейся на два рукава рѣкой Неглинной. Его кругомъ замыкаютъ тройнымъ рядомъ очень крѣпкія стѣны. Въ нихъ выходомъ служатъ двое воротъ къ Китай-городу, да двое же къ Бѣлому городу съ каменными по ту и другую сторону мостами, возведенными на насыпяхъ. Эти ворота затворяются тремя дверьми, изъ коихъ первая — желѣзная, вторая — мѣдная, третья — бронзовая, расписанная разными фигурами ихъ патріарховъ, обитая металлическими листами. На первыхъ воротахъ со стѣны возвышается башня — массивная, красивая и прочная; на башнѣ замѣчательны часы, по образцу чешскихъ раздѣленные на 24 части, называемыя у нихъ часами (Czacii), такъ хитро, что меньшіе колокола по порядку наигрываютъ музыкальную гамму и, какъ скоро проиграетъ она разъ, показывается первая четверть, а вторая, третья и четвертая — когда она

повторится два, три и наконецъ четыре раза; часы же обозначаются ударами бо́льшаго колокола. Двуглавый орелъ (гербъ царскій) съ коронами, весь вызолоченный, съ возвышающейся, сверхъ того, третьей золотой короной побольше, составляетъ верхушку всего зданія.

Одна только эта часть г. Москвы, занимаемая княземъ и дворомъ, имѣетъ столько церквей, что ихъ насчитываютъ не менѣе пятидесяти. Главная изъ нихъ—церковь св. Николая, дворцовая. Первая за нею—великолѣпный храмъ, гдѣ обыкновенно погребаются или сами князья, или ихъ близкіе родственники. Третья — соборная, очень большая и украшенная; красоту увеличиваетъ на передней сторонѣ храма, по серединѣ, образъ св. Матери-дѣвы, совершенно какъ пассаускій, длиною однакоже въ 4 фута, написанный очень художественно. Другое украшеніе храму—башня до середины четыреугольная, а съ середины до верху круглая; ее тамошніе жители зовутъ Иванъ Великій (Iwan Welikoy). Она заключаетъ въ себѣ 37 колоколовъ слѣдующимъ образомъ: на верху башни есть кругомъ пролеты, изъ коихъ въ каждомъ по колоколу—дискантовому; во второмъ ряду подъ тѣми первыми столько же пролетовъ и колоколовъ—альтовыхъ; подъ этими въ третьемъ ряду тоже пролеты и колокола побольше — теноровые; въ четвертомъ наконецъ ряду подъ этими тремя столько же колоколовъ — басовыхъ; всѣ они составляютъ между собой музыкальную гармонію.

По обѣ стороны башни—двѣ стѣны; на каждой изъ нихъ опять по колоколу величиною гораздо больше предыдущихъ, изъ коихъ лѣвый имѣетъ въ нижней окружности, измѣренной мною бичевкой, 18 футовъ, правый же—21 футъ. Но огромнѣй, художественнѣй и достопримѣчательнѣе всѣхъ прочихъ—громадный колоколъ, висящій спереди башни. Я его самъ тщательно измѣрялъ и потому надѣюсь, что читатель мнѣ тѣмъ лучше повѣритъ. Его нижняя окружность имѣетъ 28 футовъ; самый корпусъ или бокъ—толщиною одинъ футъ съ четвертью и двумя дюймами; высота простирается до 7 футовъ; наконецъ языкъ, коимъ звонятъ, такъ великъ и толстъ, что едва его могутъ охватить два человѣка.

Впрочемъ весь г. Москва въ такомъ множествѣ наполненъ церквями, что сами жители говорятъ, будто едва ли можно опредѣлить точное ихъ число; однако насчитываютъ до 700 церквей (сколько общая молва говоритъ—ихъ тысяча семьсотъ). На ихъ крышахъ—остроконечная башня; сбоку храма или даже на башнѣ мало-мало по восьми колоколовъ, приспособленныхъ для произведенія сказанной уже музыкальной гармоніи; каждая кровля церкви украшается восьмью тоже башенками поменьше (куполами сказали бы мы), изъ коихъ каждая

осѣнена золотымъ крестомъ формы совершенно искаженной—восьмиконечнымъ [49]).

Насколько велико это количество церквей, настолько рѣдко москвитяне въ нихъ ходятъ. Они думаютъ, что коли проходя мимо церкви, они поклàпяются да трижды перекрестятся, то ужъ больше ничего и не нужно. Впрочемъ къ дѣламъ благочестія, повидимому, относится у нихъ и обычай праздновать изо дня въ день чтимымъ ими святымъ звономъ колоколовъ. Звонятъ же у нихъ, раскачивая не колоколъ, а дергая за привязанную къ его языку веревку въ такомъ порядкѣ: сначала шесть разъ ударяютъ въ одинъ наименьшій колоколъ, а потомъ попеременно съ колоколомъ побольше 6 же разъ; затѣмъ уже въ оба попеременно съ третьимъ еще бо̀льшимъ столько же разъ и въ такомъ порядкѣ доходятъ до самаго большаго; тутъ ударяютъ уже во всѣ колокола и притомъ столько же разъ. Затѣмъ вдругъ перестаютъ, а тамъ въ томъ же порядкѣ начинаютъ сызнова. И такъ повторяется на дню много разъ и притомъ въ различныхъ церквахъ и по желанію каждаго прохожаго, потому что доступъ во всѣ постоянно открытъ для всякаго. А какъ, случалось, зазвонятъ въ замкѣ въ перечисленные выше тридцать-то семь колоколовъ, такъ, бывало, наводятъ тоску и какую-то внутреннюю дрожь. Всѣ купола и верхушки въ Кремлѣ вызолочены и такъ горятъ на солнцѣ, что видны мили за полторы, что̀ и въ насъ при первомъ взглядѣ пробудило немалое уваженіе къ этому городу [50]).

---

[49]) Не знаю, на сколько удаченъ мой переводъ этого не совсѣмъ яснаго мѣста. Вотъ оно въ подлинникѣ: Caeterum in eo numero Moscua urbs tota templis referta est, ut vix certum eorum numerum posse iniri incolae ipsi referant; attamen à 700 templa, quantum communis fert opinio, mille et septingenta censent. In horum (fastigiis?) turris in cuspidem vergens; ad latus templi vel etiam in turri campânae ad minimum octonae ad edendam jam narratam consonantiam musicam praeparatae: singula ecclesiae tecta octo item turriculis exilioribus (cupulas diceremus) quarum singulae cruce deaurata schemate prout (prorsus?) ineffigiatur (ineffigiato?) occasum versus (octonariâ-sunt?) insignitae adornantur.

[50]) Павелъ, архидіаконъ алеппскій, подробно описывая (1653 г.) колокольный звонъ, говоритъ, что по воскресеньямъ или большимъ праздникамъ звонили въ Кремлѣ во всѣ колокола вмѣстѣ съ тѣмъ громаднымъ колоколомъ, звукъ котораго подобенъ громовому раскату. „Какъ положеніе кремлевскаго зàмка очень высоко, широко господствуя надъ полями и отдаленными деревнями (мѣсто это прежде было крутымъ холмомъ да и нынѣ оно имѣетъ значительный подъемъ отовсюду) то звуки этихъ колоколовъ слышны не только по окраинамъ города, но и въ ближайшихъ деревняхъ. Громадная же эта и высокая колокольня съ

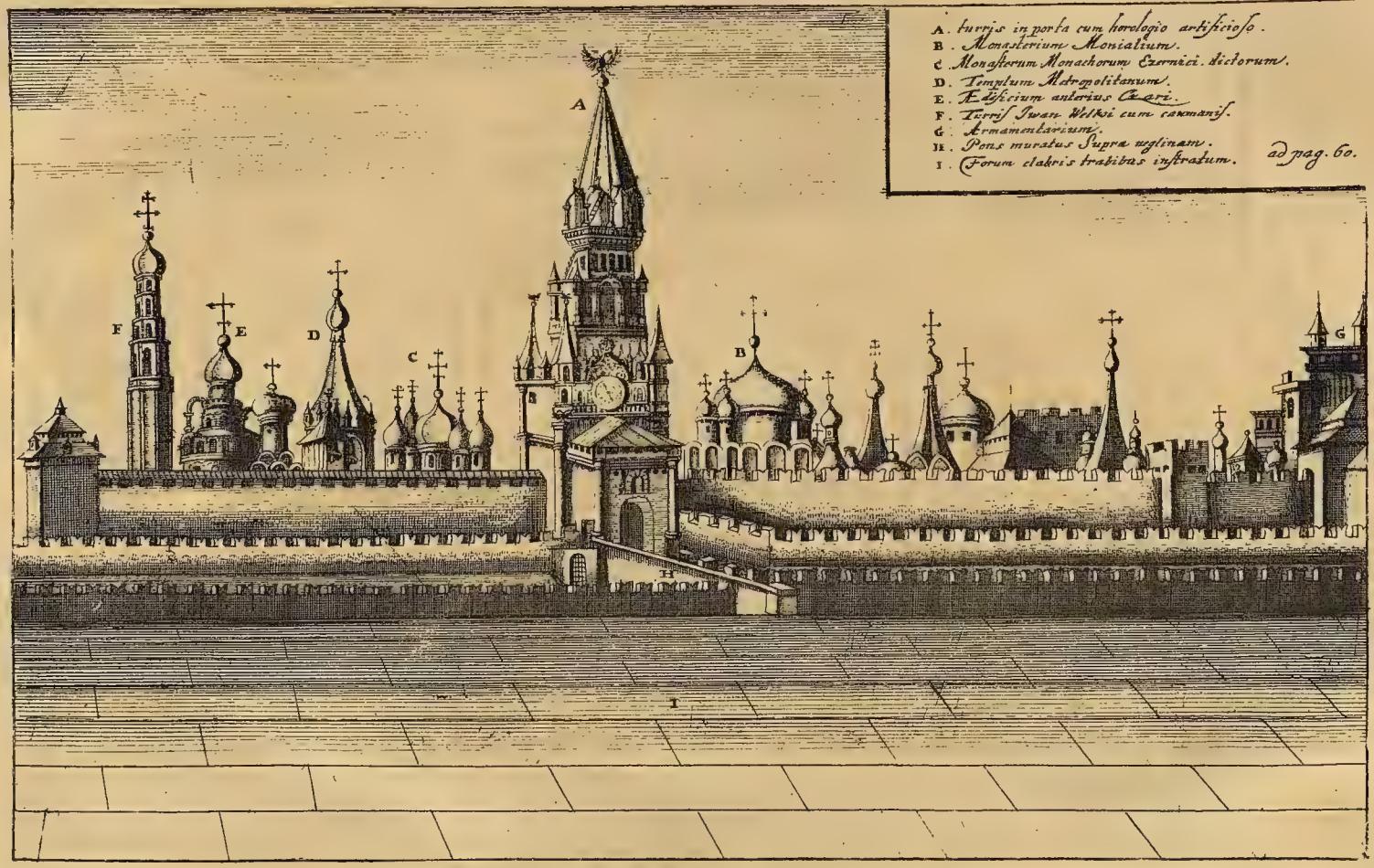
§ 2. Китай городъ.

Китай-городъ, длинной (вымощенной гладкими бревнами) и широкой площадью примыкающій къ Кремлю (Krimgorod)—часть Москвы немного бо́льшая. Особенное ея украшеніе составляетъ преизящная церковь, которую москвитяне называютъ св. Троицей (Sant Trois), а нѣмцы Іерусалимомъ, въ особенности замѣчательная тѣмъ, что злополучный строитель ея, по окончаніи работы, вмѣсто награды былъ по приказанію царя ослѣпленъ. Тиранъ видно боялся, что если такой художникъ выстроитъ потомъ гдѣ-нибудь еще церковь, то у этой отниметъ право называться единственной въ своемъ родѣ.

За этимъ зданіемъ видиѣется возвышеніе въ родѣ довольно большой каѳедры, кругомъ обнесенное рѣшеткой, шесть ступеней въ вышину, устланное поломъ изъ бѣлаго мрамора, откуда патріархъ ихъ можетъ удобно давать благословеніе всему народу, что бываетъ ежегодно; тамъ же объявляются народу и нужныя распоряженія.

Позади этого возвышенія—крѣпкая стѣна, семь локтей высотою, гдѣ стоятъ двѣ пушки, изъ коихъ одна длиною 9 локтей, семь дюймовъ

золоченою главой видна издалека и хотя мѣстность вокругъ города плоска, безъ возвышенностей, все же зритель замѣчаетъ ее на большомъ разстояніи, особенно если на ея главу ударяютъ лучи восходящаго или заходящаго солнца. Мы ее увидѣли за 10 верстъ. Увѣреніе, будто ее видно за два дня пути, ложно. Покойный митрополитъ Исайя въ поэмѣ своей говоритъ: „въ царскомъ замкѣ есть 25 золотыхъ куполовъ“, а затѣмъ преувеличиваетъ разстояніе, съ котораго виденъ ихъ блескъ, увѣряя, будто за два дня пути видно ихъ великолѣпіе. Потомъ о колоколѣ онъ говоритъ: „и за два дня пути слышенъ его гласъ“. Мы однако не видали и не слыхали—развѣ на разстояніи нашихъ 10 миль.... Намъ пришлось много натерпѣться муки и чрезмѣрнаго бдѣнія и досады, особенно наканунѣ воскресеній и праздниковъ, которые почти слѣдуютъ безпрерывно. Немало насъ безпокоилъ колокольный звонъ, отъ котораго самая земля дрожала и который не переставалъ съ полуночи до разсвѣта, ибо въ этомъ городѣ тысячи церквей. Что до ихъ точнаго числа, я послѣ многихъ распросовъ спросилъ у патріаршаго архидіакона, сколько ихъ. Онъ отвѣтилъ, что больше 4 тысячъ. Но алтарей, гдѣ совершается обѣдня, больше 10 тысячъ. Ибо въ каждой здѣшней церкви по три и болѣе алтаря, и каждая, какъ бы ни была мала и убога, имѣетъ 10 большихъ и малыхъ, висящихъ надъ воротами (т.-е. вѣроятно, на звонницахъ) колоколовъ, въ кои они звонятъ послѣдовательно. Но по воскресеньямъ и праздникамъ и во всенощныя стоянія они звонятъ въ нихъ во всѣ разомъ. Какъ отрадно это христіанскому сердцу, тогда какъ въ Константинополѣ съ Антіохіей пѣтъ 2 тысячъ церквей, ни 2 тысячъ колоколовъ!..


A. turris in porta cum horologio artificioso.
B. Monasterium Monialium.
C. Monasterium Monachorum Exercitii. dictorum.
D. Templum Metropolitanum.
E. Edificium anterius Cleri.
F. Turris Iwan Welkoi cum campanis.
G. Armamentarium.
H. Pons muratus supra uglinam.
I. Forum clabris tratibus instratum.
ad pag. 60.
A
B
C
D
E
F
G
H
I

толщиною, жерло въ пять четвертей локтя; другая на половину меньше. Онѣ обращены на широкую улицу, которая, какъ разсказываютъ прежде весьма часто подвергалась вторженію татаръ. Площадь тянется до того мѣста, гдѣ отъ упомянутой церкви до самыхъ городскихъ стѣнъ (кои всѣ красныя) по направленію къ рѣкѣ есть сходъ на большую равнину, гдѣ въ обширномъ зданіи, занятомъ лавками купцовъ изъ Персіи, продаются персидскія издѣлія, разукрашенныя золотомъ и серебромъ, драгоцѣнные камни и многое другое; въ серединѣ его для взвѣшиванія товаровъ висятъ большіе вѣсы. Тамъ же продаются собольи мѣха, принадлежащіе царю.

Большія ворота въ упомянутыхъ выше городскихъ стѣнахъ ведутъ къ Москвѣ-рѣкѣ, текущей близъ самыхъ стѣнъ, черезъ которую наведенъ пловучій мостъ, сплоченный изъ отесанныхъ дубовыхъ брусьевъ; на немъ каждый день, бывало, видаешь многое множество женщинъ съ бѣльемъ, а по праздникамъ и воскресеньямъ множество купающихся мущинъ.

Другую часть этого города по направленію къ Бѣлому городу обтекаетъ другая рѣка—Неглинная, которая подъ кремлевскими стѣнами впадаетъ въ Москву. Упомянутая выше площадь такъ обширна, что достаточна для торговыхъ помѣщеній всего города. Тамъ винотворцы продаютъ разнаго рода вина—особенно романею (такъ они зовутъ мозельское), потомъ пертцимментъ, т. е. испанское, потомъ рейнское, фряжское и другія [51]). За ними торгуютъ шелковыми матеріями, тканями турецкими и т. п. Потомъ золотыхъ дѣлъ мастера и такимъ образомъ во всякомъ ряду свое производство, какъ-то: шорники, портные, токари въ весьма большомъ числѣ. Токари тѣмъ отличаются, что изъ цѣннаго дерева, которое называютъ они каповымъ деревомъ (kapove drewo) [52]), кромѣ ложекъ (коими если ѣсть горячую похлебку, онѣ

[51]) *Кильбургеръ* (1674 г.): На базарѣ передъ замкомъ длиннымъ рядомъ идутъ винные погребки въ землѣ; иные принадлежатъ царю, а большая часть частнымъ лицамъ. Кромѣ испанскаго да французскаго тамъ инымъ виномъ не торгуютъ. Когда сойдешь туда, на пробу даютъ разное вино въ стаканчикахъ, а выберешь—начинаютъ торговаться. Посуда называется галенокъ, полъ и четверть галенка—изъ луженой мѣди, безъ крышки... Хозяева, какъ и вообще русскіе, очень любезны; коли надо, продадутъ съ виномъ и посуду... Идетъ всего больше красное франц. вино и стоитъ 10—42 коп., бѣлое 18 к.; галенокъ испанскаго 24 — 27 к. На закуску даютъ хлѣба, изюма, миндалю. Съ каждаго погребка въ царскую казну сходитъ 9 руб. Бюшингъ, III ч., 335 стр.

[52]) Канъ — сувойчатый наростъ на деревѣ, особенно на березѣ. (Даль, Толк. сл.).

мякнутъ) умѣютъ по-своему выдѣлывать кубки изящной формы, изъ коихъ два съ немалыми хлопотами я привезъ оттуда.

Между этимъ множествомъ торговцевъ больше всего мѣховщиковъ, торгующихъ въ этомъ именно мѣстѣ своимъ товаромъ; точно также и всѣмъ прочимъ даже мелкимъ торговцамъ назначено свое мѣсто, чтобы пріѣзжимъ покупателямъ не приходилось много разспрашивать, гдѣ продаются нужные имъ товары. Есть еще одна большая улица, по которой проѣзжаетъ царь, куда бы ни отправлялся; она простирается отъ Кремля и занята не инымъ кѣмъ, какъ живописцами. Они много дѣлаютъ образовъ на продажу, потому она у москвитянъ и заслужила названія священной улицы.

Любо въ особенности посмотрѣть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянокъ: нанесутъ ли онѣ полотна, нитокъ, рубахъ или колецъ на продажу, столпятся ли такъ позѣвать отъ нечего дѣлать, онѣ поднимаютъ такіе крики, что новичекъ, пожалуй, подумаетъ, не горитъ ли городъ, не случилось ли внезапно большой бѣды. Онѣ отличаются яркой пестротой одежды, но ихъ вотъ за что нельзя похвалить: весьма многія и по преимуществу пожилыя, съ лѣтами утратившія прелесть красоты, имѣютъ обыкновеніе бѣлиться и румяниться — примѣсью безобразія поддѣлывать красоту либо юность. Нѣкоторыя во рту держали колечко съ бирюзой; я въ недоумѣніи спросилъ, что это значитъ. Москвитяне отвѣтили, что это знакъ продажности бабенокъ.

Неподалеку отъ посольскаго подворья есть еще улица, застроенная хижинками, куда ходитъ простой народъ вычесывать грязь изъ головы, стричься, подстригаться, почему она и получила прозваніе „вшиваго рынка“. Тамъ набросано столько волосъ на дорогу, что шагу не сдѣлаешь безъ того, чтобы не наступить, точно на подушку, на крайне грязную ихъ кучу [53]).

---

[53]) Кильбургеръ такъ описываетъ Китай-городъ: „внутри красныхъ стѣнъ (эта часть города называется Китай-городомъ) есть два большихъ каменныхъ и замкнутыхъ гостиныхъ двора; одинъ называется старымъ, другой новымъ. Новый — лучшее зданіе во всей Москвѣ; онъ построенъ нынѣшнимъ царемъ 12 лѣтъ назадъ, когда въ ходу еще были мѣдныя деньги, причемъ была употреблена хитрость, чтобы заплатить рабочимъ мѣдными деньгами, а по окончаніи работы ихъ сейчасъ же уничтожили и скупили за меньшую цѣну. Внутри—дворъ шаговъ въ 180, четыреугольникомъ. Здѣсь городская важня, а вокругъ двусводчатыя лавки одна надъ другой, изъ коихъ многія принадлежатъ нѣмцамъ. На этомъ дворѣ у иноземцевъ биржа и сборище—ихъ тутъ можно встрѣчать еже-

Напротивъ—великолѣпное зданіе, гдѣ имѣется типографія греч. яз. хотя и испорченнаго (!) и хранится московская библіотека [54]). Не-

---

дневно. Зимою тутъ на всемъ дворѣ столько бываетъ саней, разныхъ товаровъ и народа, что пройти невозможно, а надо постоянно перелѣзать. Тогда бываетъ выложено на продажу астраханскихъ осетровъ и стерлядей многія сотни такъ, что они лежатъ другъ на другѣ, много икры и разныхъ черкесскихъ и другихъ товаровъ. На другомъ дворѣ—тоже двусводчатыя лавки одна надъ другою; теперь тамъ торгуютъ персіяне, много есть и русскихъ. Всѣ эти лавки сдаетъ царь—на Новомъ гостиномъ дворѣ по 18—25 р. за лавку, а на Старомъ по 6—12 рублей... Безъ сомнѣнія, каждый отдаетъ Москвѣ справедливость и долженъ признать, что лавокъ въ ней столько, какъ въ немногихъ другихъ городахъ, хотя онѣ большею частію такъ малы и узки, что торговцу среди товара негдѣ повернуться".—Далѣе Кильбургеръ говоритъ, что торговая дѣятельность сосредоточена преимущественно въ Китай-городѣ, хотя есть многое множество лавокъ и во всѣхъ другихъ частяхъ Москвы. „Въ немъ больше все каменныя лавки; изъ нихъ иныя принадлежатъ царю, а большая часть частнымъ лицамъ; тамъ и сямъ стоитъ днемъ и ночью стража и вода на случай пожара, которые въ Москвѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Самое замѣчательное и главное въ Москвѣ—то, что всякій сортъ товаровъ, отъ низшихъ до высшихъ, имѣетъ свою улицу и рынокъ. Торговцы шелкомъ имѣютъ свой, пряностями—свой, паяльщики и колокольники, мѣховщики, сапожники, шорники, русскіе аптекари, косметики, продавцы чесноку и т. д. свой. Даже старьемъ и лоскутьями торгуютъ на базарѣ передъ замкомъ неизмѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ, почему и не стоитъ никакого труда найти нужный товаръ. Помимо этихъ, близъ Вшиваго рынка есть еще лоскутный, гдѣ торгуютъ разными вещами, даже цѣнными и хорошими, такъ что его по справедливости считаютъ въ числѣ важнѣйшихъ и онъ могъ бы не безъ основанія претендовать на иное названіе. Неподалеку отъ замка и земскаго приказа есть еще птичій рынокъ, гдѣ торгуютъ живой птицей—тетеревами, косачами, рябчиками, щеглицами (kibitz), соколами, перепелами, соловьями, жаворонками, щеглами, а также курами, голубями, гусями, утками и живыми конками. По середамъ и пятницамъ бываетъ большой базаръ (особенно зимой); тутъ наспѣхъ продерешься сквозь толпу, и надо получше беречь кошелекъ. Mag. v. Büsching. 329—332, ч. III.

[54]) *Кильбургеръ:* По всей Россіи я знаю лишь двѣ типографіи. Одна въ Москвѣ—имѣетъ 8 печатныхъ станковъ, которые въ ходу круглый годъ; печатаютъ больше на писчей бумагѣ св. Писаніе, отцевъ и учителей церкви и многія иныя духовныя книги; продается тамъ и Уложеніе съ судебнымъ уставомъ. Другая—въ Кіевѣ. Въ обоихъ мѣстахъ печатаютъ много и образовъ съ лубочными картинками.

Кемпферъ: „Сегодня (14-го авг. 1681 г.) я осматривалъ типографію; она расположена въ 3 комнатахъ, изъ коихъ въ каждой по 4 станка, по-

мало и большихъ обитаемыхъ московскими князьями хоромъ; при каждыхъ находятся по двѣ, по три церкви съ красивыми куполами, со столькими же башнями, гдѣ много колоколовъ: у нихъ вѣдь чѣмъ больше церквей заведетъ вельможа при своихъ хоромахъ, тѣмъ онъ и благочестивѣе. Этого мало: москвитяне еще имѣютъ обыкновеніе строить на улицахъ часовни во имя святыхъ; противъ нашего подворья были часовни—св. Николая (коего они особенно чтутъ) и блаженной Дѣвы, тутъ—св. Георгія, тамъ—другихъ, даже неизвѣстныхъ намъ святыхъ. Не оставляютъ они безъ украшеній и тѣ нарисованныя на доскѣ чудеса, кои считаютъ вымоленными у святыхъ—привѣшиваютъ восковыя свѣчи, лампады и т. п. пожертвованія и стоящему обыкновенно при часовнѣ монаху даютъ щедрую милостыню. Чаще наблюдалъ я такія дѣла ихъ благочестія, но что хотѣлось мнѣ увидать—преклоняющимъ колѣна и молящимъ о чемъ-нибудь, не видалъ я никого: проходившіе мимо часовенъ часто крестились да низко кланялись и больше ничего.

Городскіе сторожа, въ знакъ своей бдительности, въ ночное время ударяютъ столько разъ, сколько пробило часовъ. Такъ какъ множество караулящихъ съ оружіемъ городъ сторожей сильно безпокоило бы горожанъ и самого князя, еслибы они для заявленія о своемъ бодрствованіи употребляли литавры, то они, слыша бой часовъ, ударяютъ у кремлевскихъ воротъ, какъ ближайшихъ къ часамъ, нѣсколько разъ колотушкою въ приспособленную для того доску; ближайшіе къ нимъ сторожа, заслышавъ это, бьютъ также въ доску, и распространяя такимъ образомъ постепенно по городу всюду, гдѣ только

добныхъ нашимъ; но наборъ идетъ плохо. При каждомъ станкѣ по одной кассѣ изъ 64 ящиковъ, по 8 съ каждой стороны; каждый ящикъ дѣлится на 2 части, потому что иныя буквы полныя, а иныя по серединѣ съ вырѣзкой для постановки ударенiй. Буквы лежатъ по порядку: азъ, буки, вѣди и т. д. Онѣ не имѣютъ сигнатуры для познанія верхней части оныхъ, а потому при набираніи надобно разсматривать каждую букву, отчего наборъ идетъ медленно. Касса стоитъ не наклонно, а прямо, и буквъ въ ней мало". Кемпферъ прибавляетъ также кое-что и объ училищѣ, бывшемъ тутъ: „Изъ печатни прошли мы къ кверху налѣво въ школу; тутъ въ первомъ классѣ было мальчиковъ съ 50, читавшихъ по-славянски; тутъ же былъ и другой классъ со взрослыми мальчиками, умѣвшими уже читать. Учитель самъ не толковалъ; одѣтъ онъ былъ въ рваную чуйку. На ударенія они обращали особенное вниманіе; β произносили не то какъ *б*, не то какъ *в*, η какъ и, ου какъ у, ο какъ ω. Заглавныя буквы были иныя чѣмъ наши".

есть караульни, глухіе звуки ударовъ, заявляютъ тѣмъ о своей бдительности.

Кромѣ улицъ, по всей Москвѣ вымощенныхъ круглыми бревнами, двѣ главныхъ вымощены гладкими бревнами: одна — по косой царь ѣздитъ за городъ, другая—у нашего подворья.

§ 3. Бѣлый городъ.

Нынѣшній Бѣлый городъ москвитяне въ старину называли Царь-городомъ, а когда царь велѣлъ поправить и выбѣлить стѣны, онъ сталъ такъ прозываться по своимъ бѣлымъ стѣнамъ. Эта часть города Москвы впятеро больше описаннаго выше Китай-города. Стѣны свои она начинаетъ отъ р. Москвы; сгибаясь продолговатымъ полукругомъ, она обнимаетъ и Китай-городъ и Кремль и снова доходитъ до той же рѣки. Этимъ городомъ протекаетъ р. Неглинная и возлѣ Китай-города доходитъ до Кремля.

Немало тутъ храмовъ и обитаемыхъ вельможами хоромъ, много также торговцевъ и ремесленниковъ, профессію коихъ узнаешь по висящему на окнахъ обращику производства; такъ, портные вѣшаютъ передъ окнами лоскуты разныхъ матерій, сапожники—голенище либо части обуви; между этими весьма много такихъ, которые плетутъ обувь изъ лыкъ для простаго народа. Много также мясныхъ лавокъ, заваленныхъ мясомъ, отдающихъ тяжкимъ запахомъ (изъ мясниковъ нѣкоторые торгуютъ тухлымъ мясомъ, выкладываемымъ на солнце). Проходя либо проѣзжая мимо нихъ, москвитяне (даже вельможи) пробуютъ пальцемъ посинѣвшее отъ порчи мясо, достаточно ли уже оно мягко, и, выпивъ чарку водки, публично пожираютъ кусокъ этой сыри съ кускомъ чесноку (?!).

Кромѣ пивоваровъ, еще есть спеціалисты, приготовляющіе разные напитки, называемые у москвитянъ квасомъ; по улицамъ тамъ продается много разнаго рода напитковъ. Этотъ напитокъ приготовляется такъ: размѣшанной съ хмѣлемъ мукой наполняютъ корчагу, затѣмъ подливаютъ извѣстное имъ количество кипятку и наполненную этимъ и тщательно закрытую, ее не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока все это не закиснетъ, а по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда, по мнѣнію знатоковъ этого дѣла, все закисло, онъ уже считается чудеснымъ напиткомъ. Кромѣ пива и меда, есть еще любимый москвитянами напитокъ изъ яблокъ, продаваемый сказанными уже спеціалистами; упомянуть о немъ здѣсь тѣмъ болѣе кстати, чѣмъ свѣжѣй во мнѣ память о немъ: изъ любопытства я отвѣдалъ нѣсколько капель

и цѣлыхъ 12 дней промучился отъ лихорадки, надъ чѣмъ смѣялись и трунили всѣ сослуживцы мои поляки.

Лучшее тутъ зданіе—обитель монахинь (по-нѣмецки черницъ), которую назвать партеномъ я счелъ грѣхомъ; ибо хоть нѣкоторыя изъ нихъ еще и дѣвственницы, однако предоставленная мущинамъ свобода входить, а женщинамъ выходить имѣетъ послѣдствіемъ то, что я рѣшительно ничего не могу сказать къ ихъ чести; дѣвицъ немного, вдовъ больше, разведенныхъ съ мужьями женъ всего больше. У москвитянъ (у вельможъ особенно) существуетъ старая и очень подозрительная дружба и свобода сношеній съ монахинями, а у этихъ съ ними. Оттого нѣкоторыя изъ нихъ дѣвицы лишь по названію, а на дѣлѣ безчестныя матери. Своихъ преступно зачатыхъ и позорно рожденныхъ дѣтей онѣ воспитываютъ такъ, чтобы выросши они обрекли себя затѣмъ на монашество.

Близъ р. Неглинной стоитъ большой литейный заводъ, гдѣ льютъ колокола, пушки и нужные для обороны города предметы; потребное для этого количество разнаго рода дерева весьма удобно подвозить рѣкою. Неподалеку—княжескій конюшенный дворъ, гдѣ много породистыхъ и выѣзженныхъ по-нашему лошадей.

Тутъ же и мѣсто княжескихъ щедротъ—я говорю про тюрьмы татаръ (изъ коихъ нѣкоторые—калмыки, иные—черкесы), казаковъ, турокъ и всѣхъ, кто попадаетъ къ москвитянамъ въ плѣнъ; для умноженія величія князя, они всегда содержатся на его счетъ, и дѣлаются всевозможныя усилія, чтобы плѣнныхъ было какъ можно больше для большей славы князя, такъ что зачастую ихъ бываетъ свыше двухъ тысячъ. Каждая ихъ пара сковывается по ногамъ длинной цѣпью и тащитъ на ней поземи гвоздь, которымъ они на ночь приковываются къ полу въ тюрьмѣ. Они продаютъ по городу конскіе бичи и гдѣ найдутъ стервятину—конскую, собачью и иныхъ животныхъ, пожираютъ ее сырьемъ.

§ 4. Земляной городъ.

Земляной городъ окружаетъ своей громадой весь Бѣлый городъ. Это самая большая часть Москвы, но по состоятельности и богатству уступающая прочимъ. За исключеніемъ очень немногихъ вельможъ и то далеко неважныхъ, она заселена только ремесленниками и густо застроена деревянными домами, несмотря на то, что горитъ часто. Большая часть домовъ въ Земляномъ городѣ строится скоро и дешево, потому что они продаются уже готовыми—бревна прилажены,

стѣны проконопачены мохомъ. Къ тому же въ одномъ лишь Земляномъ городѣ для продажи такихъ домовъ существуетъ много рынковъ. Улицы тамъ, въ виду частыхъ пожаровъ, далеко одна отъ другой. Окружность всей этой громадины, говорятъ, заключала когда-то въ себѣ 55 верстъ, т. е. 9 нѣмецкихъ миль, нынѣ же, благодаря войнамъ съ татарами, происходившимъ давно, еще до временъ Ивана Васильевича, она уменьшилась и, какъ москвитяне полагаютъ, заключаетъ 5 миль, чему легко вѣрилось; ибо, глядя съ нашей, описанной выше, довольно высокой башни, мы не могли замѣтить предѣловъ Москвы. Большіе слѣды разрушенныхъ стѣнъ, глубокіе, обильно наполненные стоячей водой рвы свидѣтельствуютъ о минувшемъ блескѣ, померкшемъ отъ частыхъ татарскихъ набѣговъ. Однако отъ нашего подворья кратчайшей дорогой намъ приходилось употреблять полтора часа до предмѣстья, да предмѣстьемъ надо было идти еще полчаса. Предмѣстье во всѣ стороны сильно увеличиваетъ обширность внѣшняго города (pomoerii). Москвитяне зовутъ его слободой, по той, думаю, причинѣ, что тутъ дано позволеніе, или послявянски свобода (libertas) жить всѣмъ пришлецамъ, будь то свои или чужіе. Оттого-то въ немъ столько народу и разнаго отребья, что оно похоже на много людный городъ.

§ 5. Стрѣлецкая слобода.

Прямо противъ Кремля, на той сторонѣ рѣки, лежитъ Стрѣлецкая слобода, населенная, какъ выше сказано, княжескими солдатами и раздѣленная, въ виду ихъ многочисленности, на 8 кварталовъ; имъ только и позволяется имѣть тутъ дома. Ихъ обязанность—охранять великаго князя; каждому изъ нихъ изъ княжеской казны дается ежегодно и жалованье, и одинаковаго цвѣта одежда; престарѣлые и негодные на службу на княжескій же счетъ содержатся съ женами и дѣтьми во многихъ назначенныхъ для того богадѣльняхъ до самой смерти. Такъ какъ для незнающихъ число ихъ можетъ показаться превышающимъ вѣроятіе, то я счелъ лучше умолчать о немъ; скажу только одно, что солдатъ, охраняющихъ г. Москву, свыше 50 тысячъ. Въ то время, когда мнѣ лично удалось видѣть то, о чемъ я разсказываю (въ іюнѣ 1678 года), для обороны отъ турокъ одного города Чигирина выставлено было войско въ 200.000 человѣкъ и когда изъ нихъ погибло сто тысячъ, то въ короткое время ихъ опять стало столько же. Этотъ солдатскій городъ крѣпокъ столько же силой и множествомъ воиновъ, сколько и своимъ положеніемъ. Съ одной стороны обтекаетъ его полукругомъ р. Москва, съ другой защи-

щаютъ двойнымъ рядомъ стѣны. Онъ стоитъ оплотомъ г. Москвѣ, ибо тутъ-то и происходили у москвитянъ схватки съ татарами, съ этой-то стороны и могли только вторгаться эти злѣйшіе ихъ враги. Кромѣ торговцевъ разными дешевыми товарами—чеснокомъ, лукомъ, хлѣбомъ, они никому не позволяютъ жить здѣсь съ солдатами.

Близъ самой рѣки тамъ есть еще большой садъ и большой лугъ, гдѣ пасутся царскія лошади.

XIV.

Нѣмецкій городъ, или Кукуй.

Много лѣтъ тому назадъ недостатокъ ли ремесленниковъ въ Московіи, спошенія ли съ чужими народами (безъ коихъ они не могли управиться хорошо съ своими дѣлами) понудили Москвитянъ за большое изъ царской казны жалованье призывать къ себѣ нѣмцевъ, знавшихъ разныя ремесла; потому-то и проникло въ Московію немало разнообразныхъ сектъ. Сначала нѣмцы у схизматиковъ встрѣтили радушный пріемъ, но съ теченіемъ времени, по несходству въ нравахъ и особенно въ вѣрѣ, сдѣлались ненавистны тѣмъ, кому прежде были пріятны—дѣло иногда доходило до взаимныхъ убійствъ. Для спокойствія тѣхъ и другихъ нѣмцы были переселены на то мѣсто, кое выше мы назвали Стрѣлецкой слободой, и, перемѣнивъ имя, новый нѣмецкій поселокъ москвитяне прозвали Наливками (Naleiki). Это намекавшее на пьянство прозваніе, употреблявшееся москвитянами, какъ брань и насмѣшка, обидно показалось нѣмцамъ. Видя, что москвитяне въ пьянствѣ грѣшнѣе ихъ, раздраженные новопоселенцы выпросили у царя для поселенія другое мѣсто и нашли нужнымъ переселиться за полмили отъ города. Основавшись тамъ, они сохранили ненавистный москвитянамъ порядокъ на образецъ германскихъ городовъ при сооруженіи и умноженіи домовъ, которые они строили красиво и разсчетливо. Весь новый поселокъ иноземцевъ назывался прежде Нѣмецкой слободой (какъ бы—Нѣмецкой свободой), а нынѣ носитъ неизвѣстно откуда взятое имя Кукуй. Между обитателями его большая разность въ вѣрѣ и въ національности. Вопервыхъ—нѣмцы; изъ нихъ весьма много лютеранъ [1]), у коихъ при двухъ храмахъ два пастора; кальви-

[1]) *Кильбургеръ*: Нѣмецкіе купцы если и живутъ въ самомъ городѣ Москвѣ, то все же же ихъ не насчитаешь тамъ больше 9—10 семей. Прочіе съ офицерами и ремесленниками живутъ въ отдѣльномъ мѣстѣ, называемомъ Нѣмецкой слободой и лежащемъ отъ города на добрый мушкетный выстрѣлъ между

нистовъ меньше; эти при одномъ своемъ храмѣ имѣютъ и одного наставника въ вѣрѣ. Меньше всего—католиковъ, признающихъ еще римскаго первосвященника видимой главою истинной церкви; храма и священника они не имѣютъ [2]). Кромѣ того, итальянцы и даже французы. Многіе изо всѣхъ нихъ ради почестей и благъ земныхъ перекрестились и приняли вѣру схизматиковъ. По просьбѣ католиковъ посолъ, мой князь, просилъ было царя позволить имъ содержать на свой счетъ католическаго священника; но схизматикамъ ненавистно имя папы—просьба не имѣла успѣха. Каждый ремесленникъ ежемѣсячно получаетъ хорошее жалованье изъ царской казны. Между этими иноземцами есть степени въ званіи и должностяхъ; одежа не у всѣхъ одинакова; однако она у всѣхъ сходна тѣмъ, что она—нѣмецкая и больше все на образецъ нѣмецкихъ дворянъ, особенно у женщинъ и дѣвицъ. Служанокъ, коими бываютъ либо дородныя москвитянки, либо безобразныя татарки, они одѣваютъ въ нѣмецкую же одежу, которая—къ смѣху зрителей—безобразитъ ихъ неуклюжую фигуру.

При каждомъ домѣ есть хорошо содержимый садъ, засаженный латукомъ и цвѣтами, хотя это и даетъ поводъ москвитянамъ смѣяться. Былъ я разъ у нѣмцевъ, съ коими очень подружился, въ гостяхъ и, когда пообѣдали они и мы, сталъ ѣсть латукъ; стоявшіе вокругъ москвитяне въ удивленіи и съ неудовольствіемъ стали насъ уговаривать—не ѣсть, дабы не уподобиться травоядным скотамъ. А какъ дошло до полныхъ чарокъ вина да большихъ стопъ пива (оно тамъ пречер-

---

Яузой и ручейкомъ Кукуемъ, отчего и вышло извѣстное по всей Россіи, оскорбительное выраженіе: tschisna Kukui (?). Тамъ три лютеранскихъ кирки, покровителемъ коихъ состоитъ нынѣ здравствующій герцогъ готскій, учредившій для нихъ поддержанія ежегодные взносы и переписывающійся съ причтомъ. У реформатовъ одна кирка, гдѣ пасторъ поучаетъ по-голландски. Всѣ четыре деревянныя, безъ колоколовъ и органовъ; въ каждой большая кафельная печь... Есть въ Нѣм. слободѣ и школа. Mag. v. Büsching. ч. III, 338.

[2]) Адамъ Брандтъ (1692—1694) писалъ: лютеранамъ, коихъ тамъ (т.-е. въ Москвѣ) много, какъ и кальвинистамъ, дозволено свободно отправлять богослуженіе. Первые въ Нѣмецкой слободѣ имѣютъ двѣ прекрасныхъ каменныхъ кирки, вторые—одну, тоже прекрасную. Католики же, подобно жидамъ, могутъ совершать службу лишь въ купленномъ ими домѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ царствѣ не было ни одного іезуита и не совершалось миссы, а иначе—его прогонятъ, что и было съ однимъ іезуитомъ нѣсколько лѣтъ назадъ, дерзнувшимъ это сдѣлать... Нынѣшній царь Петръ Алексѣичъ лютеранамъ подарилъ камню на новую церковь, позволилъ соорудить и колокольню.

ное и препьяное, впрочемъ голова отъ него не болитъ)—такъ небось москвитяне скотскимъ не сочли пить съ нами до рвоты.

Секретарь нѣмецкой канцеляріи, еще помнившій кое-что полатыни, замѣтилъ, что я очень цѣню нѣмецкое гостепріимство, и сказалъ мнѣ: не угодно ли вамъ будетъ, господинъ, поступить на службу великаго цезаря нашего (такъ называютъ они царя) по знанію вами разныхъ языковъ — польскаго, чешскаго, нѣмецкаго, латинскаго и итальянскаго?“ Сулилъ большое жалованье, повышенія, золотыя горы... Я сперва было и соблазнился деньгами, но узнавъ отъ другихъ такого же рода нѣмцевъ, что кто разъ поступилъ на службу къ царю, тому на всю остальную жизнь приходится закабалить себя со всѣмъ домомъ, вскорѣ ему вѣжливо отвѣтилъ, что золотая свобода дороже мнѣ золотыхъ обѣщаній...

Въ числѣ прочихъ заведеній нѣмцевъ есть въ одной мили отсюда большой стеклянный заводъ да желѣзный, а близъ р. Яузы, впадающей за городомъ въ Москву, бумажная фабрика. Еще и понынѣ есть слѣды, что они когда-то искали золотой и серебряной руды, но напрасно: все золото и серебро, какое только у нихъ есть, ввозится изъ другихъ странъ.

Разныхъ драгоцѣнностей у москвитянъ много—жемчугу, смарагдовъ, бирюзы, сафировъ, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ персіянами. По крайней мѣрѣ, мелкіе граненые рубины до того у нихъ дешевы, что продаются на фунты — по 20 московскихъ или 6 нѣмецкихъ флорина за фунтъ.

Къ той части города, гдѣ на помянутыхъ уже фабрикахъ работаютъ нѣмцы, прилежитъ ровная мѣстность. Она полюбилась царю, и онъ для своего удовольствія устроилъ и развелъ въ ней два сада, изъ коихъ одинъ убранъ на подобіе садовъ итальянскихъ, а другой обращаетъвниманіе тремя стами съ изящными верхушками башенокъ, расположенныхъ по оградѣ съ рѣдкимъ искусствомъ, и тѣмъ сдѣлалъ мѣстность эту еще лучше. Полюбивъ это мѣсто больше прочихъ, царь поставилъ себѣ за правило въ хорошую погоду еженедѣльно ѣздить туда—поглядѣть, погулять и распорядиться, коли что нужно для украшенія.

Передъ этимъ городомъ есть у нихъ общедоступное кружало, славящееся попойками и не всегда благородными, однако свойственными москвитянамъ удовольствіями. У нихъ припято отводить мѣсто бражничанью не въ самой Москвѣ или предмѣстьѣ, а на полѣ, дабы не у всѣхъ были на виду безобразіе и ругань пьянчугъ. У нихъ вѣдь обыкновенно тотъ, кого разберетъ охота позабавиться съ жен-

щинами да пьянствовать, уходитъ за городъ въ ближайшій кабакъ сутокъ на двое либо на трое, приноситъ тамъ жертвы Венерѣ съ Бахусомъ и кончаетъ большею частію тѣмъ, что пропиваетъ кабатчику все до рубахи, выталкивается на общественное поле, а потомъ, проспавшись, является опять въ городъ, голый вполнѣ или по половину, гдѣ пьянчугу и встрѣчаютъ рукоплесканьями и похвалой. Мнѣ и самому довелось видѣть такого рода забулдыгъ, когда они проходили мимо посольскаго подворья совсѣмъ голые, исключая развѣ извѣстныхъ частей тѣла, прикрытыхъ лоскутомъ полотна, и возбудили въ народѣ такіе клики, что многіе посольскіе бросились къ окнамъ, ожидая увидѣть нѣчто необыкновенное и любопытное, а увидали лишь безобразіе забулдыгъ, восхваляемое толпившимся народомъ за ихъ опытность въ пьянствѣ.

У москвитянъ большая ѣзда изъ одной части города въ другую, чѣмъ и кормится множество не знающихъ никакого ремесла извощиковъ (zwosczik). Все ихъ имущество — лошадь да деревянная повозка. Они поджидаютъ на городской площади сѣдоковъ и задешево, за нѣсколько нашихъ крейцеровъ, возятъ далеко. Народъ этотъ дотого упрямъ, что встрѣтившись, переломаютъ скорѣе другъ другу колеса, чѣмъ свернутъ съ дороги, коли встрѣчный сѣдокъ не вельможа [3]).

XV.

Переговоры пословъ въ царской думѣ.

По окончаніи аудіенціи, о которой сказано выше, послѣ трехдневнаго промежутка, 23 мая по назначенію князя послѣдовало первое засѣданіе, и какъ съ утра совѣтъ, такъ и это, и послѣдующія происходили въ утреннее время [4]). При отъѣздѣ пословъ на аудіенцію соблюдался слѣдующій порядокъ: отъ воротъ посольскаго подворья

---

[3]) См. въ приложеніи описанія Москвы, сдѣланныя иностранцами до Таннера.

[4]) Во второй половины фразы, повидимому, выпущено нѣсколько словъ. Въ подлинникѣ: subsecuta est sessio prima *utque de manc consilium*, ita et haec et sequentes matutino tempore dabantur.

Для веденія переговоровъ были назначены: ближній бояринъ и намѣстникъ новгородскій князь Никита Ивановичъ Одоевскій, ближній бояринъ и намѣстникъ астраханскій князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, ближній бояринъ и намѣстникъ обдорскій Василій Семеновичъ Волынскій, окольничій и намѣстникъ чебоксарскій Иванъ Аѳонасьевичъ Прончищевъ, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, дьяки Василій Бобынинъ и Степанъ Полковъ.

и до царскаго дворца въ прекрасномъ порядкѣ по обѣ стороны ставились солдаты и держали вычищенное и яркое блестѣвшее оружіе—бердышъ, къ которому, воткнувъ его въ землю, привѣшивали пищаль; съ боку висѣла у нихъ сабля, по-ихнему называемая ордынкой. Здѣсь должно соблюдать разницу между солдатомъ и человѣкомъ иного званія: кромѣ солдата никто не имѣетъ права привѣшивать саблю на бедро. Оттого-то прочіе вмѣсто нея и носятъ подъ одеждой длинные ножи [5]). Триста отборныхъ воиновъ, называемыхъ ими „караульщиками" (krahulczik), съ бердышами, пищалями, саблями и съ малыми сѣкирами стояли карауломъ на подворьѣ для показанія великокняжескаго великолѣпія всегда въ прекрасномъ, новомъ одѣяніи, съ изукрашеннымъ золотомъ либо серебромъ поясомъ или галунами; знамена у нихъ были очень большія, искусно вышитыя золотомъ и серебромъ, а барабаны величиною вдвое больше нашихъ. Черезъ трое сутокъ ихъ смѣняли другіе триста въ новомъ же, но въ иномъ одѣяніи, однако обыкновенно въ красномъ, и такимъ образомъ во все время проживанія пословъ въ стѣнахъ Москвы мѣнялись и солдаты и ихъ одежда. Для бо́льшей пышности за каретой пословъ конюхи вели двухъ ихъ коней подъ богатыми сѣдлами; по чрезмѣрной ихъ дикости имъ приходилось связывать на извѣстномъ разстояніи самыя ноги. Лошадь посла литовскаго однако ухватила неостерегшагося конюха такъ, что бѣдняга, къ удивленію присутствовавшихъ, заревѣлъ благимъ матомъ. Свирѣпое животное выпустило его не скоро, такъ что боль, длившаяся нѣсколько недѣль, научила его быть осторожнѣй. На первомъ засѣданіи великокняжескіе совѣтники имѣли лишь случай познакомиться съ послами—дѣло и ограничилось однѣми учтивостями; послы скоро вернулись домой. Черезъ день, мая 25-го, назначено было второе засѣданіе [6]).

Собравшаяся дума тутъ впервые услышала о причинахъ посольства. Главными считались: перемиріе съ царемъ на 14 лѣтъ, слученіе силъ и заключеніе союза противъ турокъ, возвращеніе городовъ — Смоленска, Кіева, староства велижскаго, которые отняты были у поляковъ, и наконецъ допущеніе католическаго богослуженія. Насчетъ послѣдней статьи, вслѣдъ за первымъ же предложеніемъ, царь сказалъ, чтобъ и помину не было. Они такъ привержены къ католической истинѣ, что не хотятъ о ней и слышать, тогда какъ богослуженіе иныхъ исповѣданій не только допускаютъ, но содержатъ даже на свой счетъ

---

[5]) Въ подлинникѣ изображены бердышъ, ножъ и сѣкира.

[6]) См. въ приложеніи о первомъ и второмъ засѣданіи, или отвѣтѣ.

проповѣдниковъ и пасторовъ. Другія статьи, менѣе важныя, не требовавшія большихъ соображеній, были быстро окончены.

Черезъ три дня, мая 28, было третье засѣданіе. На немъ, какъ и на слѣдующихъ, были совѣщанія и пренія лишь о прежнихъ статьяхъ. Іюня 2-го было четвертое засѣданіе, пятое—іюня 8-го, шестое—10-го, седьмое—13-го, восьмое было назначено на 14-ое, девятое—на 16-ое. На каждое засѣданіе пословъ провожали съ помянутой церемоніей, въ каретахъ, на великолѣпно украшенныхъ лошадяхъ и—что тщательно соблюдалось—для показанія царской пышности каждый разъ все разныхъ [7]).

---

[7]) Въ третьемъ отвѣтѣ Н. Ив. Одоевскій просилъ пословъприступить, оставя всѣ прежнія досадительства, къ изысканію новыхъ способовъ для цѣлости христіанства. Но послы заговорили, что надо успокоить заходящія трудности, и просили, чтобы затѣмъ великій государь подтвердилъ прежніе посольскіе договоры, отдалъ королю Кіевъ и Дорошенка и не писался городами той стороны Днѣпра. „Въ 4-мъ отвѣтѣ 23 мая (стар. ст.) Сапѣга заявилъ объ условіи, которое могло привести къ давно ожидаемому соглашенію. „Христіанскіе де государи, сказалъ онъ, въ нынѣшнее турское на христіанъ наступленіе разныя помочи Королевскому Величеству присвояютъ—который ратными людьми, сухимъ и морскимъ путемъ, а иной казною на наемъ ратныхъ людей“. И приклонясь къ ближнему боярину ко князю Никитѣ Ивановичу, молылъ, чтобы и великій государь... изволилъ помочь учинить денежною казной.“ (См. Замысловскаго, Сношен. Росс. съ Польш. Ж. М. Нар. Пр., янв., 1888 г.). Послѣ многихъ переговоровъ бояре въ 9-мъ отвѣтѣ объявили, что отдать завоеваннаго нельзя, но что царь по склонности своей къ братской дружбѣ и любви съ королемъ изволяетъ учинить ему помочь казною; царь за свои убытки учнетъ тѣшиться тѣмъ, что задержитъ у себя завоеванные города, а король—тѣмъ, что удовольствуется казною, а уступить за вѣчный миръ Украйну нельзя—народы сейчасъ поддадутся турскому салтану. Но про вспоможеніе казною Сапѣга теперь сказалъ, что они объ этомъ донесутъ королю, а прежде всего надо возвратить завоеванное. Бояре отвѣчали: что надо было уступить—уступлено, а Смоленскъ и остальные города „належатъ“ къ царю — ихъ отдать невозможно.—Правда, что Смоленскъ прежде принадлежалъ къ Московскому государству, сказалъ Сапѣга: только взятъ былъ войною, а кто вѣчнаго мира желаетъ, тому надобно чужое отдать. Нечего смотрѣть на счастье: счастье вѣдь легко можетъ обратиться въ несчастье! —„Въ счастьи своемъ, отвѣчали бояре, имѣетъ великій государь надежду свою государскую на Всемогущаго Бога и на заступницу христіанства Пресвятую Богородицу, и погрозокъ никакихъ имъ, великимъ и полномочнымъ посламъ, говорить непристойно. Великій государь держитъ подъ своею рукой Смоленскъ и иные города по самой истинной правдѣ, а счастье его государское въ рукѣ Всемогущаго Бога!“ Сапѣга заговорилъ, что у нихъ нѣтъ полномочія довольствоваться за вѣч-

Простой народъ толкуетъ, будто князь во всемъ имѣетъ изобиліе, по-ихнему: во казни царжски воссего, воссего много, т. е. въ казнѣ нашего царя всего, всего много. Мы шутки ради спрашивали по-польски: маче-ли во казни царжски хворобы? имѣете ли вы въ казнѣ той болѣзни? и другой вздоръ—они отвѣчали: qenoster, т. е. все полно, чему мы потомъ немало смѣялись [8]). Іюня 18-го было такъ холодно и вѣтрено, что выпалъ снѣгъ въ орѣхъ величиною (!), на слѣдующій день скоро при ясной погодѣ растаявшій (ut nivem magnitudine nucis juglandis parem attulerit).

20 го іюня, въ день св. Ѳеодора по старому календарю, по случаю именинъ царя (ob natalem czari) было большое торжество; никто какой бы то ни было профессіи не смѣлъ работать, хотя по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ въ другихъ мѣстахъ обыкновенно работали. Съ утра до вечера во всѣхъ церквяхъ былъ такой звонъ, что для непривычныхъ ушей тошно было слушать. Пока были мы въ недоумѣніи по поводу этого нежданнаго и довольно тягостнаго торжества, на подворье къ намъ пожаловали пристава съ извѣстьемъ, что нынче день именинъ ихъ царя, и почтительно объявили, что, изъявляя свою особенную милость къ посламъ, онъ велѣлъ ради этого торжества насъ угостить. Въ свою очередь и послы начали благодарить, желать всякихъ благъ и до небесъ превозносить въ присутствіи приставовъ день именинъ. Къ полудню съ телѣгами и прочими принадлежностями прибыли въ прежнемъ же порядкѣ и повара и, готовя на столъ, возбудили было надежду, что угощеніе будетъ лучше; былъ понедѣльникъ, мы и думали, что они насъ накормятъ мясным. Но увидавъ великопостныя, почти сырыя кушанья (числомъ однако 200), отравленныя большею частію льянымъ масломъ, мы оставили надежду. Тутъ истинно аппетитъ былъ обманутъ: одинъ отворачивался,

---

ный миръ казною; они уполномочены только на то, чтобы на вѣчный миръ все завоеванное имъ возвратить; что имъ не объявлено, какое удовольствованіе будетъ королю и рѣчи посп. за продленіе перемирныхъ лѣтъ, и надѣются де они, что казну на вѣчный миръ изволитъ царь дать только за одинъ Смоленскъ, а иное завоеванное все уступить. Но бояре на это сказали, что переговоры объ удовольствованіи казною должны идти за все завоеванное.

[8]) Непонятное слово qenoster состоитъ, повидимому, изъ двухъ частей: *qeno* и *ster*. Судя по переводу, первое значитъ полно, а ster (сравни въ 19 гл. dobroster—добро-ста)=ста. Стало быть, qenoster значитъ полно-ста. Думать надобно, что поляки съ Таннеромъ смѣялись напрасно.

другой зажималъ носъ, третьяго тошнило: такъ по виду-то разохотились было они потрапезовать!

Присланный отъ имени царя князь пригласилъ пословъ въ столовую. Тѣ, видя столь пріятныя снѣди, поблагодарили за угощеніе и попросили позволенія откушать по-своему мясного, на что согласіе и было дано; сырыя же эти, достойныя скорѣе людоѣдовъ кушанья хотятъ-де они оставить на постный день, что и было исполнено: завѣдующіе кухней обоихъ пословъ, подѣливъ поровну, велѣли отнести ихъ къ себѣ на кухни. Но привезенные ими напитки мы не преминули потребить и осушить съ ними. Когда они ушли, мы съ музыкой отлично откушали по-своему и, осушая кубки за здоровье царя, весело отпраздновали день его именинъ.

Настало 21-ое іюня, когда назначено было десятое засѣданіе. Послы, вернувшись съ него, казались столь недовольными, что я слышалъ, какъ мой князь неразъ повторялъ, что лучше вести дѣло съ дикими татарами и турками, чѣмъ съ непостоянными москвитянами, которые разъ утвержденное отмѣняли и отмѣненное вторично утверждали[9]).

---

[9]) Въ десятомъ отвѣтѣ Черторыйскій отвергъ предложеніе бояръ удовольствоваться за завоеванное казною и сказалъ: „никогда того не слыхано, чтобы кто ималъ деньгами за многія завоеванныя страны; у короля и рѣчи посполитой при отпускѣ ихъ, пословъ, и въ мысли того не было и въ наказѣ имъ того не написано, и полной мочи они на то не имѣютъ“.

Оставивъ переговоры о вѣчномъ мирѣ, перешли къ вопросу о перемиріи. Черторыйскій сказалъ, что за продолженіе перемирныхъ лѣтъ изволилъ бы Царское Величество уступить изъ завоеваннаго Кіевъ (онъ вѣдь *належитъ* королю и по договорамъ), Смоленскъ, Невль, Себежъ, а Чигиринъ съ Заднѣпровьемъ пусть будетъ въ тѣ перемирныя лѣта въ сторонѣ царя. Сапѣга сказалъ, что они бы приняли и казну, лишь бы вмѣстѣ съ тѣмъ уступили имъ хоть часть завоеваннаго да вскорѣ отдали Кіевъ. Бояре на продолженіе перемирныхъ лѣтъ предложили 30,000 руб. и спросили у пословъ, сколько они казны въ сторону Королевск. Величества *употребляютъ?* Черторыйскій отвѣчалъ, что на продолженіе перемирія на 10 лѣтъ *употребляютъ* они казны 6 милліоновъ польскимъ счетомъ добрыми монеты! Сапѣга впрочемъ тутъ же сбавилъ два милліона. „И Черторыйскій Сапѣгѣ говорилъ усмѣхаяся: „господине брате, вдругъ ты много убавливаешь, и то твое объявленіе моему противно!“ Боярамъ такое требованіе показалось чрезмѣрнымъ, и они сказали, чтобы послы *употребляли* того, что учинить возможно, а не дѣлали такихъ великихъ и непристойныхъ запросовъ.

Одиннадцатое засѣданіе происходило 22-го іюня, двѣнадцатое—27-го, тринадцатое—28-го, четырнадцатое—іюля 3-го, пятнадцатое—5-го. Это засѣданіе давало посольству мало надежды достичь какихъ-либо результатовъ: замѣчено было, что москвитяне упрямо стоятъ на своемъ. Главный пунктъ несогласія—требованіе вернуть города Смоленскъ, Кіевъ, староство велижское, заключавшее города Себежъ, Невль и Велижъ, отнятые у поляковъ москвитянами. Царь не хотѣлъ ихъ вернуть и настаивалъ, чтобы они просили какого-нибудь равносильнаго вознагражденія. Послы стали просить 6 милліоновъ золотыхъ. Изумленные москвитяне предложили 600 тысячъ. Осмѣивая и отвергая эту несоразмѣрно малую сумму, послы въ свою очередь заявили, что король польскій, коли они не порѣшатъ иначе, можетъ и хочетъ вернуть ихъ силою. Царь и думные бояре съ гнѣвомъ возразили на это, что они намѣрены въ скорости отправить въ Турцію посла и заключить противъ Польши союзъ съ султаномъ, посла же князя, какъ черезъ-чуръ упорнаго, грозили тѣмъ временемъ задержать, пока придутъ вѣсти, какой оборотъ приняли дѣла съ султаномъ, а втораго посла отослать въ Польшу. Горько было, признаюсь, слышать этотъ неожиданный отвѣтъ, но врожденное польской натурѣ благородство пренебрегло этими тщетными угрозами и страхомъ, и послы нашли средство приготовиться къ сопротивленію и ко встрѣчѣ съ ними. Они вернулись на подворье, созвали кое-кого изъ болѣе важныхъ посольскихъ чиновниковъ и къ немалому ихъ безпокойству разсказали эту трагическую сцену; мы остальные ощутили большой страхъ. Но испытанный въ подобнымъ дѣлахъ польско-литовскій геній и тутъ нашелъ легкій способъ воспротивиться и отразить силу силою. Для того, чтобы разсѣять страхъ, наверху поставили трубачей и барабанщиковъ, на балконѣ тоже устроили музыку, задали знатную попойку и такъ разгулялись, что всѣмъ намъ казалось это удивительнымъ: мы еще тогда не знали, что значитъ это неожиданное веселье.

Музыка играла уже нѣсколько часовъ. Для разузнанія причины этого необыкновеннаго веселья явились пристава и, не могши ни отъ кого добиться толку, приступили къ посламъ. Послы приняли ихъ хорошо, предложили имъ за здоровье царя добрую золоченую чарку (иначе они бы отказались: такъ мало расположены они къ иноземцамъ, что даже во время попоекъ не любятъ пускаться съ ними въ откровенный разговоръ) и на ихъ вопросъ о причинѣ такого веселья сказали, что послы прощаются не только другъ съ другомъ, но и со всей Московіей; кромѣ того, князь-де готовится въ ссылку. Выслушавъ это, они прилично откланялись и ушли.

А начатое веселье пословъ и послѣ этого не прекращалось; до полуночи раздавался неумолкавшій трескъ барабановъ, звукъ трубъ и музыкальныхъ орудій и побудилъ наконецъ самого царя узнать, что значитъ это веселье и гдѣ оно. Обезпокоенный царь позвалъ было спавшаго при немъ слугу, не дозвался, всталъ самъ и, стараясь его разбудить, свѣчею спалилъ ему его длинную, по обыкновенію, бороду. Тотъ однако проснулся только тогда, когда бороду точно пожаромъ охватило до подбородка. Горѣла борода, а онъ, не помня себя, сталъ кричать, что горитъ дворецъ. Итакъ онъ былъ посланъ узнать, гдѣ происходитъ это веселье. Горюя о несчастной бородѣ, спаленной царемъ (они считаютъ ее главнымъ украшеніемъ), онъ вышелъ и, руководствуясь звукомъ трубъ, явился къ намъ на подворье. Отъ караульныхъ о причинѣ такого веселья онъ ничего узнать не могъ и вынужденъ былъ, какъ ни стыдился за спаленную бороду, взойти на ту самую галлерею, гдѣ раздавалась музыка, и разспросить встрѣтившагося посольскаго чиновника. Столь пріятнаго гостя чиновникъ провелъ къ посламъ; послы ему дали тотъ же отвѣтъ, что и приставамъ, и чтобы лучше полюбоваться на москвитянина съ необычайнымъ у нихъ, безбородымъ и украшеннымъ волдырями лицомъ, поднесли ему за здоровье его царя чарку вина и спросили, что это съ его лицомъ. Со стыдомъ и слезами онъ разсказалъ, что борода спалена царемъ, и ушелъ, получивъ такой отвѣтъ. Послы между тѣмъ еще болѣе развеселились, приказавъ трубамъ играть громче. Царь не могъ отъ звука трубъ заснуть и въ скорости прислалъ опять того безбородаго сказать посламъ, чтобы они хоть ради него прекратили веселье, потому что онъ не можетъ заснуть, что и было сейчасъ же исполнено, и отягченные виномъ и дремотой, всѣ улеглись спать [10]).

---

[10]) Торговаться продолжали и въ 11-мъ отвѣтѣ. Сапѣга въ свидѣтели призывалъ Бога со Св. Богородицей, что они и рады бы дружбѣ между вел. государями, но безъ прибавки отъ части завоеванныхъ городовъ перемирія учинить невозможно.

Послы настаивали, чтобы Кіевъ отдать по договорамъ и съ тою стороною Днѣпра да къ тому додать Себежъ, Невль, и стали притомъ упорно и говорили, что имъ невозможно безъ того въ договоры о перемирныхъ лѣтѣхъ вступить. Бояре, видя ихъ такое упорство, сказали, что царь указалъ имъ объявить 100,000 ефимковъ.

Послы молчали многое время, а потомъ Черторыйскій сказалъ: „то-де бредня, что за такіе великіе города и земли объявляютъ бояре казны малое число, приводя ихъ къ тому, чтобы они на деньги отчизну свою продали, а

На утро явились пристава, объявили о засѣданіи, на которое послы и отправились, хоть и не со свѣжей еще головой. Это уже шестнадцатое засѣданіе происходило 6-го іюля, за коимъ слѣдовало семнадцатое іюля 15-го и восемнадцатое—16-го іюля. На трехъ этихъ засѣданіяхъ всѣ переговоры были тайные, такъ что нельзя было слышать ни малѣйшей подробности. Но левъ съ распущенными когтями скрывался недолго—одинъ, по крайней мѣрѣ, его выдалъ. Дѣло въ томъ, что когда послы, стоя за благо рѣчи посполитой, мужественно защищали свое дѣло и не хотѣли принять предлагаемыхъ имъ гибельныхъ и насильственныхъ условій, москвитяне, видя, что пренія ни къ чему не приводятъ, хотѣли ихъ запугать. На слѣдующій день, дѣлая видъ, будто за чрезмѣрное упорство хотятъ безо всякихъ результатовъ отослать пословъ въ Польшу, они велѣли пріѣхать подводамъ (это мужики съ телѣгами и лошадьми) для того, чтобы помочь везти ихъ кладь. Угроза эта была сильнѣе предшествовавшей; москвитяне стали все готовить къ отъѣзду, однако нарочно, единственно съ цѣлью склонить пословъ согласиться на угодныя имъ условія. Но и тутъ ихъ хлопоты пропали даромъ; ибо послы предпочитали вернуться, не кончивъ дѣла, чѣмъ согласиться на то, что было въ ущербъ рѣчи поспо-

---

того-де никогда не будетъ, чтобы безъ возвращенія части завоеваннаго учинить такое продолженіе перемирныхъ лѣтъ".

Бояре сказали, что онъ, Черторыйскій, говоритъ не по посольскому обычаю, что оказанную Царскимъ Величествомъ для покою христіанскаго склонность и объявленную многую казну называетъ бреднею; то-есть слово непристойное, и говорить было ему того не годилось. И выговаривано ему о томъ пространно, такъ что Черторыйскій „усумнился", а при отъѣздѣ изъ отвѣтной палаты въ томъ и „прощался". Послѣ многихъ разговоровъ послы „съ великимъ прошеніемъ" говорили, чтобы бояре донесли царю, чтобы онъ отпустилъ ихъ съ добрымъ дѣломъ: все де то въ его изволеніи настоитъ, и для братской съ Корол. Величествомъ дружбы и любви изволилъ бы онъ что и уступить. Сапѣга даже сказалъ, что упроситъ Черторыйскаго разговоръ о Кіевѣ отложить до коммиссіи—пусть лишь отдадутъ имъ Невль да Себежъ. „И Черторыйскій, озлобясь на него, говорилъ, что никогда на перемиріе безъ возвращенія Кіева не согласится, и больше того говорить пересталъ". Въ 12-мъ отвѣтѣ бояре сказали, что видно послы не желаютъ братской дружбы и любви. „И доходитъ до того, что Вел. Государю придется съ турскимъ салтаномъ миру искать, къ чему и самъ салтанъ склонность имѣетъ". Сапѣга и на этотъ разъ сдѣлалъ уступку—сталъ просить уже 3 милліона. Бояре опять не согласились. —Далѣ идти въ лѣсъ, больше дровъ, сказалъ Черторыйскій: такъ и нынѣшніе ихъ разговоры: одинъ хочетъ взять, другой не хочетъ дать. Пусть бояре дадутъ окончательный отвѣтъ о воз-

литой. Поэтому и сами они велѣли вывезти свои экипажи, готовить, выносить вещи, нагружать, и не шутя собираться въ дорогу. Видя, что угрозами достигнешь меньше, чѣмъ разумными совѣщаніями, москвитяне отложили въ сторону свои пререканія съ послами и предпочли назначить опять засѣданіе. Итакъ послѣдовало девятнадцатое по порядку засѣданіе 21-го іюля, двадцатое—22-го, на которыхъ они, оставивъ пустыя запугиванья, мало по малу склонились на предложенія пословъ.

XVI.

Скрѣпленіе договора между москвитянами и поляками присягою.

Какъ ту первую пустячную угрозу встрѣтилъ пріятный хоръ барабановъ и трубъ, такъ и второе пустое запугиванье кончилось уплатой 2 милліоновъ.

Какъ отрадно блеснулъ послѣ тучъ намъ Фебъ лучезарный,
Какъ былъ сладокъ покой, купленный долгимъ трудомъ!

Итакъ, когда разсѣялись тучи препирательства, двадцать первое

награжденіи за 10-лѣтнее перемиріе, а Кіевъ и журавенскіе договоры отложатъ до коммиссіи. Въ 13-мъ отвѣтѣ послы измѣнили требованіе, стали просить городовъ Невля, Себежа, Велижа и Краснаго Городища, говоря что мѣста эти—самыя пустыя и что пожитку отъ нихъ королю не будетъ; что за одинѣ деньги перемирія учинить невозможно, а добро бы къ тѣмъ городамъ даны были два милліона. И стали притомъ упорно и говорить перестали. Тогда бояре накинули—предложили 100,000 рублей.

Въ 14-мъ отвѣтѣ послы снова спрашивали, какая уступка на продолженіе неремирныхъ лѣтъ будетъ изъ завоеванныхъ городовъ. Одоевскій сказалъ, что можно уступить Себежъ, но безъ прежде объявленной казны. Послы не согласились.

Тогда ближніе бояре и думные люди изъ отвѣтной палаты ходили къ Вел. Государю на верхъ и пришедъ сѣли попрежнему, и Одоевскій сказалъ, что Вел. Государь для покоя христіанскаго и не хотя имѣть съ турскимъ салтаномъ миру, какъ чинитъ Его Кор. Вел., указалъ имъ объявить на продолженіе перемирныхъ лѣтъ въ прибавку къ г. Себежу 100,000 рублей. Но изъ этого кромѣ разговора ничего не вышло. Боярамъ стало досадно, и они сказали, что видно послы хотятъ жить на царскихъ кормахъ безъ дѣла, и что если они къ дѣлу не приступятъ, царь велѣлъ имъ и отпускъ сказать. Послы просили донести о прибавкѣ городами и казною. Бояре ходили къ Вел. Государю вторично, а пришедъ Одоевскій объявилъ, что царь къ прежнему прибавляетъ Велижъ съ уѣздомъ. Но послы къ этимъ двумъ городамъ просили еще г. Невля, „а то-де имъ уступлено два кабака!“

засѣданіе явило намъ 23-го іюля золотаго Феба, въ сіяніи лучей, на бѣлой четвернѣ фортуны! Засѣданіе кончилось къ удовольствіюословъ: обѣ стороны помирились на двухъ милліонахъ наличными деньгами, и царь возвращалъ старостве велижское со всѣми городами, крѣпостями и селеніями, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы помимо князя оно не доставалось никому, потому что дѣлаетъ-де онъ это ради князя-посла, что послѣ и было исполнено королемъ польскимъ. Заключили и союзъ противъ турокъ. О католической вѣрѣ, въ виду успѣха въ прочемъ, князь-посолъ, дабы ихъ не раздражать, не рѣшился напоминать, и послы такимъ образомъ при дуновеніи зефира мирнаго Громовержца, сопровождаемые поздравленіями, вернулись къ себѣ на подворье [11]).

---

[11]) Послѣ 14-го отвѣта послы іюня 24 (стар. ст.) прислали боярамъ письмо, гдѣ касались вопроса, какіе пункты въ прежнихъ договорахъ подтвердить, какіе оставить до коммиссіи. Послы требовали, чтобы католикамъ дозволили выстроить костелы въ Смоленскѣ и Москвѣ и быть при каждомъ двумъ ксендзамъ; заявляли, что древо св. Креста отдано не все, не возвращены мощи святыхъ, украшенія костельныя, колокола, парядъ быховскій, книги, дѣла и письма разныхъ воеводствъ; что же касается титулованія обоихъ государей, неотдачи на срокъ Кіева, союза, нетворенія договоровъ одному государю безъ другого съ турскимъ салтаномъ, вопросы эти они соглашались отложить до коммиссіи, о времени и мѣстѣ которой должны будутъ уговориться царскіе послы, имѣющіе быть у короля для отобранія присяги; съ ними же долженъ будетъ рѣшиться и вопросъ о „дѣдичномъ Его Кор. Величества городѣ“ Чигиринѣ.

О костелахъ въ 15-мъ отвѣтѣ бояре напрямикъ сказали, что ни въ Москвѣ, ни по городамъ нигдѣ ихъ не бывало и нынѣ быть тому непристойно; о древѣ св. Креста (Сапѣга говорилъ, что они, послы, вѣдаютъ подлинно, что оно у Царск. Величества есть въ соборной церкви)—что сыскано, то отдано, а больше того нѣтъ. Въ отвѣтъ на требованіеословъ, чтобы въ грамотахъ царь не называлъ Кіева отчиною и не именовалъ себя смоленскимъ, сѣверскимъ и черниговскимъ, бояре говорили, что это не противно андрусовскому договору; напротивъ, королю не годилось присылать къ Вел. Государю грамоты съ печатью, на коей изображены титла—кіевскій, смоленскій, сѣверскій, черниговскій; вѣдь эти города и княжества нынѣ подъ самодержавною рукою Е. Цар. Величества.

Воротясь съ 15-го отвѣта (іюня 26 стар. ст.), послы задали описанную Таннеромъ пирушку съ цѣлью, конечно, показать боярамъ, что они готовы прервать переговоры и безо всякихъ результатовъ уѣхать изъ Москвы. На другой день въ 16-мъ отвѣтѣ говорили о пунктахъ того же письма—о древѣ св. Креста, о титулованіи, о Дорошенкѣ, о Чигиринѣ.—А что послы въ письмѣ говорятъ—о Чигиринѣ и о всей той сторонѣ Днѣпра отложить до коммиссіи, сказали бояре: и того съ стороны Вел. Государя учинить невозможно (вѣдь все это

Въ эти дни случилось, что какая-то женщина, влюбившись въ одного изъ посольскихъ, хотѣла завести съ нимъ интригу, о чемъ узналъ мужъ и сталъ ее бранить либо бить. Озлобленная любовью женщина частію ради бо́льшей свободы, частію и изъ мести зарѣзала мужа и тѣмъ вымстила свою досаду. Ее уличили, и она должна была подвергнуться наказанію, но не казни, потому что здѣсь въ случаѣ человѣкоубійства ставятъ одну лишь свѣчу либо нѣсколько за душу убіеннаго и во искупленіе своей вины. Однако за мужеубійство ей назначили кару: обнаживъ и связавъ ей назадъ руки, закопать ее до половины въ землю на трое сутокъ, а по прошествіи ихъ отпустить

взято у салтана, а не у короля) и отлагать о томъ до коммиссіи не для чего да и напредъ сего никогда съ стороны Кор. Величества о тѣхъ статьяхъ не говарпвано, и нынѣ они, послы, въ договорахъ своихъ поступаютъ сурово и нимало *сходства* своего не оказываютъ; знатно, межъ обоими государями не желаютъ братской дружбы и любви и покою христіанскаго; Вел. Государь о всемъ о томъ изволитъ писать къ Кор. Величеству въ своей грамотѣ съ нарочнымъ гонцемъ, а ихъ указалъ отпустить". 28-го іюня посламъ была прислана отпускная грамота, а іюля 2-го въ посольскій приказъ присланъ былъ шляхтичъ Александръ Мосѣвичъ сказать, что послы желаютъ межъ обоими государями дружбы и любви и не хотятъ разъѣхаться съ боярами, не учинивъ добраго дѣла. Тогда переговоры возобновились, и іюля 6 назначено было 17-е засѣданіе.

Въ 17, 18 и 19-мъ отвѣтѣ рѣчь шла все о томъ же письмѣ. Наконецъ въ 20-мъ, насколько возможно, столковались и въ главномъ постановили: 1) о титулованіи, Кіевѣ, слученіи силъ, нетвореніи договоровъ одному государю безъ другого съ турскимъ салтаномъ и крымскимъ ханомъ отложить до коммиссіи, которой время и мѣсто опредѣлятъ царскіе послы, имѣющіе быть у короля для принятія отъ него присяги, 2) греческой вѣрѣ въ сторонѣ короля, а римской въ сторонѣ царя препятствій дѣлаться не будетъ (царь безъ затрудненія позволяетъ католикамъ ѣздить до ближнихъ костеловъ за границу молиться); 3) о древѣ св. Креста и пр. вопросъ считать конченнымъ. Для крестнаго цѣлованія приговорили съѣхаться іюля 13 (стар. ст.).

Но 13-го іюля въ 21-мъ отвѣтѣ зашла рѣчь о другомъ: бояре объявили посламъ, что вмѣсто Велижа царь готовъ уступить Невль, если перемиріе будетъ заключено на 13 лѣтъ. Послы сказали, что имъ продолженіе перемирія сверхъ 10 лѣтъ учинить и г. Велижъ отлучить отъ витебскаго воеводства невозможно. Іюля 14-го происходило совѣщаніе бояръ.—„Опасаясь, что поляки, вымания города и деньги, учинятъ какую-нибудь неправду, бояре 14 іюля порѣшили отложить переговоры съ ними о продолженіи перемирія и отправить пословъ великаго государя къ королю съ полномочіемъ относительно заключенія договора. Въ томъ же засѣданіи бояръ 14-го іюля присутствовалъ и патріархъ. Патріархъ говорилъ: послу, отправленному къ королю, труднѣе будетъ заклю-

на свободу. Что же вышло? Голодныя, тощія собаки, бѣгающія по всему городу, почуявъ, напали на несчастную, стали ее кусать и, несмотря на то, что она отбивалась, къ ужасу присутствовавшихъ (ибо они даже защитить ее не смѣли) терзать. Безоружная, воя и барахтаясь, скрежеща зубами, ногами схватила не одну собаку, она защищалась, какъ могла, наконецъ потеряла силы и черезъ нѣсколько времени умерла. Собаки ее послѣ вырыли и почти цѣликомъ сожрали. Предоставляю читателямъ судить, каковъ этотъ поступокъ—тиранскій или ужъ вовсе звѣрскій [12]).

чить договоръ, чѣмъ теперь боярамъ при содѣйствіи всей палаты и его, государева богомольца. „Для цѣлости святыхъ божіихъ церквей и для унятія разлитія крови христіанской“ патріархъ совѣтовалъ уступить Рѣчи Посполитой города, которыхъ требовали послы, и заплатить имъ 200,000 р., а для вѣрности деньги и городъ Невль не отдавать, пока король на евангеліи не укрѣпитъ перемирія, и просилъ, чтобы въ городахъ и селахъ, уступленныхъ Рѣчи Посполитой, церквамъ божіимъ и всякой святынѣ разоренія и православнымъ христіанамъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людемъ, неволи не было. Онъ просилъ также не вносить въ новый договоръ статью о союзѣ, которую нельзя привести въ исполненіе, а неисполненіе обѣщанія—великое предъ Богомъ согрѣшеніе. Великій государь рѣшилъ согласно съ мнѣніемъ патріарха, и договоръ былъ заключенъ“. (Замысловск., Снош. Росс. съ Польш., Журн. Мин. Н. Пр., янв., 1888).

[12]) А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити—живу окопати въ землю, и казнити ея такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитого дѣти или иные кто ближніи роду его того не похотятъ, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости и держати ея въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, глава XXII, 14.

Корнелій Брунинъ (1702 г.) пишетъ: 19-го января я былъ свидѣтелемъ ужасной казни. Женщина, умертвившая мужа, была живая зарыта въ землю до самыхъ плечъ. Она показалась мнѣ въ этомъ положеніи еще довольно свѣжею и съ видомъ мало разстроеннымъ. Ей около головы и шеи повязали бѣлый холстъ, но она просила, чтобы съ нея оный сняли, потому что онъ мѣшалъ ея дыханію. Ее окружали трое или четверо солдатъ, имѣвшіе приказаніе не дозволять ей получать никакой пищи. Но позволено было бросить въ яму ея нѣсколько копѣекъ, за которыя она благодарила наклоненіемъ головы. Эти деньги употребляются на покупку свѣчей, которыя зажигаются въ церквахъ предъ иконами за упокой души, а частію также на покупку гроба. Можетъ быть даже, что стражи частицу изъ этого подаянія берутъ себѣ или покупаютъ на нихъ какую-нибудь пищу, которую тайкомъ даютъ преступникамъ, ибо многіе изъ нихъ, какъ сказываютъ, довольно долго живутъ въ этомъ положеніи. Но эта женщина умерла на другой день послѣ того, какъ я ее видѣлъ.

24-го іюля послѣдовало двадцать второе засѣданіе, 25-го—двадцать третье. На этихъ засѣданіяхъ прошло уже все вполнѣ согласно [13]). Единственно только и оставалось подтвердить договоръ съ той и другой стороны клятвою, которую они и назначили на слѣдующій день. 26-го іюля утромъ началось приготовленіе не столько къ засѣданію, сколько къ религіозному обряду. Послы явились во дворецъ, чтобы рѣшить, въ какомъ мѣстѣ происходить обряду присяги — въ палатѣ ли, гдѣ происходили засѣданія, или въ княжеской капеллѣ. Рѣшеніе князя было—въ капеллѣ. Услыхавъ это, большая, бывшая тутъ толпа, въ коей былъ и я, ради любопытства потѣснилась туда; желая поглядѣть на царскую капеллу, вмѣстѣ съ другими, дабы меня не увидали (я былъ одѣтъ по-нѣмецки) при помощи заднихъ втѣснился и я; иначе, если бы меня узнали, я конечно, и простоялъ бы за дверьми. Какой-то попъ, когда я уже былъ внутри, спросилъ меня, какъ бы недостойнаго быть въ столь святомъ мѣстѣ: чего мнѣ здѣсь надо? какъ я вошелъ? Если бы присутствовавшіе не засвидѣтельствовали, что я крещенъ (что я долженъ былъ доказать крестнымъ знаменіемъ), меня бы вовсе выпроводили изъ церкви.

Я не въ силахъ описать внутреннюю красоту, благолѣпіе и богатство этой капеллы св. Николая, о коей я упомянулъ выше: у меня просто въ глазахъ потемнѣло отъ чрезмѣрнаго блеска золота, серебра, алмазовъ, жемчуговъ. Разскажу однако, насколько умѣю. Внутри капелла нѣсколько темна, тѣсна; иконостасъ (altare), по греческому обычаю, по серединѣ капеллы опоясанный какъ бы сценой, богато украшенъ золотомъ и серебромъ. Выше, въ ширину капеллы, стоятъ 12 изображеній апостоловъ въ прекрасномъ порядкѣ, а посреди нихъ и иконостаса виднѣется Спаситель; подъ ними—ихъ патріархи. Въ серединѣ иконостаса, подъ главнымъ изъ апостоловъ—врата въ два раствора, тогда еще открытыя, за коими увидѣлъ я большой блиставшій множествомъ драгоцѣнностей престолъ; на немъ-то и совершаютъ они свои священнодѣйствія. По обѣ стороны капеллы 2 иконостаса, на коихъ справа—Господь Христосъ, изображенный въ очень большомъ видѣ, слѣва—соотвѣтствующей же величины Божія Матерь. Въ каждомъ такомъ иконостасѣ опять была дверь поменьше и по бокамъ опять два иконостаса; въ одномъ—св. Николай, особенно ими чтимый патріархъ, въ другомъ—блаженная Дѣва съ младенцемъ на

[13]) Въ 22-мъ отвѣтѣ 15-го іюля шла рѣчь о томъ же, о чемъ и въ 21-мъ. Въ 23-мъ отвѣтѣ, справивъ договорныя письма, обѣ стороны рѣшили подтвердить ихъ присягою.

рукахъ, которая была такъ прекрасна, что не хотѣлось оторвать глазъ. По серединѣ капеллы стоялъ высокій аналой для чтенія евангелія, покрытый богатой пеленой. На немъ лежала книга Евангеліе, толщиною въ 8 дюймовъ, художественно изукрашенная золотомъ, серебромъ и всякаго рода жемчугами. Кругомъ стояли въ прекрасномъ облаченіи попы въ ожиданіи московскихъ бояръ и пословъ.

Князь-посолъ между тѣмъ отправилъ карету за своимъ капелланомъ доминиканцемъ, передъ коимъ онъ долженствовалъ дать присягу. Взявъ съ собой облаченіе, распятіе и свѣчи да въ серебряномъ окладѣ образъ блаж. Дѣвы, онъ пріѣхалъ во дворецъ съ другимъ тоже капелланомъ ясновельможнаго воеводы. Послы хотѣли было войти въ капеллу, но капелланы воспротивились на томъ основаніи, что католическіе обряды непристойно совершать въ схизматической церкви, почему и была избрана палата. Къ московскимъ попамъ послали дьяка сказать, что послы не могутъ, не смѣютъ давать присягу въ ихъ капеллѣ — неугодно ли имъ взойти наверхъ? Итакъ поднявшись, они пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шли два черпеца, т. е. монаха, въ діаконскомъ облаченіи съ помянутымъ выше аналоемъ; потомъ одинъ несъ всю позолоченную свѣчу; за нимъ шли два попа въ пышномъ облаченіи, кадя на евангеліе, съ коимъ шли впереди два какъ бы аббата; на обоихъ были изукрашеныя золотомъ и каменьями облаченія. По бокамъ ихъ два какъ бы дьякона несли два большихъ серебряныхъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами; за ними наконецъ еле двигался старикъ въ родѣ епископа въ облаченіи, расшитомъ цвѣтами изъ крупнаго жемчуга, съ двумя капелланами по бокамъ въ одинаковыхъ, богатыхъ ризахъ. Тутъ снова пробудилось во мнѣ желаніе проникнуть внутрь, и когда мы толпою дошли до самыхъ дверей палаты, сенаторы промежъ себя возбудили какой-то важный вопросъ, и прежде чѣмъ былъ онъ рѣшенъ, насъ больше часу держали за дверьми. Какъ только впустили другихъ, съ большимъ трудомъ вошелъ и я.

Сначала монахи по серединѣ поставили аналой, на который была положена та огромная книга, и съ зажженными свѣчами стали по бокамъ. Всѣ расположились по порядку чиновъ, такъ что ближайшимъ къ книгѣ стоялъ епископъ. Московскіе сенаторы по-одиночкѣ подходили къ этой книгѣ и первымъ началъ формулу присяги тотъ князь на русскомъ языкѣ; повторяя ее, другіе часто и низко кланялись предъ тою книгой и, произнесши присягу, отошли въ глубокомъ благоговѣніи. Нашъ капелланъ доминиканецъ устроилъ алтарь на подобіе католическаго и при двухъ державшихъ свѣточи спальникахъ принялъ присягу пословъ, сидя

альбѣ и столѣ. Такъ кончился обрядъ присяги у тѣхъ и другихъ[14]). Дабы разъ утвержденный клятвою сторонъ договоръ не былъ нарушаемъ, послы для прочности просили, чтобы и самъ князь далъ присягу. Сенаторы обѣщали въ одинъ изъ слѣдующихъ дней.

За это время мы между прочимъ угощались и развлекались и въ Кукуй-городѣ, гдѣ проводили время съ нѣмцами либо за игрой въ пирамиды, либо за разговорами, а больше всего за пивомъ, которое очень намъ полюбилось. Нашъ драгунскій лейтенантъ влюбился тамъ въ одну молоденькую вдову-лютеранку и сдѣлалъ ей предложеніе. Она имѣла мать, отчима, братьевъ, сестеръ и многочисленныхъ дру-

---

[14]) Вотъ какъ описывается эта присяга въ нашихъ документахъ:

„Ближніе бояре послали съ вѣстью въ соборную церк. Благовѣщенія Пресв. Богор. (названную у Таннера капеллой св. Николая), чтобы принесли въ отвѣтную палату св. Евангеліе. И изъ собору св. Евангеліе, что строено въ Бол. Успенск. Соборъ, несли благовѣщенскій ключарь Михайло да евдокѣпинскій верховой дьяконъ Петръ во одеждахъ. За Евангеліемъ шелъ въ ризахъ спасскій протопопъ Иванъ Лазаревъ, что у Вел. Государя на сѣняхъ. Передъ Евангеліемъ шли два дьякона благовѣщенскіе — Павелъ да Андрей съ кадилы. Четыре человѣка пономарей со свѣчами витыми въ подсвѣчникахъ серебряныхъ, а напредъ несли налой два человѣка, благовѣщенскіе сторожи. А какъ св. Евангеліе въ палату принесли, и поставили на налоѣ, а передъ нимъ съ обѣихъ сторонъ 4 свѣщи витыхъ и въ томъ числѣ двѣ въ подсвѣчникахъ серебряныхъ да двѣ въ подсвѣчникахъ простыхъ; а постановлено было то св. Евангеліе на налоѣ на востокъ, лицомъ ко Воскрѣснію, близко стола, гдѣ сиживали ближн. бояре и польск. послы при разговорѣхъ.

„Да въ то время два человѣка посольскіе ксендзы принесли въ отвѣтную палату распятіе литое, на цкѣ деревянной черной да образъ пресв. Богородицы частоховскія и Евангеліе польской печати и поставили на столѣ къ западу, лицомъ противъ панахидныя палаты, и передъ образомъ пресв. Богородицы поставили Евангеліе, разогнувъ, гдѣ напечатано: Въ началѣ бѣ Слово. А передъ распятіемъ и образомъ несли двѣ свѣчи ярого воску въ подсвѣчникахъ серебряныхъ и поставили тѣ свѣчи на столѣ съ обѣихъ сторонъ распятія и образа. А другія ярого воску двѣ свѣчи долгія держали польскіе люди передъ распятіемъ и образомъ. И ближніе бояре положили запись свою подъ св. Евангеліе, а сами, подступя близко Евангелія, говорили обѣщаніе свое всѣ вслухъ и изговоря, перекрестя всякій лице свое, цѣловали св. Евангеліе и, запись свою, снявъ съ аналоя, держалъ ближн. бояр. Н. П. Одоевскій.

„И послѣ того учинили обѣщаніе противъ того жъ польскіе послы и цѣловали Евангеліе польской печати въ то мѣсто, гдѣ напечатано: Въ началѣ бѣ Слово, а послѣ того цѣловали послы и распятіе. А какъ послы обѣщаніе учинили, и въ то время бояре съ послами записьми размѣнялись.“

зей. Отчимъ, родомъ нѣмецъ, былъ когда-то на царской службѣ въ должности геометра, или учителя артиллеріи и, проведши нѣсколько лѣтъ среди безобразныхъ нравовъ москвитянъ, задумалъ было побывать на родинѣ. Но несчастный за одну только мысль объ отъѣздѣ заплатилъ такъ тяжело, что едва не лишился жизни. Они знали, что ему знакомы всѣ ихъ укрѣпленія, боялись измѣны и по немилосердной злобѣ къ иноземцамъ судили его и приговорили перебить ему руки и ноги, дабы онъ не убѣжалъ противъ ихъ воли, а правую руку отсѣчь совсѣмъ, что и было приведено въ исполненіе, исключая того, что вмѣсто правой ему отсѣкли лѣвую, потому что онъ объявилъ себя лютеранином и сказалъ, что правою онъ долженъ креститься—такъ чтобы совсѣмъ не лишиться возможности дѣлать крестное знаменіе. Принужденный ползать на колѣнахъ, несчастный еле излѣчился, когда случилось съ нимъ еще бѣда благодаря этой свадьбѣ. Онъ явился въ приказъ, т. е. въ нѣмецкую канцелярію съ просьбою о дозволеніи вступить падчерицѣ въ бракъ; просьба была не уважена. Однако, такъ какъ женихъ былъ изъ посольскихъ и потому надѣялся, что свадьба пройдетъ ему безнаказанно, то и сталъ торопить отчима свадьбой. Несмотря на отказъ канцеляріи, тотъ согласился сыграть свадьбу тайно. Невѣста приняла сначала католичество и была обвѣнчана съ женихомъ нашимъ капелланомъ-доминиканцемъ; свадьбу сыграли у одной вдовы - капитанши. Веселье ихъ длилось два дня, а на третій, глядь, является стража и отводитъ безжалостно въ тюрьму вдову - хозяйку, отчима - калѣку и еще другихъ гостей. Молодые съ матерью успѣли однакоже убѣжать и скрылись въ городѣ. Заключенные, потерявъ надежду на освобожденіе, должны были подвергнуться наказанію и, чтобы совершенный вопреки недозволенію властей проступокъ послужилъ въ науку другимъ, вдову вывели на площадь, положили на-земь и, обнаживъ, дали ей всенародно 50 ударовъ, не смягчившись ни воплями, ни заступничествомъ присутствовавшихъ, пока не отсчитали назначеннаго числа. Несчастная лежала недвижимо; мы думали, что она умерла. Однако, когда ей дали понюхать спирту, она очнулась и на рукахъ со слезами была отнесена женщинами домой. Отчиму, не взирая на его убожество, дано было за это же 100 палокъ. Орудіе этого столь человѣколюбиваго наказанія—палка, чуть не въ мизинецъ толщиною, но столь твердая и крѣпкая, что ломается нелегко. Когда ею бьютъ, преступники вопятъ страшно. Этого рода битье (по-ихнему „батоги“) происходитъ чуть не ежедневно, ибо они такъ наказываютъ за всякое, даже за самое большое преступленіе: имъ любо слушать вопли и стоны. Другой еще родъ наказанія, который они называютъ

knoti (кнутъ), есть бичъ, похожій на тотъ, какимъ дрессируютъ лошадей; на его концѣ мѣдные прутья въ $^3/_4$ фута. Этимъ бичемъ они часто забиваютъ до смерти, потому что каждый ударъ страшно разсѣкаетъ кожу. Въ иныхъ случаяхъ они сажаютъ въ тюрьму, морятъ голодомъ и прибѣгаютъ къ болѣе легкимъ наказаніямъ.

XVII.

Непостоянство москвитянъ. Взятіе Чигирина у турокъ. Водосвятіе.

Москвитяне такъ непостоянны и ненадежны, что свое скрѣпленное публичной присягою слово, какъ только нѣкоторыя сомнѣнія стали возбуждать ихъ недовольство, не смогли сдержать долѣе одной ночи. Они стали придираться къ тому, что не подтвержденъ договоръ предшествовавшихъ посольствъ, который называютъ они андрусовскимъ. Итакъ 27-го іюля было назначено двадцать пятое засѣданіе, на которое явились послы, думая, что будетъ торжественно совершена царская присяга. Но вышло не то; договоръ, сохраненіе коего хотѣли москвитяне, потребовалъ на прочтеніе цѣлыхъ шесть часовъ, такъ что мы терялись въ догадкахъ, недоумѣвая о причинѣ этой необычайной задержки.

Утромъ іюля 28-го они имѣли двадцать шестое засѣданіе. Питали твердую надежду, что на этомъ засѣданіи совершится присяга царя. Но по свойственному ли москвитянамъ несогласію и раздорамъ, по непостоянству ли самого князя произошло то, что ей помѣшало частное между ними пререканіе.

Змѣя эта затаилась въ травѣ, когда сенаторы—одни стараясь сдержать клятву, другіе измѣнить, третьи совсѣмъ переиначить, разсыпали сѣмена несогласій. Поэтому, чтобы помѣшать стараніямъ пословъ, они и откладывали царскую присягу, пока не придутъ къ полному соглашенію. Августа 1-го послѣдовало двадцать седьмое засѣданіе. Но и на немъ не пришли ни къ какимъ результатамъ, спорили только о царской присягѣ, которую сенаторы обѣщали на слѣдующій день (но попусту, ибо не было засѣданія). Между тѣмъ пришло доброе извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ турками при г. Чигиринѣ, который цѣлое лѣто они осаждали въ числѣ 200 тысячъ, а москвитяне со столькими же тысячами его защищали. Разсказывали, будто главный воевода Ромодановскій хоть и отнялъ у турокъ станъ и, взявъ громадную добычу, перебилъ ихъ до 50 тысячъ, но за то, что и самъ потерялъ большую часть войска, впалъ у царя въ немилость, который и рѣшилъ его

отозвать и смѣнить. Однако удержавшись стараніями друзей, онъ снова заслужилъ расположеніе и любовь царя нанесеннымъ непріятелю пораженіемъ, о коемъ сейчасъ разскажу. Дѣло въ томъ, что не очень-то горюя о потерѣ стана, турки повели осаду Чигирина энергичнѣй, взяли городъ и предали его полному разоренію. Воевода вошелъ въ прилежащій къ городу замокъ и, зная, что и ему долго не продержаться, велѣлъ тайно понадѣлать въ землѣ подкоповъ, насыпать въ нихъ пороху и добровольно сдалъ замокъ непріятелю. Турки торжествуя заняли и окружили его всѣмъ войскомъ; глядь, воевода зажегъ подкопы, и тысячи турокъ вмѣстѣ съ замкомъ взлетѣли на воздухъ, еще больше было засыпано землей и погребено заживо безъ помощи могильщиковъ[15]).

Двадцать восьмое засѣданіе происходило 6-го августа, на коемъ съ обѣихъ сторонъ были сильныя пренія, такъ что послы вынуждены

---

[15]) Въ 25-мъ отвѣтѣ 18 іюля бояре предлагали за 13-лѣтнее перемиріе города Себежъ, Велижъ, Невль да казны 100,000 рублей. Послы сначала соглашались заключить перемиріе только на 11 лѣтъ, потомъ прибавили полгода, потомъ еще полгода и наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, согласились на 13 лѣтъ. Въ томъ же засѣданіи положили переслаться письмами, гдѣ были бы изложены всѣ условія, на которыхъ можетъ быть заключено перемиріе.

21-го іюля бояре отправили къ посламъ свое письмо на образецъ. Въ немъ между условіями было сказано, чтобы перемиріе заключить на 13 лѣтъ, а коммиссію съ посредниками (считая съ 1680 г.) отложить до 1693 года; въ надеждѣ вѣчнаго мира Великій Государь уступаетъ полякамъ Невль, Себежъ, Велижъ, а Смоленскъ, Кіевъ, Переяславль, Черниговъ оставаться въ сторонѣ Царскаго Величества имѣютъ; Чигирину же съ належащими городами быть въ сторонѣ царя, потому что тѣ города взяты изъ-подъ ига турскаго салтана войною; шляхтѣ-выгнанцамъ для удовольствованія во утерѣ своей предлагалось 200,000 рублей.

Въ 26-мъ отвѣтѣ послы заявили неудовольствіе на то, что въ письмѣ бояре написали о коммиссіи, чтобы быть ей черезъ 13 лѣтъ—вѣдь о ней должны были уговориться царскіе послы, будучи у короля на присягѣ; не нравилось имъ и условіе, чтобы Кіеву и Чигирину быть въ сторонѣ царя. Они даже было сказали, что „на такихъ статьяхъ никоторыми дѣлы быти перемирію невозможно“, но впрочемъ много спорить не стали.

Въ 27-мъ отвѣтѣ послы, поблагодаривъ бояръ за объявленіе побѣды надъ турками, стали было говорить, что слѣдуетъ сразу отдать всѣ уступленные города и казну, но потомъ просили отдать Невль да Велижъ и половину казны (100,000 р.), а въ сторонѣ царя оставить другую половину да Себежъ, пока король подтвердитъ состоявшіеся договоры.

были съ досадой и негодованіемъ уѣхать, особенно когда увидали, что они не только колеблятся въ утвержденныхъ уже присягою договорахъ, но и желаютъ все пересмотрѣть сызнова [16]).

Августа 9-го было двадцать девятое засѣданіе. Ничего не было пагубнѣй его для пословъ, потому что изъ-за пагубнаго ихъ непостоянства споры тянулись съ 9-го часу утра до 4-го вечера, и вернувшіеся въ досадѣ послы тутъ только впервые и покушали [17]). Замѣчательно, что въ то время, какъ они такъ долго, серьезно и усердно препирались въ стѣнахъ отвѣтной палаты, челядники ихъ тоже неразъ заводили съ москвитянами ссоры и, не будь стражи, дѣло дошло бы до убійства. Главнымъ образомъ возникали онѣ изъ-за обмана при продажѣ соболей. Ибо когда мы узнали, что москвитяне сварливы и плутуютъ не хуже жидовъ, мы стали предлагать полцѣны. Москвитяне сейчасъ начинали ругаться и сердиться; въ отвѣтъ стали было пускаться въ дѣло и кулаки, зашло бы и дальше, еслибы тотчасъ же не пришли караульные. Увѣщевая черезъ-чуръ расходившагося продавца, они вытянули его нѣсколько разъ по спинѣ палкою, приговаривая: „Пуди, пуди, блединъ сынъ!“ [18])

---

[16]) Въ 28-мъ отвѣтѣ іюля 30-го говорили о формѣ перемирныхъ записей.

[17]) Въ 29-мъ отвѣтѣ 31-го іюля перемирныя записи постановили и справили и затѣмъ сидѣли съ послы до четвертаго часа ночи и приговорили тѣ записи написать набѣло и для обѣщанія съѣхаться въ 30-мъ отвѣтѣ. На томъ же съѣздѣ, при постановленіи перемирныхъ записей, говорили послы, чтобы дать имъ по тому договору казну червонными и ефимками, а мелкія деньги въ Польшѣ у нихъ не ходятъ. И ближніе бояре и думные люди посламъ говорили: что возможно, и то имъ дано будетъ золотыми и ефимками, а иное мелкими деньгами, потому что ефимки въ государствѣ Царскаго Величества передѣлываютъ въ деньги.

[18]) Вотъ еще фактъ, рисующій взаимныя отношенія московскихъ обывателей и поляковъ. Іюля 20-го два шляхтича изъ свиты Черторыйскаго Андрей Хахульскій да Лаврентій Дубровскій въ погребкѣ противъ книжнаго ряда пили продажное ренское и церковное вино. Вышли они пьяные. „И какъ будутъ противъ Ветошнаго ряда, и изъ лавокъ Стригальнаго ряда лавочники, которые въ то время сидѣли, учали ихъ бранить м. . . . и называть бусурманами. И они де тѣхъ лавочниковъ хотѣли было за то ударить. И они-де, выскоча изъ лавокъ и выхватя у нихъ *у подпилыхъ* ихъ два обушка, учали тѣми обухами и палками, поваля въ грязь, бить и, бивъ его Андрея замертво, выхватили у него изъ-за пояса мѣшокъ съ деньгами 12 р. да у Дубровскаго изъ кафтана 3 рубля.“ По осмотру оказалось, что оба шляхтича дѣйствительно избиты до крови—на лицѣ, спинѣ, головѣ и шеѣ есть синяки и кровь. Спрошенные си-

10-го августа тридцатое засѣданіе въ день св. Лаврентія, по случаю празднованія нами св. мученику, утромъ пришлось отложить, ибо они и въ праздникахъ не сходятся съ нами. Со втораго однако часа до 10-го почти пренія происходили. Москвитянамъ казалось труднымъ вернуть г. Смоленскъ и Кіевъ да и сумму-то въ 2 милліона польской монетой дать не хотѣлось (сумму, составляющую только 200 тысячъ золотыхъ); однако они обошлись безъ дальнѣйшихъ пререканій, потому что уже давно согласились на требованія пословъ и подтвердили это публичною присягой[18]).

Между тѣмъ 11-го августа наступила годовщина, когда патріархъ съ нѣсколькими прелатами освящаетъ по обыкновенію рѣку Москву.

дѣльцы отозвались незнаніемъ; квасникъ, видѣвшій, какъ шляхтичей били, тоже. Тогда шляхтичи сослались на гайдука Станислава Стрыгу, который во время битья пилъ у квасника квасъ. Гайдукъ сказалъ, что лавочники хотѣли было и его бить, да не далъ квасникъ, а что самъ квасникъ польскихъ дворянъ не бивалъ, только видѣлъ, кто билъ и ихъ знаетъ. Квасникъ заперся и за утайку былъ битъ батогами.

[18]) Августа 3-го былъ 30-й отвѣтъ, на которомъ предполагалось справить перемирныя бѣловыя записи. Послы просили отъ царя поминокъ королю и жалованья себѣ, „чтобы имъ, посламъ, передъ прежними не было безчестья и зазору“. Бояре обѣщали дать „за ихъ труды“ соболей на 2000 рублей, но о поминкахъ королю сказали, что прежде они не посылались, и въ Посольскомъ приказѣ записи тому не сыскано, а если и посылались, то съ послами Е. Цар. Величества; такъ же будетъ сдѣлано и теперь. Но послы увѣряли, что бывшему въ Москвѣ послу Беневскому было дано да и королю съ нимъ послано жалованье золотыми и соболями. „И нынѣ бы указалъ Вел. Государь учинить въ томъ противъ прежняго обыкновенія, а безъ того имъ, посламъ, совершить добраго дѣла невозможно“.

Бояре отвѣчали, чтобы они такими „непріятельными“ запросами въ дѣлахъ обоихъ государей помѣшки и продолженія не чинили, а если они за тѣми своими запросами такого великаго дѣла къ совершенію нынѣ не приведутъ и рукъ своихъ къ перемирной записи не припишутъ, то имъ будетъ зазоръ не только отъ нихъ бояръ, но будетъ стыдно и королевской шляхты, пріѣхавшей съ ними. Но послы стояли при томъ упорно и „перемирную свою запись съ стола сдали и хотѣли изъ-за стола встать“.

Бояре ходили къ Вел. Государю наверхъ и пришедъ, Одоевскій сказалъ, что царь указалъ объявить имъ жалованья соболями 10,000 рублевъ.

Послы стали просить поминокъ королю. Бояре ходили наверхъ, а черезъ четверть часа думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ объявилъ имъ, что Вел. Государь удивляется, что они, послы, сего числа начатаго и великаго дѣла за своими запросами къ совершенію не привели и указалъ ихъ отпустить на подворье.

Онъ съ своими попами взошелъ на возвышеніе, устроенное на рѣкѣ подъ царскимъ замкомъ, просторное, но столь низкое, что они, протянувъ руку, могли достать до воды. Церемонію при освященіи воды патріархомъ видѣть вблизи было невозможно: сошлось столько народа смотрѣть на это годичное торжество, что всѣ углы были заняты. Принужденный смотрѣть издали, я видѣлъ частые поклоны, показываніе большаго серебрянаго креста народу, который съ низкими поклонами безпрестанно крестился. Какъ только увидали, что церемонія кончилась, то старые и малые обоего пола, всякаго званія стали раздѣваться. Мы сперва пришли было въ недоумѣніе, что это значитъ. Освятивъ рѣку, патріархъ взялъ образъ блаженной Дѣвы съ младенцемъ и трижды его погрузилъ; въ этотъ-то моментъ москвитяне и ну бросаться толпою въ воду и голыми безо всякаго стыда вмѣстѣ спѣшили окунуться въ освященную воду въ такомъ множествѣ, что рѣка поднялась и подняла пловучій мостъ(!). Удивляясь, я изъ любопытства спросилъ, какой смыслъ въ этомъ погруженіи образа, но отвѣта хорошенько понять не могъ. Тѣмъ не менѣе они приводили вотъ какую причину своего погруженія: младенцы будто бы тутъ пріобщаются крещенію, а всѣ грѣшники получаютъ отпущеніе грѣховъ и прощи (indulgentias). Когда окончились съ наилучшимъ успѣхомъ эти погруженія и непристойные крики, едва успѣлъ дойти патріархъ съ своими помощниками до своего двора, глядь—въ первомъ часу пополудни въ Земляномъ городѣ начался пожаръ. Сгорѣло уже нѣсколько улицъ, прежде чѣмъ полоскавшійся въ рѣкѣ народъ одѣлся и прибѣжалъ на звонъ пожарнаго набата. До шестаго часа огонь произвелъ такое опустошеніе, что истребилъ около 6 тысячъ избъ съ садами, хлѣбомъ, скотомъ, многими церквями (на коихъ расплавились даже колокола) и нѣсколькими людьми; потушить его было бы нелегко, если бы вѣтромъ не отнесло огня къ бѣлымъ стѣнамъ, называемымъ Бѣлымъ-городомъ, гдѣ онъ, не находя пищи, мало-по-малу загасъ.

Тридцать первое засѣданіе пришлось на 15-ое августа, когда послѣ обѣда не посмотрѣли даже на праздникъ Успенія, ибо посламъ хотѣлось избавиться отъ ихъ непостоянства и низкаго лукавства. Они надѣялись, что за этимъ послѣдуетъ и царская присяга. Но москвитяне подтвердили другою, новою присягою свой уже подтвержденный присягою и вторично передѣланный договоръ. И послы все еще были не увѣрены въ предстоящемъ окончаніи засѣданій, ибо испытавъ уже непостоянство москвитянъ, ожидали, что будутъ еще измѣненія въ договорѣ и присягѣ. Все еще оставалась царская присяга, которую они старательно откладывали, чтобы въ случаѣ чего можно

было пойти на-попятную. Однако пристава наконецъ обрадовали насъ извѣстіемъ, что царская присяга назначена на 17-ое августа[20]).

XVIII.

Царская присяга и конецъ посольства.

Итакъ утромъ 17-го августа всѣ посольскіе чиновники пышно разодѣлись, чтобы присутствовать съ послами на послѣдней аудіенціи. Въ девятомъ часу утра пріѣхали въ каретѣ пристава съ большой свитой и, видя, что всѣ уже готовы, не мѣшкая долго, усадили пословъ въ карету и отправились на 32-ое засѣданіе 17-го августа, гдѣ еще проспорили другъ съ другомъ цѣлый часъ (пункты этого препирательства съ той и другой стороны царю доносилъ какой-то князь), и послѣ долгихъ споровъ наконецъ столковались. Послы были приведены въ палату аудіенцій и видѣли обрядъ присяги великаго князя, уже сидѣвшаго на тронѣ; бояре въ роскошнѣйшихъ убранствахъ стояли по бокамъ. Церемонія ея была непродолжительна. Сначала пришелъ какъ бы епископъ съ нѣсколькими попами, несшими книгу Евангеліе. Когда размѣстились они передъ тропомъ, епископъ (supremus praefectus) сталъ говорить формулу присяги, которую царь, наклонивъ немного голову, повторялъ и такъ проговорилъ всю до конца. Съ окончаніемъ ея

---

[20]) Августа 5-го былъ 31-й отвѣтъ. Шла рѣчь опять о поминкахъ, но Черторыйскій на этотъ разъ сказалъ, что они препоны доброму дѣлу чинить не хотятъ: король имѣетъ надежду, что Вел. Государь наградитъ его своею любовью и помощью противъ басурманскаго наступленія; они-де, послы, надѣются, что когда пріѣдутъ къ королю послы отъ царя, то и поминки Королевскому Величеству будутъ.

Затѣмъ бояре и послы размѣнялись благодарностями другъ другу за труды и справили поремирныя записи. Послы къ своей записи руки приписали и печати приложить велѣли, а потомъ тѣ и другіе присягнули (чинъ присяги былъ таковъ же, какъ и прежде). А какъ съ обѣихъ сторонъ обѣщаніе учинили и перемирными записями размѣнялись, тогда вернули другъ другу и прежнія свои договорныя (разъѣзжія) письма. Бояре ходили съ польскою перемирною записью къ Вел. Государю, а вернувшись кн. Н. И. Одоевскій сказалъ:

Великіе и полномочные послы! Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, любя брата своего, Великаго Государя Е. Кор. Величество, а васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, жалуя, велѣлъ спросить о здоровьѣ и указалъ видѣть вамъ свои Царскаго Величества очи и быть на подтвержденіи августа 7-го въ среду, а на отпускѣ въ четвергъ.

условія сенаторовъ наконецъ были утверждены прочно, и предпріятіе пословъ кончилось съ успѣхомъ. Царь велѣлъ также передать королю условія договора, и стоявшій при немъ князь сейчасъ же, поклонясь передъ тропомъ, подошелъ къ посламъ и вручилъ имъ государеву грамоту (litteras commissoriales), запечатанную великой печатью. Взявъ ее, послы низко поклонились царю, благодаря за столь успѣшное окончаніе ими своего посольства и за его царскую милость къ нимъ и ихъ сопутникамъ, и съ великою отрадой возвратились домой [21]). Всѣхъ раз-

---

[21]) Августа 7-го Вел. Государя указалъ быть посламъ на подтвержденіи андрусовскихъ и посольскихъ и нынѣшняго перемирнаго договоровъ.

„А пріѣзду ихъ быти попрежнему въ государевѣ каретѣ, а въ каретѣ съ ними сидѣти приставомъ ихъ стольникомъ князю Ѳедору Волконскому да Никифору Ефимьеву да дьяку Семену Протопопову. А на *стойкѣ* стрѣльцомъ стоять отъ Благовѣщенской паперти, въ городѣ и на Красной площади, и до Посольскаго двора.

„А напередъ великимъ посломъ быти въ отвѣтной палатѣ у ближнихъ бояръ и у думныхъ людей... въ отвѣтѣ и королевскую *подтвержденную* грамоту справливати при боярѣхъ посломъ самимъ съ посольскимъ думнымъ дьякомъ.... Были послы того числа у бояръ въ отвѣтѣ для постановленія писемъ, каково имѣетъ быти Царскаго Величества и Королевскаго Величества обѣщаніе на прежніе и нынѣшніе договоры. А подтвержденная грамота справлена напередъ—тогда, когда было изволилъ Вел. Государь подтвердить прежніе договоры на той подтвержденной грамотѣ и на разъѣзжемъ письмѣ, которое у ближнихъ бояръ и у пословъ постановлено и вѣрою утвержено (послы ее справливали съ посольскими договорами въ 24-мъ отвѣтѣ). И съ того времени лежала та королевская подтвержденная грамота въ посольскомъ приказѣ въ казнѣ за печатьми польскихъ пословъ. Для того, чтобы той подтвержденной грамоты вдругіе не справливать, и сего августа 7 числа принесена та королевская подтвержденная грамота въ отвѣтную палату и отдана посламъ за ихъ печатьми и, осмотрѣвъ *печатей*, послы тое грамоту приняли. И несъ тое грамоту къ В. Государю Геронимъ Комаръ, какъ дошло тому время.“

Изъ отвѣтной палаты послы прошли, при соблюденіи обычныхъ пріемныхъ церемоній, въ Большую Грановитую. „Говорилъ рѣчь первый посолъ князь Михайло Черторыйскій, объявляя о мирномъ межъ Е. Царск. Величествомъ и Королевск. Величествомъ постановленіи и чтобы Вел. Государю, Е. Ц. Величеству, подалъ Господь Богъ надъ непріятели побѣду и что на прежніе договоры прислалъ къ нему, Вел. Государю, король съ ними, послы, свою подтвержденную грамоту“.

Сказавъ это, Черторыйскій поднесъ царю и самую грамоту. Царь принялъ и передалъ ее князю Н. И. Одоевскому. Затѣмъ царь черезъ думнаго дьяка Ларіона Иванова спросилъ пословъ о здоровьѣ, велѣлъ имъ сѣсть, а послѣ того,

бирало любопытство по поводу подарковъ, которые великій князь обыкновенно раздастъ всѣмъ посольскимъ людямъ, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали этого дня.

Къ вечеру явились къ посламъ пристава съ извѣстіемъ, что слѣдующій день назначенъ царемъ для послѣдней аудіенціи и цѣлованія руки, изъ чего мы и заключили, что намъ скоро будетъ отпускъ, и мы съ благимъ результатомъ закончимъ труды свои.

На утро они явились за послами съ бо́льшею свитой и пышностью и предоставили имъ шесть бѣлыхъ съ черноватыми тигровыми

сказавъ черезъ него же о своемъ желаніи при послахъ подтвердить постановленный перемирный договоръ, указалъ посламъ и боярамъ подступить къ себѣ, а аналой съ Евангеліемъ поставить противъ царскаго мѣста близко. „Государевъ духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Никита, взявъ королевскую подтверженную грамоту у ближн. боярина у кн. Н. И. Одоевскаго, положилъ на налоѣ подъ св. Евангеліе, а послѣ того взялъ перемирную нынѣшнюю запись польскую, которую ближн. бояре приняли у польскихъ пословъ, положилъ на налоѣ подъ св. Евангеліе съ королевскою подтвержденною грамотою вмѣстѣ". Царь всталъ и, какъ съ него принялъ кн. Н. Одоевскій вѣнецъ и поднесли къ нему Евангеліе, *молылъ*:

„Королевскіе послы, князь Михайло Черторыйскій съ товарищи!

„Божіею милостію мы, Великій Государь... обѣщаемся Господу Богу Всемогущему предъ св. Евангеліемъ по заповѣди Его на томъ, что помощію и молитвами надежды нашея христіянскія, пресвятыя Богородицы, непорочныя дѣвы Маріи, съ братомъ нашимъ, наяснѣйшимъ Велик. Государемъ Яномъ III... и рѣчью посполитою... на посольскихъ съѣздѣхъ съ обоихъ сторонъ черезъ великихъ и полномочныхъ пословъ трои андрусовскіе договоры и двои посольскія на Москвѣ постановленія и что въ нынѣшнемъ въ 7186, а поновому въ 1678 г. съ нашими ближними бояры и думными людьми черезъ Е. К. Величества вел. и полном. пословъ учиненное на Москвѣ перемирное постановленіе отъ насъ, В. Государя, и отъ наслѣдниковъ нашихъ исполнено и додержано будетъ безъ противнаго толмаченія—такъ, какъ мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, предъ симъ св. Евангеліемъ обѣщаемся". Съ этими словами Вел. Государь изволилъ св. Евангеліе поцѣловать, велѣлъ *положить* на себя вѣнецъ, принялъ въ руку скипетръ и сѣлъ на своемъ государскомъ мѣстѣ.

Какъ Вел. Государь изволилъ обѣщаніе учинить, благовѣщенскій протопопъ, взявъ съ налоя королевскую подтвержденную грамоту и запись польскую нынѣшнюю перемирную, отдалъ думному дьяку Ларіону Иванову. Послы рѣчи никакой не говорили и изъ палаты пошли. Въ тотъ же день Вел. Государь пожаловалъ пословъ—вмѣсто стола велѣлъ имъ дать жалованья 500 р., для того что они были сего числа у Вел. Государя на дворѣ съ подтвержденною Корол. Величества грамотою.

отмѣтинами лошадей, запряженныхъ въ вызолоченную карету (то и другое въ предшествовавшіе годы подарили французскіе послы), чтобы отвезти ихъ на засѣданіе. Это послѣднее 33-ье засѣданіе или, лучше сказать, прощаніе произошло 18 августа. Сопровождая пословъ, мы (ибо всякъ желалъ присутствовать при прощальной аудіенціи) были приведены въ другое зданіе, деревянное.

Это были хоромы, украшенныя коврами съ изящными изображеніями римскихъ сраженій (это подарилъ также французскій король предшественникамъ царя); полъ былъ расписанъ небесными созвѣздіями съ зодіакомъ и теченіемъ планетъ. Войдя, мы увидѣли царя, сидѣвшаго на низкомъ тронѣ. Пожелавъ уѣзжавшимъ посламъ счастливаго пути, онъ обѣщалъ прислать и свои подарки королю, посламъ и прочимъ посольскимъ людямъ. Эти дары не плѣняли ни художественностью работы, ни богатствомъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, а состояли въ собольихъ мѣхахъ, долженствовавшихъ свидѣтельствовать о царскомъ величіи и щедрости. Наконецъ въ знакъ своей милости царь протянулъ посламъ и прочимъ посольскимъ людямъ поцѣловать правую руку. Прощаясь съ послами, онъ поручилъ поклониться брату своему королю польскому да еще пригласилъ пословъ на прощальное угощеніе, которое доставлено было на наше подворье, и наша аудіенція такимъ образомъ кончилась. Едва вернулись мы домой, пріѣхали возы съ кушаньями, поварами и кухонными принадлежностями въ томъ же порядкѣ, какъ было уже дважды упомянуто. Кушанья однакожъ нравились мало, потому что были опять сырыя и постныя, хотя и былъ скоромный день.

На этомъ прощальномъ угощеніи надо было по необходимости присутствовать, чтобы царь не оскорбился и не подумалъ, что мы гнушаемся его милостью. Хоть для разборчиваго желудка было оно и мало привлекательно, но вино трехъ сортовъ придало ему кое-какой вкусъ. Москвитяне, назначенные прислуживать, усердно потчевали насъ виномъ. Когда зашумѣло въ головѣ (что благодаря смѣшенію водки, меда и вина происходитъ очень скоро), они принялись кричать, выть и даже ругаться. Изумленные послы заявили неудовольствіе на то, что ихъ присутствію не оказывается надлежащаго уваженія. Замѣтивъ это, пристава во избѣжаніе бѣды (у тѣхъ и другихъ въ головѣ шумѣло) приказали вывести караульнымъ этихъ ругателей и пьяныхъ. Это угощеніе сырьемъ съ москвитянами, не замедлившими обнаружить свою непривлекательность, было непродолжительно. Принявшись за свой обычный обѣдъ, за коимъ подали намъ мяса, мы наѣлись сытнѣе [22]).

[22]) Августа 8 указалъ Вел. Государь быть у себя на дворѣ Михайлу Чер-

Когда обѣ стороны уже подтвердили договоръ торжественно присягой и заключили перемиріе, рабы, взятые подъ Смоленскомъ въ плѣнъ и принужденные до того дня терпѣть нужду, горе и невзгоды, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы освободиться. Собралось ихъ нѣсколько, и одинъ изъ нихъ приступилъ къ своему хозяину съ просьбой отпустить его изъ плѣна, чтобы вернуться съ послами въ Польшу. Разсвирѣпѣвшій хозяинъ не только не отпустилъ его, но еще жестоко избилъ и засадилъ въ тюрьму. Другой узналъ про это; чтобы и съ нимъ того же не случилось, онъ забралъ лучшее свое имущество и убѣжалъ тайкомъ на наше подворье. Третьяго, который задумалъ то же самое (онъ былъ шляхтичъ—полякъ) да помѣхою была жена съ дѣтьми, предупредилъ хозяинъ—привязалъ на большую желѣзную цѣпь и тѣмъ хотѣлъ было помѣшать его замыслу. Но плѣнникъ избавился отъ тиранства хозяина вотъ какой хитростью: онъ велѣлъ женѣ вымѣнять нѣмецкій плащъ и шляпу и, обернувъ цѣпи, чтобы онѣ не гремѣли, полотномъ, перебрался рано утромъ черезъ стѣны своего

торыйскому съ товарищи на отпускѣ въ столовой избѣ. Чинъ пріема былъ таковъ же, какъ и прежде, и встрѣчники были тѣ же. Вел. Государь изволилъ сидѣть въ столовой избѣ въ своемъ мѣстѣ, въ царскомъ вѣнцѣ и въ діадимѣ съ скипетромъ; яблоко стояло на стоянцѣ по правую сторону государева мѣста на окнѣ. А какъ жаловалъ Вел. Государь къ рукѣ пословъ и дворянъ, и въ то время изволилъ держать скипетръ въ лѣвой рукѣ. Казиміръ Сапѣга говорилъ передъ Вел. Государемъ рѣчь, поздравляя его о учиненномъ съ Королевскимъ Величествомъ миру и о побѣдѣ надъ непріятели и прилагалъ желаніе свое, чтобы и впредь Вел. Государю далъ Всесильный Господь Богъ надъ тѣми непріятели побѣду и счастье Е. Ц. Величества ратемъ наипаче прежняго.

Великій Государь спросилъ черезъ думнаго дьяка пословъ о здоровьѣ, велѣлъ имъ сѣсть, а затѣмъ изволилъ отдать посламъ свою грамоту, въ коей увѣдомлялъ короля о томъ, что онъ утвердилъ учиненный договоръ и постановленіе на подтвержденной королевской грамотѣ и на нынѣшней перемирной записи и что съ своей стороны долженъ и король подтвердить ихъ при царскихъ послахъ, которые съ царскою подтвержденною грамотою къ нему присланы будутъ, и послѣ того приказалъ къ королю поклонъ, вставъ, а молылъ:

„Великіе послы!

„Какъ будете у брата нашего, Великаго Государя, Яна III, Божію милостію короля польскаго, князя литовскаго и иныхъ, и вы ему отъ насъ поклонитеся.“

А затѣмъ пожаловалъ къ рукѣ—сначала пословъ, а потомъ и королевскихъ дворянъ. Послѣ того черезъ думнаго дьяка Ларіона Иванова указалъ сказать посламъ свое жалованье—отъ своего стола ѣству и питье, съ чѣмъ и ѣздилъ на Посольское подворье онять стольникъ князь Никита Урусовъ.

заключенія и, закутавшись въ плащъ, миновалъ стражу нашего подворья, безпрепятственно пропускавшую одѣтыхъ понѣмецки. Очутившись въ безопасности, онъ возблагодарилъ трижды благого Бога за освобожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, будь онъ узнанъ караульными, онъ не только былъ бы задержанъ, но и по-прежнему закрѣпощенъ своему хозяину. Въ цѣпяхъ явился онъ предъ послами, разсказалъ имъ о плачевномъ положеніи своемъ и прочихъ рабовъ, изъ которыхъ москвитяне уже забили нѣсколькихъ до смерти. Послы ужаснулись и завели сызнова переговоры съ приставами объ освобожденіи плѣнныхъ, чтобы царь позволилъ всѣмъ вообще, кому угодно, уходить и присоединяться къ посольской свитѣ. Послы подлость москвитянъ уже знали и потому гнѣвно заявляя свое неудовольствіе на такого рода мирное соглашеніе, добились наконецъ того, что царь не только согласился, но и сверхъ того въ угоду посламъ велѣлъ хозяина его заковать и наказать хорошенько. Много пришло плѣнныхъ съ дѣтьми и пожитками, желая вернуться въ Польшу; послы взяли ихъ вмѣстѣ съ собою. Въ свою очередь многіе изъ нашихъ посольскихъ слугъ сдались на рѣчи москвитянъ, остались и закабалили себя къ нимъ въ рабство, соблазнясь обѣщаніемъ большой платы, но обманулись жестоко: лишь только мы уѣхали, они черезъ нѣсколько дней стали щедро имъ выплачивать на ихъ спинахъ ударами вмѣсто денегъ [23]).

Когда посольство уже готовилось къ отъѣзду, всякъ хлопоталъ о себѣ либо усердно искалъ, чего купить.

19-го августа пріѣхали возы съ корчагами, наполненными деньгами, которыя состояли изъ червонцевъ и золотыхъ, а больше всего изъ копѣекъ. Чтобы пересмотрѣть и пересчитать ихъ, понадобилось почти три дня. Когда деньги были вновь пересчитаны, мѣшки и наполненныя мѣшками корчаги были поставлены безъ призора. Пересчитываньемъ завѣдовалъ панъ Гумовскій, отличавшійся своими познаніями,

---

[23]) Іюля 27-го В. Государь указалъ полоняничныя дѣла польскихъ полоняниковъ, буде которыхъ доведется по нынѣшнему посольскому договору отпустить въ Польшу, вѣдать въ Земскомъ приказѣ и тѣхъ польскихъ полоняниковъ по росписямъ вел. и полном. пословъ, князя Мих. Черторыйскаго съ товарищи, сбирать и разспрашивать въ Земск. приказѣ. И по тому указу о тѣхъ полоняникахъ статьи и полоняничныя дѣла, которыя были въ Посольскомъ приказѣ съ пріѣзду польскихъ пословъ нынѣшняго 186 г., и росписи ихъ и полоняники польскіе и ихъ распросныя рѣчи изъ Посольскаго приказу для исполненія посланы въ Земскій приказъ къ думному дворянину къ Кир. Осиповичу Хлопову.

а пану Зброжеку было дано порученіе класть мѣшки въ корчаги и задѣлывать. Недоставало обвязчика, и потому, дѣлать нечего, взяли плотника, крѣпостнаго нашего князя, (онъ взятъ былъ для починки нашихъ экипажей), чтобы обвязывать эти корчаги. Соблазнясь набитыми мѣшками (каждый изъ нихъ содержалъ 1000 флориновъ копѣйками, а флоринъ равенъ 6 чешскимъ грошамъ), онъ такъ и сякъ сталъ раздумывать, какъ бы стянуть себѣ одинъ. Случилось, что панъ Зброжекъ, занятый перекладкой мѣшковъ, отвернулся. Плотникъ при этомъ случаѣ одинъ мѣшокъ и запряталъ себѣ въ сапоги и, одушевясь такой славной добычей, живо обвязалъ корчагу. Пошли обѣдать. На досугѣ, пользуясь благопріятнымъ временемъ, онъ спряталъ похищенный мѣшокъ. Послѣ обѣда принялись опять за работу. Вдругъ панъ надсмотрщикъ Зброжекъ, соображая утреннюю работу, замѣтилъ, что онъ ошибся—мѣшокъ червонцевъ перемѣшалъ съ мѣшками копѣекъ. Однако, когда ему велѣно было отдѣлить ихъ, онъ былъ принужденъ нѣсколько корчагъ вскрыть сызнова; пересматривая мѣшки, онъ увидалъ, что одного нѣтъ. Испугавшись и удивляясь, какой это плутъ рѣшился при немъ на такую кражу, онъ заподозрѣлъ одного плотника, сталъ его допрашивать, бить, рвать на себѣ волосы и вопить. Плотникъ какъ ни въ чемъ не бывало поклялся, что онъ ничего не бралъ. Что тутъ дѣлать? Панъ со слезами пошелъ къ князю, заявилъ о пропажѣ 1000 флориновъ, да что? отвѣтъ былъ обычный у господъ: смотрѣлъ бы! Однако, жалѣя несчастнаго, князь посовѣтовалъ ему продолжать дѣло безъ шума и крика, но не надолго притвориться, какъ будто бы все было въ порядкѣ; вору-де невозможно же будетъ утаивать эти 1000 флориновъ. Всѣ и призамолкли и, не поминая про это, ждали благополучнаго исхода, что, какъ въ своемъ мѣстѣ будетъ разсказано, и случилось. Деньги послы раздѣлили на три части, чтобы удобнѣй везти: двѣ взялъ князь для королевства польскаго, третью—воевода полоцкій для великаго княжества литовскаго.

Теперь оставалось только одно—полученіе отдарковъ отъ царя за тѣ дары, которые, какъ сказано, поднесли царю сами посольскіе люди на первой аудіенціи. Наконецъ явились съ однимъ княземъ пристава въ сопровожденіи многихъ солдатъ, гордо несшихъ на плечахъ обѣщанные царемъ дары, навѣшенные на шесты — собольи мѣха. Поклонившись отъ царя, князь объявилъ, что этими дарами жалуются послы и прочіе посольскіе люди и, по прочтеніи росписи, тотчасъ же началась раздача мѣховъ соразмѣрно съ дарами пословъ. Когда посольскіе чиновники замѣтили, что они весьма мало соотвѣтствуютъ ихъ дарамъ, то не только отказались отъ подарковъ, но стали

даже требовать у приставовъ возвращенія своихъ серебряныхъ вещей, которыя они и получили назадъ при смѣхѣ съ той и другой стороны. Остальные мѣха, которые должны были быть пожалованы менѣе значительнымъ посольскимъ людямъ, забралъ себѣ князь-посолъ; такъ намъ и не досталось отъ царя подарковъ, которые благоволитъ онъ обыкновенно давать всѣмъ—даже самымъ неважнымъ [24]).

---

[24]) Дары пословъ были слѣдующіе:

Отъ Черторыйскаго—лахань съ рукомойникомъ, серебряны, мѣстами золочены; судки столовые серебряные, внутри золочены; аргамакъ сѣръ съ сѣдломъ и съ уздою. Всего на 230 рубл. 20 алтынъ.

Отъ Сапѣги—карета золочена съ затворы стекольчатыми, внутри обита золотнымъ черевчатымъ бархатомъ; къ ней 6 возниковъ темногнѣдыхъ; жеребецъ буланъ съ сѣдломъ и съ уздою. Всего на 1214 рубл. 24 алтына.

Отъ Комара—кружка серебряна съ персонами; кружка серебряна, мѣстами золочена: кружка серебряна жъ; часы столовые боевые. Всего на 55 рубл. 29 алт., помимо часовъ, которые были безъ оцѣнки взяты къ Велик. Государю наверхъ.

Августа 9-го государь пожаловалъ—велѣлъ дать посламъ и королевскимъ дворянамъ, поднесшимъ отъ себя дары, своего жалованья *вдвое* противъ оцѣнки. Черторыйскому было дано соболей на 461 р., Сапѣгѣ на 2429 р., Комару на 111 рублей. Всего пришлось за дары дать соболей—посламъ на 3001 руб., а дворянамъ на 1515 рубл.

Помимо того, дано было царскаго жалованья посламъ собольми на 1100 р. да имъ же для договору перемирныхъ лѣтъ на 8900 р. соболями жъ; да королевскимъ дворянамъ четырнадцати человѣкамъ по парѣ соболей, по 20 рублей пара, да по парѣ соболей же по 18 рубл. Ксендзамъ, 3 человѣкамъ, по парѣ соболей по 15 рублей. Посольскимъ людямъ: перваго посла 26 человѣкамъ 3 сорока соболей, по 100 р. сорокъ; втораго посла двадцати четыремъ человѣкамъ два сорока, по 100 р. сорокъ, да 30 соболей въ 40 р. сорокъ; третьяго посла 16 человѣкамъ 40 соболей въ 80 р. да 40 соболей же въ 70 рублей. А всего пришлось имъ соболей на 11,277 рублей.

Всѣ эти соболи были принесены на Посольское подворье изъ Сибирскаго приказа. Принесли ихъ 70 стрѣльцовъ подъ надзоромъ подьячаго Ивана Волкова, который и роздалъ ихъ именно по росписи.

„И послы и дворяне и ксендзы и посольскіе люди, принявъ тѣ соболи, на государевой милости били челомъ. И какъ тѣ соболи (Иванъ Волковъ) раздавалъ, по та мѣста послы стояли, а какъ отдалъ, и послы молыли, что учнутъ ихъ дарить инымъ временемъ, и велѣли соболи всѣ и пупки принять людемъ своимъ на лицо. И люди ихъ посольскіе тѣ соболи и пупки считали по росписи, сороки и пары именно, и приняли тѣ всѣ соболи и пупки въ цѣлости“.

Въ эти дни пріѣхали подводы—телѣгъ вѣрно четыреста, чтобы удобнѣй везти вещи пословъ и облегчить на пути большія повозки. Тутъ не шутя стали все готовить въ дорогу; ожидали лишь указа великаго князя.

Прождали мы не долго: 23-го августа къ посламъ прибыли пристава съ извѣстіемъ, что завтрашній день назначенъ для отъѣзда. Изумленные послы просили отсрочки, говоря, что завтра большой праздникъ—день св. Варѳоломея, апостола господня, они-де хотятъ пожить еще нѣсколько дней на свой счетъ. Но напрасно только потеряли время съ этими варварами: воля князя должна-таки была быть исполнена.

24-го августа послы рѣшили попозднѣе исполнить этотъ указъ и медлили приняться за дѣло, чтобы такимъ образомъ переночевать еще ночь. Но упрямые москвитяне настояли на своемъ и заставили выполнить указъ. Какъ усердны были исполнители этого нерушимаго указа своего князя, и какъ насильственно въ тотъ же еще день были выпровожены послы изъ города—будетъ разсказано ниже, при описаніи возвратнаго пути въ Польшу.

XIX.

Нравы москвитянъ и состояніе страны.

Нравы этого народа, сколько я замѣтилъ за время своего пребыванія, до того грѣшатъ непостоянствомъ, что по таинственному какому-то свойству мѣняются съ луною и подлинно заслуживаютъ названія ея подобія. Что касается ихъ моленія, то въ церкви они входятъ рѣдко, а исполняютъ свой религіозный долгъ тѣмъ, что очень много крестятся, стоя въ дверяхъ. Праздники они справляютъ при

По указу Велик. Государя тѣ всѣ *подносные* посольскихъ дворянъ дары по челобитью ихъ отданы имъ, а что имъ за тѣ дары дано было государево жалованье соболи, и тѣ соболи у нихъ взяты. Впрочемъ оказалось, что Янъ Гумовскій, Голубь и Пасокъ вернули свои соболи безъ хвостовъ; у Героняма Жабы изъ свиты Сапѣги въ сорокѣ не оказалось „одинакова соболя“; стопа же, поднесенная Францышкомъ Древецкимъ, осталось на казенномъ дворѣ, „для того что у него соболи не всѣ. А трехъ человѣкъ даровъ сверху не снесено и дано имъ за то собольми по ихъ сказкѣ“, именно даръ Казиміра Хрипицкаго—двѣ коробочки чеканныя серебряны въ 40 руб.; Марка Савича часики серебряны въ 30 руб.; Яна Свяцкаго стопа серебряна въ 35 рублевъ.

невѣроятномъ гулѣ колоколовъ, въ кои звонятъ изъ усердія и по другимъ днямъ. Если кого посѣщаютъ даже по дѣламъ, то при входѣ въ комнату прежде обратятъ вниманіе не на человѣка, какого бы онъ званія ни былъ, а помолятся на образъ блаженной Дѣвы съ младенцемъ (всякій даже самый незначительный человѣкъ вѣшаетъ такой образъ изъ глины (?) или другаго вещества прямо противъ двери) и трижды перекрестятся, что самъ я замѣчалъ на нашихъ приставахъ, а потомъ ужъ заговорятъ про свои дѣла. Дружбу изъявляютъ они удивительнымъ образомъ: не только внутри, но и внѣ стѣнъ, мало того публично на улицахъ безъ различія знакомые между собою мущины, мальчики, женщины и дѣвицы, встрѣчаясь, цѣлуются и тѣмъ заявляютъ свое родство и дружбу. Если же бываютъ другъ у друга въ гостяхъ (что случается рѣдко), то подносятъ тотчасъ чарку водки, сдѣланную изъ особаго дерева, по-ихнему korowe drewo, извѣстной величины (каковыхъ двѣ привезъ и я съ собою на родину); ее каждый обязанъ осушить, ибо она всегда предлагается за здоровье царя, почему и вино получило названіе viniza ossudarzka, т. е. вино или напитокъ царя. Послѣ этого, если гость приглашенъ къ обѣду, подается пиво, потомъ медъ и, наконецъ, вино разнаго сорта. Угощая насъ довольно часто обѣдами, они и соблюдали такой именно обычай. Пока длится пирушка, они женъ своихъ на нее не допускаютъ, развѣ ужъ попросятъ о томъ или уважаемые гости, или близкіе друзья. Тогда является жена въ самомъ лучшемъ нарядѣ и становится у печи, заложивъ руки за спину. Къ ней съ привѣтствіемъ подходятъ гости и по одиночкѣ, держа подобно ей руки тоже за спиною, протягиваютъ губы другъ дружкѣ, цѣлуются съ ней и тѣмъ заявляютъ расположеніе и дружбу. Поцѣловавшись, она кому-нибудь одному подноситъ чарку водки и уходитъ. Потомъ и мужъ даетъ позволеніе, даже не при себѣ, поговорить и побесѣдовать по желанію съ женой своею подольше.

Нарядъ ихъ однообразенъ. Мущины ходятъ въ длинныхъ свиткахъ водяно-пепельнаго (!) цвѣта, съ рукавами почти въ три фута; очень многіе, кто побогаче, сбираютъ ихъ складками на локтяхъ; носятъ высокія шапки; волосы подобно жидамъ подстригаютъ; бороду, вообще рыжую, не брѣютъ, подпоясываются кушакомъ, отчего и бываютъ толстобрюхи. Сапоги носятъ изъ турецкой кожи желтой, голубой, а то и зеленой, подешевле — изъ черной, плотно и ловко обхватывающіе ноги. Женщины средняго сословія носятъ шелковую одежу большею частію желтаго цвѣта, съ длинными рукавами, которые либо волочатся по землѣ, либо сбираются въ складки на локтяхъ; безъ нихъ рѣдкая обойдется — иначе ее сочтутъ лишенною лучшаго украшенія.

По праздникамъ надѣваютъ онѣ верхнюю одежу (pallia), обшитую всюду галунами (ligulis) на манеръ нашихъ жидовокъ въ шабашъ, тоже со спускающимися внизъ рукавами. Голову покрываютъ шапками (mitris) на подобіе шляпы, сверху круглыми, со скошенною въ четыре рога опушкою (limbo in quatuor cornua obliquato), на которыя ради приличія накидываютъ еще персидское покрывало, закрывая имъ и лицо [25]). Однако прочую одежу на тѣлѣ совсѣмъ не стягиваютъ, отчего и бываютъ чудовищной толщины. Лицо онѣ такъ искусно подрисовываютъ, что при первомъ взглядѣ, пожалуй, скажешь, что онѣ осыпаны мукой; но чтобы бѣлизна не переходила въ блѣдность, онѣ его чуть-чуть наводятъ румянами. Женщины высшаго класса, какъ-то жены князей и бояръ обыкновенно ѣздятъ въ небольшой колымагѣ, въ родѣ маленькой кареты, въ одну лошадь въ хомутѣ, съ какимъ-нибудь мальчикомъ вмѣсто кучера или босоногимъ холопомъ въ жалкомъ полушубкѣ. Роль скамейки играетъ въ повозкѣ раба, которой на голову и плечи дородная госпожа ради каприза и удобства ставитъ свои ноги. Прелюбопытное зрѣлище можно было видѣть, какъ при малѣйшемъ движеніи экипажа то и дѣло раскачивалась грузная женская фигура.

Молодые люди обоего пола одѣваются по-своему. Парни ходятъ въ короткихъ кафтанахъ пепельнаго цвѣта, не доходящихъ до колѣнъ; чтобы быть тонкими и проворными, они крѣпко подпоясываются; къ бедру привѣшиваютъ длинный ножъ въ ножнахъ (сабли, называемыя чечуги (czeczuga), позволяется носить только солдату), конмъ въ ссорахъ нерѣдко распарываютъ животы другъ другу. Шею тоже украшаютъ ожерельемъ, шириной въ три пальца, унизаннымъ жемчужинами; въ рукѣ носятъ палку, по ихнему тарволку (tarvolka) [26]). Дѣвицы болѣе чѣмъ замужнія сбирая складки рукава рубашки, носятъ длинныя голубаго цвѣта платья съ рукавами, по обыкновенію, волочащимися по-земи. Волосы подобно нашимъ жидовкамъ расчесываютъ на двѣ стороны, съ широкими повязками и съ заплетенными двумя лентами на концѣ. На лобъ, (который немилосердно румянятъ, какъ и все лицо) привѣшиваютъ украшенный сверкающими звѣздочками и жемчужинами ободокъ. Трудъ и занятіе ихъ—главнымъ образомъ мытье бѣлья, которое навѣшиваютъ онѣ на концы длиннаго шеста, кладутъ въ равновѣсіи на плечо и носятъ безъ помощи рукъ. Въ такомъ видѣ ходятъ онѣ въ

---

[25]) Подъ этими шапками Таннеръ разумѣетъ, конечно, *кики*.

[26]) Эта tarwolka, вѣроятно, есть таволга, изъ коей дѣлаются шомпола, кнутовища и пр. См. Даля Словарь.

ad pag. 97.

ad pag. 99.

Москвѣ къ пловучему мосту, гдѣ обыкновенно толпою собираются парни, шутятъ, рѣзвятся, купаются, брызгаются и мало ли еще что! Игры у нихъ не очень-то благородны. Простолюдины чаще всего собираются на улицахъ, гдѣ шагахъ въ трехъ отъ себя бросаютъ на землю желѣзное колечко величиною съ нашъ флоринъ. Одинъ изъ нихъ нагибается; другой, хорошенько разбѣжавшись, прыгаетъ ему на спину и, сидя на немъ, кидаетъ въ колечко заостренною желѣзкой, изображенною здѣсь [27]), держа ее за остріе, а другой безпрестанно ему ее подаетъ. Сколько разъ попадетъ онъ въ середину колечка, столько разъ позволяется ему и промахнуться; а промахнется онъ разомъ больше, чѣмъ попалъ — онъ тогда теряетъ игру и долженъ въ свою очередь на своей спинѣ держать другаго до тѣхъ поръ, пока тотъ и самъ не промахнется. Въ такихъ занятіяхъ проводятъ они иной разъ по нѣскольку часовъ. Отъ ежедневнаго упражненія въ этой игрѣ иные изъ нихъ такъ наловчаются, что къ удивленію присутствовавшихъ и дурнотѣ согнутаго подъ бременемъ бѣдняги попадали въ середину колечка двадцать и болѣе разъ. Высшій классъ играетъ въ французскія карты; купцы—въ шахматы. Дѣвицы и молодыя женщины, гдѣ найдутъ удобное мѣсто—на улицѣ ли, на дворѣ ли, кладутъ большой величины колоду, а на ней помѣщаютъ въ равновѣсіи доску. Стоя по концамъ ея, онѣ приводятъ другъ дружку въ движеніе и поперемѣнно наподдаютъ кверху иной разъ (если сойдутся наловчившіяся) такъ смѣло, что подбрасываютъ одна другую на доскѣ кверху высоко. Этимъ качаньемъ онѣ тоже занимаются по цѣлымъ днямъ.

Бесѣда у нихъ бываетъ не о состояніи народовъ, политикѣ или иномъ еще благородномъ либо пріятномъ предметѣ, потому что въ достохвальныхъ знаніяхъ они круглые невѣжды; не зная исторіи и примѣчательныхъ дѣяній предшественниковъ, они говорятъ, что взбредетъ на умъ, особенно же, что звучитъ неприличностью и безстыдствомъ. Пляска ихъ состоитъ въ безстыдныхъ жестикуляціяхъ и движеніяхъ тѣла. Неудивительно, если это составляетъ источникъ разныхъ непристойностей и преступленій. Въ случаѣ ссоръ они прибѣгаютъ къ самымъ сквернымъ ругательствамъ, какъ-то: блендинъ сынъ — дурака сынъ, сукинъ сынъ, собака; есть еще двѣ въ высшей степени непристойныхъ поговорки, которыми бранятъ родители дѣтей, а дѣти родителей; этими отвратительными словами среди насъ они производили страшный скандалъ, иногда приводили насъ даже въ негодованіе.

---

[27]) Т.-е. въ подлинникѣ. Конечно, описывается игра въ свайку.

У мальчиковъ забава съ собаками, которыхъ они между прочимъ пріучаютъ и возить, какъ неразъ мнѣ случалось видать на прогулкѣ: средней величины собака, запряженная въ телѣжку, въ хорошей упряжи на подобіе конской, однако безъ узды, везла трехъ сидѣвшихъ въ телѣжкѣ мальчиковъ, повидимому, съ довольно большимъ успѣхомъ, ибо отъ такого груза высунула языкъ изо рта, не разъ ударялась головой о-земь, но все же съ помощью кнута, громкихъ криковъ была принуждена мальчиками доѣхать до мѣста. Неоднократно наблюдалъ я, какъ такія собаки, понукаемыя мальчиками, возятъ домой воду, что, по словамъ москвитянъ, въ Татаріи очень обычно.

Смѣшно еще вотъ что: если кто встрѣтитъ попа (они исполняютъ обязанность приходскихъ священниковъ), котораго узнаешь по высокой почти въ три четверти фута шапкѣ, и даже въ присутствіи его супруги попроситъ у него благословенія и разрѣшенія отъ грѣховъ, тотъ и другой сейчасъ же (супруга попа отходитъ въ сторону) обнажаютъ голову и начинаютъ другъ другу кланяться; потомъ попъ подходитъ поближе, дуетъ на кающагося ртомъ, что-то шепчетъ надъ нимъ и осѣняетъ его большимъ крестомъ, послѣ чего отдавая другъ другу равные поклоны и перекрестясь нѣсколько разъ, они снова надѣваютъ шапки и расходятся. А разъ случилось, что оба были пьяны, еле могли стоять на ногахъ; какъ дошло до поклоновъ, они стали кланяться, такъ чудно, уморительно и курьезно шатаясь, что можно бы сказать, что это бодаются два козла (оба же были и бородаты). Когда ходитъ попъ съ женою, то водитъ ее всю закрытую за руку; по уставу вѣдь вторично жениться, подъ страхомъ потери священства, нельзя, ну геній каждаго попа и пляшетъ подъ дудку жены!

Крестное знаменіе, замѣтилъ я, противоположно нашему: они опускаютъ руку съ чела внизъ, потомъ съ праваго плеча на лѣвое. Почему отличается оно отъ нашего, я не могъ придумать иной причины, кромѣ той, что тщательно въ большинствѣ обрядовъ не согласуясь съ католической церковью, чтобы различаться видимымъ знакомъ, они и установили эту форму креста для показанія отличія своей вѣры отъ другихъ, особенно отъ католической, къ коей они питаютъ врожденную, непримиримую ненависть. Меня постоянно занимало это крестное знаменіе, пока не представилась наконецъ возможность увидать попа, шедшаго мимо воротъ нашего подворья; я и приступилъ къ нему съ просьбою сдѣлать крестное знаменіе. Онъ сдѣлалъ его по-своему. Я спросилъ, почему онъ дѣлаетъ не такое, какъ я (каковое сейчасъ же и сдѣлалъ). Покачавъ немного головою, онъ не отвѣтилъ ничего. Я далъ ему карандашъ, чтобы онъ начертилъ крестъ на бумагѣ. Онъ

провелъ не справа налѣво, а слѣва направо. Я спросилъ, почему на бумагѣ изобразилъ онъ иначе, именно слѣва направо, чѣмъ на себѣ, именно справа налѣво. Онъ отвѣтить на это не сумѣлъ, съ удивленіемъ замоталъ головою и смутившись, собрался было уйти. Я удержалъ его за рукавъ, чтобы онъ подождалъ объясненія, и въ серединѣ этихъ двухъ противоположныхъ крестовъ начертивъ третій, побольше, такъ ему изложилъ дѣло:

Вотъ на этомъ среднемъ крестѣ висѣлъ вѣдь Христосъ Господь, нашъ искупитель? Почему же на крестѣ справа разбойникъ приведенъ былъ къ раскаянію, а на крестѣ слѣва нѣтъ? Именно потому, что тотъ крестъ, сходный съ крестомъ Христовымъ, проведенный слѣва направо, велъ къ распятому Христу, и потому дьяволъ къ этому кресту подступиться для соблазна не могъ, а подступиться къ другому могъ, потому что онъ, если провести его сходно съ крестомъ Христовымъ — слѣва направо, отходитъ и отводитъ отъ Христа; если же провести его ко Христу Господу справа налѣво, то онъ съ крестомъ Христовымъ несходенъ и ему противоположенъ — онъ изображается (даже на твоемъ чертежѣ) не справа налѣво, а слѣва направо. Итакъ, когда вы употребляете такое крестное знаменіе, противоположное кресту Христову, вы силой его демона отнюдь не отгоняете, а погруженные со злымъ разбойникомъ въ злобу, даете ему поводъ къ утвержденію себя въ неправдѣ. Попъ, изумленный этимъ разсужденіемъ, не спуская съ меня глазъ, отвѣчалъ мнѣ порусски, будучи не въ состояніи отразить мой доводъ: бридня то рѣчь (Bridnia to rzetz), т. е. нелѣпа эта рѣчь, и съ тѣмъ ушелъ. Я наблюдалъ, какъ онъ всю улицу качалъ головою и разсуждалъ про себя. Что же вышло? Это пріятное и невинное собесѣдованіе—кто бы могъ сказать?—такъ попа запутало, что онъ, не смотря на содѣйствіе многихъ другихъ, никакъ не могъ выпутаться. Мало того, ломая попусту голову, они донесли объ этомъ самому своему патріарху, а тотъ, предрекая грозящую опасность какого-то возмущенія, если это дойдетъ до народа, да и для поддержки своего авторитета, велѣлъ попа стеречь хорошенько, засадить его въ тюрьму, и, сверхъ того, настоятельно просилъ царя серьезно переговорить объ этомъ съ послами, а то, если народъ возмутится, они-де

сами будутъ виновниками собственной погибели. Когда явились послы на засѣданіе, объ этомъ начались серьезные толки; послы утверждали, что они о предложенномъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Имъ сказали, что виновникомъ этого случая былъ какой-то нѣмецъ, и просили, чтобы впередъ этого не было. Испуганные послы вернулись домой, созвали всѣхъ нѣмцевъ даже изъ свиты другаго посла (про меня однако же и забыли, ибо и представить не могли, чтобы я въ такой степени научился говорить порусски), изложили, въ чемъ дѣло, стали розыскивать—но никто не былъ къ этому прикосновенъ. Судьба наконецъ меня вывела наружу, и я волей-неволей долженъ былъ въ присутствіи большинства посольскихъ чиновниковъ изложить цѣликомъ свой разговоръ. Оба посла подивились и запретили мнѣ впредь заводить подобные разговоры. Попа же выпустили не скоро: онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ во все время пребыванія посольства.

Въ Москвѣ я видѣлъ двѣ бани—одну отдѣльную на р. Москвѣ, другую въ Бѣломъ городѣ на р. Неглинной. Какъ вездѣ, такъ точно и здѣсь они ведутъ себя неблагородно, даже еще хуже. Ради любопытства нѣкоторые изъ насъ захотѣли посмотрѣть на нее и по принятому у насъ обыкновенію пришли покрытыми, думая, что здѣсь моются такъ же, какъ и въ нашихъ краяхъ, но съ перваго же шага замѣтили разницу: дверь, увидѣли мы, отворена, окна не заперты, но въ банѣ было все-таки очень жарко. Какъ завидѣли москвитяне насъ покрытыми,—сами они безо всякаго стыда были голы совершенно—такъ и разразились хохотомъ. Прислуги тутъ нѣтъ, банщика и цирульника тоже; кому надо воды, тотъ долженъ былъ самъ спускаться къ рѣкѣ. Мы побыли тамъ немного и ушли сухими, какъ пришли, поглядѣвъ на ихъ способъ мыться, какъ они вмѣсто того, чтобы тереться, начали хлестать себя прутьями, орать, окачиваться холодной водой да, сверхъ того, при дѣтяхъ выдѣлывать непристойныя тѣлодвиженія. Намъ стало противно, мы со смѣхомъ и вышли. Такъ же моются, видѣли мы, и женщины и тоже голыми бѣгаютъ взадъ и впередъ, не стѣсняясь.

Одна только охота съ ястребами, кречетами да соколами, кажется, заслуживаетъ у нихъ похвалы; въ этомъ они, правду сказать, отличаются. Часто я съ большимъ удовольствіемъ видалъ, какъ дикія утки, поднятыя съ пруда охотничьей собакой, падали стремглавъ на землю отъ парившаго въ воздухѣ ястреба и доставались имъ въ руки. За зайцами и другими звѣрями, которыми богата Московія, они съ пріятностью охотятся съ помощью этихъ же птицъ. Что тутъ многое множество разнообразныхъ звѣрей, это свидѣтельствуетъ не только исторія, но въ томъ убѣждаетъ и самая обширность страны. Я своими глазами

видѣлъ разныхъ и въ нашихъ краяхъ, конечно, неизвѣстныхъ животныхъ, о коихъ скажу здѣсь вкратцѣ.

Какъ по достоинству, такъ и по цѣнности главное мѣсто занимаютъ собольи мѣха, превосходное качество которыхъ извѣстно всему свѣту. Звѣрки эти ловятся миляхъ въ 200 за Москвою, въ дремучихъ лѣсахъ. Чѣмъ холоднѣе зима, тѣмъ мѣхъ чернѣе, гуще и длиннѣе волосомъ, а потому и дороже; цѣна нѣкоторымъ изъ нихъ въ самой Москвѣ доходитъ до 100 рублей (такъ называется тамъ золотой); самому небольшому цѣна одинъ золотой. Ловлею ихъ занимаются плѣнники, рабы, татары, бѣдные и привычные къ стужѣ, которой, конечно, намъ не вытерпѣть. Они очень ловко валятъ ихъ на землю стрѣлами, а лѣтомъ пересылаютъ живьемъ царю, который вмѣсто подарковъ, въ качествѣ спеціальнаго дара, при своихъ посольствамъ подноситъ ихъ обыкновенно чужеземнымъ государямъ. Объ этихъ людяхъ москвитяне разсказываютъ, будто прислонясь зимой къ дереву, они отъ холода погружаются въ такую спячку, что дѣлаются точно мертвые; однакоже когда извергаемая изъ ихъ ноздрей сопля образуетъ столь длинную сосульку, что она достигаетъ до земли... съ приходомъ же лѣта или даже начала весны они воскресаютъ точно изъ мертвыхъ и возвращаются къ своимъ занятіямъ [28]).

Въ большемъ также количествѣ они привозятъ овчины изъ Астрахани (это—провинція, смежная съ Персіей) либо черныя, либо темныя, бѣлаго цвѣта въ перемежку съ чернымъ. Эти овчины всѣ волнисты и цѣнятся тамъ тоже дорого. Прочіе, какъ-то собачьи съ длиннымъ волосомъ пепельнаго цвѣта, лисьи, медвѣжьи, заячьи, вообще бѣлые, находятся по всей Московіи во множествѣ. Есть тамъ еще водяныя крысы (glires aquei) [29]), величиною больше нашихъ, мѣхъ которыхъ издаетъ очень пріятный запахъ въ родѣ амбры, если приложить его къ тѣлу да согрѣть; хвостъ ихъ толщиною въ большой палецъ, а то и больше, красивой формы. Больше всего у нихъ однако горностаевыхъ мѣховъ. Горностаи тоже звѣрки небольшіе; нѣжный ихъ мѣхъ очень бѣлъ. Водятся тамъ и лѣсныя кошки (catti sylvestres) и многое множество иныхъ разнообразныхъ и непзвѣстныхъ звѣрей. Оттого-то благодаря изобилію мѣховъ скорняки и дошли до такого совершенства, что умѣютъ отлично выдѣлывать эти мѣха, рѣзать на

---

[28]) Въ подлинникѣ: quando tamen ex eorum narium spiraculo ejectus mucus stiriam efformet congelatum tam longum, ut usque ad terram pertingat: aestate vero redeunte seu ipso statim vere resurgant quasi a mortuis...

[29]) Вѣроятно, бобры.

куски и мастерски сшивать какіе угодно мелкіе кусочки: я самъ очевидецъ, какъ изъ крошечныхъ кончиковъ собольихъ хвостовъ они сшиваютъ вельможамъ прелестнѣйшіе рукава цѣною въ 6 или даже въ 8 золотыхъ. Не говорю о другихъ мѣхахъ, которые приносятъ имъ огромную прибыль, особенно съ чужеземныхъ народовъ.

Два раза случилось мнѣ встрѣтить царя на улицѣ, отправлявшагося для развлеченія за городъ [30]). Я остановился, чтобы поглядѣть на его поѣздъ, слѣдовавшій въ такомъ порядкѣ. Впереди шли два скорохода, сгонявшіе народъ съ улицы и въ дома, чтобы кто не попался царю навстрѣчу; если не было мѣста, гдѣ скрыться, какъ напр. за городомъ, тогда каждый долженъ былъ падать ницъ и лежать до тѣхъ поръ, пока царь не проѣдетъ. Подойдя ко мнѣ, скороходы спросили:

— Каки ти човѣкъ? посольски? т. е. изъ числа ли я посольскихъ челядниковъ?

Я отвѣтилъ:

— Такъ естить, т. е. такъ есть. На это они, замотавъ головой, отвѣчали:

— Добростер, цустай, т. е. хорошо, хорошо, оставайся — и пошли дальше [31]). Спустя немного прослѣдовалъ царскій поѣздъ: впереди вели 18 подъ богатѣйшими сѣдлами копей; за ними слѣдовало множество придворныхъ, всѣ безъ шапокъ; наконецъ ѣхалъ самъ царь верхомъ на прекраснѣйшемъ конѣ, съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ и въ золотой, всѣми частями блиставшей и усѣянной алмазами коронѣ сверхъ подбитой собольимъ мѣхомъ шапки. Когда я сдѣлалъ ему надлежащій поклонъ, онъ, чуть качнувъ головою и скипетромъ, отвѣтилъ мнѣ благосклонной улыбкой. Затѣмъ длиннымъ рядомъ ѣхалъ кухонный обозъ и разныя принадлежности. И это былъ неоффиціальный выѣздъ царя, который величіе свое заявляетъ, не какъ иные монархи, толпою царедворцевъ, а больше всего роскошью одеждъ и красотою коней.

Удивительно, что въ теченіи 15 недѣль я не могъ замѣтить въ москвитянахъ ничего добродѣтельнаго, или пріятнаго, или хоть сколько нибудь похожаго на истинное благочестіе. Я вынужденъ поэтому сказать, что въ большинствѣ случаевъ они лукавы, развратны, обман-

---

[30]) Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ лѣтомъ 1678 г. ѣздилъ 9-го іюня въ Измайлово, въ первыхъ числахъ іюля въ Воробьево и 10-го іюля въ Покровское. Дворц. разряды, т. IV. Вѣроятно, Таннеръ и говоритъ про какіе-нибудь два изъ этихъ выѣздовъ.

[31]) Вѣроятно, они сказали: „добро-ста, тутъ стой!“

чивы, надувалы, вѣроломцы, вздорливы, разбойники и человѣкоубійцы, такъ что если въ надеждѣ на прибытокъ или полученіе денегъ убьютъ человѣка да поставятъ за его душу одну зажженную свѣчку въ церкви, то считаются свободными и наказанію неподлежащими.' Такая огражденная варварствомъ безнаказанность, должно быть, заимствована изъ дикой Татаріи, потому что они, живя по сосѣдству съ татарами, владѣютъ двумя отнятыми у нихъ царствами—Казанью да Астраханью.

XX.

Обратный путь изъ Москвы до Смоленска.

24-го августа, въ день памяти св. Варѳоломея, мы, желая праздновать св. апостолу, чтобы замедлить такимъ образомъ отъѣздъ, чествовали его торжественнымъ совершеніемъ миссы, съ музыкой, въ шатрѣ, раскинутомъ посреди двора. По окончаніи миссы сказана была и польская проповѣдь.

Медленно шли сборы въ дорогу; мы надѣялись, что, не успѣвъ собраться, все равно выѣдемъ на слѣдующій день. Надѣяться заставляла и погода—сырая и неблагопріятная для отъѣзда.

Послы заказали и обѣдъ на славу, думая, что въ виду этого ихъ не потревожатъ. Вдругъ пристава объявили—выслать телѣги впередъ и приготовить обозъ къ отъѣзду; они-де со свитой своей готовы и явятся черезъ часъ. Удивленные послы отвѣчали, что они и не готовы да и не ожидали такой строгости въ исполненіи приказа, и просили позволить имъ переночевать хоть эту ночь. Раздраженные пристава твердили, что жестоко прогнѣваютъ царя, если они не уѣдутъ по возможности скорѣй. Намъ поэтому было приказано поскорѣй укладываться; на подмогу прислано было нѣсколько стрѣльцовъ—запрягать лошадей, таскать вещи, накладывать на воза. Нечего и говорить, сколько было порядка въ этой огромной грудѣ, наваленной столь поспѣшно и въ столь невѣроятно короткій срокъ. Мы употребили однако два часа и наконецъ въ 5-мъ часу вечера да еще въ дождикъ, выславъ впередъ подводы, телѣги поменьше и грузовыя повозки въ 6 лошадей, съ небольшимъ, провожавшимъ насъ до перваго ночлега отрядомъ москвитянъ, прощаясь со всѣми, вереницею двинулись (послы съ присланными приставами въ царской каретѣ) вопреки ожиданію изъ города.

Они повели насъ не тою дорогою, по которой въѣзжали мы въ городъ. Изъ Китай-города мы поѣхали черезъ Бѣлый и Земляной го-

родъ подлѣ его стѣнъ влѣво, при чемъ на насъ вышло смотрѣть множество жителей, желавшихъ намъ счастливаго пути (по-русски: прости бугъ, т. е. да благопріятствуетъ Богъ). Грязная отъ дождя, вымощенная бревнами дорога и множество гатей по топкимъ мѣстамъ препятствовали двигаться скоро, почему гайдуки съ солдатами и нашли еще случай навѣстить своихъ знакомыхъ. Боясь приближавшейся ночи, однако успѣвши порядкомъ напиться, они скоро догнали обозъ. Черезъ полмили, еще внутри города, равнина сдѣлала дорогу болѣе удобной; миновавъ ее, мы подъѣхали къ горѣ, застроенной множествомъ вѣтряныхъ мельницъ. Наконецъ прибыли къ длинному предмѣстью, называемому Дорогомиловской слободой (Drgomilovska Sloboda); тутъ назначенъ намъ былъ ночлегъ. До этого мѣста мы ѣхали больше двухъ часовъ, а конца предмѣстьямъ все еще не было. Отсюда видно, что окружность г. Москвы простирается до 5 миль, что въ обитаемомъ нѣмцами Кукуй-городѣ серьезно утверждалъ при мнѣ и одинъ нѣмецъ, хорошо знавшій математику, въ виду того, что даже съ башни нашего подворья, возвышавшейся навѣрное ступеней на полтораста, нельзя было замѣтить ни въ какую сторону предѣловъ самаго города [32]).

Намъ было вообще странно, что при отъѣздѣ москвитяне такъ грубо обошлись съ послами, не взирая на важность ихъ сана, тогда какъ скорѣй должны были бы на прощанье хоть немного загладить свое прежнее невѣжество какой-либо любезностью. Но чтожъ дѣлать, если началу и серединѣ подъ стать и конецъ благодаря этому обращику нелюбезности, съ коей выпроводили они до нѣкоторой степени насильственно пословъ изъ города? Итакъ съ первымъ ночлегомъ 24-го августа начались бѣдствія и невзгоды [33]).

---

[32]) Послы, судя по приложенному къ сочиненію Таннера плану, ѣхали Красной площадью, потомъ въ Воскресенскія ворота, по Тверской. Проѣхавъ Тверскія ворота, они направились влѣво, по нынѣшней Садовой и Новинскому бульвару въ Дорогомилово.

[33]) Приставъ Н. Ефимьевъ писалъ думному дьяку Ларіону Иванову про отъѣздъ пословъ и посольскихъ людей изъ Москвы, что онъ *пасся* того дни (въ среду 14 августа) отъ нихъ отстать, чтобы какова дурна не учинили—челяди было пьяныхъ много; что Черторыйскій пошелъ съ утра, а Сапѣга послѣ ранняго обѣда. Проводили пословъ за городъ пристава ихъ князь Ѳедоръ Львовъ Волконскій, Никифоръ Сергѣевъ Ефимьевъ да дьякъ Семенъ Протопоповъ въ государевѣ каретѣ отъ Посольскаго двора за Тверскія ворота за Земляной городъ до того мѣста, гдѣ ихъ встрѣтили. Карета съ государевы конюшни прислана была подъ пословъ та же, въ которой ѣздили они въ отвѣтъ, о шести возни-

На слѣдующее утро надо было сперва привести въ порядокъ вещи, наваленныя на воза грудой. Такъ какъ гайдуки провозились за этимъ нѣсколько часовъ, то мы ускорили путь. Едва сдѣлали мы 3 мили, какъ уже пришлось ѣхать по прежней дорогѣ—грязной и отвратительной, съ гатями на каждомъ шагу, которыя мы проѣзжали съ большою опасностью. Близъ Москвы виднѣлись усадьбы и деревянные замки, изрѣдка пашни; умноженію пашенъ препятствуетъ вязкость (mollities) почвы, почему и ростетъ кустарникъ да большіе лѣса. Въ началѣ пути мы встрѣтили 8 гатей, небольшихъ, но по близости одна отъ другой. Обѣдали въ городѣ Одинцовѣ (Zdimczowa), который однакоже едва будетъ съ деревню, гдѣ избы одинаковой формы и величины образуютъ квадратную площадь, поросшую травой. Наскоро отобѣдавъ, мы на 3 миляхъ проѣхали 25 большихъ гатей и и прибыли во-время въ схизматическій монастырь Вяземы (Viazoma), гдѣ благополучно насъ догналъ одинъ полякъ, уведенный нѣкогда въ плѣнъ москвитянами и принужденный выжить въ неволѣ въ Москвѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ; онъ былъ княземъ укрытъ между нами и вернулся въ Польшу. Здѣсь какъ рѣдкость намъ показывали верблюда, громадное животное, чудовищнаго вида. На слѣдующій день 26-го августа утромъ проѣхали мы на 4 миляхъ 45 гатей, изъ коихъ нѣкоторыя были въ 5, даже въ 6 верстъ, и отобѣдали въ Кубенскомъ, которое считается у нихъ за городъ. Мы тогда хоть и ѣхали по прежней уже дорогѣ, но торопясь на родину, должны были останавливаться въ другихъ мѣстахъ. Кончивъ наскоро обѣдъ, мы дремучими лѣсами по 30 гатямъ проѣхали пять миль и должны были заночевать подъ открытымъ небомъ, на лугу. Переночевавъ, мы, мокрые отъ росы, пустились въ дальнѣйшій путь по лѣсамъ и, проѣхавъ на 3 миляхъ 15 гатей, обѣдали и отдыхали въ г. Можайскѣ 27-го августа. Помню, послы не разъ выражали опасеніе, какъ бы ихъ насильно не вернули

кахъ, а передъ каретою, напредъ того, шелъ съ приказомъ стрѣлецкимъ голова московскихъ стрѣльцовъ Никита Борисовъ, а за приказомъ стрѣлецкимъ ѣхали конные стрѣльцы 50 человѣкъ съ ружьемъ, которые стрѣльцы посланы пословъ провожать до Смоленска, а за конными стрѣльцы ѣхали польскихъ пословъ гайдуки, рота съ ружьемъ Казиміра Яна Сапѣги; послѣ того шла польскихъ пословъ конюшня; за конюшнею ѣхали кородевскіе дворане и шляхта, а за ними передъ каретою и около кареты конюхи, человѣкъ съ двадцать, изъ тѣхъ конюховъ, которые ѣзживали передъ послы въ городъ въ ѣздокахъ, а за каретою ѣхала другая рота гайдуковъ посольскихъ князь Михайла Черторыйскаго. А обозы посольскіе отпущены съ Москвы того числа напредъ пословъ.

назадъ въ Москву въ случаѣ какихъ-либо еще сомнѣній со стороны московскихъ сенаторовъ, и потому рѣшили спѣшить. На слѣдующее утро въ воскресенье, отслушавъ здѣсь миссу, мы снова пустились въ путь. Сдѣлавъ 3 мили лѣсами по 57 гатямъ, по сквернѣйшей дорогѣ съ грязью, лужами и топями, мы доѣхали до селенья Ельни, расположеннаго на горѣ. Проѣхавъ затѣмъ 4 мили по 40 гатямъ, мы опять провели ночь на большомъ лугу, подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу. На утро проѣхавъ по лѣснымъ дебрямъ 36 гатей на 5 миляхъ, мы отобѣдали на лугу. На этомъ переѣздѣ насъ нагналъ посланный изъ Москвы гонецъ, объявившій, что посламъ придется въ ближайшемъ городѣ подождать слѣдовавшихъ за нами двухъ бояръ. Мы встревожились и придумать не могли, что значитъ это слѣдованіе за нами. Проѣхавъ 4 мили и 18 гатей, мы достигли города Царево Займище (Czarske Zamoisce), гдѣ и пришлось ожидать пріѣзда бояръ. Къ вечеру пріѣхали и они—почтенный князь московскій да одинъ дьякъ, въ родѣ секретаря; съ пышно одѣтою свитой они подошли къ посламъ и, съ великимъ благоговѣніемъ и почтительностью предпославъ титулъ царя, сообщили, что они посланы царемъ нарочно увѣдомить пословъ о побѣдѣ, одержанной надъ турками подъ Чигириномъ, прибавивъ, что взятъ въ плѣнъ паша со множествомъ турокъ, и привезено больше 30 шатровъ съ прочей утварью, большимъ количествомъ денегъ и иной военной добычей. Чтобы поздравить царя и изъявить свое удовольствіе по этому поводу, послы пригласили посланныхъ къ намъ москвитянъ на слѣдующій день къ молебну. Для бо́льшей торжественности на серединѣ двора воздвигли шатеръ, гдѣ и отслужили обѣдню съ трубами и литаврами; послѣ нея былъ молебенъ съ троекратнымъ залпомъ изъ мушкетовъ.

Много сошлось москвитянъ поглядѣть на наше торжество; съ радостью глядѣли они на него, да и присланнымъ боярамъ понравился нашъ обычай празднованія. Князь пригласилъ ихъ также къ обѣду, который славно прошелъ при звукахъ струнъ, трубъ и литавръ. Видя, что послы усердно угощаютъ ихъ венгерскимъ, они и сами посылали въ кабакъ то за водкой, то за медомъ. Отвѣдавъ вкусныхъ, никогда ими не виданныхъ и ужъ конечно не пробованныхъ яствъ, которыми, какъ я замѣтилъ, они жадно себя начиняли, и опьянѣвъ, москвитяне начали выдѣлывать разныя шутки и гадости, почему Эсхинъ мудро говаривалъ, что зеркало внѣшности—мѣдь, зеркало души—вино, и всюду вошло въ поговорку: въ винѣ истина, при чемъ шутливый Овенъ остроумно говоритъ:

Истина если въ винѣ, какъ гласятъ поговорки, таится,
Нѣмецъ (скорѣе бы—русскій) сумѣетъ всегда истину эту найти [34]).

Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, послы повытянули изъ нихъ немало для себя полезнаго, на что было потрачено много часовъ [35]). Воєвода полоцкій, другой посолъ, желая имъ изъявить свое расположеніе, пригласилъ всѣхъ вмѣстѣ съ княземъ къ себѣ. Москвитяне согласились и въ сопровожденіи музыки и криковъ народа, изрядно по улицамъ пошатываясь, пришли къ нему. Князь однако, спѣша на родину, распрощался и около 4 часа отправился въ дальнѣйшій путь. Проѣхавъ въ этотъ же день по лѣснымъ дебрямъ 3 мили и 16 гатей, мы ночевали въ лѣсу 30-го августа. Утромъ мы продолжали путь лѣсной глушью,

---

[34]) Оуэнъ (Owen или Ovenus), писавшій латинскіе стихи, р. въ 1560 г. въ Валлисѣ, изучалъ въ Оксфордѣ право, былъ затѣмъ учителемъ, ум. въ Лондонѣ въ 1622 г. Его Epigrammata, колкія и остроумныя, бичуютъ людскія слабости, особенно злоупотребленія въ католической церкви. Meyer's Lexicon.

Вотъ вся эта эпиграмма:

Germana veritas.

Mersum in nescio quo verum latitare profundo
Democritus, nemo quod aperiret, ait:
Si latet in vino verum (ut proverbia dicunt)
Invenit verum Teuto vel inveniet.

[35]) Августа 17 указалъ В. Государь за послами ѣхать стольнику Семену Ерофеевичу Алмазову да дьяку Семену Протопопову для своихъ, В. Государя, дѣлъ, не мѣшкавъ нигдѣ. „И гдѣ они польскихъ пословъ въ дорогѣ *съѣдутъ*, и учнутъ пріѣзжать близко пословъ, и имъ провѣдывать, чтобы они въ то время были на стану, а не въ дорогѣ ѣхали. И провѣдавъ про то подлинно, какъ они будутъ на стану, послать къ нимъ кого пригоже, а велѣть ему посломъ сказать, что отъ Вел. Государя ...ѣдутъ Е. Ц. Величества стольникъ Семенъ Ерофеевичъ Алмазовъ да дьякъ Семенъ Протопоповъ и есть до нихъ, пословъ, отъ Вел. Государя рѣчь, и они бы, послы, на стану своемъ пообождали и сошлися къ пріѣзду ихъ всѣ вмѣстѣ". Августа 19-го на станъ, на пустошь Большое Городище, гдѣ послы ночевали, посланные дали знать, чтобы послы пріѣзду ихъ къ себѣ обождали. Послы спрашивали пристава Ефимьева, для какихъ рѣчей къ нимъ тѣхъ людей шлютъ. Тотъ сказалъ, что они посланы съ объявленіемъ о побѣдѣ надъ непріятели бусурманы и татарскими людьми.

„И послы, слыша то, пишетъ Ефимьевъ, сказали: „про то де они слышать желаютъ". А Сапѣга, сидя въ каретѣ, примолвилъ: „хотя бы де ему и

проѣхали 55 гатей и, сдѣлавъ 4 мили, обѣдали въ г. Вязьмѣ, въ томъ помѣщеніи, гдѣ, какъ я упоминалъ, такъ звѣрски кормили ребенка, а потомъ тронулись далѣе, хоть и были немало задержаны починкою повозокъ. Однако ночевать тамъ князь не захотѣлъ. Между тѣмъ стала приближаться буря. Проѣхавъ милю, мы остановились на большой луговинѣ и не безъ страха и горя провели здѣсь подъ сильной грозою 31-го августа ночь. Всѣ мы измокли, измокъ и самъ князь, хотя и былъ въ палаткѣ. Ради этой непріятности намъ хотѣлось добраться до крова. Мы однако не столько горевали о своей усталости, сколько объ усталости лошадей, потому что утромъ пришлось проѣхать гатью, тянувшейся на полторы мили, отчего то ломались экипажи, то выбивались изъ силъ лошади, не считая того, что на 4 миляхъ мы проѣхали 14 меньшихъ гатей, и потому остальная часть дня по необходимости

карету полну золотыми кто насыпалъ, и то де онъ положилъ бы ни во что; только паче того о побѣдѣ надъ бусурманы слышати радостнѣ желаетъ. И ожидали на той пустоши пріѣзду посланныхъ до полудни, и съ той пустоши пошли къ Цареву Займищу, и сказали, что лучше имъ тѣ добрыя вѣсти слышать, гдѣ было бы людно, и за то Господу Богу благодареніе воздать.

„И того числа въ вечеру пріѣхали посланные, спрашивали отъ В. Государя пословъ о здоровьѣ, а потомъ объявили, что милостію Божіею и В. Государя счастіемъ его рати непріятельскія силы турецкихъ и крымскихъ людей побили и въ полонъ поимали и обозъ Капланъ-паши и иныхъ пашей и хана крымскаго, также пушки и знамена и наметы взяли, а потомъ объявили и чли отписки князь Каспулата Муцаловича Черкасскаго да кн. Григорія Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи и листъ гетмана Самойловича.

„И послы В. Государю, что изволилъ ихъ указать присланнымъ спросить о здоровьѣ, били челомъ, и о объявленной имъ надъ непріятели побѣдѣ зѣло обрадовались и говорили, чтобы Господь Богъ подалъ В. Государю и впредь на враги побѣду и одолѣніе, а отписки и гетманскій листъ велѣли перевесть, и о той объявленной имъ побѣдѣ ходили въ уготованный шатеръ и слушали *мши*, а по службѣ мши молебствовали по своему *звычаю* съ большою музыкою и на радости въ молебство велѣли у шатра драгуномъ стрѣлять изъ мушкетовъ *въ три поры*, а послѣ молебства стольники и дьякъ были у кн. Черторыйскаго на обѣдѣ, а Сапѣга и Комаръ и королевскіе дворяне были тутъ же. А въ столѣ напредъ пили послы про здоровье В. Государя чаши, а потомъ пили про здоровье короля, также и князь Каспулата Муцаловича и боярь и воевода князь Григ. Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи и про всѣ Цар. Величества войска, которымъ Богъ подалъ надъ непріятелемъ одержать побѣду, и говорили: „какъ Государю ихъ, Е. К. Величеству, о томъ будетъ извѣстно, и то де ему слышать зѣло будетъ радостно, и чаютъ они, послы, что тотчасъ съ войски

употреблена была на отдыхъ въ Семлевѣ, новомъ городѣ, гдѣ былъ и обѣдъ, и ночлегъ 1-го сентября. Проѣхавъ затѣмъ на 4 миляхъ 25 гатей, мы достигли деревни Чоботова. Тутъ во время обѣда нагналъ насъ воевода, другой посолъ, съ своею свитой замѣшкавшійся съ москвитянами въ Царевѣ-Займищѣ (Czarskie Zamoiscie). Итакъ, сентября 2-го соединившись вновь, мы поѣхали по страшной дичи и глуши и, сдѣлавъ три мили, миновали Болдинъ монастырь (Bolczin Monasterium). Затѣмъ грязная дорога по 45 гатямъ была причиною переночевки на лугу, со всѣхъ сторонъ окруженномъ лѣсами. Панъ Зброжекъ, найдя удобный случай, началъ здѣсь розыскъ пропавшей въ Москвѣ тысячи флориновъ. Дабы воръ не могъ принять мѣръ предосторожности, онъ внезапно велѣлъ отвезти въ середину насъ ту повозку, на которой везлись вещи ремесленниковъ—кузнеца, пивовара, портного, пе-

---

хотя и не въ сборѣ, но съ тѣми, которыя нынѣ есть, пойдетъ надъ тѣмъ непріятелемъ чинить промыслъ на ихъ переправахъ, а по всему де тотъ непріятель, чаютъ они, по его басурманской гордости, что будетъ государствъ своихъ со всею силою и того своего басурманскаго паренія станетъ отыскивать(?!), а того де, чтобы не мстить и войну такъ покинуть, хотя и множество своихъ силъ и казны истратилъ, не покинетъ. А чтобы де Господь Богъ далъ обоимъ вел. государамъ противъ того креста святаго и всего христіанства непріятеля соединеніе, а король де и вся рѣчь посполитая съ турскимъ салтаномъ постановленный миръ конечно нарушатъ, и войска ихъ, корунная и великаго княжества литовскаго, будутъ всѣ на весну наготовѣ".

„Да за столомъ же слушали послы переводъ съ гетманскаго листа, а выслушавъ, стольника С. Алмазова и дьяка спрашивали: „весь ли де обозъ турецкій и ханскій взятъ и въ которыхъ мѣстѣхъ Царскаго Величества у войскъ съ непріятели былъ бой, и гдѣ нынѣ визирь, и Чигиринъ очищенъ ли?" И стольникъ С. Алмазовъ и дьякъ сказали посломъ о томъ подлинно, что обозъ взятъ Капланъ-паши и съ нимъ которые были восемнадцати пашей и хана крымскаго и мултянскаго и волошскаго господарей и построенные на Чигиринскихъ горахъ городки и пушки и шатры, которые были на сей сторонѣ рѣки Тясмы; а визирь былъ въ то время на той сторонѣ подъ Чигириномъ съ небольшою пѣхотою; и Ц. Величества бояре Чигиринъ очистили и въ городъ послали свѣжихъ прибавочныхъ людей и на визирскій обозъ хотѣли идти чрезъ Тясму вскорѣ. И посла сказали: „чаютъ де они, что татары больше того, когда кошъ ихъ взятъ, Ц. Величества съ войски бою не дадутъ и побѣгутъ въ Крымъ, и визирь ихъ въ неволю удержать при себѣ не можетъ; а безъ орды де онъ подъ Чигириномъ стоять долго не станетъ же".

„И послѣ обѣда послы изъ Царева Займища пошли къ Вязьмѣ и ночевали на пустоши Ѳедоровской".

каря, плотника и др. и осмотрѣть ее двумъ гайдукамъ. Сперва принялись осматривать ящикъ плотника; онъ велѣлъ отпереть его при себѣ. Испуганный плотникъ, измѣнившись въ лицѣ, былъ захваченъ врасплохъ, и боясь, что покража откроется, долго не хотѣлъ найти ключа; услыхавъ, что ящикъ будетъ взломанъ, отперъ-таки ключемъ. Стали осматривать и между прочими купленными въ городѣ и тоже внушавшими подозрѣніе вещами нашли много узловъ, тяжесть которыхъ была подозрительна. Когда спутанные узлы развязали, то нашли нѣсколько имперіаловъ—болѣе двадцати, не малое количество золотыхъ, которыя онъ намѣнялъ въ городѣ вмѣсто копѣекъ; копѣекъ же осталось мало. Забравъ узлы, обрадованный панъ Зброжекъ пошелъ къ князю и объявилъ о кражѣ плотника, отъ природы вообще глуповатаго, при немаломъ съ нашей стороны удивленіи, что столь продувной плутъ могъ скрываться подъ личиною наружной глупости. Его сейчасъ же взяли, сковали ему шею, ноги и руки большими цѣпями, которыя мы везли на всякій случай для экипажей, и допросили, куда дѣлись остальныя деньги. Съ трепетомъ онъ сознался, что накупилъ на нихъ въ городѣ разныхъ вещей, а нѣкоторую часть далъ сотоварищамъ—пивовару съ кучеромъ. Взятъ и скованъ былъ пивоваръ, а кучеръ, видя, что дѣло плохо, убѣжалъ въ лѣсъ и скрылся; въ ящикѣ у него нашли однако нѣсколько флориновъ. Сочли оставшіяся деньги—оказалось 600 флориновъ; остальное было ими уже истрачено. Князь съ главными своими помощниками держалъ совѣтъ, что дѣлать съ воромъ. Рѣшено единогласно—повѣсить въ ближайшемъ городѣ. Между тѣмъ онъ былъ всетаки наказанъ гайдуками плетьми и до первыхъ 100 ударовъ вопилъ. Но такъ какъ удары слѣдовали непрерывно, то тѣло его потеряло чувствительность, онъ пересталъ кричать и лежалъ точно мертвый недвижимо, безъ всякаго признака жизни. Я думалъ, что тридцатью слѣдовавшими одинъ за другимъ ударами его забили до смерти, но онъ вдругъ всталъ, замѣтивъ, что его поворачиваютъ, чтобы бить по животу, началъ ревѣть и упрашивать. Отстегали и повара, но легче. У поляковъ это—обычная кара за всякіе проступки.

Послѣ этой печальной сцены мы черезъ 3 мили и 45 гатей прибыли къ городу, коему имя Дорогобужъ, гдѣ и обѣдали. Здѣсь плотникъ былъ бы казненъ, да на его счастье не нашли палача; просили еще за него и нѣсколько членовъ свиты, потому что онъ-де получилъ уже за преступленіе достойную кару. Больше же всего поводомъ къ помилованію было то, что некому было починить сломавшуюся у экипажа ось; его и пришлось расковать и, благодаря столькимъ просьбамъ,

выпустить на свободу. Отобѣдавъ, мы были здѣсь принуждены переѣзжать по пловучему, тогда еще не додѣланному мосту чрезъ р. Борисѳенъ. При переѣздѣ тяжелыя повозки такъ его затопили, что до половины погрузились въ воду; а чтобы какая-нибудь повозка не опрокинулась, гайдуки должны были ее поддерживать, такъ что всѣ мы переѣхали все-таки благополучно, и въ оставшуюся часть дня одолѣвъ на 3 миляхъ 13 гатей, переночевали въ Воиновщинѣ (Vognovszcinzna) 3-го сентября. Утромъ двинувшись въ путь, мы сдѣлали три мили и, проѣхавъ 25 гатей, попали въ Ульхову слободу. Эта усадьба получила имя отъ нѣкоего шляхтича-поляка, прозывавшагося Вольфомъ (Wolff), который выстроилъ ее для своего прожитія; во время войны съ москвитянами онъ былъ прогнанъ, и она перешла къ москвитянамъ, которые и зовутъ ее Ульховой слободой, какъ бы свободой, т. е. свободнымъ для поселенія мѣстомъ. Пообѣдавъ здѣсь, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Вслѣдствіе лучшаго положенія почвы число гатей уменьшилось, и мы на 3 миляхъ проѣхали ихъ только восемь. Дождь затруднилъ дорогу; горы и долины замедляли переѣздъ; проѣхавъ на 4 миляхъ 19 гатей, мы обѣдали въ Волчиницѣ (Volczinic), послѣ чего подвигаясь впередъ подъ дождемъ по горамъ да по доламъ (отчего экипажи опрокидывались дважды), мы двумя милями и 8 гатями закончили отвратительную московскую дорогу въ г. Смоленскѣ, ключѣ къ Москвѣ, гдѣ отдыхали 5-го Сентября. Итого всѣхъ гатей, которыя пришлось намъ проѣхать съ выѣзда изъ г. Москвы до сихъ поръ, пятьсотъ тридцать три [36]).

---

[36]) „А съ Москвы послы шли смирно, писалъ Ефимьевъ: и шляхта, и челядь дорогою ничего даромъ нигдѣ не имали, а покупали все цѣною, и ссоръ и задоровъ во всей дорогѣ съ русскими людьми у поляковъ, также и жалобы и челобитья ни отъ кого не бывало. А съ стольникомъ съ Микифоромъ Ефимьевымъ послы поступали учтиво и почитали, и призывали къ себѣ почасту. Шляхта въ дорогѣ въ разговорѣхъ говорили, что у нихъ съ турскимъ салтаномъ конечно миръ будетъ нарушенъ и стоять противъ него станутъ, только бы ихъ въ томъ Цар. Величества войска не выдали, а о побѣдѣ надъ бусурманы вѣрятъ и тому радуются, для того что изъ полковъ многая смоленская шляхта въ домы свои послѣ той побѣды прислали челядь свою, а именно о побѣдѣ писалъ смоленскій шляхтичъ Данило Пасокъ къ брату своему Ивану Паску, и ту грамоту послы и сами чли, а про пушки въ ней написано, что взято у турокъ 58 пушекъ“.

XXI.

Обратный путь изъ Смоленска по Литвѣ.

Въ Смоленскѣ мы были задержаны приставомъ до обѣда слѣдующаго дня, чтобы найти новыхъ провожатыхъ до границъ литовскихъ. Князь-посолъ подарилъ на прощанье прежнему приставу прекрасную саблю (называемую у поляковъ ордынкой) въ вознагражденіе за труды по дорогѣ съ нами. Послѣ обѣда мы направились къ Литвѣ. Чтобы скорѣй доѣхать, назначенные изъ г. Смоленска новые провожатые съ приставомъ повели насъ другой дорогой [37]). Мы переѣхали деревянный, хорошо укрѣпленный мостъ на р. Борисѳенѣ близъ самыхъ городскихъ стѣнъ, миновавъ довольно высокую гору. Замѣчательно здѣсь то, что польскій король Сигизмундъ, во время осады взорвалъ главное угловое укрѣпленіе и такимъ образомъ овладѣлъ городомъ; а когда городъ былъ вновь отнятъ у поляковъ, москвитянамъ не удается возобновить эту часть стѣнъ; они сами сознаются, что то, что было построено въ одинъ годъ, обрушилось на слѣдующій, и потому, испытавъ это, они вырыли лишь ровъ, который и охраняется многочисленнымъ карауломъ.

Намъ заранѣе посовѣтовали хорошенько глядѣть за своими вещами, потому что здѣшніе мужики издавна привыкли обирать на возвратномъ пути пословъ. Сдѣлавъ въ остальную часть дня три мили, мы ночевали въ дер. Лубнѣ 6-го сентября. Проѣхавъ 3 мили изъ

---

[37]) Въ Смоленскѣ вмѣсто Ефимьева имъ снова былъ данъ въ пристава Василій Чадуевъ. „И Василій Чадуевъ посломъ сказалъ, что ему велѣно ихъ проводить до рубежа, также подводы и провожатыхъ объявилъ“.

Послы благодарили за оказанную честь и жалованье, говорили Ефимьеву, что о томъ донесутъ королю, выхвалять предъ всѣми сенаторы ту Е. Ц. Величества милость станутъ, желали умноженія братской дружбы и любви между королемъ и царемъ, побѣды и одолѣнія на общаго непріятеля и въ заключеніе прибавили, что всѣмъ сердцемъ радуются, что Богъ далъ помочь царскимъ войскамъ надъ тѣмъ непріятелемъ, „а на весну де и ихъ войска всѣ противъ того бусурмана будутъ во всякой готовности“. Того же числа (26 августа) Ефимьевъ и Чадуевъ у Сапѣги обѣдали.

„А изъ Смоленска послы пошли на Звѣровичи, писалъ Ефимьевъ: и будутъ на банкетѣ въ Дубровнѣ у Сапѣги, а послѣ банкету Сапѣга будетъ въ своихъ маетностяхъ, а къ Кор. Величеству поѣдетъ на сеймъ. А Черторыйскій и Комаръ съ государственными дѣлами поѣдутъ къ королю изъ Дубровны вскорѣ“.

Лубни, въ Черномъ (Czernova) обѣдали и, проѣхавъ снова три мили, ночевали въ г. Красномъ (Krasna) 7-го сентября. Слѣдующій день 8-го сентября, праздникъ Рождества Богородицы, до полудня посвященъ былъ богослуженію съ благодарственнымъ молебномъ, при чемъ мы и обѣдали. Сентябрь былъ уже суровъ, дули холодные вѣтры, приходилось топить печи. Въ остальное время этого дня мы сдѣлали 4 мили довольно не благополучно: не безъ поврежденія опрокинулась нагруженная лучшими вещами повозка; у другой повозки упали лошади съ моста; благодаря крѣпости постромокъ онѣ долго пробыли на вѣсу, барахтаясь несчастныя на водѣ и съ большой трудностью были освобождены изъ этого опаснаго положенія, но безъ всякаго вреда. Въ дер. Баевѣ (Bojova) мы ночевали 8-го сентября. Здѣсь на литовской границѣ простились съ нами приставъ и провожатые и поѣхали назадъ въ Смоленскъ; а мы, къ великому удовольствію, по милости всеблагого и великаго Бога, достигли Литвы. Отъѣхавъ три мили, достигли дер. Чирина (Czehrin), гдѣ обѣдали. Сдѣлавъ снова три мили, прибыли въ первый литовскій городъ Дубровну (Dombrovka), принадлежащій воеводѣ полоцкому, товарищу князя-посла, и потому, по милости ясновельможнаго владѣльца, давшій передохнуть не столько намъ, сколько усталымъ лошадямъ 9-го, 10-го и также—день пришелся на воскресенье—11-го Сентября.

Въ понедѣльникъ 12-го, простившись съ паномъ воеводой, мы выѣхали и черезъ три мили прибыли въ г. Оршу (Orsa), который до опустошенія его москвитянами, какъ показываютъ развалины, былъ хорошъ и великъ. Здѣсь въ третій разъ пришлось переѣзжать р. Борисѳенъ (у нихъ—Днѣпръ, Nieper). Мы поспѣшили отсюда выѣхать и, сдѣлавъ двѣ мили, ночевали въ дер. Баранъ (Baran) 12-го сентября.

На слѣдующее утро проѣхавъ дер. Коханово (Kochano) и три мили, мы обѣдали въ Толочинѣ (Tolaczc). Сдѣлавъ затѣмъ три мили, мы 13-го сентября ночевали въ дер. Словянѣ (Slovinie). Наконецъ прибыли въ г. Бобръ и черезъ три мили вступили на ту дорогу, которой ѣхали прежде во время пути въ Москву. Проѣзжая на 24 миляхъ тѣ же деревни и города, мы достигли 18-го сентября Минска. Отсюда опять свернули на другую дорогу вправо; пріѣхали въ дер. Волчковицы (Dolskovice); въ четырехъ миляхъ отсюда ночевали 19 сентября въ корчмѣ Вязинкѣ (Viaczion). Проѣхавъ городъ Койдановъ (Koidanoro), прибыли въ дер. Рудицу (Rudicza), гдѣ содержателями корчемъ были жиды; здѣсь обѣдали. Въ 4 миляхъ отсюда въ дер. Ячанкѣ (Jaczna) ночевали 20 сентября. Въ полутора миляхъ отсюда переѣхали

р. Нѣманъ и черезъ 3 мили прибыли въ г. Миръ князя Радзивила, населенный множествомъ жидовъ.

По окончаніи обѣда нѣсколько человѣкъ изъ свиты были отправлены княземъ въ волынскіе города—Луцкъ, Львовъ и Клевань, и это были: преподобный капелланъ, панъ Голубь, панъ Хриницкій, панъ Савичъ, панъ Меньжинскій и панъ Портанти, которые, распрощавшись со всѣми нами, отправились съ слугами своимъ путемъ, а мы—на Люблинъ. Миновавъ дер. Жуховичи (Schuchovice), Сиромовичи (Seremovice), Полонку малую (Polomca mala), мы черезъ двѣ мили ночевали 21 сентября. Затѣмъ, сдѣлавъ 4 мили черезъ Столовицу (Stolovicza), городъ деревянный, какіе обыкновенно строятся по Литвѣ и Польшѣ, обѣдали у жида Staramos, содержателя корчмы, и ночевали 22 сентября въ г. Полонкѣ (Polomko) въ двухъ миляхъ отъ корчмы. Съ разсвѣтомъ проѣхали 4 мили до хорошаго города Слонима, принадлежащаго наияснѣйшему Сапѣгѣ, подскарбію великаго княжества литовскаго, брату ясновельможнаго посла. Принятые имъ весьма радушно, мы были должны здѣсь ночевать 23 сентября. Слуги, особенно гайдуки, стерегшіе вещи, нашли здѣсь случай напиться и начали воровать другъ у друга: ночью съ повозки у портного украли ящикъ, у другихъ—мѣшки съ вещами; князь двухъ карауливщихъ повозку гайдуковъ Будзилу съ Ольшанскимъ, отмѣнныхъ пьяницъ, велѣлъ вмѣсто обѣда отстегать, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить обокраденныхъ. Отсюда мы тронулись черезъ Селецъ (Zelcze), Пружану (Pruczіana), Жабинъ (Ziebin), Голицаров-ставъ (Holizarowstaw) и Брестъ-Литовскій (Briscz Litewski), гдѣ переночевали 28 сентября и праздновали день св. Михаила Архангела. Это былъ день именинъ князя (natalis); дворня, преподобные отцы іезуиты съ учащеюся молодежью встрѣтили его поздравленіями. По окончаніи ихъ мы двинулись дальше черезъ дер. Добрынку на гор. Пищацъ (Piszczacz); сдѣлавъ 4 мили, тутъ и обѣдали, къ вечеру же прибыли въ Ломазы (Łomas) въ двухъ миляхъ, послѣдній литовскій городъ. Такъ какъ мы горѣли нетерпѣніемъ доѣхать до Польши, а городъ Россеошъ (Rossessa), находившійся уже въ Польшѣ, былъ только въ полу-мили, то и было рѣшено въ этотъ же еще вечеръ благополучно въѣхать въ него и въ Польшу.

XXII.

Обратный путь черезъ Польшу въ Чехію.

Добравшись до предѣловъ Польши, мы нетерпѣливо желали увидать друзей и знакомыхъ. Чтобы ускорить путь, мы черезъ деревни—Ромачки (Romaskow), Вроницу (Wronice), Брчовыкантъ (Brzesso-

viczkant), городъ Рудно, гор. Парчевъ (Parcov), обнесенный деревянными стѣнами (гдѣ мы, сдѣлавъ 5 миль, обѣдали), прибыли въ гор. Островъ 30 сентября. Вечеромъ къ намъ пріѣхала княгиня со своей дворней, поздравляя и радостно обнимая князя. Мы, сочлены свиты, тоже обнимали другъ друга и двинулись далѣе черезъ дер. Пелеховицы (Pelechovice), Жайпсицы (Zaipsice), гдѣ переправа черезъ р. Вепрь. Въ полумили отсюда мы опять переѣхали рѣку—Быстрицу по опасному мосту (какихъ тамъ находится довольно много, грозившихъ гибелью и себѣ и намъ); въ 3 миляхъ оттуда обѣдали въ замкѣ Збичинѣ (in Zbiczin arce). Мнѣ это памятно потому, что случилась пятница, когда поляки ѣдятъ пищу съ льнянымъ, весьма для меня противнымъ масломъ; съ пріѣздомъ же княгини, кушавшей пищу всегда съ коровьимъ масломъ, я сдѣлался единственнымъ участникомъ въ ея превосходно изготовляемой трапезѣ—сталъ ѣсть отъ нея остатки, чего прежде не было. Тронувшись послѣ обѣда далѣе, мы черезъ дер. Длугу (Dluga) достигли замка Якубовицы 1 октября и при поздравленіи и привѣтствіи встрѣтившихъ насъ положили желанный конецъ трудному путешествію въ 202 мили.

Дома мы пробыли нѣсколько дней, чтобы отдохнуть, а затѣмъ отправились съ княземъ къ польскому королю. 6 октября черезъ г. Люблинъ и селенія Абрамовицы (Abrahamovicae), Криницу (Kzrinica), Хмельню (Chmelna), Коневъ (Konov) мы проѣхали 4 мили и въ селеніи Krztieniov ночевали. На слѣдующій день проѣхали Волю Собѣскую (Vola Sobieczka), наслѣдственное помѣстье Собѣскихъ, и, сдѣлавъ двѣ мили, обѣдали въ дер. Жолковѣ (Ziulkew), нынѣ по милости короля мало-по-малу превращающейся въ городъ; въ трехъ миляхъ отсюда ночевали 7 октября въ Шебречинѣ (Schebrzeczin), городѣ довольно большомъ и хорошемъ, но слишкомъ ужъ населенномъ жидами. Здѣсь къ князю съ княгиней подошелъ слѣпой жидъ, игравшій на скрипкѣ, попросилъ милостыню и сказалъ намъ, что въ городѣ чума. Мы немедленно оттуда уѣхали за три мили въ Красный Бродъ (Krasni brud). Прежде это былъ городъ, а теперь съ виду плохое селеніе; за городомъ въ серединѣ лѣса построена церковь, извѣстная прославившейся чудесами иконой блаженной Дѣвы-Богородицы, къ коей прибѣгаютъ за помощью одержимые злымъ духомъ.

Выѣхавъ изъ Краснаго Брода, мы сдѣлали двѣ мили тоже по песку и обѣдали въ Томашевѣ (Tomaszov) 8 октября у корчмаря жида, котораго дочь-дѣвица на нѣмецкомъ языкѣ мнѣ объявила секретно, что будь лишь она увѣрена въ томъ, что выйдетъ замужъ, она собрала бы свои пожитки и, ради безустаннаго призыванія Бо-

гомъ, приняла бы католическую вѣру, въ чемъ я ее удовлетворить не могъ. Опять мы проѣхали церковь, славную чудотворнымъ образомъ блаженной Дѣвы, затѣмъ деревни—Лочтовку (Lacztovka), Любечку (Lubeczka) и обѣдали въ замкѣ Гребинѣ (in Hribiena arce), расположенномъ на горѣ. Проѣхавъ шесть миль, мы прибыли въ г. Немировъ (Niemirov), населенный чистыми жидами да схизматиками; здѣсь ночевали 9 октября. Отстоящая въ 2 миляхъ отсюда деревня Ячовъ старый (Jaczov stary) дала случай князю съ княгиней и всей свитѣ принарядиться, чтобы приличнымъ образомъ явиться съ привѣтствіемъ къ королю, который былъ только въ одной милѣ. Разодѣвшись какъ можно лучше, всѣ мы двинулись къ лежавшей въ одной милѣ королевской резиденціи г. Яворову; постройки въ немъ всѣ деревянныя, но очень красивыя. Посолъ съ супругой скоро представился королевскому величеству и сдѣлалъ докладъ о своемъ посольствѣ. Подивившись, что такъ быстро сдѣланъ былъ обратный путь, именно въ 5 недѣль, король удостоилъ князя за успѣшно исполненную миссію большой чести и, чтобы лучше изъявить свою милость, съ согласія рѣчи посполитой назначилъ его старостой велижскимъ.

Мы сопровождали потомъ 19 октября короля съ королевой въ Писачковицы (Pisaczkovice), тоже замокъ и королевскую резиденцію, каменную, гдѣ король остался, а князь, простившись съ нимъ, вернулся съ нами въ Люблинъ.

При отъѣздѣ въ Московію князь далъ обѣтъ блаж. Дѣвѣ ченстоховской; чтобы его исполнить, онъ немедля отправился въ путь, и мы прибыли въ Ченстохово 2 ноября. Тутъ всякій по своему усердію воздаетъ должное почтеніе образу блаж. Дѣвы, писанному св. Лукой; князь же въ благодарность за благополучное возвращеніе изъ Московіи пожертвовалъ еще золотую цѣпь во 100 золотыхъ.

Мы пробыли тамъ 2 и 3 ноября. Въ пятницу 4-го послѣ обѣда, поручая себя заступничеству блаж. Дѣвы, уѣхали и тою же дорогой благополучно прибыли въ Слупы (Slupi) 11-го ноября.

Слупы—прекрасный замокъ на горѣ, открытый вѣтрамъ. Въ омывающей его быстрой рѣкѣ Вислѣ ловится крупная рыба, называемая попольски Jessoter (осетръ); благодаря удачной тонѣ поймано было ихъ для князя 370 — случай удивительный и неслыханный; казалось, блаж. Дѣва пожелала вознаградить князя за благочестивую щедрость и золотую цѣпь этой милостью, потому что любая изъ рыбъ стоила по меньшей мѣрѣ золотой. Отсюда отправились мы въ Люблинъ, а за тѣмъ 21 ноября въ Сѣдлецъ и отдыхали тутъ до 12-го декабря, когда князь уѣзжалъ навѣстить больнаго родителя княгини Ѳому Оленскаго,

каштеляна закрочимскаго, славнаго героя, прозваннаго грозою казаковъ. У героя была сабля, которую онъ называлъ саблей опалинской, когда-то отнятая польскимъ шляхтичемъ Опалинскимъ у враговъ; герой разрубалъ ею по желанію 5 положенныхъ другъ на друга червонцевъ. Онъ подарилъ ее сыну моего князя Казиміру и, простившись со всѣми, мирно опочилъ въ Господѣ 17-го декабря. Тѣло его вынесли въ церковь, чтобы затѣмъ публично и пристойно предать погребенію.

На слѣдующій день 18 декабря мы тронулись въ путь и, проѣхавъ 31 милю, прибыли въ г. Гродну, которая для сейма видимо была князьями и сенаторами много поправлена, возобновлена и увеличена. Съ большой предосторожностью пришлось намъ переправляться черезъ быструю рѣку Нѣманъ въ опасномъ мѣстѣ, гдѣ незадолго до насъ разбилось судно съ 50 лицами и нѣсколькими лошадьми и было причиной гибели какой-то дамы съ двумя дочерьми и др.; прочіе съ посторонней помощью спаслись.

Король былъ очень доволенъ, что князь пріѣхалъ во́-время, потому что при немъ было небольшое число воеводъ и сенаторовъ; за рождественскіе праздники свита его состояла изъ немногихъ магнатовъ. Между вельможами я замѣтилъ здѣсь большое соревнованіе изъза мѣстъ и почести: иные воеводы нарочно не являлись подольше, чтобы навстрѣчу имъ выѣхало побольше знати и тѣмъ увеличило блескъ ихъ въѣзда, что и было единственной причиной отсрочки сейма. Съ наступленіемъ новаго 1679-го года и съ умноженіемъ числа сенаторовъ сеймъ между тѣмъ открылся, и я былъ на немъ нѣсколько разъ: король, сидя подъ такъ называемымъ балдахиномъ на королевскомъ тронѣ, разсѣвалъ кругомъ себя лучи величія; воеводы сидѣли по сторонамъ, за ними стояли каштеляны и старосты, а затѣмъ прочая шляхта и народъ заключали собраніе. Я однако ни разу не могъ ничего понять отъ большого крика и протестовъ, ропота и проклятій. Припоминалось выраженіе одного итальянца, довольно часто повторяемое въ Польшѣ: „здѣсь совершается одно изъ семи чудесъ на свѣтѣ: вопятъ и бранятся точно пьяные, а всетаки наконецъ рѣшаютъ!“

Было тогда немало и пословъ отъ королей и князей, напр. отъ римскаго императора сіятельный графъ фонъ-Альтгеймъ, въ свитѣ котораго я уѣхалъ на родину. Три раза случалось, что сенаторы съ протестами уходили и дѣлали попытку сорвать сеймъ, но тайно подкупленные, возвращались снова. Про это узнали другіе, менѣе значительные члены; надѣясь тоже заработать деньги, они прибѣгали къ разнаго рода протестамъ, такъ что сеймъ оттого и затянулся до Пасхи.

Получивъ въ великомъ посту отъ князя, тоже при милостивомъ содѣйствіи княгини, новое прекрасное платье, я рѣшился отказаться отъ мѣста, найдя случай съ люблинскимъ воеводой уѣхать въ Варшаву. Я попросилъ увольненія и съ трудомъ его получилъ. Перейдя къ помянутому воеводѣ, я 17-го марта 1769 года уѣхалъ съ его дворней на саняхъ, а самъ воевода, которому нужно было еще присутствовать при рѣшеніи по извѣстному какому-то дѣлу, догналъ насъ на третій день; мы поджидали его въ Соколкѣ (Sokolka).

У него мнѣ нравилось меньше, чѣмъ у прежняго князя; правда, все, что относилось къ внѣшнему блеску дома, было великолѣпно, зато въ домѣ приходилось жить впроголодь. У здѣшнихъ магнатовъ дѣло обычное—изъ кожи лѣзть тамъ, гдѣ можно похвастать лошадьми, коврами, домашнимъ убранствомъ, а челядниковъ содержать очень скаредно. Въ эту поѣздку побывали мы въ Радванѣ (Radvan), поселкѣ шляхтичей-земледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю для самихъ себя. Тамъ не считается зазорнымъ шляхтичу (говорю о шляхтичахъ низшаго разбора) пахать, возить дрова въ городъ и исполнять всякія сельскія работы. По саблѣ, привѣшенной на бедрѣ, онъ отличается отъ мужика и имѣетъ притязаніе на титулъ шляхтича и wasseczy: не забывай этого даже тогда, когда онъ продаетъ дрова на рынкѣ! Стало теплѣй, санный путь испортился; мы 24-го марта пріѣхали въ Варшаву уже на колесахъ, сдѣлавъ 41 милю. Послѣ Пасхи сіятельный графъ, посолъ цезарскій, прибылъ сюда изъ Гродны и, оставивъ свиту, на почтовыхъ отправился впередъ одинъ въ Вѣну.

Не желая упустить случая вернуться домой и продолжая начатое въ Гроднѣ знакомство съ его свитой, я вопреки желанію воеводши (недавно вернувшись изъ Праги, моей родины, она нѣсколько ознамилась со мной, цѣнила меня за разныя оказанныя ей мною услуги и однакожъ не давала жалованья болѣе 100 польскихъ или 30 нашихъ флориновъ въ годъ, обѣщая прибавить и наконецъ грозя употребить даже силу) присоединился съ пожитками къ свитѣ посла, чтобы дождаться здѣсь времени отъѣзда, потому что уваженіе къ цесарскому послу поохладило ея злобу. Я въ это время гулялъ по Варшавѣ, сильно и на мой взглядъ опустошенной чумою, а 22-го апрѣля, въ послѣдній разъ отобѣдавъ въ Варшавѣ, мы выѣхали и въ Ченстохово прибыли (я уже въ третій разъ) 26-го того же мѣсяца, сдѣлавъ 31 милю.

Въ Тарновицахъ въ Силезіи мнѣ пришлось искать другихъ попутчиковъ, потому что посолъ направлялся въ Вѣну. До Ниссы 17 миль я ѣхалъ съ нѣкіимъ возницей; изъ Ниссы съ нимъ же до его дома, который былъ только въ 3 миляхъ отъ Глаговы; оттуда въ Гла-

гову, а потомъ безъ остановки (представился случай) я уѣхалъ въ Прагу. Въ Прагу, начало и конецъ моихъ странствованій, прибылъ я 8-го мая 1679 года, сильно поистощивъ свой кошелекъ, но сохранивъ здоровье.

Итакъ съ 11-го февраля 1678 года до 8-го мая 1679 года я сдѣлалъ 714 миль, а за всѣ три года съ тѣхъ поръ, какъ отправился я въ Польшу, я изъѣздилъ 1107 миль.

Богу всеблагому, великому—хвала и слава; блаженной Богородицѣ и покровительницѣ Чехіи—честь и благодареніе во вѣки.

XXIII.

Прибавленіе.

О недавнемъ бунтѣ въ Москвѣ.

Мнѣ хотѣлось, вмѣсто сюрприза, прибавить благосклонному читателю новости изъ Москвы отъ 30-го мая 1682 года; такъ какъ онѣ служатъ важнымъ указаніемъ на переворотъ, то я и рѣшилъ лучше напечатать ихъ съ своими замѣчаніями, потому что очень многихъ царедворцевъ, называемыхъ здѣсь по имени, я зналъ и видѣлъ лично.

Извѣстія изъ Москвы отъ 30 мая 1682 г.

12-го апрѣля умеръ великій князь и царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, не смотря на свои цвѣтущіе годы. Въ преемники ему, благодаря многочисленнымъ приверженцамъ своей матери, избранъ былъ младшій его братъ отъ втораго брака, проживавшій тогда въ изгнаніи, и провозглашенъ великимъ княземъ и царемъ московскимъ. Когда узналъ о томъ народъ и войско, то собралась толпа солдатъ въ 10,000, взбунтовалась и въ ярости произвела великое избіеніе вельможъ 15-го, 16-го и 17-го апрѣля. Перебиты были достойнымъ сожалѣнія образомъ не только родственники новоизбраннаго царя, но и князья, генералы, царедворцы и иные вельможи великаго княжества московскаго. Сверхъ того, когда возмущеніе охватило всѣ части города, народъ, дабы послѣднее это избраніе царя не осталось въ силѣ, провозгласилъ царемъ и старшаго брата Pectorem (т. е. Ивана) Алексѣевича, при первомъ избраніи обойденнаго вельможами за неспособность, и потому нынѣ въ одномъ дворцѣ пребываютъ два царя. Долго ли продлится этотъ раздоръ, покажетъ время.

Перечень умерщвленыхъ бояръ.

Шесть главныхъ бояръ и князей царства

первый—князь Юрій Алексѣевичъ (Georgius Alexides)

второй—князь Михаилъ Юрьичъ Долгорукій (Michael Gurgides Dolgoruki).

третій—князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій.

четвертый—Иванъ Максимовичъ Языковъ.

пятый—Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

шестой—Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Два думныхъ дьяка (duo officiales) Ларивонъ Ивановъ (Carion Ioannides) и Аверкій Степановъ (Overke Stephanides).

Нѣсколько царедворцевъ, а именно:

Ѳедоръ Петровъ Салтыковъ (Ferdenpetrov Saltitlow) и Василій Филимоновъ Нарышкинъ (Basilius Wilimonov Nariski).

Аѳонасій Кириловъ Нарышкинъ (Offonavius Kirilov Nariski).

Михайло Даниловъ фонъ Гаденъ (Michael Danilov de Galden) и Василій Каріонъ (Basilius Carion).

Два полковника: Андрей Семеновъ Дохтуровъ (Andreas Semenov Doctorides) и Конрадъ Гарлиски (Conradus Garliski).

Два врача: Даніилъ фонъ Гаденъ (Daniel de Galden) и Иванъ Гутменшъ (Ioannes Devstzomo) и съ ними до 40 или 50 ч. простаго люда.

Кирило Полуэхтовичъ и Кирило Монастырь (Kirilo Pelujuchtides et Kirilo Monastir) съ сыномъ да сынъ Артемона спаслись, переодѣвшись монахами.

Извѣстія эти только упоминаютъ о нихъ, не говоря ничего объ ихъ должностяхъ, значеніи и дѣяніяхъ; я потому и счелъ нужнымъ сообщить, что знаю объ общественномъ положеніи каждаго.

Нѣсколько времени тому назадъ царствовалъ Алексѣй Михайловичъ; изо всѣхъ своихъ вельможъ особенно любилъ онъ преданнаго ему боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева (Matscoff), который, отличаясь не только родовитостью, но и высокимъ умомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Второй за нимъ — Михайло Юрьевичъ Долгорукій (Michalo Kurgewicz Dolgoruki). Этотъ при царѣ Михаилѣ, отцѣ Алексѣя, служилъ въ молодыхъ лѣтахъ стрѣльцомъ, порусски „караульщикомъ“ (krahulczik). Княжескій санъ получилъ онъ вотъ за что. Былъ онъ корыстолюбивъ; увѣренный въ томъ, что у царя золота больше, чѣмъ у кого другаго, онъ, стоя во дворцѣ на стражѣ, разузналъ, гдѣ спитъ царь, продѣлалъ ночью въ полу дыру внизъ и утащилъ ящичекъ, наполненный золотомъ, какъ разъ въ то время, когда

царю снилось о кражѣ. Воръ задѣлалъ за собою дыру, а ящичекъ зарылъ. Царь проснулся и велѣлъ подать ящичекъ; его не оказалось.

На слѣдующую ночь царь велѣлъ двумъ младшимъ царедворцамъ караулить. Ненасытный Долгорукій опять пролѣзъ въ дыру — и увидѣлъ караулившихъ. Онъ сталъ подслушивать, какъ они шептались другъ съ другомъ, и узналъ, что они сговариваются отравить царя и рѣшили на томъ, чтобы одинъ изъ нихъ зазвалъ царя къ себѣ на пиръ и окормилъ отравой. Подслушавъ это, воръ ушелъ. На слѣдующій день онъ сталъ хлопотать, какъ бы дойти до царя, не хотѣлъ никому объявлять свою тайну и благодаря назойливости былъ-таки допущенъ къ царю и объявилъ ему наединѣ про все — про то, что онъ укралъ ящикъ, и про то, что двое караулившихъ царедворцевъ сговорились его отравить. Царь разгнѣвался, но скрылъ все. Прошло двѣ недѣли; вдругъ одинъ изъ заговорщиковъ зоветъ царя на пиръ и начинаетъ угощать отравленной пищей. Стоявшій за царемъ караульщикъ (krahulczik) замѣтилъ это и притронулся къ царю въ знакъ того, чтобы онъ не бралъ. Что же царь? Взялъ порядочный кусокъ и бросилъ собакѣ. Та, проглотивъ отраву, въ мукахъ издохла передъ царемъ. Царь велѣлъ задержать заговорщика и спросилъ у вора-караульщика: кто—другой заговорщикъ? Тотъ сейчасъ же указалъ пальцемъ. Оба были схвачены и по тамошнему обыкновенію забиты до смерти батожьемъ; вся семья подверглась опалѣ, а „караульщика“ царь сдѣлалъ княземъ и пожаловалъ ему имѣнія обоихъ заговорщиковъ. Воръ получилъ свое прозвище именно оттого, что, задумавъ кражу, проникъ во внутренній покой царя.

Царь Алексѣй имѣлъ отъ первой жены двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ очень убогъ и жилъ постоянно въ монастырѣ, а второй—Ѳеодоръ Алексѣевичъ. По смерти первой жены царь женился на другой, имѣлъ отъ нея сына и умеръ, оставивъ троихъ наслѣдниковъ.

Самый старшій по убожеству не могъ наслѣдовать престолъ; наслѣдовалъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, хотя при избраніи и было немало споровъ между вельможами.

Вышеупомянутый Артемонъ, самый умный изъ нихъ, при помощи многихъ приверженцевъ хотѣлъ было младшаго возвести на престолъ: по ихъ мнѣнію, онъ былъ умнѣе брата своего Ѳеодора. Долгорукій съ приверженцами стоялъ за старѣйшаго—средняго брата Ѳеодора; долго они спорили, въ спорахъ принялъ участіе народъ и рѣшилъ—быть царемъ Ѳеодору.

Царь этотъ, питая недоброжелательство къ Артемону, отнялъ у него имущество, для вывоза коего, говорятъ, едва хватило 14 дней, и отправилъ его за 200 почти миль въ ссылку, родныхъ его подвергнулъ опалѣ и назначилъ ему на содержаніе не больше трехъ копѣекъ (5 копѣекъ равны нашимъ 9 крейцерамъ) въ сутки. Младшій же братъ царя во избѣжаніе непріятностей удалился въ свое дальнее помѣстье и жилъ тамъ, какъ частное лицо. Долгорукій при этомъ царѣ первенствовалъ и пользовался такимъ уваженіемъ, какимъ Артемонъ при его отцѣ. Онъ только одинъ и имѣлъ право, какъ замѣтили мы въ бытность нашего посольства въ Москвѣ, ѣздить четверней; на всѣхъ засѣданіяхъ въ лучшей и самой дорогой одеждѣ онъ всякій разъ бывалъ посредникомъ между послами и царемъ.[38]) Былъ онъ ростомъ низокъ, дороденъ; когда шелъ, то весь трясся, точно всѣ части его тѣла шевелились.

Итакъ нынѣ по смерти царя Ѳеодора (его, говорятъ, отравили) вернулся младшій братъ съ Артемономъ и прочими приверженцами. Почему бы и имъ не попробовать излить такую же злобу на своихъ недруговъ, какую изливали когда-то на нихъ тѣ? Только имъ это не удалось: неукротимая чернь узнала, что по сильной ненависти артемоновыхъ сторонниковъ царя Ѳеодора, который пользовался большой любовью и уваженіемъ, извели, и, провѣдавъ, что при помощи своихъ друзей избранъ младшій, пришла въ ярость, подстрекаемая, безъ сомнѣнія, приверженцами покойнаго царя Ѳеодора, и перебила съ виновными и невиновныхъ.

Хотя и видѣли необходимость избрать въ цари самаго младшаго, но въ угожденіе народу не обошли избраніемъ и его убогаго брата; вотъ почему теперь у нихъ два царя—одинъ отъ народа, другой отъ знати.

Помнится, я зналъ кое-кого изъ убитыхъ, потому что часто бывалъ на засѣданіяхъ. Первый — князь Юрій Алексѣевичъ (Jurgen Alexieviecz) не имѣлъ никакой должности, но по родству съ царемъ занималъ первое мѣсто, хотя уже и былъ дряхлый старикъ; о второмъ—князѣ Михайлѣ Юрьевичѣ Долгорукомъ я уже говорилъ. Третій—князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, въ бытность нашего посольства въ Москвѣ въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ 1678 года, начальствовалъ войскомъ противъ турокъ подъ Чигириномъ, одержалъ

---

[38]) Повидимому, Таннеръ смѣшиваетъ Долгорукого съ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ.

славную побѣду, отнялъ станъ у турокъ, забралъ обозъ, множество плѣнныхъ съ однимъ пашею Ханомъ (cum uno Bassa Hann). Разсказывали, что въ этомъ бою легло съ обѣихъ сторонъ до 100,000. Собравшись опять съ силами, турки, не замѣченные воеводой, напали на Чигиринъ и имъ овладѣли. Видя, что прилежащую къ городу крѣпость не удержать, Ромодановскій понадѣлалъ въ ней подкоповъ, приготовилъ къ взрыву и вышелъ съ гарнизономъ изъ крѣпости. Турки напали на нее и вошли. Когда ихъ уже много было въ крѣпости, воевода поджегъ подкопы и, какъ хвалились москвитяне, похоронилъ такимъ образомъ множество турокъ. Ослабленные турки со стыдомъ удалились и прекратили войну. Услыхавъ, что Чигиринъ взятъ, царь было встревожился и сильно прогнѣвался на главнаго воеводу; а когда узнали о его военной хитрости, онъ, по возвращеніи въ Москву съ плѣнными турками, былъ встрѣченъ съ восторгомъ и богато награжденъ царемъ.

Четвертый—Иванъ Максимовичъ Языковъ былъ приставомъ моего князя Черторыйскаго, польскаго посла; онъ одинъ осмѣливался говорить съ княземъ. Пятый —Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; кто онъ былъ и насколько важный человѣкъ, я разсказалъ выше. Шестой—Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ (Narisken) былъ главный конюшій; когда посольству нашему приходилось быть на засѣданіи, онъ пріѣзжалъ за послами каждый разъ все въ разныхъ экипажахъ, предшествуемый нѣсколькими парами челядниковъ, и ѣздилъ верхомъ впереди кареты. Седьмой—думный дьякъ (Demnoi diak) Михайло Ивановъ Strabezi былъ приставомъ посла великаго княжества литовскаго. Восьмой — Wilimow Wasilevicz Narjkivicz (Василій Филимоновичъ Нарышкинъ?) дьякъ былъ приставомъ секретаря посольства. Прочихъ, кои упоминаются въ письмѣ, не помнится, чтобы я зналъ, хотя несомнѣнно видалъ и ихъ и многихъ другихъ; трудно только было разузнать имена столь многихъ людей [39]).

[39]) О поименованныхъ здѣсь людяхъ Таннеръ, очевидно, пишетъ наобумъ: приставомъ у Черторыйскаго былъ князь Ѳедоръ Львовъ Волконскій, у Сапѣги—Никиф. Ефимьевъ, у секретаря посольства—дьякъ Семенъ Протопоповъ. Нарышкины не занимали должностей при царѣ Ѳеодорѣ.

Приложенія.

I.

Записка стольника князь-Бориса Мышецкаго и дьяка Протопопова о встрѣчѣ посольской и о разговорѣхъ.

къ стр. 44—48.

1678 г. мая 7-го по указу в. государя стольникъ князь Борисъ Ефимьевъ сынъ Мышецкій да дьякъ Семенъ Протопоповъ встрѣтили кор. величества польскаго вел. и полномочныхъ пословъ, князя Мих. Черторыйскаго и проч. за Тверскими вороты, за Земляным городомъ, отъѣхавъ отъ Гонной слободы съ перестрѣлъ. А какъ вел. и полном. послы стали приходить ко встрѣчному мѣсту, и стольн. князь Борисъ и дьякъ Семенъ послали отъ себя къ вел. посломъ изъ ѣздоковъ Помѣстнаго приказу подьячаго Ѳ. Васильева и велѣли ему вел. посломъ объявить, что по указу вел. государя велѣно ихъ встрѣтить и съ ними, великими послы, вмѣстѣ въ царствующій вел. градъ Москву ѣхать и на подворье ихъ проводить приставомъ, и вел. государя, е. ц. величества, есть до нихъ, пословъ, рѣчь и чтобы они, послы, у встрѣчнаго мѣста изъ каретъ своихъ вышли и тое ц. величества рѣчь отъ приставовъ выслушали. И какъ вел. послы пришли ко встрѣчному мѣсту и остановились, и стольникъ князь Борисъ и дьякъ Семенъ съ лошадей ссѣли и великіе послы изъ каретъ своихъ вышли. И стольникъ съ дьякомъ рѣчь говорили и е. ц. величества карету объявили, въ чемъ имъ ѣхать на подворье, по наказу. И вел. послы рѣчь выслушали, снявъ шапки, и на е. ц. величества милостивомъ жалованьѣ, что изволилъ ихъ, вел. пословъ, указать имъ встрѣтить, и на высланной къ нимъ е. ц. в—ства каретѣ били челомъ съ великою учтивостью. А выслушавъ ц. в—ства рѣчь, вел. послы и стол. кн. Борисъ и стряпчій Ник. Ефимьевъ, который съ послы ѣхалъ въ дорогѣ, и дьякъ Семенъ сѣли вел. государя въ карету и отъ встрѣчнаго мѣста ѣхали въ городъ и до Посольскаго двора въ каретѣ.

А въ каретѣ сидѣли великіе послы въ большихъ мѣстѣхъ стольника и стряпчаго и дьяка по правую сторону. Вел. государя передъ

каретою ѣхали комнатные ближніе люди съ королевскими дворяны, а напередъ шла стольничья выборная сотня. А какъ у встрѣчнаго мѣста обходила в. г—ря карету, въ которой сидѣли послы, выборная стольничья сотня, и ближніе комнатные люди передъ каретою съ королевскими дворяны поѣхали, и вел. послы про ближнихъ комнатныхъ людей и про стольничью отборную сотню спрашивали про всякого *имянно* и богатству въ платьѣ и конскимъ нарядомъ удивлялись и лошадей, которыя подъ ними, хвалили зѣло.

А какъ ѣхали вел. послы Земляным, Бѣлымъ и Китаемъ городами, и величеству государства и *многонародству* удивлялись вельми жъ и говорили: подобно де ц. величества московскому государству пространствомъ и многолюдствомъ французское государство, въ которомъ де можно собрать въ непріятельское нечаемое нахожденіе съ 100 тысячъ человѣкъ въ скоромъ времени на отпоръ непріятеля. Да они жъ, вел. послы, говорили: окрестные де христіанскіе монархи, которые въ войнѣ пребываютъ, нынѣ въ миръ приходятъ, и назначенъ де въ Нѣмецкой землѣ городъ, гдѣ всѣхъ христіанскихъ государей послы нынѣшняго лѣта въ съѣздѣ будутъ и государей своихъ отъ войнъ къ покою приводить станутъ, на которое де посольство и отъ ихъ кор. величества посолъ назначенъ, и желаютъ де того, чтобы и у ц. величества съ е. кор. величествомъ вѣчный покой утвердился. А какъ вел. послы пришли на Красную площадь, и конюшеннаго чину сотни, у которыхъ были крылья и въ рукахъ копья и щиты, хвалили и тому строю зѣло удивлялись, а говорили, что въ прежнихъ де лѣтѣхъ и въ Польшѣ такой строй бывалъ—кавалерія ѣзживала съ крыльемъ, и тотъ де строй къ ратному уряду способенъ.

II.

Описаніе Москвы въ сочиненіяхъ иностранцевъ [1]).

Къ стр. 57—71.

1. *Іосафатъ Барбаро* (*1437—1453*).

За Коломною, въ разстояніи трехъ дней пути, течетъ значительная рѣка Москва, на которой стоитъ городъ того же имени, гдѣ имѣ-

[1]) Изъ описаній Москвы, сдѣланныхъ иностранцами до Таннера, здѣсь приведены не всѣ. Многіе изъ описывавшихъ Москву только повторяли своихъ предшественниковъ (напр. Нейгебауеръ—Герберштейна, донъ Хуанъ Персидскій—Герберштейна и Поссевина, Климентъ Адамсъ и Мильтонъ—Ченслера), не прибавляя ничего новаго. Такія описанія приводить было бы, конечно, излишне.

етъ жительство... Іоаннъ, великій князь россійскій. На этой рѣкѣ, протекающей внутри самаго города, построено нѣсколько мостовъ. Замокъ расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами. Изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ такъ здѣсь велико, что говядину продаютъ не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) вы можете получить 4 фунта мяса; 70 куриць стоятъ червонецъ, а гусь не болѣе трехъ марокъ. Стужа здѣсь такъ сильна, что самыя даже рѣки замерзаютъ отъ оной. Зимою привозятъ въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно купить до 200 штукъ; но рѣзать ихъ нельзя, не разогрѣвъ прежде въ печи, ибо они тверды, какъ камень. Зато плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшого количества яблоковъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ. Семеновъ, Библ. иностр. писателей о Россіи, стр. 58.

2. *Амвросій Контарини (1476).*

...Городъ Москва расположенъ на небольшомъ холмѣ, и всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, деревянныя. Посреди протекаетъ рѣка, называемая также Москвою и раздѣляющая его на двѣ половины, изъ коихъ въ одной находится крѣпость. Для переѣзда черезъ эту рѣку въ городѣ построено нѣсколько мостовъ... Москва окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россіи, и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ. Жизненные припасы въ ней такъ дешевы, что во время моего пребыванія 10 нашихъ старъ пшеницы стоили червонецъ (въ этой пропорціи продавался и прочій хлѣбъ), а фунтъ мяса одинъ сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ также червонецъ, а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ. Зайцевъ тамъ очень много, но другой дичины не видно, вѣроятно, потому, что москвитяне не умѣютъ ловить ее. Птицъ всякаго рода привозятъ также во множествѣ и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Москвитяне не дѣлаютъ у себя виноградnаго вина, и вообще у нихъ нѣтъ никакихъ плодовъ, кромѣ огурцовъ, орѣховъ и дикихъ яблокъ. Страна ихъ весьма холодна, такъ что жители въ продолженіе девяти мѣсяцевъ должны топить въ домахъ печи. Впрочемъ этимъ временемъ года пользуются они для заготовленія запасовъ своихъ на лѣто, ибо въ морозы на русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весьма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ по причинѣ тающаго льда и большихъ лѣсовъ дорога отъ грязи почти вовсе непроходима. Въ концѣ октября рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается крѣпкимъ льдомъ, на которомъ купцы ставятъ лавки свои съ разными товарами и, устроивъ такимъ образомъ цѣлый рынокъ, прекращаютъ почти со-

всѣмъ торговлю свою въ городѣ. Они полагаютъ, что это мѣсто, будучи съ обѣихъ сторонъ защищено строеніями, менѣе подвержено вліянію стужи и вѣтра. На таковой рынокъ ежедневно, въ продолженіе всей зимы, привозятъ хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно и прочіе нужные припасы; въ концѣ же ноября всѣ окрестные жители убиваютъ своихъ коровъ и свиней и вывозятъ ихъ въ городъ на продажу. Любо смотрѣть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на заднихъ ногахъ. Такимъ образомъ русскіе употребляютъ въ пищу свою животныхъ, убитыхъ за 3 мѣсяца и болѣе. Тоже самое дѣлаютъ они съ рыбою, птицей и всякаго рода живностью. На рѣкѣ бываютъ также конскія ристанія и другія увеселенія, но нерѣдко участвующіе въ сихъ игрищахъ ломаютъ себѣ шеи. Москвитяне, какъ мужчины, такъ и женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Они имѣютъ своего папу (papa), поставляемаго по ихъ обычаю великимъ княземъ; нашего же первосвященника не ставятъ ни во что и всѣхъ насъ почитаютъ погибшими людьми. Главнѣйшій ихъ недостатокъ есть пьянство, которымъ они впрочемъ хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру. Вина у нихъ совсѣмъ нѣтъ, но вмѣсто него они употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меду съ хмелемъ. Напитокъ этотъ очень недуренъ, въ особенности когда онъ старъ. Впрочемъ великій князь не всѣмъ позволяетъ варить его; ибо въ противномъ случаѣ они бы напивались каждый день до-пьяна и дрались безпрестанно между собою, какъ животныя. Образъ жизни ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: утро до полудня проводятъ они на рынкѣ, а потомъ отправляются въ харчевню ѣсть и пить, такъ что вечеромъ никакой уже услуги ожидать отъ нихъ нельзя. Въ Москву во время зимы съѣзжается множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, какъ-то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей. Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ а гораздо далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ, но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Семеновъ, Библ. иностр. писателей о Россіи, стр. 108—111.

3. *Герберштейнъ* (*1517—1526*).

...Столица Россіи, самая страна и протекающая по ней рѣка имѣютъ одно названіе и зовутся въ просторѣчіи Москвой. Что дало имя прочимъ—неизвѣстно. Вѣроятно однакожъ, что страна и столица получили имя отъ рѣки... Самый городъ—деревянный; съ виду онъ значительнѣе, чѣмъ на дѣлѣ: большіе сады и дворы при каждомъ домѣ придаютъ ему обширность, а строенія кузнецовъ и прочихъ работаю-

щихъ огнемъ ремесленниковъ, длиннымъ рядомъ вытянувшіяся по краю города, между коими луга и поля, увеличиваютъ его еще больше. Невдалекѣ отъ города виднѣются какіе-то домишки, а за рѣкой—слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ князь Василій выстроилъ своимъ тѣлохранителямъ новый городъ Нали (что на ихъ языкѣ значитъ—налей) въ виду того, что русскимъ, за исключеніемъ немногихъ дней въ году, запрещено великимъ княземъ пить медъ и пиво, а имъ однимъ дозволено; во избѣжаніе соблазна они и были удалены отъ совмѣстнаго жительства съ прочими. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, изъ коихъ каждый даже порознь, если смотрѣть издали, кажется городомъ. Городъ, благодаря своей обширности, не огражденъ въ достаточной степени стѣнами, рвомъ или укрѣпленіями; улицы однакожъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перегораживаются бревнами, и при наступленіи ночи по нимъ ставятся караулы, такъ что ночью, послѣ опредѣленнаго часа, по нимъ нѣтъ прохода, а если случится караульнымъ захватить кого послѣ него, тѣхъ либо бьютъ и обираютъ, либо сажаютъ въ тюрьму, если только это не извѣстные и почтенные люди; этихъ караульные обыкновенно провожаютъ по домамъ. Такіе караулы ставятся тамъ, гдѣ доступъ въ городъ совершенно открытъ; ибо съ прочихъ сторонъ городъ омываетъ Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза, а черезъ Яузу, благодаря крутизнѣ береговъ, рѣдко гдѣ можно перейти въ бродъ. На ней выстроено очень много мельницъ на общую пользу города. Этими-то рѣками городъ, повидимому, нѣсколько защищенъ. Кромѣ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ и монастырей, онъ весь—деревянный. Число строеній въ немъ называли едва вѣроятное; говорили, что за 6 лѣтъ до нашего пріѣзда, по повелѣнію князя, были переписаны дома, и ихъ оказалось будто бы больше 41,500. Этотъ столь обширный городъ очень грязенъ, почему по площадямъ, улицамъ и инымъ мѣстамъ повиднѣе всюду и настланы гати. Въ немъ есть замокъ изъ обожженнаго кирпича, омываемый съ одной стороны Москвой, а съ другой—р. Неглинной. Неглинная вытекаетъ изъ болотъ и передъ городомъ вокругъ возвышенной части замка запружена; вода ея наполняетъ рвы замка, на коихъ—мельницы; подъ самымъ замкомъ, какъ я сказалъ, она впадаетъ въ Москву. Замокъ по величинѣ таковъ, что, помимо обширнаго и великолѣпно выстроеннаго изъ камня княжескаго дворца, въ немъ имѣютъ большіе деревянные дома митрополитъ, братья князя, бояре и весьма многіе другіе. Притомъ же въ немъ столько церквей, что по величинѣ онъ кажется тоже почти городомъ. Замокъ обнесенъ былъ въ началѣ только бревенчатой оградой и до времени Даніилова сына,

великаго князя Іоанна былъ малъ и невзраченъ. По убѣжденію митрополита Петра онъ первый перенесъ туда столицу. Ибо Петръ изъ любви къ нѣкоему Алексѣю, который былъ тамъ погребенъ и прославился, говорятъ, чудесами, поселился тамъ, а по смерти тамъ же и былъ погребенъ. Когда и на его могилѣ тоже стали совершаться чудеса, то и само мѣсто пріобрѣло священный характеръ и до того прославилось, что послѣдующіе князья, преемники Іоанна, нашли нужнымъ перенести туда столицу. Сынъ Іоанна по имени тоже Іоаннъ, по смерти его, остался тамъ же, послѣ него—Дмитрій, послѣ Дмитрія—Василій, женившійся на дочери Витольда и оставившій наслѣдникомъ Василія Темнаго, отъ коего родился Іоаннъ, отецъ того князя, къ которому я ѣздилъ посломъ; онъ-то и началъ впервые огораживать замокъ стѣною, а кончили это дѣло почти черезъ 30 лѣтъ его преемники. Крѣпостныя сооруженія вмѣстѣ съ княжескимъ дворцомъ выстроены въ итальянскомъ вкусѣ изъ кирпича итальянцами, коихъ князь за большое вознагражденіе вызвалъ изъ Италіи. Въ немъ, какъ я сказалъ, много церквей, почти все деревянныхъ, за исключеніемъ двухъ позначительнѣе, которыя выстроены изъ кирпича; одна изъ нихъ посвящена св. Дѣвѣ, другая—св. Михаилу. Въ храмѣ святой Дѣвы погребены тѣла двухъ архіепископовъ, кои были виновниками перенесенія туда князьями столицы и основанія тамъ метрополіи; за это-то преимущественно и причислены они къ лику святыхъ. Въ другомъ храмѣ погребаются усопшіе князья. Въ бытность нашу строилось еще довольно много храмовъ изъ кирпича. Климатъ такъ здоровъ, что тамъ за источниками Танаиса, особенно къ сѣверу и даже большею частію къ востоку, сколько запомнятъ, никогда не бывало чумы. Впрочемъ хвораютъ какой-то болѣзнью—внутреннею и головною, похожею на чуму, которую по-своему называютъ огневицей (calor): кто ею занеможетъ, умираетъ въ нѣсколько дней. Въ нашу бытность въ Московіи болѣзнь эта была распространена и сразила одного изъ нашихъ сопутниковъ. Живя въ столь здоровой мѣстности, они, въ случаѣ чумы въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Псковѣ, прогоняютъ изъ своей страны приходящихъ къ нимъ оттуда, боясь заразы. Московскій народъ, говорятъ, продувнѣй и лукавѣе всѣхъ прочихъ; особенно ненадеженъ въ уговорахъ; они и сами знаютъ это за собой хорошо и потому, когда приходится имъ вести торговыя сношенія съ иноземцами, выдаютъ себя, чтобы внушить больше довѣрія, не за москвитянъ, а за иногородныхъ... Самый долгій день въ Московіи во время лѣтняго солнцестоянія, говорятъ, заключаетъ 17 часовъ и три четверти. Я не могъ тогда ни отъ кого узнать точной высоты по-

люса, хотя кто-то и толковалъ, на неизвѣстномъ впрочемъ основаніи, будто она равна 58 градусамъ. Наконецъ я самъ посредствомъ астролябіи сдѣлалъ наблюденіе и нашелъ 9-го іюня высоту солнца въ полдень равной 58 градусамъ. Изъ этого наблюденія, по вычисленію свѣдущихъ людей, выходитъ, что высота полюса тамъ 50 градусовъ, а самый долгій день 17 часовъ съ четвертью. См. Rerum Moscov. auctores varii, стр. 44—47.

4. *Іовій* (1537).

...Р. Москва сообщила свое имя и царствующему городу, по коему протекаетъ. Изо всѣхъ городовъ Московіи онъ—наиславнѣйшій какъ по своему положенію въ самой срединѣ страны, такъ и по отмѣнному удобству рѣчныхъ путей, многочисленности зданій и знаменитости сильнѣйшей крѣпости. Длиннымъ рядомъ строеній тянется онъ по берегу р. Москвы на 5 миль. Дома въ немъ вообще деревянные, раздѣляющіеся на столовую, кухню и спальню, помѣстительные и постройкой не очень огромные да и не слишкомъ низкіе. Громадной величины бревна привозятся изъ герцинскаго лѣса; ихъ обтесываютъ по шнуру и лодъ прямымъ угломъ прилаживаютъ и сколачиваютъ одно противъ другаго; такимъ образомъ образуются наружныя стѣны, очень прочныя, безъ большой траты денегъ и времени. При каждомъ почти домѣ есть садъ—для овощей и для удовольствія, отчего окружность этого города, при всей его рѣдкости, кажется весьма значительной. Въ каждомъ кварталѣ есть своя церковь, а на видномъ мѣстѣ храмъ во имя Богородицы-дѣвы, славный по архитектурѣ и величинѣ, построенный 60 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ зодчимъ и механикомъ Аристотелемъ Болонскимъ. На самомъ краю города въ р. Москву впадаетъ рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе мельницы, и образуетъ полуостровъ, на оконечности коего построенъ итальянскими зодчими самый замокъ съ башнями и стѣнами, чрезвычайно красивый. Въ прилегающихъ къ городу поляхъ водится много козъ и зайцевъ, коихъ никому нельзя ловить тенетами и собаками; разрѣшаетъ это великій князь лишь для потѣхи своихъ близкихъ людей или иноземныхъ пословъ. Почти три части города омываются двумя рѣками, а четвертая окопана рвомъ, весьма широкимъ ,обильно наполняемымъ изъ рѣкъ же водою. Городъ защищенъ другой рѣкою и съ противоположной стороны; называется она Яузой и впадаетъ тоже въ Москву немного ниже города. См. Rer. Mosc. auct. varii, стр. 124.

5. *Матвѣй Меховскій* (1521).

...Главный городъ Москва—довольно великъ, вдвое больше Флоренціи въ Тосканѣ или вдвое больше чешскаго города Праги; говорю „Праги" про ту, которая существуетъ, а не про ту, о коей новый историкъ насочинилъ, будто это городъ весьма длинный, въ три дня пути, что—выдумка. Но Москва—деревянная, а не каменная, имѣетъ много улицъ, и гдѣ одна улица кончается, тамъ не тотчасъ же начинается другая, а лежитъ промежуткомъ поле. И между домами тоже тянутся изгороди, такъ что они идутъ не непрерывнымъ рядомъ одинъ за другимъ. У знати дома побольше, а у простыхъ людей—низкіе. Серединою города и подъ самой его крѣпостью течетъ рѣка, называемая тоже Москвой, величиною такая же, какъ Молдава въ Прагѣ или Арно во Флоренціи. Крѣпость въ серединѣ города на ровномъ мѣстѣ есть крѣпость хорошая, каменная, по величинѣ такая же, какъ Буда въ Венгріи, имѣетъ три бульверка, а съ ними башенъ всего счетомъ семнадцать, покрытыхъ черепицей, но стѣна одна. Въ крѣпости 16 церквей; три—каменныхъ, а именно: св. Маріи, св. Михаила и св. Николая; прочія—деревянныя. Княжескій дворецъ въ крѣпости—каменный, въ новомъ итальянскомъ вкусѣ, не роскошенъ и не великъ; три куріи вельможъ—каменныя, другіе дома выстроены изъ дерева; избы всѣ черныя. См. Rer. Moscov. auct. varii, стр. 207.

6. *Ричардъ Ченслеръ* (1553—1556).

...Москва отъ Ярославля въ 200 миляхъ. Пространство между ними очень богато селеніями, столь многолюдными, что удивительно смотрѣть; почва—хлѣбородна, такъ что хлѣбъ возится въ г. Москву въ такомъ количествѣ, что удивительно смотрѣть. По утрамъ можно встрѣтить 700 и 800 саней, которыя направляются туда съ хлѣбомъ, а иныя съ рыбой; иные везутъ хлѣбъ въ Москву, а иные вывозятъ хлѣбъ оттуда—тѣ, кои живутъ по меньшей мѣрѣ за тысячу миль отъ нея. Тѣ, кои ѣздятъ изъ такой дали, живутъ въ сѣверныхъ частяхъ княжескихъ владѣній, гдѣ хлѣбъ отъ нестерпимаго холоду не родится; возятъ же они въ Москву рыбу, мѣха, звѣриныя шкуры. Въ этихъ частяхъ у нихъ очень мало скота. Сама Москва—велика. По-моему, весь городъ—больше Лондона съ его предмѣстьями, но она—сѣра (rude) и выстроена безо всякаго порядка. Дома тамъ все деревянные, очень опасные на случай пожара. Тамъ есть прекрасная крѣпость, коей стѣны изъ кирпича и очень высоки; говорятъ, будто онѣ толщиною 18 футовъ, но я не вѣрю, едва ли это такъ, однако вѣрно не знаю, потому что иноземцу нельзя ихъ осматривать. Одна сторона окопана рвомъ, а по другую течетъ рѣка Москва, направляющаяся

въ Татарію, а потомъ въ озеро, называемое Каспійскимъ моремъ. На сѣверной сторонѣ есть нижній (base) городъ, обнесенный тоже кирпичной стѣною, примыкающей къ крѣпостной стѣнѣ. Въ крѣпости, гдѣ 9 прекрасныхъ церквей, живетъ царь; тамъ живутъ и духовныя лица; тамъ и митрополитъ съ разными епископами. Не стану описывать ихъ зданія, ни прочность ея, потому что у насъ въ Англіи это во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Она снабжена орудіями всякаго рода. Царскій дворецъ ни по архитектурѣ, ни снаружи, ни внутри не роскошенъ такъ, какъ я видалъ. Онъ—низкій, четыреугольный, очень похожій на старинныя зданія въ Англіи, съ маленькими окнами; то же и въ другихъ отношеніяхъ... Rich. Hakluyt's Collect., t. I. стр. 264.

7. *Антонъ Дженкинсонъ* (1557—1571).

Москва—городъ большой; дома большею частію деревянные, а а нѣкоторые—каменные, съ желѣзными рамами для лѣта. Много прекрасныхъ каменныхъ церквей, но больше деревянныхъ, кои зимой отапливаются. Дворецъ царскій находится въ прекрасномъ и обширномъ замкѣ, обнесенномъ четыреугольной кирпичною стѣной, высокою и крѣпкой. Замокъ расположенъ на холмѣ въ 2 мили окружностью; съ южной стороны его течетъ рѣка; въ его стѣнѣ 16 воротъ и столько же башенъ. Дворецъ отъ остального замка отдѣленъ длинною стѣной, идущею съ сѣвера на югъ къ берегу рѣки. Внутри дворца (т. е. кремля)—церкви и каменныя, и деревянныя съ круглыми башнями, прекрасно вызолоченными. На церковныхъ дверяхъ и внутри церквей—золотые образа. Главный торгъ разными вещами находится въ этомъ же замкѣ; для разныхъ товаровъ разные и рынки, для всякаго производства свое и мѣсто. А зимой бываетъ торгъ внѣ замка, на льду рѣки; тутъ торгуютъ хлѣбомъ, глиняными горшками, кадками, санями и пр. Въ окружности замка 2900 шаговъ. См. Rich. Hakluyt's Collect. t. I. стр. 350.

8. *Барберини* (1565).

...Въ Московскомъ княжествѣ главный городъ называется Москвой (Mosca), которая лежитъ на рѣкѣ Москвѣ. Рѣка эта беретъ начало въ Тверской области и до Москвы не судоходна. Тамъ живетъ великій князь московскій. Городъ—очень великъ, но строенія по большей части деревянныя. Есть тамъ крѣпость съ хорошей стѣною, но не сильная, когда-то построенная итальянцами. Есть въ ней также нѣсколько большихъ, прекрасно построенныхъ церквей и княжескій дворецъ съ покрытыми золоченой мѣдью кровлями и куполами, кои сдѣланы были однако же итальянцами, попавшими туда въ былыя времена въ плѣнъ изъ Польши и Ливоніи. Кромѣ упомянутыхъ, тамъ—

невѣроятное число церквей; иныя изъ нихъ побольше, иныя поменьше, каменныя и деревянныя; нѣтъ улицы, гдѣ бы не было нѣсколькихъ, такъ что въ день св. Николая и наканунѣ множество звонившихъ колоколовъ были докучны и невыносимы. Дома какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ, точно также и по деревнямъ, малы, неудобны, не соотвѣтствуютъ условіямъ вѣжливости и приличія. Въ нихъ—одна комната, гдѣ ѣдятъ, работаютъ и дѣлаютъ все; въ комнатѣ для тепла печь, гдѣ обыкновенно спитъ вся семья, и однако у нихъ нѣтъ настолько смысла, чтобы сдѣлать трубу, по которой бы выходилъ дымъ; они даютъ ему вылетать въ дверь и окна, такъ что быть тамъ—немалая мука. См. Recueil de relat. concernant la geogr. et l'hist. de la Russie avant 1700, стр. 28—29.

9. *Гваньино* (1560).

...Г. Москва лежитъ далеко на востокѣ. Онъ весь—деревянный и очень великъ. Если смотрѣть издали, онъ кажется больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; обширность придаютъ ему сады и большіе дворы при каждомъ домѣ и широкія улицы, а строенія всѣхъ ремесленниковъ, употребляющихъ при своемъ производствѣ огонь, идущія длиннымъ рядомъ внѣ города, съ примыкающими къ нимъ лугами и полями, да немалой величины крѣпость Налевуки, прозванная такъ отъ пьянства, увеличиваютъ съ виду городъ еще болѣе. Эта крѣпость (castello) построена за рѣкою отцемъ нынѣшняго князя Василіемъ для солдатъ своей гвардіи и другихъ иноземныхъ солдатъ—поляковъ, нѣмцевъ, литовцевъ, которые по природѣ любятъ пьянствовать... [2]) Городъ по величинѣ таковъ, что его невозможно огородить стѣною, рвомъ или укрѣпленіями; хорошо защищены лишь нѣкоторыя улицы тѣмъ, что перегораживаются бревнами и съ наступленіемъ вечера на нихъ ставится сильный караулъ, такъ что ночью никому нельзя пройти. Онъ такъ низменъ и грязенъ, что по улицамъ въ разныхъ мѣстахъ необходимо дѣлать мосты, но теперь, говорятъ, окружаютъ его земля-

---

[2]) Тебальди говорилъ Поссевину, что 16 лѣтъ назадъ (въ 1564 г.) въ городѣ Москвѣ существовало нѣчто въ родѣ маленькаго городка, называемаго Наливка, гдѣ жили католики, но безъ церкви; они пріѣзжали въ этотъ кварталъ съ правомъ продажи вина, пива и проч., что не дозволено самимъ москвитянамъ въ виду того, что имъ, какъ склоннымъ къ пьянству, отъ котораго самъ государь весьма далекъ, онъ вообще не разрѣшаетъ приготовленія и продажи пива, исключая восьми дней до и послѣ Рожд. Христова, когда пить позволено ради праздника. См. статью Шмурло въ Ж. М. Н. Пр., май, 1891, стр. 132.

ной насыпью. Въ немъ два большихъ каменныхъ замка; соединяясь, они имѣютъ видъ одного города. Одинъ изъ нихъ называется Китай-городомъ, другой—Большимъ городомъ (Bolsigorod); съ одной стороны они защищены Москвой, а съ другой—Неглинною, на которой много мельницъ. Немало тамъ церквей—каменныхъ и деревянныхъ, каковы и дома тамошнихъ бояръ и сановниковъ. Теперешній князь Иванъ Васильевичъ построилъ на полетъ стрѣлы отъ замка, въ мѣстности Нербатъ, большой дворъ въ 1565 г. и назвалъ его „опричиной“, т. е. отдѣльнымъ поселкомъ, гдѣ и поселился съ солдатами своей гвардіи, набранными имъ въ числѣ 20,000 человѣкъ изъ людей храбрыхъ и отмѣнныхъ для своей охраны, въ родѣ турецкихъ янычаръ; большая часть ихъ вооружена пищалями, а иные—саблями, луками, доспѣхами. Нововведеніе это сдѣлано имъ, какъ поговариваютъ, для того, чтобы было безопаснѣй тиранствовать. Въ 1571 г. городъ вмѣстѣ съ замками былъ взятъ перекопскими татарами и сожженъ въ день Вознесенія Господня, причемъ безчисленное множество народу частію задохлось въ дыму, частію сгорѣло; немногіе спаслись бѣгствомъ; уцѣлѣлъ лишь замокъ Китай-городъ. Татары ушли съ безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ. Ramusio, Navigat. et viaggi, т. II, стр. 60.

10. *Ант. Поссевинъ* (1581—1582).

... О столицѣ царя Москвѣ вѣрно то, что въ настоящее время въ ней не наберешь 30,000 человѣкъ, считая малолѣтнихъ и оба пола. Какъ ни великъ кажется городъ издали, когда подъѣзжаешь къ нему, но подъѣхавъ поближе (не говорю уже въѣхавъ совсѣмъ) видишь что, самые дома занимаютъ много мѣста, а ширина улицъ и нѣсколькихъ площадей и самая окружность церквей (построенныхъ, повидимому, болѣе для украшенія городовъ, чѣмъ для богослуженія, потому что онѣ почти круглый годъ бываютъ заперты)—еще болѣе разрушаютъ иллюзію. Москва была при нынѣшнемъ же князѣ пышнѣе и многолюднѣй, но въ 1570 г. текущаго столѣтія ее сожгли татары, при чемъ большинство жителей погибло въ пламени; потому-то она и приняла теперь болѣе скромные размѣры. Есть слѣды, что въ окружности она была больше—заключала 8 или 9 тысячъ шаговъ; теперь же едва ли заключаетъ и пять тысячъ. Такъ какъ горожане держатъ при своихъ домахъ, большинство коихъ огорожено изгородями и плетнемъ, коровъ, быковъ и другихъ гоняемыхъ ежедневно на пастбище животныхъ, то видомъ они похожи на наши сельскіе. Но въ двухъ московскихъ замкахъ, примыкающихъ другъ ко другу, есть кое-что и повеликолѣпнѣе. Одинъ немного скрашиваютъ нѣкоторые, довольно значительные храмы изъ кирпича (прочія городскія цер-

кви—деревянныя) и княжескій дворецъ, а другой—новыя лавки, расположенныя рядами—каждый для своего производства. Такъ какъ лавки эти малы (въ одной венеціанской лавкѣ товаровъ выложено больше, чѣмъ въ Москвѣ хранится ихъ въ цѣломъ ряду), и такъ какъ торговцы живутъ не въ нихъ, а въ городѣ, то этимъ они ясно показываютъ, какая цѣна ихъ достоянію. См. Possevini Moscovia, 1583, стр. 14.

11. *Флетчеръ* (1588).

... Полагаютъ, Москва—очень древній городъ, хотя первый его основатель русскимъ и неизвѣстенъ. Она получила имя, повидимому, отъ рѣки, текущей по одну сторону города... Городъ былъ много расширенъ нѣкіимъ Иваномъ, или Джономъ, сыномъ Даніила, впервые смѣнившимъ княжескій титулъ на королевскій; честь эта на потомковъ его не перешла: онъ облеченъ былъ ею легатомъ папы Иннокентія IV въ 1246, что крайне не понравилось русскимъ, принадлежавшимъ тогда къ восточной церкви. Съ тѣхъ поръ имя города стало извѣстнѣе, такъ что нѣкоторые зовутъ Москвой не только область, но и всю русскую страну. Городъ видомъ похожъ на кругъ, съ тремя стѣнами, идущими кругомъ одна внутри другой; улицы пролегаютъ между ними. Самая внутренняя стѣна съ заключающимися въ ней строеніями (защищенная р. Москвою, текущею подлѣ нея, она лежитъ, какъ сердце, въ самомъ безопасномъ мѣстѣ) называется царскимъ замкомъ. Число домовъ, какъ я слышалъ, во всемъ городѣ (не задолго до сожженія Москвы крымцами была произведена перепись) было всего 41,500. Послѣ осады и сожженія города татарами въ 1571 г., много прежде занятой и застроенной земли пустуетъ, особенно въ южной части Москвы, которая незадолго до того была обстроена царемъ Василіемъ для солдатъ, коимъ онъ позволилъ пить медъ и пиво въ неуказанное время, когда другіе русскіе пьютъ только воду, и оттого названа Налой, т. е. налей. Теперь Москва немногимъ больше Лондона. См. Hakluyt's collect., t. 1, стр. 541.

12. *Николай Варкочъ.* (1593).

Москва—прекрасный и большой главный городъ въ Московіи, лежащій на ровной плоскости, въ которомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе великій князь и государь всѣхъ русскихъ Ѳедоръ Ивановичъ. Это сильный городъ, куда пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ туземные и иностранные купцы изъ очень дальнихъ краевъ: изъ Турціи, Татаріи, Персіи, Туркменіи (Siareoschen), Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и другихъ земель и ведутъ большую торговлю многими превосходными товарами: соболями, куницами и разными мѣхами, также воскомъ, льномъ, саломъ и другими товарами, которые

въ великомъ множествѣ привозятся въ удобное время года. Этотъ городъ раздѣляется на 4 главныя части: вопервыхъ, внѣшній городъ, обнесенный совершенно деревянной стѣною въ три добрыхъ сажени толщины и украшенный множествомъ деревянныхъ башенъ, что придаетъ ему издали величавый и красивый видъ; въ немъ всѣ ворота совершенно одинаковой постройки, большія и красивыя, и всѣ съ трехконечными башнями; эта стѣна выстроена около 2 лѣтъ назадъ; по извѣстію нѣкоторыхъ жителей, она имѣетъ 30 верстъ въ окружности, что составляетъ 6 нѣмецкихъ миль пути. По этому городу текутъ 3 рѣчки, изъ которыхъ самая большая Москва, и отъ нея вся страна получаетъ названіе; другая рѣка почти такой же величины называется Неглинная (Negilo), а третья Яуза (Chaso); во внѣшнемъ городѣ эти послѣднія рѣчки впадаютъ въ рѣку Москву. Въ этой первой деревянной стѣнѣ лежитъ другой городъ, обнесенный каменною стѣною, бѣло-на́-бѣло выщекатуренною и украшенною множествомъ башенъ и зубцовъ; жители зовутъ эту часть города Царьградъ (Zaragradt), тоже что по нашему названію Königstadt. Въ этомъ городѣ Царьградѣ лежитъ еще особенный городъ, тоже обведенный особенною каменною стѣною съ башнями и сухимъ рвомъ и называется Китай-городъ (Kataygradt); тутъ славная площадь и большая торговля, до 100 слишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары. Въ этомъ же городѣ передъ кремлемъ находится красивая московская церковь, превосходное зданіе, и называется Іерусалимомъ. Въ немъ же и замокъ великаго князя, тоже обведенный сухимъ рвомъ и крѣпкою стѣною, очень величественный, хорошо выстроенный и украшенный множествомъ башенъ. Много также круглыхъ башенъ на церквяхъ, вызолоченныхъ хорошимъ золотомъ, должно быть, съ большими издержками; издали это дѣлаетъ великолѣпный видъ. За́мокъ весь каменный, обширенъ въ окружности и имѣетъ много значительныхъ церквей. Въ числѣ ихъ церковь, называемая на ихъ языкѣ Благовѣщенія (Blaweschin т. е. Mariä Verkhundigung) съ девятью позолоченными башнями; и крыша и башни всѣ вызолочены добрымъ золотомъ; туда обыкновенно ходитъ великій князь отправлять свое богослуженіе.

Въ этихъ различныхъ городахъ много рогатокъ на улицахъ, которыя въ ночное время запираются, но ворота въ городской стѣнѣ остаются не заперты. Дома въ городѣ всѣ деревянные. У бояръ очень обширные дворы, на которыхъ они имѣютъ свои жилища; есть также много епископскихъ и поповскихъ дворовъ, при коихъ всегда обыкновенно церковь, такъ что, по ихъ извѣстіямъ, въ городѣ Москвѣ до 1500 церквей. Даже иные богатые купцы и бояре строятъ церкви,

въ которыхъ и исправляютъ свои обряды, какъ у нихъ положено. См. Оп. пут. въ Москву посла римск. имп. Николая Варкоча. 1875. стр. 34—36.

13. *Маржеретъ* (1601—1611).

Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иваньгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны, Путивля (на предѣлахъ Подоліи). Москва городъ обширный; среди него течетъ рѣка, гораздо шире нашей Сены; весь городъ обнесенъ деревянною оградою въ окружности, какъ я думаю, болѣе парижской; внутри него находится другая стѣна, на половину менѣе первой, не простираясь однакожъ за рѣку; потомъ выведена изъ кирпича еще третья, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ итальянцемъ. Въ ней много церквей кеменныхъ, изъ которыхъ четыре покрыты золоченой мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые очень часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество; самыя улицы вымощены досками. См. Устряловъ, Сказ. иностран. о Дмитр. Самозванцѣ, стр. 264—265, изд. третье.

14. *Степанъ Какашъ* (1602).

... Москва—велика, многолюдна и, какъ сообщали намъ, могла бы помѣстить 5,000,000 человѣкъ. Ее нельзя сравнить ни съ однимъ почти городомъ Нѣмецкой земли. Въ окружности она имѣетъ 4 нѣмецкихъ мили и обнесена тройною стѣной: вопервыхъ, крѣпкою деревянной оградой аршинъ въ 15 высотой, которую р. Москва, давшая городу свое имя, пересѣкаетъ въ двухъ мѣстахъ; вовторыхъ, внутри этой ограды городъ окружается еще другой довольно крѣпкой стѣною, и въ третьихъ въ самой срединѣ его царскій замокъ защищенъ еще особой стѣною и глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ. Въ городѣ болѣе полуторы тысячи церквей и монастырей; двѣ изъ нихъ построены въ замкѣ, красивыя, съ семью прекрасными золочеными главами (dächer), стоящими нѣсколькихъ бочекъ золота, съ прекрасными большими колоколами, далеко превосходящими эрфуртскій по величинѣ и звучности. Тамъ погребены древніе московскіе великіе князья. Передъ воротами замка, на площади лежатъ два такихъ громадныхъ орудія, что человѣкъ можетъ въ нихъ вползти безъ особыхъ усилій. Дома и строенія большею частію деревянныя, неказистыя и не какъ у насъ,

а далеко одинъ отъ другого; комнаты большею частію съ дымными печами, безъ стеклянныхъ оконъ... См. Iter persicum, стр. 38—40.

15. *Поѣздка принца Іоанна* (1602).

Городъ Москва имѣлъ въ окружности до пяти нѣмецкихъ миль. Но въ 72 г. онъ былъ осажденъ татарами и сожженъ. Теперь же, отстроившись сызнова и заключая въ окружности до 3 нѣмец. миль, онъ расположенъ кругомъ и обнесенъ тремя различными оградами; рѣкою дѣлится онъ и на 4 части, но каждая часть укрѣплена не особо, а все заключено въ одной стѣнѣ.

Вопервыхъ, снаружи онъ обнесенъ стѣною, высокою и крѣпкою, сдѣланною изъ бревенъ и заполненною землей, наверху съ ходомъ вокругъ, со многими четыреугольными большими башнями, обшитою тесомъ.

Другая часть обнесена высокой стѣною съ крѣпкими, четыреугольными башнями и бойницами; называется она Бѣлой стѣною, ибо съ обѣихъ сторонъ выбѣлена известкой.

Третья и внутренняя часть города укрѣплена красной, толстой каменной стѣною съ бойницами и крѣпкими башнями.

Стѣна эта примыкаетъ къ царскому замку, который защищенъ въ этомъ мѣстѣ очень высоко и крѣпко. Этотъ замокъ укрѣпленъ, вопервыхъ, съ одной стороны глубокимъ, огороженнымъ стѣною рвомъ; съ другой—течетъ рѣка Москва, по коей названъ городъ; тамъ также близъ рѣки съ почвы возведена набитая землею крѣпкая стѣна, такъ что по обѣимъ сторонамъ замка можно наверху ходить.

Затѣмъ онъ огороженъ высокой, крѣпкой стѣною; стѣна эта—толста, съ ходомъ наверху вокругъ и съ бойницами; имѣетъ она и крѣпкія, четыреугольныя башни; въ каждой башнѣ — ворота, чтобы проходить и проѣзжать народу съ обѣихъ сторонъ города.

Въ немъ, вопервыхъ, царскій дворецъ, выстроенный прочно и высоко; вовторыхъ, монастырь отца-папы и патріарха; въ-третьихъ, жилища священнослужителей. Еще въ одномъ мѣстѣ монастырь монаховъ, деревянный. Выдавали за правду, будто въ замкѣ вмѣстѣ съ монастыремъ церквей и часовенъ (Capellen) всего 35. Нѣкоторыя изъ наиболѣе чтимыхъ церквей стоятъ съ вызолоченными башнями, высокими и круглыми: вопервыхъ, одна—съ 9 вызолоченными, большими и малыми; другая съ 5 вызолоченными, и еще нѣкоторыя, имѣющія вызолоченныя башни. При одной церкви отдѣльно была высокая, прекрасная, восьмиугольная башня, выбѣленная, наверху вызолоченная, снабженная вокругъ сверху до низу пролетами (löchern), все увѣшанными большими и малыми колоколами, кои можно было всѣ видѣть снаружи. Неподалеку отъ нея стояла большая, прочная, деревянная

башня, но невысокая, гдѣ висѣлъ прекрасный, большой колоколъ, вѣсомъ около 120 корабельныхъ фунтовъ. Въ колоколъ этотъ звонятъ, когда царь справляетъ торжество или празднуетъ особенному святому и идетъ въ церковь, а то и тогда, когда онъ выѣзжаетъ и въѣзжаетъ въ городъ; когда онъ принимаетъ въ замкѣ чужеземныхъ пословъ или веселится, звонятъ тоже въ него (вмѣсто литавръ и трубъ) особеннымъ радостнымъ звономъ. Въ колокола звонятъ не полнымъ размахомъ, какъ въ Германіи, но или ихъ тихо раскачиваютъ, такъ что языкъ легко ударяетъ въ оба края, или же висятъ они спокойно, а о край ударяютъ языкомъ за веревки. Церкви тоже не какъ въ Германіи, а построены всѣ четыреугольникомъ, съ крѣпкой стѣной и воротами. Наверху по серединѣ высится круглая башня, на каждомъ углу тоже по башнѣ; а то иныя имѣютъ и между углами по круглой башенкѣ; башни покрыты всѣ гладкой мѣдью, такъ что блескъ ихъ виденъ далеко въ окрестности. Въ церквяхъ свѣту или оконъ мало; когда они поютъ или совершаютъ службу, они натыкаютъ множество восковыхъ свѣчъ. Передъ замкомъ—большая, длинная, четыреугольная площадь; на концѣ ея къ югу—круглая площадка, гдѣ стоитъ храмъ, называемый Іерусалимомъ. Храмъ этотъ выстроенъ почти четыреугольникомъ, однако искусно и замысловато; имѣетъ 9 покрытыхъ мѣдью башенъ; это такъ искусно и разнообразно, что удивительно смотрѣть. Внутри онъ снизу до верху наполненъ часовенками да божницами (Winkel), коихъ, пожалуй, съ сотню; тамъ у нихъ стоятъ святые и идолы; самый нижній день и ночь отворенъ; въ немъ постоянно горятъ восковыя свѣчи; туда ходитъ по усердію всякій помолиться днемъ и ночью; тутъ также постоянно стоитъ караулъ. Здѣсь же около стоитъ высокая стѣна съ нѣсколькими арками, гдѣ виситъ 12 большихъ и малыхъ колоколовъ. Въ концѣ этой площади лежитъ большое орудіе, точно также какъ и на другомъ концѣ столь же большое; ядра къ этимъ орудіямъ—въ окружности съ днище бочки. Отъ каждаго конца площади идутъ двое воротъ; передъ одними на югѣ течетъ рѣка Москва; на рѣкѣ—длинный деревянный, пловучій мостъ, называемый *живымъ*; для другихъ воротъ есть длинный каменный на сводахъ мостъ, съ высокими, большими сводами по обѣ стороны. Съ восточной стороны площади стоятъ длинныя каменныя стройки на сводахъ, гдѣ лавочники, купцы и всякіе ремесленники имѣютъ товары, мастерскія и производятъ торговлю. Это мѣсто тоже на сводахъ (съ подвалами), гдѣ они прячутъ товары на случай пожара; такъ какъ дома у нихъ строятъ все сплошь деревянные, то они, въ виду частыхъ пожаровъ, могутъ при домахъ держать немного имущества. Въ этой внутренней

красной стѣнѣ сосредоточена обширная торговая дѣятельность, живутъ бояре, купцы, и есть много церквей и часовенъ. Между красной и бѣлой стѣною живутъ всѣ бояре, купцы и горожане, есть много церквей, монастырей, часовенъ. Между бѣлой стѣною и деревянной оградой живетъ простой народъ, очень многочисленный и занимающій большое пространство, обнесенное, какъ сказано, деревянной оградой.

Старые нѣмцы говорили, будто было описаніе, что въ этомъ городѣ—около 5300 церквей, монастырей и часовенъ. Это невѣроятно; однако немало бояръ и купцовъ, которые на пли при своемъ дворѣ имѣютъ каждый свою собственную церковь пли часовню. См. Büsching, Magasin, VII, стр. 265—267.

16. *Петръ Петрей.* (1608).

Москву (Moskow) сдѣлалъ княжеской резиденціей и главнымъ городомъ великій князь Даніилъ Михайловичъ; она лежитъ въ серединѣ страны въ 190 мил. отъ Выборга; прежде была она не иное что, какъ деревня, и принадлежала фамиліи Тахмаковыхъ. Но такъ какъ деревня эта лежала на рѣкѣ Москвѣ, это и дало поводъ городу, замку и странѣ назваться по ея имени, и народы, жившіе кругомъ, да и другіе, приходившіе сюда селиться, прозвались московитами. Это княжество—вторая область въ титулѣ великихъ князей.

На самомъ высокомъ мѣстѣ, въ серединѣ города, есть замокъ изъ извести и кирпичей, построенный четыреугольникомъ; онъ зовется иначе у русскихъ Кремлемъ (Kremlina) и защищенъ глубокими рвами и крѣпкими стѣнами; подлѣ него серединой города протекаетъ рѣка Москва въ рѣку, называемую Окой.

Съ четверть мили пути отъ города къ востоку течетъ другая рѣка, по имени Яуза (Jagusa) и протекаетъ городомъ отчасти къ сѣверу, отчасти къ востоку; на ней много водяныхъ мельницъ, сначала введенныхъ сюда и построенныхъ иностранцами; она впадаетъ въ рѣчку (Bach) Москву. Съ сѣвера къ востоку течетъ въ Москву, возлѣ крѣпости, другая рѣчка по имени Неглинная, вытекающая изъ одного болота невдалекѣ отъ города; она проходитъ подлѣ крѣпостной стѣны, наполняетъ водою тамошній ровъ, а потомъ течетъ городомъ въ рѣку Москву. При устьѣ рѣки Неглинной тоже построена возлѣ крѣпости прекрасная мельница.

Къ югу отъ города (Hauses) вырытъ глубокій ровъ, въ которомъ вел. князь обыкновенно держитъ львовъ, чтобы всякій, кому только угодно, могъ смотрѣть ихъ. У рва построена крѣпкая стѣна въ 10 ф. толщины, со множествомъ бойницъ и башенъ; между каждою башнею бастіонъ (Strichwere), тоже съ бойницами да и вездѣ по стѣнѣ до

самой земли внизу подѣланы отверстія, чтобы солдаты и военные люди могли стоять тамъ и обороняться длинными пиками, копьями, каменьями и другимъ оружіемъ, употребляемымъ при нападеніяхъ, приступахъ и покореніи городовъ. Ниже этой укрѣпленной стѣны построена еще другая, гдѣ находится множество большихъ пушекъ, таравовъ и разной величины мортиръ.

Посреди крѣпости дворецъ великаго князя, построенный изъ обожженныхъ кирпичей по итальянскому образцу. Рядомъ съ этимъ дворцомъ живутъ патріархъ, нѣкоторые знатные люди и дворяне, толпы монаховъ, поповъ и звонарей. На ружейный выстрѣлъ отъ великокняжескаго дворца на большой и широкой площади виситъ чрезвычайно большой колоколъ, вѣсомъ въ 336 центнеровъ, вылитый еще при жизни Бориса Годунова, по приказанію этого государя; звонятъ въ него въ большіе праздники, также когда пріѣзжаютъ изъ чужихъ краевъ послы и бываютъ допускаемы къ великому князю.

Въ крѣпости 2 значительныхъ монастыря—мужской и женскій, съ 5 церквями, построенными изъ обожженнаго кирпича; я видѣлъ ихъ своими глазами, самъ и считалъ. Самая главная—Святыя Троицы, другая—Дѣвы Маріи, третья великокняжеская церковь, потому что въ ней гробницы всѣхъ великихъ князей, четвертая—Михаила Арх., пятая—св. Николая: всѣ онѣ выстроены красиво и искусно, обиты листовымъ желѣзомъ и позолочены хорошимъ золотомъ.

Эта столица Москва раздѣляется на 3 части: первая называется на ихъ языкѣ Китай-городъ и обнесена толстою и крѣпкою стѣной. Въ этой части города находится чрезвычайно красивой постройки церковь, крытая свѣтлыми, блестящими камнями, и называется Іерусалимомъ. Къ этой церкви ежегодно въ Вербное Воскресенье великій князь долженъ водить осла, на коемъ ѣдетъ изъ крѣпости патріархъ отъ церкви Дѣвы Маріи до церкви Іерусалима, стоящей передъ крѣпостью. Тутъ же живутъ самыя знатныя княжескія, дворянскія и купеческія семейства. Тамъ же и главный рынокъ москвитянъ и гостиный дворъ (Handelplats), выстроенный изъ кирпичей, въ видѣ четвероугольника, на каждой сторонѣ котораго 20 улицъ (рядовъ), гдѣ купцы имѣютъ свои лавки, погребки и лавочки.

На каждой улицѣ (ряду) встрѣчаются особенные и разные товары, такъ что на одной изъ нихъ совсѣмъ не тѣ, какіе на другихъ. На одной можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какія только можно назвать; на третьей разнаго рода бархатъ, камку, атласъ и шелкъ; на четвертой серебряныя и золотыя вещи; на пятой жемчугъ, драго-

цѣнныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; на шестой ихъ идолопоклонство—кресты и образа; на седьмой узорчатые шитые шелками сапоги и башмаки; на осьмой драгоцѣнныя ткани, тесьму, рубашки, вышитыя золотомъ, серебромъ и шелкомъ какъ женскія, такъ и мужскія; на девятой сабли, ружья, порохъ и дробь; на десятой сѣдла, узды и всякую сбрую; на одиннадцатой разное готовое платье, суконное, полотняное и шелковое; на двѣнадцатой различные съѣстные припасы, начиная съ рыбы и мяса; также точно и дальше, такъ что на всякой улицѣ особенный товаръ.

Невдалекѣ отъ этой торговой площади у великаго князя своя оружейная, гдѣ можно видѣть разную военную утварь (munition), также большія и малыя пушки.

Другой кругъ этой столицы называется Большой городъ, или Скородомъ: онъ обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами въ 6 арш. толщины, съ укрѣпленіемъ наверху, четыреугольными башнями и бастіонами; на нихъ лежатъ большія орудія, которыя они употребляютъ въ дѣло, когда грозитъ врагъ; между каждою башней 500 шаговъ. Тутъ при рѣкѣ Неглинной, протекающей городомъ, стоитъ и великокняжеская литейная, гдѣ льютъ большія орудія и колокола. Вездѣ также встрѣчаются рынки—конные, скотные, зеленные съ хлѣбными магазинами, мучными и мясными лавками. Тамъ живетъ также знать, купцы, попы, и главные стрѣлки изъ великокняжескихъ тѣлохранителей; ихъ свыше 10 тыс.—все отборные, высокіе и сильные молодцы.

Третья часть, или кругъ этого города Москвы называется Стрѣлецкій городъ или Норбатъ, съ сильнымъ деревяннымъ укрѣпленіемъ въ три сажени толщиной, наполненымъ каменьями, глиной, пескомъ и землею; оно—круглое, съ высокими башнями, куда втаскиваютъ орудія, когда грозитъ непріятель. Между каждой башней — 50 шаговъ, кои я самъ измѣрилъ своими ногами.

Тутъ живутъ и стрѣльцы, свыше 10 тыс., изъ великокняжескихъ тѣлохранителей, разные ремесленники и простой народъ.

Нѣкоторые пишутъ, будто Москва была въ окружности 9 нѣм. миль, нѣкоторые—пять; это прежде, можетъ быть, и было до сожженія ея крымскимъ татариномъ въ 1571 г., о чемъ и сами московитяне свидѣтельствуютъ и говорятъ, будто городъ былъ вшестеро больше. Теперь же онъ въ окружности не больше 3 миль, въ чемъ могу я сослаться на многихъ правдивыхъ людей изъ туземцевъ и иностранцевъ, кои бывали въ эти годы и видѣли городъ въ его самомъ цвѣтущемъ состояніи. Полагаютъ, какъ слышалъ я и отъ знатныхъ русскихъ, будто въ городѣ 416000 дворовъ—плохихъ и хорошихъ. Церквей, мо-

пастырей и часовенъ въ городѣ и за городомъ будто бы 4500, однако нѣтъ ни одной столь большой, какъ самая малая изъ нѣмецкихъ церквей; потому-то можно за правду принять, что въ нѣкоторыхъ церквахъ еле помѣстится 5 или 6 человѣкъ. Однако не найдешь ни одной, гдѣ бы не висѣло по меньшей мѣрѣ 4 или 5, а въ нѣкоторыхъ даже 9 или 12 колоколовъ, смотря по величинѣ церквей, такъ что когда они зазвонятъ всѣ разомъ, то поднимается такой гулъ и сотрясеніе, что другъ друга нельзя разслышать.

Въ городѣ есть и большіе луга, пустыри, много деревьевъ и садовъ, занимающихъ немало мѣста. Великій князь самъ имѣетъ три прекрасныхъ большихъ сада, гдѣ ростутъ разнаго рода деревья и травы, да большой лугъ въ городѣ подлѣ самаго замка, приносящій ему ежегодно свыше 600 возовъ сѣна. Улицы тамъ всюду большія, широкія, такъ что 4 повозки могутъ ѣхать рядомъ. Въ дождикъ всюду бываетъ такая слякоть и грязь, что безъ сапогъ никто не выходитъ. Оттого-то большія и лучшія улицы его и устланы бревенчатой мостовой.

Дома у нихъ строятся чрезвычайно высокіе изъ простой сосны, въ 3 или 4 комнаты одна на другой. И тотъ кто выстроитъ себѣ самыя высокія хоромы съ крышкой надъ лѣстницей крыльца, тотъ и считается въ городѣ самымъ пышнымъ и большимъ тузомъ. Такіе дома особенно стараются строить богатые дворяне и купцы, хотя внутри этихъ домовъ найдешь немного такого, чѣмъ бы можно было похвалиться. Кровли опускаютъ на обѣ стороны книзу и кроютъ древесной корою, спятой съ березъ и сосенъ, также и другимъ плохимъ матеріаломъ, а доски приколачиваютъ желѣзными гвоздями.

У небогатыхъ и бѣдныхъ—курныя избы, такъ же какъ и у мужиковъ по деревнямъ; когда топятъ эти избы, тамъ быть никому отъ дыму невозможно—всѣ должны оттуда уходить, пока не прогоритъ огонь; тогда опять входятъ въ избы, которыя теплы и жарки, точно баня. А знатные и богатые—тѣ кладутъ печи у себѣ въ домахъ изразцовыя; строятъ также на своихъ дворахъ каменные домики и склепы, гдѣ хоронятъ отъ пожара лучшее оружіе, домашнюю рухлядь, платья и разные товары. Этому научились они только нѣсколько лѣтъ назадъ у иностранцевъ, промышлявшихъ въ Москвѣ и др. городахъ ремеслами и торговлей. На дворѣ у нихъ строятся также и другіе покои, гдѣ живутъ и спятъ они въ жаркую лѣтнюю пору. У нѣкоторыхъ есть такіе дворы, что могутъ помѣстить 3 или 4 т. человѣкъ. Чт. въ Им. общ. ист. и древн. рос. 1865, 4; стр. 2—6.

17. Маскьвичъ. (1611)

Московскіе цари живутъ въ Кремлѣ; каждый изъ нихъ, вступивъ на престолъ, строитъ себѣ новыя палаты по своему вкусу, сломавъ прежнія. Самое красивое зданіе есть дворецъ Дмитрія перваго, похожій на польскій. Шуйскій въ немъ не жилъ, а выстроилъ для себя другой. Есть и каменный дворецъ, именуемый золотою палатою; на стѣнахъ его находятся изображенія всѣхъ великихъ князей и царей московскихъ, писанныя по золоту, а потолокъ искусно украшенъ картинами изъ Ветхаго Завѣта. Окна въ немъ огромныя, въ два ряда, одни другихъ выше, числомъ 19; печь устроена подъ землею съ душниками для нагрѣванія компатъ. Зданіе имѣетъ видъ квадрата, заключая въ каждой сторонѣ до 20 саженъ; среди него стоитъ столбъ, на коемъ весь сводъ опирается. Изъ оконъ дворца царь показывается народу, а въ извѣстное время и царица. Здѣсь я жилъ довольно долго съ нѣкоторыми товарищами, укрываясь отъ огня; ибо москвитяне часто привѣтствовали насъ огненными ядрами. Лошади наши стояли въ дворцовыхъ сѣняхъ, чего прежде, вѣроятно, не случалось: не только конь, но и думный боярин, безъ царскаго дозволенія, не смѣлъ войти во дворецъ, *со страхомъ Бога видѣти.*

Есть другой дворецъ, гдѣ принимаютъ пословъ иноземныхъ, но не столь огромный. Подлѣ дворцевъ находится церковь Благовѣщенія Богородицы, съ золотымъ на куполѣ крестомъ; въ ней царь обыкновенно слушаетъ литургію. Главный же храмъ въ столицѣ есть церковь пречистой Богородицы, гдѣ самъ патріархъ совершаетъ службу; здѣсь коронуются цари и въ торжественные праздники присутствуютъ при богослуженіи. Въ числѣ другихъ храмовъ замѣчательна еще церковь Михаила Архангела; здѣсь погребаютъ царей; гробницы ихъ невеликолѣпны; при каждой изъ нихъ находится изображеніе умершаго частію на стѣнѣ, частію на самомъ гробѣ, вышитое по бархату. Тамъ видѣлъ я гробъ и того младенца Димитрія, вмѣсто котораго у насъ явился другой...

Прочихъ церквей считается въ Кремлѣ до 20; изъ нихъ церковь св. Іоанна, находящаяся почти среди замка, замѣчательна по высокой каменной колокольнѣ, съ которой далеко видно во всѣ стороны столицы. На ней 22 большихъ колокола; въ числѣ ихъ многіе не уступаютъ величиною нашему краковскому *Сигизмунду*, висятъ въ 3 ряда, одни надъ другими; меньшихъ же колоколовъ болѣе 30. Непонятно, какъ башня можетъ держать на себѣ такую тяжесть. Только то ей помогаетъ, что звонари не раскачиваютъ колоколовъ какъ у насъ, а бьютъ въ нихъ языками; но чтобъ размахнуть иной языкъ, требуется

человѣкъ 8 и 10. Недалеко отъ этой церкви есть колоколъ, вылитый для одного тщеславія; виситъ онъ на деревянной башнѣ, въ двѣ сажени вышиною, чтобы тѣмъ могъ быть виднѣе; языкъ его раскачиваютъ 24 человѣка. Незадолго до нашего выхода изъ Москвы, колоколъ подался немного на литовскую сторону, въ чемъ москвитяне видѣли добрый знакъ, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ насъ выжили изъ столицы.

Вся крѣпость застроена боярскими дворами, церквями, монастырями такъ, что нѣтъ ни одной пустыри; въ этомъ смыслѣ она похожа на дворъ шляхтича. Воротъ въ ней четверо: одни ведутъ къ Москвѣ рѣкѣ, другія къ Ивангороду. Надъ воротами Фроловскими на шарѣ стоитъ орелъ, знаменіе герба московскаго. Высокая, толстая стѣна и глубокій, обнесенный съ обѣихъ сторонъ стѣною ровъ отдѣляютъ Кремль отъ Китай-города. Много можно бы написать о послѣдней крѣпости; но всего пересказать неудобно. Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ; ихъ считается до 40,000; какой вездѣ порядокъ (для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника самаго ничтожнаго есть особый рядъ лавокъ, даже цырульники брѣютъ въ своемъ ряду), какое безчисленное множество осадныхъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій на башняхъ, на стѣнахъ, при воротахъ и на землѣ. Тамъ между прочимъ я видѣлъ одно орудіе, которое заряжается сотнею пуль и столько же даетъ выстрѣловъ; оно такъ высоко, что мнѣ будетъ по плечо, а пули его съ гусиныя яйца; стоитъ противъ воротъ, ведущихъ къ живому мосту. Среди рынка я видѣлъ еще мортиру, вылитую, кажется, только для показа; сѣвъ въ нее, я на цѣлую пядень не доставалъ головою до верхней стороны капала. А похолики наши обыкновенно влѣзали въ это орудіе человѣка по три и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна.

Церковь св. Троицы стоитъ на рву къ кремлевской сторонѣ; въ ней 30 алтарей. Въ вербное воскресенье патріархъ совершаетъ торжественное шествіе къ церкви на ослѣ или на бѣломъ конѣ отъ храма Пречистой Богородицы; самъ царь ведетъ осла патріаршаго за поводъ и помогаетъ святителю сойти на землю, поддерживая его подъ руку. Все духовенство, сколько ни есть его въ въ Москвѣ, торжественно провожаетъ патріарха съ образами, а народъ стелетъ предъ нимъ дорогія ткани, забѣгая впередъ. Къ этому дню стекается въ Москву великое множество людей изъ окрестностей. Въ томъ же замкѣ содержалась во рву, обнесенномъ оградою, львица, которая потомъ издохла отъ голода во время осады.

На рынкѣ стоятъ всегда до 200 извощиковъ, т. е. хлопцевъ съ одинакими санями, запряженными въ одну лошадь. Кто захочетъ быть въ отдаленной части города, тому лучше нанять извощика, чѣмъ идти пѣшкомъ; за грошъ онъ скачетъ, какъ бѣшеный, и поминутно кричитъ во все горло: гисъ, гисъ, гисъ, а народъ разступается въ обѣ стороны. Въ извѣстныхъ мѣстахъ извощикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другого гроша. Этимъ способомъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе и немало платитъ своему государю.

Въ Китаѣ-городѣ 6 воротъ и болѣе 10 башенъ; мостъ изъ него черезъ Москву рѣку наведенъ живой. Вся крѣпость застроена домами, частію боярскими, частію мѣщанскими, а болѣе лавками; пустыхъ мѣстъ мало, только при самомъ рвѣ, отдѣляющемъ ее отъ Кремля. Китай-городъ и Кремль находятся внутри третьяго замка Ивангорода, который окруженъ валомъ и выбѣленною стѣною, отчего нѣкоторые называютъ его Бѣлымъ городомъ. Въ немъ столько же воротъ, сколько башенъ. Всѣ же замки обтекаетъ Москва-рѣка; въ ней много мѣстъ мелкихъ, но топкихъ; оттого наши охотнѣе переплывали ее, нежели переходили вбродъ. Ивангородъ равнымъ образомъ застроенъ домами бояръ и посадскихъ людей, такъ что нѣтъ ни одного пустого мѣста; только при воротахъ, ведущихъ въ Кремль и Китай городъ, есть небольшое незастроенное пространство. Впрочемъ, какъ дома находятся въ значительномъ разстояніи отъ стѣнъ и палисадниковъ, то здѣсь довольно много мѣста для защиты отъ непріятеля.

До прихода нашего всѣ три замка обнесены были деревянною оградою, въ окружности, какъ сказываютъ, около 7 польскихъ миль, а въ вышину въ 3 копья. Москва рѣка пересѣкала ее въ двухъ мѣстахъ. Ограда имѣла множество воротъ, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башнѣ и на воротахъ стояло по 4 и по 6 орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, коихъ такъ тамъ много, что перечесть трудно. Вся ограда была изъ теса; башни и ворота весьма красивыя, какъ видно, стоили трудовъ и времени. Церквей вездѣ было множество, и каменныхъ, и деревянныхъ; въ ушахъ гудѣло, когда трезвонили на всѣхъ колоколахъ. И все это мы въ три дня обратили въ пепелъ; пожаръ истребилъ всю красоту Москвы. Уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, гдѣ мы сами укрывались отъ огня; а впослѣдствіи русскіе сожгли и Китай-городъ; Кремль же мы сдали имъ въ цѣлости. См. Устрялова Сказ. соврем. о Дмитр. Самозв., изд. третье, ч. II, стр. 56—60.

18. Адамъ Олеарій (1636 г.).

Что касается Москвы, стольнаго и главнаго города во всемъ

великомъ княжествѣ, то она весьма заслуживаетъ того, чтобы подробнѣе здѣсь поговорить о ней.

Имя свое получила она отъ рѣки Москвы (Mussca), которая течетъ черезъ городъ въ южной его части и обтекаетъ красную стѣну. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что высота полюса надъ небосклономъ Москвы, какъ онъ слышалъ отъ другихъ, равняется 58°; онъ же съ своей астролябіей 9-го іюня въ полдень нашелъ высоту солнца въ 58°. Полагаю по новому календарю, что когда солнце находилось въ 18° близнецовъ и имѣло слѣдовательно 23° склоненія, послѣднее число градусовъ отнято отъ высоты солнца; тогда получится высота равноденственника въ 35°. Отнявъ это число отъ всего квадранта 90°, останется 55°, а не 50°, какъ выходитъ по исчисленію изъ принятой имъ, Герберштейномъ, высоты. Если исчислять по старому календарю, то и такое исчисленіе также не будетъ согласно съ мнѣніемъ Герберштейна. Самъ я неоднократными наблюденіями нашелъ высоту полюса въ 55° 36′ широты. Долгота же равняется 66°, сколько я могъ дознать по времени луны въ полуденной линіи [3]).

Городъ лежитъ въ серединѣ, какъ бы въ сердцѣ страны, и москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ во всѣ стороны на 120 миль, но мили эти, впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Величина его въ окружности считается до 3 нѣмецкихъ миль, но въ прежнія времена онъ былъ, должно быть, вдвое больше. Матѳій изъ Мѣхова пишетъ, что въ его время Москва была вдвое больше, чѣмъ Флоренція въ Тосканѣ или Прага въ Чехіи. Но въ 1571 году, во время великаго нашествія крымскихъ или перекопскихъ татаръ и въ другой разъ въ 1611 году поляками она была совершенно выжжена до самаго Кремля, какъ повѣствуетъ объ этомъ Гельмольдъ въ своей Славянской хроникѣ [4]), Хитрей [5]) подъ тѣмъ же годомъ въ своей Саксоніи, Меттеранъ подъ 1572 г. и Петрей въ своей Московской хроникѣ и какъ сами русскіе разсказываютъ объ этомъ.... Говорятъ, что и теперь еще можно насчитать тамъ до 40.000 погорѣлыхъ, жилыхъ прежде мѣстъ.

---

[3]) По нынѣшнему исчисленію 55° 45′ с. ш. 55° 14′ в. д. (Примѣчаніе О. Бодянскаго).

[4]) Но Гельмольдъ довелъ свое Chronicon Slavorum et Venedorum только по 1168 г., Арнольдъ продолжилъ его по 1209 г., а неизвѣстный Бремен. пресвитеръ по 1448 г. (Примѣч. Бодянскаго).

[5]) Chronicon Saxoniae. (Примѣч. Бодянскаго).

Жилые городскіе дома (за исключеніемъ принадлежащихъ боярамъ и богатѣйшимъ изъ купцовъ и нѣмцевъ, которые на дворахъ своихъ имѣютъ каменныя палаты) построены изъ дерева, изъ положенныхъ другъ на друга (на концахъ крестообразно) сосновыхъ и еловыхъ балокъ. Крыши на домахъ дѣлаются изъ тесу, поверхъ котораго настилается березовая кора, а иногда и дернъ, отчего бываютъ частые большіе пожары, такъ что не проходитъ не только мѣсяца, но даже недѣли, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, а иногда, при сильномъ вѣтрѣ, и цѣлыхъ улицъ. Во время нашего пребыванія нѣсколько разъ случалось такъ, что ночью видѣли огонь въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ въ одно и то же время. Незадолго до пріѣзда нашего въ Москву въ ней выгорѣла цѣлая треть города, и то же самое повторилось и 4 года тому назадъ.

При подобныхъ несчастіяхъ наряжаются стрѣльцы и особая стража, которые должны дѣйствовать противъ огня; но огонь тамъ никогда не тушатъ водою, а прекращаютъ распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящія строенія для того, чтобы огонь, потерявъ силу, потухъ самъ собою. Для этой же цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ. Въ каменныхъ палатахъ и подвалахъ, для предохраненія отъ сосѣдняго пожара, дѣлаются маленькія оконца, которыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ листоваго желѣза. Но погорѣльцы, потерявшіе дома свои отъ пожара, скоро поселяются въ новыхъ домахъ: въ Москвѣ, за Бѣлой стѣной, есть особый рынокъ разныхъ построекъ, и тамъ стоитъ множество совсѣмъ сложенныхъ и разобранныхъ домовъ, которые покупаются, перевозятся съ небольшими издержками на мѣсто и быстро устанавливаются.

Улицы въ Москвѣ довольно широки, но осенью и вообще въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; поэтому лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положенныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ, какъ по мосту.

Весь городъ москвичи раздѣляютъ на 4 главныя части (округа). Первый изъ нихъ называется Китай-городъ, т. е. средній городъ, потому что занимаетъ самое среднее мѣсто города; онъ обведенъ толстою красною каменною стѣною, которая и называется „Красная стѣна“. Съ южной стороны, какъ выше сказано, онъ замыкается р. Москвою, а съ сѣверной—р. Неглинной, которая позади Кремля соединяется съ р. Москвою. Почти половину этой части города занимаетъ великокняжескій замокъ Кремль (Kremlin), который величиною съ порядочный городъ, обведенъ

тройною толстой каменною стѣной и глубокимъ рвомъ и достаточно снабженъ отличнымъ оружіемъ и воинами. Внутри стѣнъ находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патріархомъ, важнѣйшими государственными сановниками и боярами. Хотя прежній великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, бывшій еще въ живыхъ тогда, когда мы были въ Москвѣ, и выстроилъ хорошія каменныя палаты, а для сына своего, теперешняго великаго князя, великолѣпнѣйшій дворецъ и палаты въ итальянскомъ родѣ, но самъ, какъ говорили намъ, ради здоровья жилъ въ деревянномъ дворцѣ. Нынѣшній патріархъ также выстроилъ для помѣщенія своего великолѣпнѣйшій дворецъ, который развѣ немного чѣмъ будетъ похуже великокняжескаго.

Кромѣ двухъ монастырей, мужскаго и женскаго, насчитывается въ немъ до 50 каменныхъ церквей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія и самыя большія—св. Троицы, св. Маріи, св. Михаила (въ немъ погребаются великіе князья) и св. Николая. Въ одной изъ этихъ церквей, находящейся на лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на представленіе) есть огромной величины двери о двухъ створахъ, всѣ обитыя толстымъ листовымъ серебромъ.

Всѣ эти, равно какъ и всѣ другія каменныя церкви по всей странѣ, имѣютъ по 5 бѣлыхъ башенъ, на вершинахъ которыхъ водружены тройные кресты... Но въ Кремлѣ церковныя главы покрыты гладкою, крѣпко золоченою жестью, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу снаружи великолѣпный видъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, когда въѣзжали въ городъ, говорили: „Снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же онъ Вифлеемъ“.

На самой срединѣ площади въ Кремлѣ стоитъ чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иванъ Великій, глава которой обита упомянутою сейчасъ золоченой жестью, а на самой колокольнѣ множество колоколовъ. Рядомъ съ этой стоитъ другая колокольня, на которой вылитъ самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, при великомъ князѣ Борисѣ Годуновѣ. Въ этотъ колоколъ звонятъ только во время большихъ торжествъ, или въ праздники, какъ называютъ ихъ русскіе, а также при встрѣчѣ великихъ пословъ и при шествіи ихъ на торжественное представленіе; для звона употребляются 24 человѣка и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ 2 длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни, звонятъ такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ то съ одной, то съ другой стороны. Но при этомъ

нужно звонить осторожно, чтобы избѣгнуть сильнаго сотрясенія колокольни и возможной опасности отъ ея паденія; для этого наверху, у самаго колокола тоже стоятъ нѣсколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола.

Въ этомъ же Кремлѣ находятся великокняжескія казнохранилища, продовольственные и пороховые дома.

Внѣ Кремля, въ части Китай-городъ, съ правой стороны большихъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ искусно построенная церковь св. Троицы, строитель которой по окончаніи ея былъ ослѣпленъ по приказанію тирана съ тою цѣлью, чтобы онъ уже не могъ сдѣлать другой подобной.

Недалеко отъ этой церкви находится . . . . площадь, на которой прямо на землѣ лежатъ несдвигаемо два огромныхъ металлическихъ орудія по направленію къ большой улицѣ, черезъ которую татары обыкновенно дѣлали свои вторженія. Передъ Кремлемъ находится самый большой и лучшій рынокъ во всемъ городѣ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ, мущинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающагося народу; недалеко отъ площади торговки имѣютъ свои лавочки съ полотняннымъ товаромъ; нѣкоторыя изъ торговокъ стоя торгуютъ мелкими вещами, держатъ во рту перстни обыкновенно съ бирюзою, продаютъ ихъ, при чемъ, какъ сообщали мнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ торгуютъ еще и кое-чѣмъ другимъ.

На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены извѣстныя мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ и промышленныхъ издѣлій, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковыхъ, суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другіе каждый имѣютъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Такой порядокъ очень удобенъ, потому что каждый знаетъ, куда ему идти и гдѣ онъ можетъ купить то или другое. Недалеко же отъ Кремля, въ улицѣ, идущей направо, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно продаются писаные образа ихъ древнихъ святыхъ. Русскіе, впрочемъ, куплю иконъ не называютъ куплею, а говорятъ, что они вымѣниваютъ ихъ на деньги, и при этомъ большаго запроса не бываетъ.

Далѣе направо, когда пойдешь отъ посольскаго двора въ Кремль, есть особая площадка, на которой русскіе во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый у нихъ Вшивымъ, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ.

Въ этой части живутъ также лучшіе и знатнѣйшіе гости, или купцы, а равно и нѣкоторые изъ московскихъ князей.

Другой округъ города, называемый Царь-городъ, лежитъ въ формѣ полумѣсяца, окруженъ также крѣпкой каменной стѣной, которую русскіе называютъ Бѣлая стѣна, и посреди него течетъ рѣка Неглинная. Здѣсь живутъ многіе бояре и московскіе князья, боярскія дѣти или благородные люди, важнѣйшіе граждане и купцы, которые ведутъ торговлю въ разныхъ мѣстахъ по всей странѣ; кромѣ того, здѣсь живутъ всякаго рода промышленники, преимущественно же хлѣбники. Тутъ же находятся сѣменныя и мучныя лавки, мясныя, скотный рынокъ, кабаки съ продажею пива, меда и водки. Въ этомъ округѣ находится и конюшня Его Царскаго Величества, а равно и монетный или литейный дворъ, стоящій на мѣстѣ, называемомъ Поганый прудъ, при рѣчкѣ Неглинной, на которомъ выливается множество пушекъ и большіе колокола. До этого времени русскіе имѣли у себя одного искуснаго мастера, по имени Ганса Фалькена изъ Нюренберга, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ только наглядкою выучились отливать довольно изрядно. Гансъ Фалькенъ особымъ пріемомъ отливалъ такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26-фунтовыми ядрами, количествомъ пороха въ 25 фунтовъ; этимъ мастерствомъ онъ до того прославился въ Голландіи, что о немъ упоминается въ голландскомъ изданіи Меттерана.

Третья часть города называется Скородомъ, самая крайняя, простирающаяся на сѣверъ, востокъ и западъ около Царьгорода: она имѣла нѣкогда, до сожженія города татарами, какъ говорятъ, до 25 верстъ, или 5 нѣмецкихъ миль въ окружности. Рѣка Яуза протекаетъ эту часть города и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находится дровяной и упомянутый выше домовый рынокъ, на которомъ можно купить домъ и въ два дня выстроить его совершенно готовымъ на другомъ мѣстѣ города, потому что продающіяся бревна всѣ заготовлены, пригнаны другъ къ другу, и ихъ стоитъ только сложить на новомъ мѣстѣ и проконопатить мохомъ.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкая слобода: она лежитъ въ южной части, за Москвой рѣкой, въ сторону къ татарской землѣ, окружена заборами на подобіе частокола или изгороди изъ кольевъ и деревянными бульверками. Часть эта построена отцемъ тирана Василіемъ для иноземныхъ воиновъ—поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ и названа Налейки (Naleiki), именно по причинѣ господствовавшаго тамъ пьянства; ибо слово „налей“ (Noli) значитъ у русскихъ поднеси. Это особое помѣщеніе для иноземныхъ войскъ устрое-

но потому, что иноземцы преданы пьянству еще болѣе москвитянъ, и такъ какъ нельзя было надѣяться искоренить въ нихъ эту привычку, такъ давно ими усвоенную и сдѣлавшуюся даже ихъ врожденнымъ порокомъ, то имъ и предоставили полную свободу пить; а чтобы русскіе не могли заразиться дурнымъ примѣромъ (хотя, впрочемъ, и они очень наклонны къ обжорству и пьянству, и у нихъ только нѣсколько дней въ году, именно въ самые большіе праздники, пьянство строго воспрещается), то положено, чтобы горькіе пьяницы жили уже одни, за рѣкою; такъ объясняется это у Герберштейна въ „Commentaria rerum Moscoviticarum“ и у Гваньино. Теперь же въ этомъ округѣ живутъ стрѣльцы, или солдаты, состоящіе на службѣ у Его Царскаго Величества, и другой черный (простой) народъ.

Внутри и внѣ стѣнъ города Москвы находится множество церквей, часовенъ и монастырей. Въ первомъ изданіи я опредѣлилъ число ихъ до 150, что показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ Іоанну Людвигу Готфриду въ его „Archontologia Cosmica“; но я показалъ тогда еще мало, какъ дознался я это потомъ изъ дальнѣйшихъ вѣрныхъ извѣстій частью отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже прожившихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ москвитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ въ Голштиніи нѣсколько времени при поимкѣ плѣнника ихъ ложнаго Шуйскаго и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Эти-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ.

Почти черезъ каждые пять домовъ тамъ стоитъ часовня. Теперь же каждый большой бояринъ строитъ себѣ свою часовню, содержитъ на свой счетъ собственнаго своего священника и одинъ съ домочадцами своими слушаетъ у себя божественную службу. По приказанію теперешняго патріарха, вслѣдствіе часто случающихся пожаровъ, бо́льшая часть часовенъ деревянныхъ сломаны, и на мѣсто ихъ повыстроены каменныя; но онѣ—небольшія и нѣкоторыя внутри не выше 15 футовъ...

Пут. Голшт. посольства въ Московію и Персію стр. 105—113, пер. Барсова. Olearius, Moscovitische u. Persische Reisebeschr., 1647, стр. 72—75.

19. *Павелъ, архидіаконъ алеппскій* (1653).

....Мы въѣхали въ городъ Москву. Сначала мы проѣхали земляныя стѣны и большой ровъ, окружающіе все мѣсто; потомъ проѣхали вторую стѣну—каменную, построенную прапрадѣдомъ царя, великимъ княземъ Ѳеодоромъ, насыпавшимъ и земляныя стѣны, окружность ко-

ихъ—30 верстъ; на ней всюду деревянныя башни и ворота. Окружность второй стѣны, каменной, семь верстъ. Затѣмъ мы проѣхали третью стѣну, каменную и кирпичную, а потомъ четвертую, называемую замкомъ потому, что она очень крѣпка и защищена очень глубокимъ рвомъ, по краямъ коего двѣ стѣны; внутри—двѣ другихъ стѣны съ зубцами (turrets) и бойницами. Въ замкѣ живетъ царь; въ немъ пятеро воротъ, а въ каждыхъ воротахъ разныя двери изъ блестящаго желѣза. Въ серединѣ есть желѣзныя ворота, въ родѣ клѣтки, которыя поднимаются и опускаются съ помощью механизма. Всѣ ряды стѣнныхъ бойницъ направлены къ низу и сдѣланы такъ, что укрыться подъ стѣною и приблизиться къ ней никакимъ образомъ нельзя; онѣ очень глубоки.

Когда мы проѣхали Царскія ворота (т.-е. Спасскія), насъ привели въ монастырь по близости отъ нихъ, служившій прежде помѣщеніемъ для патріарховъ, каменный, во имя св. Аѳанасія и Кирилла; первый—Александрійскій, а второй—Бѣлозерскій, одинъ изъ ихъ новыхъ святыхъ. Наше сердце готово было разорваться, когда мы въѣхали въ городъ; мы горько плакали, видя, какъ обезлюдѣла большая часть домовъ, въ какомъ ужасномъ унынiи улицы по милости лютой, опустошившей ихъ чумы. Владыка-патріархъ направо и налѣво благословлялъ народъ, а я, архидіаконъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ, по ихъ обычаю, стоялъ сзади, держась за углы саней. Пріѣхавъ въ свое помѣщеніе, мы отслужили Богу благодарственный молебенъ—да превознесется и прославится имя Его!—за то, что по благости Своей онъ даровалъ намъ узрѣть сей обширный градъ, сію новую греческую митрополію, градъ церквей и монастырей, прославляемый по свѣту...

....Хоромы въ этомъ городѣ большею частію все новыя, каменныя и кирпичныя, выстроенныя поевропейски, какъ недавно научились строить москвитяне у нѣмцевъ, или германцевъ. Мы не могли надивиться ихъ красотѣ и затѣйливости, прочности и искусному устроенію, изяществу, множеству оконъ и изукрашенныхъ узорами колоннъ съ каждой стороны, вышинѣ ярусовъ, точно онѣ—крѣпости, безчисленнымъ ихъ башнямъ, пестротѣ ихъ масляной окраски внутри и снаружи стѣнъ; можно подумать, что онѣ покрыты плитами настоящаго мрамора или мелкой мозаикой. Приготовляемый въ этой странѣ кирпичъ очень хорошъ, гладокъ, по твердости, вѣсу и краснотѣ похожъ на лучшій антіохійскій. При изготовленіи его они подбавляютъ какъ можно больше песку и пріобрѣли въ этомъ дѣлѣ большое умѣнье. Онъ очень дешевъ; тысячу можно купить за одинъ піастръ; оттого-то большая часть здѣшнихъ строеній изъ кирпича. Каменьщики желѣз-

ными орудіями пестрятъ его удивительными узорами—его не отличишь отъ камня. Известь у нихъ тоже хороша, крѣпка и держитъ лучше алеппской; выстроивъ кирпичное зданіе, они бѣлятъ его известкой, и она такъ крѣпко пристаетъ къ нему, что не отвалится и во сто лѣтъ. Отъ этого строеніе кажется съ виду каменнымъ. Всего удивительнѣй то, что изъ сушильни они выставляютъ кирпичи рядами наружу, прикрывъ только досками; подъ дождемъ и снѣгомъ они стоятъ пять или шесть лѣтъ, какъ мы видѣли, не портясь и нисколько не измѣняясь. Всѣ ихъ постройки сдѣланы на известкѣ, такъ же, какъ въ нашей странѣ древніе строили зданія. Измельчивъ известь, они подбавляютъ къ ней просѣяннаго песку; потомъ брызгаютъ на кирпичи водою, окунаютъ въ известь и поставивъ двойнымъ рядомъ вдоль стѣны, промежутокъ между ними засыпаютъ щебнемъ и заливаютъ известкой; менѣе чѣмъ въ часъ все это крѣпко сплачивается и образуетъ одну прочную массу. Строиться можно лишь шесть мѣсяцевъ въ году. Постройки этого города связываются обыкновенно громадными желѣзными скрѣпами внутри и снаружи; двери и окна снабжаются красивыми рѣшетками изъ блестящаго желѣза, нижнюю часть строенія замѣняетъ сводчатая основа (tower) съ 4 устоями (pillars) и 4 арками; въ средину каждой арки упирается ближайшая верхняя, съ удивительнымъ искусствомъ; ибо они, красиво обтесывая камень и просверливая его, пропускаютъ насквозь желѣзный стержень съ пазами въ шишкахъ, кои они заклепываютъ; на этомъ они возводятъ строеніе, представляющее изъ себя чудо искусства—въ серединѣ оно отдѣлено и стоитъ съ пріятнымъ уклономъ (?). Эти видѣнныя нами здѣсь прекрасныя зданія въ сильной степени возбуждали наше удивленіе. The travels of Macarius written by archdeacon Paul of Aleppo transl. by Belfour, p. IV, стр. 363, 397.—(Англійскій переводчикъ Бельфуръ говоритъ, что послѣднія строки представляютъ въ арабскомъ текстѣ большія трудности для перевода).

21. *Карляйль* (1663).

Г. Москва, вмѣстѣ съ другими городами Московіи, имѣетъ тотъ недостатокъ, что выстроенъ подобно имъ изъ дерева, за исключеніемъ главныхъ зданій. Вмѣсто мостовой тамъ положены еловыя бревна сплошнымъ рядомъ поперекъ улицъ. Въ нашу бытность видомъ онъ напоминалъ почти кругъ и въ окружности имѣлъ по крайней мѣрѣ 4 мили; по вслѣдствіе того, что тамъ часты пожары, видъ его и объемъ не остаются долго одинаковы. Улицы довольно широки, и мѣстами, чтобы препятствовать силѣ огня, оставлены промежутки. Но такъ какъ дома у нихъ изъ легко воспламеняющагося матеріала, то и

бываетъ немало хлопотъ, чтобы предупредить его распространеніе. Первое средство у нихъ—ломать сосѣдніе дома, чтобы съ устраненіемъ всего горючаго заставить пламя погаснуть. Это не всегда удается; когда вѣтрено, случается, что въ короткое время выгораетъ большая часть города.

Городъ имѣетъ три стѣны—кирпичную, каменную и деревянную, раздѣляющія четыре четверти города—Китай-городъ, Царь-городъ, Скородомъ и Стрѣлецкую слободу. Стѣна кирпичная отдѣляетъ Китай-городъ отъ остальнаго города; каменная—принадлежитъ къ Царь-городу, а деревянная—служитъ оплотомъ Стрѣлецкой слободѣ, которая собственно есть мѣстопребываніе стрѣльцовъ, или мушкетеровъ царской гвардіи.

Изъ рѣкъ, текущихъ городомъ, Москва—рѣка хорошая; она дала ему имя; начинается въ Тверской области, впадаетъ въ Волгу, гдѣ оная соединяется съ Окой близъ Коломны. Кромѣ нея, есть Неглинная и Яуза, двѣ рѣчки, текущія городомъ и впадающія въ Москву.

Кромѣ поименованныхъ рѣкъ, лучшее украшеніе городу—множество церквей и часовенъ да царскій замокъ, называемый Кремлемъ (Cremelena). Церкви у нихъ обыкновенно каменныя, со сводами, круглой формы; онѣ составляютъ большое украшеніе городу колокольнями, покрытыми латунью, коей блескъ какъ будто удваивается отъ лучей солнца. Церквей и часовенъ насчитываютъ въ Москвѣ до двухъ тысячъ.

Замокъ царскій имѣетъ въ окружности около двухъ миль. Въ немъ прекрасный дворецъ, каменный, въ итальянскомъ вкусѣ, и другой—деревянный, гдѣ царь предпочитаетъ жить, какъ въ болѣе здоровомъ. Патріархъ и разные бояре тоже имѣютъ каменные дома въ замкѣ; кромѣ того, тамъ два монастыря—мужской и женскій. Тамъ много также каменныхъ церквей и часовенъ—одна между прочимъ во имя Св. Михаила, гдѣ погребаются цари. Всѣ главы церквей крыты мѣдью, горящей на солнцѣ точно золото, а на главахъ—кресты изъ массивнаго золота... Укрѣпленія замка тоже значительны; кромѣ пушекъ, тамъ есть большой ровъ и кругомъ три крѣпкихъ стѣны. Нѣкоторые изъ нашихъ, желая взглянуть на ровъ, перешли было мостъ; но москвитяне попросили проходить и не трудиться разглядывать ихъ сооруженія. Въ Москвѣ не мало грековъ, персіянъ и татаръ; но жидовъ они къ себѣ не пускаютъ. Изо всѣхъ чужеземцевъ наиболѣе радушно принимаютъ они грековъ, какъ во многомъ съ ними сходныхъ, особенно же въ религіи. Протестантовъ принимаютъ тоже хорошо, предоставляютъ имъ свободно совершать богослуженіе, но католикамъ не позволяютъ; они вообще ихъ не любятъ. А чтобы чужестранцамъ-

христіанамъ жилось привольнѣй, существуетъ слобода, или предмѣстье внѣ города, гдѣ большинство ихъ и живетъ посвоему. Тамъ-то и живутъ обыкновенно нѣмцы, англичане, голландцы и поляки. Carlisle, A relation of three Ambassies... in the years 1663 and 1664. London. 1668. стр. 135—139.

21. *Августинъ Майербергъ.* (1661).

... Городъ Москва, когда-то самый обширный и населенный, но много разъ терпѣвшій случайные пожары, а въ 7079 г. отъ сотворенія міра и въ 1570 г. отъ Рождества Христова, 24 го мая, весь выжженный перекопскими татарами и въ 1611 г. поляками, нынѣ въ болѣе тѣсной окружности 21-ой версты, имѣетъ гораздо меньшую часть жителей противъ того, сколько ихъ отведено въ литовскій и польскій полонъ. По замѣчанію другихъ моихъ предшественниковъ, при большинствѣ домовъ находятся обширные пустыри и дворы; къ очень многимъ домамъ примыкаютъ еще огороды, плодовитые сады да, кромѣ того, раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга довольно обширные луга, въ перемежку съ ними безчисленныя, можно сказать, церкви и часовни; слѣдовательно, въ ней и нѣтъ такого множества народа, какъ полагали нѣкоторые, обманувшись ея обширностью съ вида. Въ ней крѣпость, называемая Кремль, мѣстопребываніе великихъ князей, не меньше средней величины города, впервые обнесенная каменной стѣной Иваномъ, сыномъ Василія Темнаго; она стала гораздо укрѣпленнѣе съ прибавкою рва и другихъ улучшеній. Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. Потому что хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но благодаря множеству рѣкъ имѣетъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями.

Пут. въ Московію въ 1661 г., изд. Импер. общ. ист. и древн. россійск., 1874 г. стр. 121—122.

22. *Стрюйсъ.* (Strausz) (1668—1670).

Г. Москва получилъ имя отъ рѣки Москвы; онъ лежитъ подъ 50°37′ с. ш. Онъ очень великъ и въ окружности имѣетъ 9 часовъ. До разоренія татарами онъ былъ когда-то еще больше. Издали онъ очень красивъ по множеству церквей и башенъ и дѣлится на 4 части: Китай-городъ, или Средній городъ, Царь-городъ, Скородомъ и Стрѣлецкую слободу.

Китай-городъ, лежащій въ серединѣ другого города, окруженъ каменной стѣною, которую называютъ красной. Съ юга протекаетъ р. Москва, съ сѣвера—Неглинная, впадающая за большимъ княжескимъ замкомъ въ Москву. Замокъ съ дворцами и церквями занимаетъ больше половины Китай-города и называется у москвитянъ Крымгородомъ. Онъ, кромѣ стѣнъ, укрѣпленъ нѣсколькими сооруженіями и полукружіями (halben Mohnden), и снабженъ множествомъ металлическихъ орудій и лучшимъ гарнизономъ. Среди этихъ зданій стоитъ чрезвычайно украшенная церковь, гдѣ виситъ присланная съ посломъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ штатами ради почета его величеству серебряная люстра. Помимо этой, тамъ есть и еще большія и столь же красивыя церкви — св. Михаила, гдѣ погребаютъ усопшихъ царей, царицъ и ихъ дѣтей; потомъ Troitsis Maria и св. Николая. Это самыя большія; въ Китай-городѣ ихъ всего 56. Внутри замка два прекрасныхъ монастыря—для юношей и для дѣвицъ. Первый скорѣй слѣдовало бы назвать дворянской школой, чѣмъ монастыремъ: сюда отдаютъ сыновей на воспитаніе преимущественно бояре и вельможи, чтобы удалить ихъ отъ дурного сообщества и научить благоправію. По достиженіи 16 лѣтъ они могутъ выйти, но дѣвицамъ этого нельзя—онѣ весь вѣкъ остаются тамъ монахинями. Среди замка стоитъ высокая башня, называемая у москвитянъ Иваномъ Великимъ; она покрыта золоченой мѣдью. Разъ былъ на башнѣ царь Борисъ Бодуновъ (я слышалъ это отъ знатныхъ людей) съ посломъ персидскаго царя, чтобы поглядѣть на Москву и окрестности. Разговорились они о великомъ повиновеніи, какое оказывалось обоимъ царямъ не только простымъ народомъ, но и знатью. Царь сказалъ: „да, мои вѣрны мнѣ до смерти безъ прекословія: вели я кинуться съ этой башни, мнѣ никто и слова не скажетъ“. Онъ призвалъ одного изъ бояръ и спросилъ: окажетъ ли онъ ему услугу къ его чести? Бояринъ трижды земно поклонился: „да, государь, хоть бы стоило это мнѣ жизни“. — Кинься-ка съ этой башни, сказалъ царь. Какъ только услыхалъ бояринъ это, онъ, не разбѣгаясь, кинулся внизъ, а царь хотѣлъ только испытать его и, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ кинуться, то и удержать. Боярина схоронили съ княжескимъ великолѣпіемъ, а наслѣдники за его великое послушаніе были щедро награждены.

Недалеко отъ Ивана Великаго стоитъ еще башня съ толстыми перекладинами, на коихъ виситъ громадный колоколъ — болѣе чѣмъ въ 394,000 фунтовъ; одинъ лишь языкъ его вѣситъ 10,000 ф. Колоколъ въ ширину 23 фута, а въ толщину два фута; раскачиваютъ его по 50 человѣкъ съ двухъ сторонъ. Звонятъ въ него рѣдко—только по

большимъ праздникамъ да при пріемѣ пословъ; онъ издаетъ столь сильный звукъ, что дрожитъ земля. Въ замкѣ же есть нѣсколько и другихъ прекрасныхъ хоромъ боярскихъ; въ ихъ числѣ — красивыя хоромы патріарха. Внѣ Китай-города (?) передъ замкомъ стоитъ чудесная, искусно выстроенная церковь, какой не видалъ я за все свое путешествіе. Говорятъ, она построена на образецъ храма въ Іерусалимѣ, по имени коего и называется. Близъ нея—большой торгъ, гдѣ много лавокъ со всевозможными товарами. Для каждаго товара—своя улица, или рядъ, такъ что люди одной и той же профессіи находятся другъ около друга. Въ этой части города проживаютъ знатные купцы, князья и значительныя лица теперь большею частію въ каменныхъ домахъ, чтобы лучше предохранить свои свои товары отъ пожаровъ.

Царь-городъ, другая часть Москвы, окружаетъ Китай-городъ полумѣсяцемъ; онъ обнесенъ прочной стѣной, которую москвитяне зовутъ Бѣлой. Срединою его течетъ р. Неглинная. Здѣсь у его величества большой литейный заводъ для литья пушекъ и колоколовъ; здѣсь же у него и конюшни; большіе рынки—бычій и скотный, бойни и мясныя лавки, гдѣ торгуютъ между прочимъ и кониной (Pferdefleisch) (?); здѣсь же продаютъ и зерновой хлѣбъ, муку и др. припасы.

Третья часть называется Скородомъ; она огибаетъ Царь-городъ съ востока, запада и сѣвера. Тутъ есть домо́вый рынокъ, гдѣ дешево продаются дома—большіе и малые, срубленные изъ бревенъ, кои легко можно пригнать одно къ другому и вновь разобрать. Пожары тамъ бываютъ на недѣлѣ по два либо по три заразъ—у кого сгоритъ домъ, тому нѣтъ особеннаго убытка или хлопотъ, развѣ ужъ много погоритъ товару; а другой утвари много сгорѣть не можетъ, ибо хозяйство у москвитянъ скудное. У кого сгоритъ домъ, тотъ на слѣдующій же день можетъ купить другой. Даже смежные дома въ виду опасности часто поспѣшно разбираются и переносятся на другое мѣсто.

Четвертая и послѣдняя часть называется Стрѣлецкой слободой; лежитъ она къ югу за р. Москвой по направленію къ Татаріи. Она укрѣплена не только деревянной, но и земляной оградой; называется такъ потому, что здѣсь живутъ царскіе солдаты, или стрѣльцы.

Въ этихъ четырехъ поименованныхъ частяхъ и предмѣстьяхъ, (какъ говорили мнѣ разные москвитяне и иные достойные вѣры люди) будто бы около 95,000 домовъ, не считая царскаго дворца и того, что къ нему принадлежитъ; церквей съ монастырями насчитываютъ 1700.

Дома большею частію не каменные, а деревянные, въ коихъ большія печи натапливаются часто до того, что нерѣдко происходятъ пожары. За наше шестинедѣльное тамъ пребываніе случился страшный

пожаръ; сгорѣло 30 или 40 тысячъ домовъ, отчего москвитяне понесли страшные убытки, но нѣмцы понесли еще больше. Занялось такъ быстро, горѣло такъ ужасно, что хоть и разобрали много домовъ, однако загорались дома отдаленные, и унять пожаръ было трудно. Его величество для прекращенія пожара разставилъ по 4 частямъ города стрѣльцовъ въ качествѣ пожарныхъ. Но такъ какъ воды въ Москвѣ на улицахъ мало, то они разбирали прежде всего ближайшія постройки, чтобы отнять пищу у огня. Въ городѣ улицы очень широки, безъ мостовыхъ; въ сильный дождь по нимъ невозможно было бы пройти, если бы москвитяне не устлали ихъ сплошь бревнами, а на большихъ топяхъ не возвели мостовъ. Однако въ дождикъ лѣтомъ на нихъ грязь по колѣна, почему и мущины, и женщины вынуждены носить сапоги. См. Iohann Straussens Reysen durch Italien, Griechenland, Liffland, Moscau и т. д. Amsterdam. 1678 стр. 75—77.

23. *Рейтенфельсъ.* 1671.

Столица царства Москва по справедливости должна быть причислена къ обширнѣйшимъ городамъ въ мірѣ. Въ окружности содержитъ она 4 нѣм. мили, съ внѣшней стороны обнесена оградой съ 10 воротами и имѣетъ болѣе 60 тысячъ обитателей. Бояре и кто познатнѣе изъ иностранцевъ и туземцевъ принуждены поэтому ѣздить—зимой на саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ; на всякой улицѣ, у каждыхъ воротъ стоитъ множество извощиковъ съ санями либо повозками и за дешевую цѣну довольно быстро возятъ сѣдока куда ему надо. По вычисленію Олеарія, городъ отстоитъ отъ сѣв. полюса на 40 градусовъ, и самый долгій день—17 часовъ. Климатъ—умѣренный, мѣстоположеніе—красивое. Церквей въ немъ почти все каменныхъ до двухъ тысячъ; онѣ придаютъ городу чудесный видъ. Городъ расположенъ на семи среднихъ по высотѣ холмахъ, кои тоже немало способствуютъ наружной его красотѣ. Дома горожанъ по большой части деревянные, съ рѣдкими окнами; впрочемъ межъ ними кое-гдѣ виднѣются и каменные—бояръ и иноземцевъ. До Іоанна Даниловича, когда онъ именованъ былъ столицей, онъ принадлежалъ нѣкоей фамиліи Тохмата. Непрерывно увеличиваясь, онъ достигъ (какъ нынѣ) необъятныхъ размѣровъ, хотя до татарскихъ набѣговъ былъ еще обширнѣй. Улицы вымощены не камнемъ, а деревянными бревнами, которыя постоянно плаваютъ въ грязи либо покрыты слоемъ пыли; гладкая дорога бываетъ только зимою, когда все покроется снѣгомъ и льдомъ. Рѣкъ—двѣ: судоходная Москва и маловодная Неглинная внутри стѣнъ, а предмѣстьями течетъ средней величины рѣка Яуза. На всѣхъ работаютъ городскія мельницы, хотя жители употребляютъ и ручныя. Не-

подалеку отъ города есть загородные дворцы, куда по временамъ цари ѣздятъ для развлеченія. Между ними замѣчателенъ въ Измайловѣ, съ большимъ садомъ, куда ведутъ четверо высокихъ воротъ и гдѣ множество дорожекъ. Въ полумили отсюда—обширный звѣринецъ, или — лучше сказать—обнесенная частоколомъ пуща съ разными животными, а близъ нея красивая аптека съ садомъ лѣкарственныхъ травъ. Коломенская дача, хотя и деревянная, но тоже красива, какъ игрушка, только что вынутая изъ ящика; она изукрашена мастерской рѣзьбой и золотомъ. Загородный дворецъ въ Преображенскомъ тоже изряденъ и красивъ. Ближе къ городу видна царская житница и много иныхъ меньшаго размѣра хлѣбныхъ складовъ для солдатъ, нѣсколько корчемъ, или кабаковъ—большія деревянныя постройки. Изъ предмѣстій замѣчательна Иноземская слобода, или Кукуй, лежащая отъ внѣшней ограды города недалеко. Дома въ ней деревянные, построены на нѣмецкую стать. Здѣсь, вдали отъ русскихъ, нѣмцы имѣютъ три лютеранскихъ кирки и двѣ кальвинистскихъ—голландскую да англійскую, но безъ колоколовъ; управляются они не выборными властями, а приказомъ. За нею лежитъ обитаемая разнаго рода людомъ слобода Басманная (Basmanik); здѣсь живутъ такъ называемые „выкресты“, т. е. иноземцы, принявшіе московскую вѣру. Впрочемъ немало иноземцевъ живетъ и въ самомъ городѣ, особенно на Поганомъ пруду. За городомъ свободно проживаютъ индѣ греческой вѣры поляки, индѣ и татары со своими мерзостными обрядами. Есть и еще слободы—ямскія, гдѣ живутъ почтари, и солдатскія, или стрѣлецкія. Внутри наружной городской ограды (это мѣсто называется Скородомомъ и Стрѣлецкой слободой) живутъ тоже стрѣльцы. Внутри этой же ограды, но за рѣкой лежитъ часть города, называемая Наливками (Naleuka); ее такъ прозвалъ тиранъ Василій, потому что главнымъ образомъ тамъ разрѣшилъ онъ продажу питей и позволилъ солдатамъ безнаказанно напиваться. Близъ Скородома лежитъ обширная площадь, гдѣ торгуютъ лѣсомъ—бревнами, брусьями, даже мостами, башнями и домами, обдѣланными и готовыми; послѣ покупки ихъ ничего не стоитъ разобрать и перевезти куда угодно. Въ виду постоянныхъ и опустошительныхъ пожаровъ въ городѣ это какъ нельзя болѣе кстати. Внутри этого какъ бы наружнаго города есть другой, обнесенный бѣлою стѣной, высокой и толстой, и называемый Царь-городомъ. Здѣсь есть два завода—одинъ огромный, гдѣ льютъ пушки и колокола, а другой, по величинѣ не уступающій первому, гдѣ дѣлаютъ порохъ; много также каменныхъ и деревянныхъ хоромъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ, и садовъ. Лучше

всѣхъ другихъ красивыя хоромы боярина Артемона Сергѣевича [6]). Тамъ же, за Неглинною, еще виденъ и сооруженный въ 1565 г. Иваномъ Васильевичемъ дворецъ, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время съ своей лютой опричиной. Слѣдуетъ также упомянуть о подворьяхъ — одномъ для пословъ-христіанъ, другомъ для пословъ-магометанъ и язычниковъ; о свободномъ отъ пошлины помѣщеніи шведскихъ купцевъ, о хлѣбномъ, мясномъ и конномъ рынкѣ. Внутри этого круга красныя и высокія стѣны Китай-города опоясываютъ третью часть города. Кромѣ многихъ роскошныхъ зданій бояръ, князя грузинскаго и типографіи, въ ней есть и греческое подворье, хоть, можетъ быть, нѣсколько и уступающее римской грекостасіи, и три большихъ, выстроенныхъ изъ кирпича гостиныхъ двора для иноземныхъ купцовъ. На старомъ торгуютъ товарами, какіе подешевле и попроще; на новомъ, который обширнѣе прочихъ, взимается пошлина и хранятся товары по преимуществу нѣмецкіе; на третьемъ, или персидскомъ армяне, персіяне и татары имѣютъ до 200 расположенныхъ подъ крытой галлереей лавокъ съ разными товарами, составляющими приманку для глазъ. За нимъ тя-

---

[6]) Іоаннъ Арнольдъ Брандтъ (1673) разсказываетъ, что 9-го декабря они были съ своимъ посломъ въ домѣ окольничаго Артемона. Посолъ между длиннымъ рядомъ поставленныхъ въ знакъ почета слугъ прошелъ двумя покоями въ кабинетъ къ Артемону, обитый внутри матеріей, со сводчатымъ потолкомъ, какъ въ капеллѣ. „Тамъ мы оставили посла съ окольничимъ наединѣ, а передъ дверью сталъ тридцатилѣтній карло, очень маленькій. Мы въ это время были во второмъ ближайшемъ покоѣ съ деревяннымъ поломъ изъ квадратныхъ половицъ; по серединѣ висѣла сдѣланная изъ оленьихъ роговъ люстра (Krone), а кругомъ были разные попугаи и иныя прекрасныя птицы въ нарочно для нихъ сдѣланныхъ клѣткахъ; была также прекрасная, большая кафельная печь и разные образа съ поставленными восковыми свѣчами, большое зеркало и длинный, широкій, испещренный разными исторіями и художественно сдѣланный столъ“.

Лизекъ (1675) такъ описываетъ внутреннее убранство въ домѣ Артемона Сергѣевича Матвѣева: Украшеніемъ ему были не только картины и образа нѣмецкой кисти (?), но и часы, представлявшіе любопытное зрѣлище по различному своему устройству. На иныхъ, какъ въ Германіи, стрѣлка показывала съ полудня—они показывали астрономическія сутки; другіе—съ заката солнца, какъ чешскіе и итальянскіе; третьи—съ восхода, показывали или всегда равные часы по вавилонскому времени, или же неравные по жидовскому по череду мѣсяцевъ; на четвертыхъ наконецъ сутки начинались съ полуночи, какъ въ латинской церкви. У другихъ русскихъ въ комнатахъ едва ли что подобное увидишь. Одинъ только этотъ боярин и заявляетъ свою особенную любовь къ иноземцамъ... Lyseck. 75—76.

нется рядъ, гдѣ и зимой торгуютъ въ погребкахъ яблоками, и выходитъ на рыбный рынокъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, на которой наведенъ плавучій мостъ. На противоположномъ берегу, въ мѣстности, называемой Козьимъ болотомъ (Cosabolot), наказываютъ преступниковъ. Зимою, когда замерзаетъ рѣка, они торгуютъ на льду посудой, особенно деревянной, и иными дешевыми товарами. Передъ замкомъ (снова возвращаемся на другой берегъ рѣки) тянется широкая площадь, гдѣ на кирпичномъ помостѣ лежатъ нѣсколько необыкновенной величины пушекъ, а возлѣ нея презатѣйливо выстроенный храмъ Ерусалимъ. Здѣсь и въ сосѣднихъ улицахъ, среди постоянной толкотни, идетъ мелочная торговля предметами первой необходимости; къ площади примыкаетъ мѣстность, въ полмили окружностью, гдѣ находятся лавки со всевозможными товарами. Для каждаго назначенъ свой рядъ: въ одномъ ряду торгуютъ шелковыми матеріями, въ другомъ—шерстью, въ третьемъ—полотномъ, въ четвертомъ—издѣліями серебряными, золотыми и драгоцѣнными камнями, въ пятомъ—благовоніями, въ шестомъ—иностранными винами въ 200 расположенныхъ въ рядъ погребкахъ, въ седьмомъ—иными сортами питей: изъ меда, вишенъ и разныхъ ягодъ; сразу видишь—въ одномъ мѣстѣ всякіе дорогіе мѣха, въ другомъ—колокола, тоноры, подсвѣчники и др. металлическія издѣлія, въ третьемъ—кожи, въ четвертомъ — рукавицы и чулки, въ пятомъ — ковры, занавѣси и разные покровы. Для масла, сала, жира — свой рядъ, для свѣчъ и воску— свой, для деревянной посуды—свой. Въ особомъ мѣстѣ продается кожаная и иная конская сбруя, въ особомъ—мѣховыя издѣлія и шапки. По одну сторону продаются травы и разныя лѣчебныя снадобья, по другую—замки, ключи и иглы; далѣе—шелковыя и золотыя нитки, дѣвичьи уборы и запястья. Въ своемъ мѣстѣ торгуютъ обувью, сапогами такъ же, какъ хмѣлемъ, ячменной мукой, соленой рыбой, сѣномъ, овсомъ. Наконецъ, свой рядъ назначенъ для муки и хлѣба, свой—для иныхъ разнаго рода предметовъ, свой — для старья и низенькихъ цыруленъ. Все это размѣщено въ такомъ порядкѣ съ тою цѣлью, чтобы покупателямъ легче было изъ собранныхъ въ одномъ мѣстѣ одинаковаго рода товаровъ выбрать какіе лучше. Немало придаетъ красы площади то, что на ней нѣтъ ни одного зданія для жилья, чтобы было безопаснѣй отъ пожаровъ, кои тамъ не рѣдки. Площадь тщательно караулится и сторожами, а ремесленники, работающіе при помощи огня, живутъ въ отдѣльномъ мѣстѣ. Близъ площади стоитъ городской приказъ, въ вѣдѣніи коего разбирать дѣла горожанъ, надзирать за рядами, взимать пошлины и т. п.; имъ завѣдуютъ два боярина съ двумя дьяками. Прочія городскія обязанности лежатъ на ста-

ростахъ, сотникахъ и десятникахъ. За р. Неглинной, кромѣ малой аптеки, есть два огромныхъ конюшенныхъ двора, гдѣ около двухъ тысячъ лошадей, двѣ большихъ тюрьмы (коихъ впрочемъ немало и въ другихъ часгяхъ города) съ преступниками, отправляемыми оттуда большею частію въ Сибирь.

Стѣны внутренней части города окружаютъ царскій дворецъ, называемый Кремлемъ. Онъ имѣетъ 5 воротъ, украшенъ многими каменными зданіями и походитъ на довольно большой городъ. Въ немъ болѣе 30 церквей; лучшія — св. Троицы, св. Маріи, св. Михаила, св. Николая и два монастыря—мужской да женскій. Въ Соборной церкви замѣчательно огромное въ видѣ короны паникадило и драгоцѣнное евангеліе; на ея круглой главѣ—тяжелый крестъ изъ чистаго золота. Золоченыя главы блещутъ въ замкѣ, точно солнце, представляя восхитительное зрѣлище. Въ замкѣ же находятся всѣ почти приказы, большая аптека, жилище патріарха и другіе дома царедворцевъ. По срединѣ колокольня, называемая Иванъ Великій, возвышается надъ всѣми прочими; вышиною она поспоритъ съ высочайшими въ Европѣ. Близъ нея находится громадный колоколъ—частію на вѣсу, частію на деревянной подставкѣ, въ 320,000 фунтовъ; народъ не разъ пытался поднять его съ земли, но напрасно; многіе даже поплатились жизнію за безразсудную попытку; царь поставилъ себѣ священнымъ долгомъ сдѣлать болѣе успѣшную попытку. Наконецъ, всю эту громаду какъ бы вѣнчаютъ обширныя царскія палаты, изъ коихъ первыя — каменныя, очень красивыя и большія, вторыя—деревянныя, гдѣ царь живетъ для сохраненія здоровья зимою, третьи — тоже каменныя, прекрасной постройки, гдѣ прежде жилъ теперешній царскій тесть Илья Даниловичъ. См. Reutenfels, De rebus Moschoviticis, Patavii, 1680, стр. 111—118.

24. *Эрколе Зани* (1672).

... Я удивился громадности города. Онъ превосходитъ любой изъ европейскихъ и азіатскихъ. Благодаря этому пѣшкомъ ходить невозможно, а надо ѣздить — зимой на саняхъ, лѣтомъ въ повозкѣ. Для этого при началѣ каждой улицы стоятъ наготовѣ извощики съ санями и повозками. Въ немъ живетъ несчетное множество народа — иные насчитываютъ милліонъ, а иные, болѣе свѣдущіе, немногимъ больше 700 тысячъ. Безъ сомнѣнія, онъ втрое больше видѣнныхъ мною Парижа и Лондона. Онъ заключаетъ въ своей окружности семь холмовъ; церквей, и тамъ и самъ разсѣянныхъ, насчитываютъ свыше 2 тысячъ. Всѣ онѣ—каменныя; главы и колокольни либо вызолочены, либо раскрашены, что издали представляетъ пріят-

ную картину. Два столѣтія тому назадъ одинъ болонскій архитекторъ, по имени Аристотель, нанятъ былъ за большое вознагражденіе въ 1475 г. царемъ Иваномъ Васильевичемъ строить церкви, укрѣпленія и стѣну этого города. Іовій говоритъ, что въ Москвѣ онъ воздвигъ большой каменный храмъ во имя Блаж. Дѣвы. Послѣ женитьбы на деспинѣ, порфироносной дочери Ѳомы Палеолога, родственницѣ императоровъ византійскихъ, этотъ князь сталъ жить съ бо́льшей утонченностью... Хотя большая часть строеній тамъ изъ дерева, однако снаружи они довольно красивы и въ перемежку съ хоромами бояръ представляютъ чудесный видъ. Улицы широки и прямы; много обширныхъ площадей; вымощены онѣ толстыми, круглыми силошными бревнами и укатываются санями, кои ѣздятъ по нимъ во множествѣ. При каждомъ жилищѣ или боярскихъ хоромахъ—дворы, службы, баня и садъ. Главныя ворота (т. е. Спасскія)—велики и роскошны; близъ нихъ высится небольшая деревянная башня, гдѣ постоянно стоитъ часовой и на случай пожара, и для означенія деревянной колотушкой по доскѣ ночныхъ часовъ, по захожденіи солнца. Самыя лучшія и высокія зданія не бываютъ больше, чѣмъ въ два яруса, а у простаго народа въ одинъ. Вотъ отчего этотъ городъ такъ и обширенъ. Серединою его текутъ—съ юга р. Москва, давшая ему имя, а съ сѣвера—Неглинная; на той и другой—мельницы. Первая лѣтомъ судоходна, зимой почти все время покрыта льдомъ. Р. Яуза течетъ предмѣстьями другой части города. Онъ лежитъ подъ 55°6′ широты и 66° долготы. Онъ имѣетъ 3 ряда каменныхъ стѣнъ съ великолѣпными воротами; онѣ опоясываютъ его тройнымъ кругомъ; дѣлится на 4 части: первая называется „Красный городъ“ (pietra rossa), по окружающей его красной стѣнѣ; вторая—Бѣлый городъ (pietra bianca), гдѣ арсеналъ и мастерскія и гдѣ льютъ пушки и колокола; здѣсь живетъ большая часть бояръ, князей и другихъ вельможъ; третья—заключаетъ разные рынки, изъ коихъ не меньше другихъ домо́вый; четвертая — зовется Стрѣлецкой слободой (Stilitza slavoda); она назначена для жилья царской гвардіи; но въ ней живетъ очень много и другого простого народа. Въ первой части есть замокъ, окруженный рвомъ и снабженный хорошимъ гарнизономъ; величиною онъ съ большой городъ; тамъ царскій дворецъ, а неподалеку жилище патріарха и другіе дома главныхъ сановниковъ, также нѣкоторые большіе монастыри и больше 40 каменныхъ церквей. Въ храмѣ св. Михаила погребаются цари. Въ этой части живутъ наиболѣе богатые купцы, многіе князья и главные бояре. Площадь передъ замкомъ очень обширна. Каждый день полна она народу; здѣсь производится торговля—вся она застроена лавками; всѣ улицы выхо-

дятъ на площадь; онѣ очень широки и прямы; на каждой сторонѣ—лавки. Замѣчательно, что для каждой спеціальности назначенъ свой рядъ: торговцы шелкомъ отдѣлены отъ суконщиковъ и холщевниковъ; всякое ремесло и производство имѣетъ отдѣльное мѣсто. Одинъ рядъ, протянувшійся на добрую милю, занятъ живописцами, торгующими только образами; въ другихъ находятся рисовальщики цвѣтовъ, плодовъ, видовъ; ремесленники, дѣлающіе только церковное облаченіе, имѣютъ свой рядъ; золотыхъ дѣлъ мастера, работающіе кубки, чаши и крышки отдѣлены отъ другихъ—серебренниковъ и ювелировъ; костоправы, отдѣльно отъ цырульниковъ, занимаютъ другой рядъ; сапожники и портные и шорники—тоже; такъ же и другіе ремесленники.... Есть особый рядъ, гдѣ торгуютъ только шерстью; тамъ ея столько накидано, что идешь точно по матрасу, а другаго производства или торговли въ ней нѣтъ. Между предмѣстьями—главное Кукуй; дома въ немъ деревянные, но красивы точно игрушки; оно предоставлено нѣмцамъ. У лютеранъ тамъ три кирки, у кальвинистовъ-голландцевъ и англичамъ—двѣ, всѣ безъ колоколовъ. Завѣдуютъ ими особые царскіе сановники. Въ ближайшей къ нему слободѣ Басманной (Basmanik) живутъ перекрещенцы, принявшіе московскую вѣру. Внѣ города, въ кибиткахъ, живутъ подданные татары, коимъ позволено имѣть мечеть. Въ бытность мою въ Москвѣ, тамъ проживалъ князь-христіанинъ изъ Грузіи, нашедшій убѣжище при этомъ дворѣ. Жилъ онъ пышно и богато; отъ царя давалось ему обильное содержаніе. Былъ еще персидскій посолъ-резидентъ, прекрасный человѣкъ, съ одѣтою по-персидски челядью; онъ жилъ богато и пышно, пользовался почетомъ, но къ цѣлованію руки царь его не допускалъ, называя магометанъ и другихъ невѣрныхъ собаками; въ-замѣнъ того они цѣлуютъ его колѣна. См. Ercole Zani, Relazione e viaggio della Moscovia. Bologna, 1690, стр. 27—34.

25. *Лизекъ* (1675).

Почти центръ страны, въ разстояніи 120 верстъ отъ границъ, занимаетъ столица государства Москва, лежащая по Риччоли подъ 55°18 с. ш., а отъ перваго меридіана, проходящаго черезъ одинъ изъ гесперидскихъ или блаженныхъ острововъ Пальму, подъ 64°30′. Въ окружности она содержитъ больше 3 нѣм. миль, а строеній въ ней насчитываютъ свыше 42,000, монастырей же и церквей двѣ тысячи. Она дѣлится на 6 слѣдующихъ частей.

Китай-городъ, или средняя часть, обнесенъ крѣпкой красной стѣною; съ южной его стороны течетъ давшая имя городу рѣка Москва, а съ сѣвера—Неглинная, впадающая ниже Кремлевскаго замка

въ Москву; онѣ теченіемъ своимъ образуютъ полуостровъ. Половину средняго замка занимаетъ Кремль; въ немъ много прекрасныхъ башенъ съ золочеными главами, очень красиво блистающими особенно при солнцѣ, и помѣщается 20,000 человѣкъ царскихъ тѣлохранителей. Царь-городъ полумѣсяцемъ окружаетъ среднюю часть и имѣетъ крѣпкія бѣлыя стѣны. Третья, внѣшняя часть—Скородомъ, обнесенная тоже крѣпкими стѣнами, полумѣсяцемъ же обнимаетъ Царь-городъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще Стрѣлецкую слободу и вмѣсто предмѣстій—слободу польскую да слободу нѣмецкую въ разстояніи мили. Въ нашу бытность въ Москвѣ находилось 100,000 солдатъ да въ окрестности и по другимъ городамъ еще двѣсти тысячъ—рать грозная, еслибъ всѣ тирсоносцы были Вакхами, и еслибъ ратные люди умѣли и владѣть оружіемъ по-ратному... Строенія—низки и некрасивы и строятся изъ перекрестныхъ сосновыхъ либо еловыхъ бревенъ; кроются гонтомъ, берестой, дерномъ—матеріаломъ весьма горючимъ. За время нашего пребыванія въ Москвѣ было шесть пожаровъ, истреблявшихъ всегда тысячи и даже болѣе строеній. Обязанность пожарныхъ исполняютъ стрѣльцы; туша пожаръ, они ломаютъ строенія до самой улицы, а если надо спасти домъ, то закрываютъ его бычьими кожами, поливая ихъ безпрестанно водою. Впрочемъ, бѣда или печаль невелика, если домъ и сгоритъ: имущество у нихъ хранится въ подвалахъ, а домъ можно на слѣдующій же день купить на рынкѣ (гдѣ, видѣли мы, продавали ихъ тысячами, вполнѣ готовые, вмѣстѣ со старой колокольней) сложить снова и поставить на прежнемъ мѣстѣ, почти безо всякихъ затѣй и расходовъ—обиталище, достойное скорѣй грязныхъ скотовъ, чѣмъ людей. Боярскія хоромы и купеческіе дома строятся однакожъ изъ камня—великолѣпные и прочные; лавки и покои у нихъ съ крѣпкими сводами, а маленькія окошки затворяются желѣзными ставнями; поэтому для огня они недоступны... Церквей очень много, но всѣ онѣ выстроены по одному, хотя и очень красивому, образцу; на всякой высится 5 главъ, осѣненныхъ тройнымъ крестомъ. Трудно сказать, сколько блеску и величія придаютъ городу главы столькихъ церквей, покрытыя если не золотомъ, то блестящей мѣдью, когда смотришь на него издали. Всякій храмъ дѣлится на двѣ части: одна—лѣтняя, другая зимняя; зимняя отапливается и служитъ обычнымъ убѣжищемъ пьяницъ и бродягъ по ночамъ и въ холода(!); всѣ церковныя стѣны покрыты священными изображеніями, кои чтутъ они какъ глупые язычники свыше мѣры; между иконами главное мѣсто занимаютъ—св. Дѣвы и св. Николая. Очень много у нихъ монастырей, гдѣ монахи и монахини живутъ по уставу св. Василія; только

эти монастыри теперь далеко, можетъ быть, не то, чѣмъ были въ прежнія времена. См. Lyseck, Relatio. Salisburgi, 1676, стр. 2—4, 93—95, 110—112.

26. *Ванъ-Кленкъ* (1675).

Москва, столица всей Московіи, гдѣ имѣетъ пребываніе великій царь, получила имя отъ текущей по южной части города и омывающей красныя стѣны рѣки Москвы. Она лежитъ почти въ серединѣ царства и въ окружности заключаетъ нѣсколько миль, такъ что въ ней, какъ говорятъ, до сорока тысячъ жилыхъ помѣщеній. Но до сожженія татарами въ 1572 г. она была гораздо больше. Городомъ текутъ три рѣки—Москва, Неглинная и Яуза; двѣ послѣднихъ впадаютъ въ первую.

Городъ дѣлится на 4 части: на Китай-городъ, или центральный, потому что онъ занимаетъ середину; Царь-городъ; Скородомъ и Слободу.

Китай-городъ окруженъ толстой, красной каменной стѣною, называемой Krasnastenna, и съ юга, какъ сказано, имѣетъ рѣку Москву, а съ сѣвера Неглинную, которая, протекая подлѣ замка, впадаетъ въ Москву. Рядомъ съ Китай-городомъ находится замокъ, называемый русскими Кремлемъ (Kremelina), окруженный толстыми стѣнами и глубокими рвами, обтекаемый съ двухъ сторонъ рѣками—Москвою да Неглинной и снабженный множествомъ металлическихъ орудій и лучшимъ войскомъ. Величиной этотъ замокъ съ порядочный городъ; здѣсь дворецъ Е. Ц. Величества, изъ кирпича, на итальянскій образецъ, также жилище патріарха и многихъ другихъ бояръ, у коихъ дворы неподалеку отъ Е. Ц. Величества. Внутри стѣнъ этого замка два хорошихъ монастыря — одинъ мужской, другой женскій. Первый впрочемъ скорѣй можно назвать боярской школой, потому что туда отдаютъ дѣтей своихъ почти только бояре да знать, чтобы отвлечь ихъ отъ дурнаго общества и научить хорошему; выходятъ оттуда по истеченіи шести лѣтъ. Дѣвицамъ однако выходить не позволяется: онѣ такъ и остаются тамъ на всю жизнь монахинями. Кромѣ этихъ двухъ монастырей, тамъ 50 каменныхъ церквей, внутри все съ круглыми сводами. Самыя замѣчательныя изъ нихъ—церковь св. Михаила, гдѣ погребаются великіе князья и ихъ родственники, Троицы-Маріи и св. Николая. Эти церкви, какъ вообще и всѣ другія каменныя, имѣютъ по 5 бѣлыхъ башенъ, а на каждой сверху по тройному кресту. Стоящія въ замкѣ башни покрыты блестящей золоченой мѣдью, ярко горящей на солнцѣ. Издали городъ кажется весьма красивъ, почему пріѣзжающіе въ него часто и говорятъ, что издали кажется онъ Іерусалимомъ, а внутри онъ—Виѳлеемъ. Въ серединѣ Кремля стоитъ высокая башня

Иванъ Великій, покрытая наверху тоже золоченой мѣдью, со множествомъ колоколовъ. Рядомъ съ нею—другая, гдѣ виситъ претяжелый колоколъ, въ поперечникѣ имѣющій 23 ф., въ окружности 70 ф., вышиною болѣе 30 ф., толщиною 2 ф., а вѣсомъ, говорятъ, болѣе 400,000 фунтовъ; языкъ, длиною 22 ф., вѣситъ болѣе 10,000 фунтовъ. Раскачиваютъ его 50 человѣкъ, и звонятъ только по праздникамъ да во время пріема пословъ; тогда отъ его звона дрожитъ и трясется земля. Въ чертѣ этой называемой замкомъ части есть и казнохранилище великаго царя, кладовыя и мѣста, гдѣ хранится порохъ и иные предметы. Нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь выстроили и превосходное подворье для присылаемыхъ къ Е. Ц. Величеству пословъ, гдѣ можно помѣстить 400 человѣкъ. Неподалеку гостиный дворъ, Старый и Новый, мѣсто, гдѣ торгуютъ нѣмецкіе и персидскіе купцы и гдѣ они имѣютъ товары въ лавкахъ со сводами для предохраненія ихъ отъ пожаровъ. Внѣ замка, въ Китай городѣ, справа отъ замковыхъ воротъ стоитъ церковь, называемая Ерусалимомъ и выстроенная очень искусно. Говорятъ, по окончаніи работы тиранъ ослѣпилъ строителя, чтобы отнять у него возможность выстроить еще столь же красивую. Передъ входомъ въ замокъ—самый большой и лучшій рынокъ во всемъ городѣ, гдѣ цѣлый день толпится разный народъ. На этомъ рынкѣ и по прилежащимъ улицамъ много лавокъ; всякій родъ ихъ имѣетъ свое мѣсто и улицу, такъ что торговцы одними и тѣми же товарами находятся вмѣстѣ. Кромѣ того, въ этой части города много князей, бояръ и значительныхъ купцовъ, живущихъ въ каменныхъ домахъ, чтобы предохранить свои товары и имущество отъ пожаровъ, кои тамъ часты. Вторая часть города, обнимающая Китай-городъ полукругомъ, называется Царь-городомъ; она обнесена тоже толстой стѣною, называемой Бѣлою; течетъ по ней р. Неглинная. Тутъ живетъ много русскихъ вельможъ и знати, почетныхъ купцовъ и горожанъ, ремесленниковъ и пр. Тутъ есть лавки мясныя, мучныя и хлѣбныя, скотные и иные рынки. У Е. Ц. Величества здѣсь конюшни и литейный заводъ для пушекъ и колоколовъ, которые отливаются въ большомъ числѣ. Третья часть города называется Скородомъ и обнимаетъ Царь-городъ съ востока, запада и сѣвера. До татарскаго разоренія, говорятъ, она имѣла въ окружности 25 верстъ, или 5 миль. Краемъ ея протекаетъ рѣка Яуза. Здѣсь есть лѣсной и домо́вый рынокъ, гдѣ дешево можно покупать готовые дома; дома эти состоятъ изъ пригнанныхъ одно къ другому бревенъ и переносятся куда угодно. Какъ ни часты тамъ пожары, но благодаря этому, погорѣльцамъ мало бываетъ ущерба и хлопотъ: домъ сейчасъ же можно

купить готовый, перевезти на свое мѣсто, въ короткое время поставить и немедленно въ немъ поселиться. Для предохраненія отъ огня часто даже стоящіе близъ пожара дома разбираются и переносятся на другое мѣсто.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкой слободой. Она лежитъ къ югу, за рѣкой Москвой, въ сторону Татаріи и укрѣплена не только деревянной, но и земляною оградой. Это мѣсто прозвано такъ по царскимъ солдатамъ, кои тамъ живутъ и называются стрѣльцами. Внѣ города, за рѣчкой Кукуемъ, лежитъ Нѣмецкая слобода, омываемая съ другой стороны р. Яузой. Населена она нѣмцами, голландцами и ливонцами, дѣлится на прекрасныя улицы, а окружностью съ городъ Мюйденъ. Здѣсь четыре кирки—три лютеранскихъ да одна реформатская. Внѣ Москвы есть и еще нѣсколько слободъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свое названіе.

Внѣ Москвы есть разные увеселительные дворцы, напр. съ милю отъ города въ Коломенскомъ. Этотъ дворецъ очень искусно выстроенъ изъ дерева, со множествомъ компатъ, изъ коихъ нѣкоторыя, между прочимъ пріемная, разубраны роскошно. Есть тутъ еще восьми-угольная башня, выстроенная изъ искусно прилаженныхъ одно къ другому бревенъ. Башня наклонена впередъ и сдѣлана по правиламъ искусства. Измайлово тоже хорошій увеселительный дворецъ Е. Ц. Величества, гдѣ есть и теплица съ садомъ и рощей, величиной 20 мерговъ, въ коей Е. Ц. Величество разводитъ даже виноградъ, изъ котораго по изысканности вкуса велитъ приготовлять вино.

Внутри и внѣ ограды г. Москвы очень много церквей, часовенъ и монастырей, числомъ до 2000, изъ коихъ однако иныя такъ малы, что едва помѣстятъ восемь или десять человѣкъ. Настроили ихъ вельможи; они ходятъ въ нихъ только съ своими домочадцами и содержатъ при нихъ на свой счетъ священника.

Домовъ въ городѣ и предмѣстьяхъ до 85 тысячъ, не считая царскаго дворца, церквей и монастырей. Только эти дома, какъ сказано, большею частію деревянные, съ каменными очень жарко натапливаемыми печами часто тамъ горятъ: большіе пожары уничтожаютъ ихъ сотни и тысячи. Для тушенія, благодаря недостатку въ водѣ, прибѣгаютъ къ инымъ средствамъ: загорится домъ—его ломаютъ или разбираютъ и разносятъ, чтобы отнять пищу у огня. Это и легко, потому что дома выстроены изъ бревенъ. Есть много и бань, мужскихъ и женскихъ; каждая баня стоитъ отдѣльно, но такъ близко одна отъ другой, что въ щели бревенъ можно другъ друга видѣть.

Улицы просторны и широки, но осенью и въ дождь очень топки и грязны; устланы онѣ деревянными бревнами. Мясницкая же, гдѣ часто ѣздитъ Е. Ц. Величество, поверхъ бревенъ устлана еще досками. Однако въ сырую погоду по нимъ бываетъ такая грязь, что надо надѣвать сапоги.

Городъ этотъ, раздѣляясь на четыре заключающихся одна въ другой части, имѣетъ много воротъ; Неглинныя ворота покрыты золоченой мѣдью. Ими въѣзжаютъ иноземные послы; съ нихъ же сверху, сквозь рѣшетчатыя окна, смотрятъ на ихъ въѣздъ царь, царица и другіе вельможи. Beschrijving van de voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere Koenraad van Klenk naar Moskovien. Amsterdam. 1677. стр. 156—159.

III.

Первый отвѣтъ, или засѣданіе (къ стр. 72).

Мая 13-го Великій Государь.... указалъ быти у себя на дворѣ и у бояръ въ отвѣтѣ польскимъ посламъ.

Пріѣздъ ихъ къ Вел. Государю и встрѣчники были во всемъ по-прежнему, какъ они (послы) были у Вел. Государя на пріѣздѣ.

Вел. Государь изволилъ въ то время сидѣть въ столовой избѣ въ своемъ царскомъ мѣстѣ и въ діадимѣ съ скипетромъ. Рынды при немъ были тѣ же, которые были и тогда, какъ были послы на пріѣздѣ: справа Борисъ Петровъ Шереметевъ да Илья Михайловъ Дмитріевъ, слѣва Ѳедоръ Петровъ Шереметевъ да Аѳанасій Михайловъ Дмитріевъ.

Бояре и окольничіе и думные люди и дворяне большіе сидѣли въ ферезяхъ бархатныхъ и въ шапкахъ съ запоны, а бояре, которымъ приходилось быть въ отвѣтѣ, сидѣли въ золотныхъ ферезяхъ, противъ перваго дня. Въ сѣняхъ сидѣли дворяне и приказные люди и дьяки и гости. По крыльцу у Благовѣщенья въ паперти стояли дѣти боярскія и дворовые люди и подьячіе всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ.

Какъ польскіе послы вошли къ Вел. Государю въ столовую, явилъ ихъ окольничій Александръ Савостьяновичъ Хитрово, а молылъ:

„Вел. Государь!... (полный титулъ) брата вашего Яна III Божіею милостію короля польскаго.... великіе и полномочные послы кн. Мих. Черторыйскій, воевода волынскій, Казиміръ Янъ Сапѣга, воевода полоцкій, Геронимъ Комаръ, судья земскій оршанскій, и Королев. Величества дворяне вамъ, Вел. Государю, челомъ ударили и на вашемъ Цар. Величества жалованьѣ челомъ бьютъ“.

И польскіе послы били челомъ Вел. Государю на его жалованьѣ, что онъ пожаловалъ—посылалъ къ нимъ со столомъ.

Вел. Государь велѣлъ спросить великихъ пословъ о здоровьѣ думному дьяку Ларіону Иванову. И думный дьякъ молылъ:

„Великіе и полномочные послы! Вел. Государь, Е. Ц. Величество, жалуетъ васъ—спрашиваетъ о здоровьѣ“.

Затѣмъ Вел. Государь пожаловалъ—велѣлъ посламъ сѣсть.

Посидѣвъ мало, велѣлъ Вел. Государь думному дьяку Л. Иванову говорить посламъ рѣчь:

„Великіе и полномочные послы! Вел. Государь ..... велѣлъ вамъ говорить: были есте у насъ, Вел. Государя, у нашего Ц. Величества, и грамоту намъ, Вел. Государю, брата нашего наяснѣйшаго Вел. Государя Яна III Божіею милостію короля польскаго, вел. князя литовскаго, русскаго и иныхъ, Е. К. Величества, подали и посольство правили, и мы, Вел. Государь, брата нашего ..... грамоту приняли и выслушали любительно, и о которыхъ дѣлѣхъ къ намъ, Вел. Государю, нашему Ц. Величеству, братъ нашъ, Вел. Государь, Е. К. Величество, васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, прислалъ, и мы, Вел. Государь, наше Ц. Величество, тѣхъ дѣлъ велѣли у васъ выслушать и отвѣтъ вамъ учинить нашимъ, Ц. Величества, боярамъ и думнымъ людямъ (слѣдуетъ кому именно).

Послѣ того, погодя немного, думный дьякъ молылъ посламъ: „время вамъ идти въ отвѣтъ“.

Послы пошли въ отвѣтную палату. Встрѣчники провожали ихъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто встрѣчалъ. Въ отвѣтной палатѣ послы дожидались бояръ и думныхъ людей съ приставами. Затѣмъ велѣлъ Вел. Государь боярамъ и думнымъ людямъ идти въ отвѣтную палату. А были бояре и думные люди съ польскими послами въ отвѣтной палатѣ въ ферезяхъ и въ золотыхъ чѣпяхъ и въ шапкахъ съ запоны. За боярами и думными людьми пошли въ отвѣтную палату дворяне и дьяки человѣкъ со сто. Польскіе послы встрѣтили бояръ и думныхъ людей среди палаты, а явилъ ихъ посламъ дьякъ Сем. Протопоповъ, а молылъ:

„Великіе и полномочные послы! Великаго Государя и т. д. бояре и думные люди: ближній боярин и намѣстникъ новгородскій князь Никита Ив. Одоевскій, ближ. бояр. и намѣстн. астрах. кн. Яковъ Ник. Одоевскій, ближ. бояр. и намѣстн. обдорскій Вас. Сем. Волынскій, окольничій и намѣстникъ чебоксарскій Ив. Аѳон. Прончищевъ, думн. дьякъ Ларіонъ Ивановъ, дьяки—Вас. Бобынинъ, Степанъ Полковъ.“

Бояре и думные люди съ польскими послами витались и спросили пословъ отъ себя о здоровьѣ и сѣли по мѣстамъ. А сидѣли бояре и окольничій въ большомъ мѣстѣ по конецъ стола въ лавкѣ отъ Москвы рѣки, а послы за столомъ отъ Встрѣтенья; дьяки и думный дьякъ Л. Ивановъ сидѣли противъ пословъ на скамьѣ. А посидѣвъ мало, пристава и королевскіе дворяне вышли вонъ. По уходѣ ихъ кн. Н. И. Одоевскій посламъ говорилъ:

„Бога въ Троицѣ славимаго милостію Вел. Государь (полный титулъ) брата своего наяснѣйшаго Вел. Государя Яна III и т. д. вамъ, великимъ и полномочнымъ посламъ . . . . . велѣлъ говорити: какъ есте были у Вел. Государя нашего, у Е. Ц. Величества, на посольствѣ, и Е. Ц. Величеству наяснѣйшаго Вел. Государя своего, Кор. Величества, поклонъ правили и грамоту подали и рѣчь говорили, и Вел. Государь, Е. Ц. Величество, грамоту брата своего, Вел. Государя вашего, Е. К. Величества, изволилъ у васъ принять и тое грамоту и *посольства вашего* выслушать.

Яковъ Никитичъ Одоевскій говорилъ:

„Да и о томъ Государь нашъ, Е. Ц. Величество, вамъ . . . . посламъ велѣлъ говорить, что къ Вел. Государю нашему . . . . . Государь вашъ . . . . . въ той своей вышепомянутой грамотѣ писалъ, что васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, послалъ Е. К. В. для утвержденія покою святаго и для обновленія любви общей междо ими, обоими Вел. Государи, и ихъ обоихъ государствъ междо народы, такожде и для иныхъ дѣлъ великихъ государскихъ“.

Вас. Сем. Волынскій говорилъ:

„Да и то Вел. Государь нашъ, Е. Ц. В., вамъ посламъ. . . . велѣлъ объявить, что въ той же Е. К. Величества грамотѣ написано: о которыхъ дѣлѣхъ Вел. Государю нашему . . . . вы . . . . послы. . . . . донесете и постановите, тому всему полная вѣра имѣть быти дана и не порушена будетъ“.

Ив. Аѳ. Прончищевъ говорилъ:

„Къ тому же вышерѣченному и то Вел. Государь нашъ, Е. Ц. В., вамъ . . . . . посломъ . . . . . велѣлъ сказать: въ той же вышепомянутой грамотѣ написано, чтобы Вел. Государь нашъ, Е. Ц. В., васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, указалъ принять и отпустить повелѣлъ не задержавъ“.

Думный дьякъ Л. Ивановъ:

„И того ради Вел. Государь нашъ, Е. Ц. В., вамъ, Корол. Величества великимъ и полномочнымъ посламъ, указалъ свои Ц. Величества очи видѣть и посольства вашего выслушать вскорѣ. А что вы,

Е. К. Величества великіе и полномочные послы, будучи у Вел. Государя нашего, у Е. Ц. Величества, во отправленіи посольства своего говорили, чтобы Вел. Государь нашъ, Е. Ц. Величество, наказанныхъ вамъ дѣлъ отъ Государя вашего, отъ Е. К. Величества, указалъ выслушать, кому В. Государь нашъ, Е. Ц. Величество, укажетъ".

Дьякъ Вас. Бобынинъ говорилъ:

„И Вел. Государь нашъ, Е. Ц. Величество, указалъ у васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, тѣхъ дѣлъ выслушать своимъ Ц. Величества боярамъ и думнымъ людемъ (перечисленіе)".

Дьякъ Ст. Полковъ говорилъ:

„И потому Вел. Государя нашего, Е. Ц. Величества, изволенію вы бы, великіе и полномочные послы, о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ къ Вел. Государю нашему, къ Е. Ц. Величеству, пресвѣтлѣйшій Вел. Государь, Е. К. Величество, съ вами наказалъ, имъ, Ц. Величества боярамъ и думнымъ людемъ, ближнему боярину и намѣстнику новгородскому князю Н. И. Одоевскому съ товарищи объявили".

И послы, рѣчей ихъ выслушавъ, выразили благодарность царю, что изволилъ онъ къ нимъ выслать бояръ и думныхъ честныхъ и разумныхъ людей и пожелали, чтобы между обоими государями „учинить что доброе самыми короткими разговоры".

Затѣмъ они объявили 2 грамоты да третью грамоту проѣзжую, которыя были чтены и отданы для перевода. Отъ имени короля и рѣчи посполитой Черторыйскій выразилъ сожалѣніе о смерти царя Алексѣя Михайловича, но тутъ же прибавилъ, что король имѣетъ ту утѣху, что у него остался наслѣдникъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, которому и пожелалъ многолѣтняго здоровья и счастливаго государствованія.

А послѣ того послы говорили: „чаютъ-де они, что ко вступленію обоихъ вел. государей къ дѣламъ начало нынѣ они учинили, и желаютъ, чтобы они, ближн. бояре и думные люди, назначили срокъ, какъ имъ, посломъ, быть съ ними въ другомъ отвѣтѣ, и потомъ вступятъ они и въ иныя дѣла, а нынѣ объявляютъ они нѣкоторыя особыя дѣла". Дѣла эти—жалобы на трудности и притѣсненія, испытанныя ими по дорогѣ отъ Смоленска до Москвы.

Комаръ заявилъ, что не получивъ на свой листъ отвѣта изъ Смоленска, они были вынуждены переѣхать рубежъ, не дождавшись пристава; въ Досуговѣ прикащикъ никакихъ кормовъ продавать имъ не велѣлъ; въ Смоленскѣ держали ихъ цѣлую недѣлю, приставъ принялъ ихъ въ Вязьмѣ и корму объявилъ только 120 рублей на недѣлю, а напередъ сего въ государствѣ Цар. Величества и посланникамъ да

вано корму по 80 рублевъ на недѣлю, а изъ того ста двадцати рублевъ доведется ему, Іер. Комару, только 15 р. И они, послы, въ дорогѣ того малаго корму не приняли, отлагая то съ ними, боярами, до разговору. И ѣхали де они, послы, отъ рубежа до Москвы 6 недѣль, а можно было бы поспѣть и въ три недѣли; въ Москвѣ же корму приставъ имъ объявилъ по 240 р. на недѣлю. „А которые Корол. Величества послы и не такіе честные люди не въ давнемъ времени на Москвѣ были, и имъ давано корму по 500 р. на недѣлю да, сверхъ того, даванъ имъ конскій кормъ и дрова... И они де, послы, полагаютъ на волю и разсужденіе Царскаго Величества—изволитъ ли онъ ихъ имѣть въ почитаніи хотя противъ прежнихъ королевскаго величества пословъ". Черторыйскій прибавилъ, что хоть они корму и не емлютъ и стыдно имъ о томъ говорить, однако припоминаютъ они то, чтобы имъ и впредь образца не учинить, что нынѣ довольствоваться тѣмъ малымъ кормомъ, какъ имъ на Москвѣ объявлено.

Бояре сказали, что коли мосты не были починены, такъ виновата въ томъ поспѣшность самихъ же пословъ, а которые были, тѣ въ половодье разнесло водою; что досуговскому прикащику продавать никто не заказывалъ и что въ кормѣ умаленія имъ не дѣлается; вѣдь имъ дается 240 р.—столько же, сколько и Волынскому въ Польшѣ, подводъ же Волынскому и вовсе не давали; а Чаадаеву — такъ не только кормовъ и подводъ, но и пристава не дали до самой Вильны. Что же касается того, что они, не дождавшись отвѣта изъ Смоленска, перешли рубежъ, не ожидая себѣ посольскаго пріема на рубежѣ, то „идти было имъ не годилось", и всѣ испытанныя ими въ пути трудности произошли отъ нихъ же самихъ.

Сапѣга сталъ оправдывать образъ дѣйствій по отношенію къ Чаадаеву съ товарищи: напиши онъ о пріемѣ не къ гетману литовскому Михаилу Пацу, а къ его, Казимірову, брату, подскарбію великаго княжества литовскаго, имъ дали бы и кормъ и подводы; а они писали къ Пацу, который въ то время былъ въ Жмуди, имъ и не сдѣлали посольскаго пріема. Впрочемъ Чаадаеву вѣдь заплатили же послѣ въ Вильнѣ 810 р. да и нынѣ Христ. Пацъ писалъ къ нимъ, посламъ, что Чаадаеву съ дьякомъ дано за кормы и подводы 2750 р., не считая подарковъ.

На оправданіе Сапѣги бояре сказали, что Чаадаеву не для чего было писать къ подскарбію — о немъ писали въ порубежный городъ воеводы изъ Смоленска, и онъ въ ожиданіи пріему жилъ въ Смоленскѣ три недѣли, и все же никакого послу „почитанія" со стороны короля не сдѣлано. „А великій государь имъ, посламъ, учинить того не ука-

залъ, а указалъ воздати въ кормахъ пристойное удовольствованіе, а что они, послы, объявленнаго корму не принимали — такъ сами того не похотѣли, а у пристава въ дорогѣ всегда тѣ кормы были готовы".

„И говоря о томъ послы съ мѣстъ своихъ встали и ближнимъ бояромъ и думн. людемъ *оказывали* Кор. Величества подтверженную грамоту и спросили ихъ, котораго числа имъ, посломъ, быти съ ними... въ другомъ отвѣтѣ.

„И ближн. бояре и думные люди сказали, что Вел. Государю о томъ они донесутъ. И съ ними, послы, ближн. бояре и думные люди витались и изъ отвѣтной палаты пошли къ Вел. Государю, а послы ожидали его, государева, указу въ отвѣтной палатѣ съ приставы. И помѣшкавъ мало, приходилъ къ посломъ думный дьякъ Лар. Ивановъ и объявилъ, что Вел. Г—рь указалъ имъ, посломъ, ѣхати на подворье, а котораго числа быть имъ въ другомъ отвѣтѣ—о томъ объявлено имъ будетъ чрезъ приставовъ.

„И отпущены послы на подворье".

Второй отвѣтъ (15-го мая стар. ст.).

Когда послы явились въ отвѣтную палату, всѣ встали и съ ними витались, а потомъ сѣли опять по мѣстамъ. Затѣмъ Никита Ивановичъ Одоевскій отъ имени царскаго спросилъ пословъ: „которыя королевскаго величества и рѣчи посполитой грамоты въ первомъ отвѣтѣ вы на увѣреніе посольства своего объявили, и въ той рѣчи посполитой грамотѣ при подписяхъ сенаторскихъ рукъ печатей ихъ не приложено, и то для чего не противъ прежняго учинено?"

Послы отвѣчали, что въ государствѣ Королевскаго Величества лучше вѣрятъ рукѣ, чѣмъ печати, что вѣрющая грамота короля—за корунною печатью, и той грамотѣ можно вѣрить и одной, а въ грамотѣ рѣчи посполитой за всѣхъ приложилъ свою печать маршалокъ, а его печать имѣетъ такую же силу, какъ и печати всѣхъ *сенаторей*.

Бояре возразили, что приложеніе маршалковой печати содержитъ силу только вмѣсто повѣтовыхъ пословъ, а не за сенаторовъ, и указывали на то, что прежніе послы, при покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, объявляли вѣрющія грамоты съ подписями сенаторскихъ рукъ и съ печатями, а потому и теперь слѣдовало бы при подписяхъ быть и печатямъ.

Послы на это сказали, что когда имъ по указу Великаго Государя было прислано письменное объявленіе — отправлять посольство

безъ шапокъ за подписью канцлеровой руки, но безъ приложенія печати, они, послы, повѣрили ему и безъ печати.

Имъ на это сказали, что они „то письмо безъ печати спорили“ и послѣ многихъ споровъ просили дать списокъ съ того письма, въ чемъ имъ у Королевскаго Величества себя оправдати, и только когда обѣщали имъ дать, они согласились править свое посольство безъ шапокъ. „И потому знатно, что печать имѣетъ быть при подписяхъ рукъ, а подпись рукъ при печати, а о томъ было и спорить не годилось, потому что то постановленіе о шапкахъ новое, а вѣрющія рѣчи посполитой грамоты вѣчное обыкновеніе за сенаторскими руками и за печатьми. И нынѣ довелось было учинить противъ того же“.

Послы просили показать прежнія вѣрющія грамоты; имъ показали привезенную Яномъ Гнинскимъ въ 1672 году.

Послы посмотрѣли, сказали, что приложеніе и тѣхъ печатей не имѣетъ значенія, и что „о томъ много трудитися не годится“.

Бояре имъ отвѣтили, что умолчать объ этомъ было нельзя, потому что въ самой грамотѣ упомянуто о приложеніи печатей.

По просьбѣ пословъ имъ была показана и самая грамота. Смотря на нее, они говорили, что то учинено безъ хитрости, а не для какой невѣрности, что въ томъ виной недосмотръ канцеляріи, что упомянутыя въ грамотѣ печати надобно было приложить и „то слово тѣмъ приложеніемъ очистить“.

Бояре просили пословъ дать на очищеніе того письмо за своими руками и за печатьми. Послы попросили бояръ дать имъ время подумать, вышли изъ-за стола, сѣли отдѣльно и стали промежъ себя толковать, а потомъ черезъ думнаго дьяка говорили бояромъ „съ великимъ прошеніемъ, чтобы того дѣла вдаль больше не разговаривать, потому что то учинилось безъ хитрости“.

Бояре звали къ себѣ пословъ; послы говорили прежнія рѣчи, что сдѣлано это въ Его Кор. Величества канцеляріи отъ неосторожности, и обѣщали дать письмо, просили только бояръ указать имъ форму. Бояре обѣщали.

Покончивъ объ этомъ, послы спросили бояръ: „имѣютъ ли они ихъ нынѣ за полномочныхъ пословъ, чтобы имъ, посламъ, вѣдая о томъ, и въ дѣла вступать?“

Тѣ отвѣтили, что когда они обѣщались исправить недосмотръ канцеляріи даніемъ своего письма, то имѣютъ, и просили ихъ по полной своей мочи объявить имъ дѣла.

Послы благодарили, что они „то дѣло успокоили,“ и, посидѣвъ немного, сказали, что они желаютъ между обоими великими госуда-

рями пріятства и исполненія по договорамъ: союзъ блаженныя памяти Вел. Государя Алексѣя Михайловича и наяснѣйшихъ государей Яна Казиміра и Михаила ихъ Королевскихъ Величествъ душами утвержденъ—такъ же бы и нынѣ наслѣдникъ Е. Ц. Величества Вел. Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.... тѣ прежніе посольскіе договоры на подтвержденной Кор. Величества грамотѣ, какова съ ними, послы, прислана, изволилъ подтвердить своею Ц. Величества душею.

Бояре отвѣчали, что они, послы, пріѣхали не для одного подтвержденія, но и для иныхъ великихъ дѣлъ, что имъ слѣдуетъ нынѣ объявить о дѣлахъ, кои имъ поручены, а когда—Богъ дастъ—они съ ними, боярами, столкуются, тогда государь подтвердитъ и прежніе и тѣ ихъ договоры.

Послы отвѣчали, что для нихъ главное—подтвержденіе андрусовскаго перемирнаго договора, который его царское величество изволитъ подтвердить прежде объявленія дѣлъ, кои имъ поручены; а помѣшкою де то подтверженіе новыхъ дѣлъ объявленію не будетъ, и учнутъ они, послы, объявлять дѣла послѣ того подтвержденія, „а нынѣ бы исполнить по договорамъ, какъ они сами о себѣ силу содержатъ.“

Бояре на это сказали, что слѣдуетъ объявить сначала дѣла, что подтверждать невозможно, не соверша и не успокоя нарушенныхъ дѣлъ, потому что съ королевской стороны было сдѣлано немало нарушеній—надо поэтому уладить всѣ трудности, которыя сначала были отложены до коммиссіи 1675 г., а съ этой коммиссіи до теперешняго ихъ посольства.

Послы стояли на своемъ. Бояре имъ сказали, что Вел. Государь отъ договоровъ не отступаетъ, только тѣхъ договоровъ многія статьи со стороны короля повреждены и отложены до нынѣшняго посольства и за тѣми заходящими трудностьми Вел. Государю тѣхъ договоровъ подтвердить невозможно. Послы отошли и, поговоривъ между собою, сѣли по-прежнему за столъ и сказали: въ виду будто бы нарушеній съ королевской стороны договоровъ бояре отлагаютъ подтвержденіе, но со стороны Его Ц. Величества были тоже нарушенія. Въ бытность ихъ нынѣшняго государя гетманомъ коруннымъ, когда наступали татары (въ 1667 г.), вопреки 18-й статьѣ перемирнаго договора помощи подъ Подгайцами не было оказано. Послѣ договоровъ 1672 г. турки и крымцы опять напали на государство Его Королев. Величества, взяли Каменецъ-Подольскій и многіе города и тѣмъ отворили врата ко всему христіанству—помочи и тогда не учинено.

Бояре сказали, что первое наступленіе было прежде посольскаго договору—помочи чинить не довелось да и въ московскомъ того до-

говору постановленіи королевскихъ пословъ написано: подганцкіе договоры тому согласному договору повреженіемъ и помѣшкою быти не имѣютъ. А что они, послы, воспоминаютъ перемирнаго андрусовскаго договору 18-ую статью, и въ той статьѣ написано, что Вел. Государю, Е. Ц. Величеству, и Кор. Величеству призывать хана крымскаго въ дружбу, чтобы онъ отъ войны престалъ. И по той статьѣ Великій Государь писать къ хану изволилъ, объявляя свою съ Кор. Величествомъ дружбу и удерживая его отъ войны, да и съ ханскими послами договоръ учинилъ въ 1670 г. объ общемъ мирѣ и за государство Королевскаго Величества. Король писалъ, что и его посланникъ въ Крымѣ Карвовскій дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ, а на дѣлѣ оказалось—нѣтъ: какъ по указу Вел. Государя посыланы для подтвержения тѣхъ договоровъ къ хану посланники, Карвовскій не только съ ними о дѣлахъ къ готовому совѣту не присталъ, но и видѣться не похотѣлъ—и въ томъ со стороны Кор. Величества договоромъ посольскимъ исполненія не учинено. Что же до Каменца-Подольскаго, то крѣпость эта въ сущности отдана туркамъ самохотно, ибо никакихъ приготовленій къ отпору врагамъ сдѣлано не было, тогда какъ еще въ 1672 г., въ бытность Яна Гнинскаго въ Москвѣ, бояринъ Юрій Алексѣевичъ Долгоруково съ товарищи объявляли способъ, чтобы обоимъ великимъ государямъ писать къ салтану турскому, отвращая его отъ войны. И они, Кор. Величества послы, того способа во́-время не приняли, а *испустя* время, о томъ говорили и постановили. И Великій Государь, по утвержденной съ Кор. Величествомъ дружбѣ и любви, изволилъ къ салтану писать, призывая его въ дружбу и отвращая отъ той войны (списокъ съ грамоты данъ былъ на Москвѣ посламъ). И къ Вел. Государю... Королевское Величество прислалъ съ грамотъ своихъ списки съ Василіемъ Семеновичемъ Волынскимъ съ товарищи, какъ они были у Кор. Величества въ 1672 г., и въ тѣхъ грамотахъ къ салтану турскому и къ хану крымскому не только что *противъ* грамоты Цар. Величества не написалъ, но и ни мало о дружбѣ своей съ Вел. Государемъ, по должности договоровъ, не припомянулъ". Что же до Каменца-Подольскаго, которымъ овладѣлъ турскій салтанъ будто бы отъ *непосилковъ* со стороны Вел. Государя,— какъ онъ взятъ, о томъ сказано выше, а слученіе силъ учинить было не возможно, потому что въ договорахъ андрусовскихъ хотя о томъ слученіи было и постановлено, только посольскимъ же договоромъ въ 1672 г. та статья обновилась новымъ способомъ, о чемъ вамъ, Кор. Величества посламъ, подлинно извѣстно. Однако блаженныя памяти Вел. Государь нашъ не по договорамъ, но для имени христіанскаго посылалъ много разъ свои рати къ Днѣпру и за Днѣпръ и къ слу-

ченію силъ указалъ имѣти *обсылку* съ коруннымъ и литовскими гетманы о времени и о мѣстѣ и о безопастѣ; но гетманы по обсылкамъ ничего не учинили, посыльщиковъ у себя задержали и тѣмъ къ воинскому дѣлу потребное время *испустили*. А Великій Государь учинить такъ не изволилъ, какъ учинилъ король Янъ-Казиміръ въ 1668 г., когда Дорошенко съ крымскими татарами приходилъ на украйные Его Величества города: въ отвѣтъ на просьбу о помощи—помощи не оказано. И тотъ договоръ о слученіи силъ въ то время со стороны короля нарушенъ. И вѣдая о томъ нарушеніи подлинно, Янъ Гнинскій учинилъ съ боярами договоръ о помочи вновь и тое статью обновилъ въ 1672 г. инымъ способомъ, о чемъ вамъ, вел. посламъ, объявлено выше сего. И съ стороны Его Ц. Величества не только по тому новому договору помочи чинены подъ Азовомъ, въ Крыму и во многихъ мѣстахъ, но и, сверхъ договору, для братскія съ Корол. Величествомъ дружбы и любви и для имени христіанскаго королю чинена многая помочь московскими ратными людьми, которые непрестанно были въ военныхъ трудѣхъ у Днѣпра и за Днѣпромъ съ бояриномъ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ на разныхъ мѣстѣхъ со многими царской казнѣ убытки, о которой помочи Великому Государю, Его Ц. Величеству, и въ грамотахъ и черезъ резидента своего на Москвѣ Королевское Величество благодарствовалъ.

Послы возразили, что гетманы, оставивъ непріятеля въ государствѣ Королевск. Величества, идти на соединеніе съ Ромадоновскимъ и Самойловичемъ не могли, а по договорамъ посольскимъ должно было Его Царскаго Величества войскамъ учинить королю помочь, гдѣ случай воинскій *употребляти* будетъ; на Украйнѣ, когда король ходилъ отнимать Баръ, Немировъ и др. города, тоже ему помощи отъ Царск. Величества не было, тогда какъ по договорамъ слѣдовало прислать 25 тысячъ, да и Дорошенко съ г. Чигириномъ въ сторону Корол. Величества не отданъ.

На это бояре сказали: всему свѣту извѣстно, что помощь постоянно оказывалась не по договорамъ, но для имени христіанскаго и для братской съ Корол. Величествомъ дружбы и любви со многими царской казнѣ убытками. Что же касается договора о вспомогательномъ отрядѣ въ 25 тысячъ, то договоръ нарушенъ, какъ сказано, самимъ же королемъ. Договоръ возобновленъ былъ инымъ способомъ въ 1672 г.—и не только по тому договору, но и сверхъ того чинена Корол. Величеству многая помощь; а по 7-ой статьѣ того другаго 1672 г. московскаго договора о посилкахъ въ полѣ, Волынскій о томъ

въ бытность свою у короля посломъ панамъ радѣ объявлялъ, и паны-рада тѣхъ со стороны Царскаго Величества помочей не приняли. Что же касается похода короля на Украйну, то когда учинилось его Царск. Величеству о томъ извѣстно, резиденту Павлу Свидерскому тогда говорено, чтобы онъ писалъ къ королю—не ходить, ибо шелъ онъ въ самую осень, испустя пристойное время, когда войска Его Царск. Величества стали расходиться по домамъ. Резидентъ писалъ, но король совѣта не послушалъ и вышелъ на Украйну. Что до Дорошенка и Чигирина, который королю не уступленъ, то посламъ извѣстно, какое было тамъ гоненіе на греческую вѣру, отчего Дорошенко съ всей Украйной, еще прежде договоровъ и уступленія королемъ Украйны салтану, билъ великому государю челомъ—принять ихъ подъ самодержавную руку, и онъ ихъ принять не изволилъ, чиня довольство андрусовскому договору, писалъ, чтобы онъ оставался вѣренъ королю, а обидъ ему и притѣсненій въ вѣрѣ не будетъ; но король, не смотря на заступничество Царск. Величества, желанія ихъ не исполнилъ, а еще больше усилилъ гоненіе; Дорошенко пришелъ въ отчаяніе и поддался турскому султану, который и задумалъ потому овладѣть этой стороной Днѣпра, какъ и Каменцомъ Подольскимъ; о томъ посламъ Яну Гнипскому съ товарищи было пространно говорено, и были предложены способы отторгнуть Дорошенко отъ салтана, но послы ничего того не приняли, и тѣмъ выше помянутымъ озлобленіемъ и невоспріятіемъ предложенныхъ способовъ явно Дорошенко въ подданство турскому салтану прогнанъ, отчего учинилось многое христіанству кровопролитіе. Великій Государь видя, что отъ этого уростаетъ христіанству разореніе и что со стороны Королевскаго Величества Украйна по договорамъ уступлена турскому салтану, не допуская того непріятеля въ порубежные свои города, указалъ своимъ ратямъ, напрасно ждавшимъ соединенія съ коруннымъ и литовскимъ гетманами, идти къ Чигирину и чинить воинскій промыселъ не въ сторонѣ Корол. Величества, но во владѣніяхъ турскаго салтана; рати при помощи Всемогущаго Бога Дорошенка со всѣми городами и мѣстами изъ-подъ ига турскаго салтана взяли. А если бы Дорошенко остался въ подданствѣ турскаго салтана, то непріятелю было бы легче вести войну: послы сами знаютъ, какую надежду салтанъ имѣлъ на Дорошенка. И нынѣ имъ, великимъ посламъ, объ уступкѣ г. Чигирина и вспоминать не годится.

На это послы сказали: послѣ взятія Каменца королевскія войска побили турокъ подъ Хотимомъ; если бы великій государь изволилъ своими ратями учинить королю поспѣлки и случить ихъ съ королевскими войсками, то оба войска не только бы совершен-

но непріятеля побили, но могли бы завоевать Африку и Америку, и непріятель нынѣ о войнѣ съ обоими государствами и помыслить бы не смѣлъ. Король желалъ, чтобы царскія войска только были при королевскихъ ратяхъ, хотя бы и никакого воинскаго промыслу противъ непріятеля не имѣли, только бы славу свою явили—такимъ бы слученіемъ помочь учинилась Королевскому Величеству немалая.

Бояре и думные люди повторили прежнее и прибавили: посламъ извѣстно, что король подъ Хотимъ съ войсками ходилъ, помирясь съ турскимъ салтаномъ подъ Бучачемъ, и соединять силы тогда было не пристойно—вопервыхъ, потому, что въ договорѣ не написано, какими мѣрами это сдѣлать, а не договорясь объ этомъ, нельзя было ратямъ идти на соединеніе съ гетманами, отъ коихъ не только договоровъ, но и присылки Ц. В—ва бояре и гетманъ дождаться не могли; во—вторыхъ, потому, что король съ салтаномъ помирился; да и никакъ нельзя посламъ видѣть тутъ нарушеніе договора со стороны Великаго Государя, ибо гетманы—корунный и литовскій во все время войны были въ несогласіи—возможно ли тутъ соединеніе? Лучше это оставить, а сказать только одно: пограничная крѣпость явно благодаря такимъ несогласіямъ *поступлена* непріятелю, а не оттого, что помощи отъ ратей Царскаго Величества не было оказано. Имѣющему разумъ можно разсудить, что при такомъ скоромъ нашествіи нельзя желать помощи со стороны Царскаго Величества изъ дальнихъ краевъ, когда королевскія рати не только не пришли для отпору, но и не собрались. Надо было защищаться своими силами, а не дожидаться ратей Царскаго Величества, которымъ и въ благополучное время ради дальняго разстоянія и великой пустоты и оскудѣнія своихъ и конскихъ кормовъ придти скоро невозможно, а о дальности пути посламъ самимъ подлинно вѣдомо.

О слученіи силъ послы больше не говорили; они перешли къ другому—къ вопросу о Кіевѣ: они де видятъ нарушеніе договоровъ въ томъ, что не только г. Кіевъ въ срокъ не возвращенъ, но и около Кіева въ Васильковѣ чинены зацѣпки. Для чего подданный Царскаго Величества гетманъ пишется гетманомъ обоей стороны Днѣпра? О Кіевѣ-де всегда со стороны Царскаго Величества отлагали съ посольства на посольство, и онъ не уступленъ по сіе время—указалъ бы Е. Ц. В. Кіевъ отдать.

Бояре отвѣчали, что на первый срокъ онъ былъ не уступленъ потому, что Дорошенко, измѣняя королю, отдавалъ его салтану; покойный Великій Государь Алексѣй Михайловичъ, предваряя злой умыселъ, и не изволилъ уступить Кіевъ на первый срокъ, и былъ онъ „одержанъ“ Е. Ц. Величества ратными людьми съ великими убытки; за-

тѣмъ не уступленъ онъ потому, что послѣ андрусовскаго договора Царскому Величеству учинены многія безчестія и досадительства неправильнымъ титулованьемъ въ грамотахъ, во всякихъ письмахъ, въ печатныхъ книгахъ.[7]) Притомъ у короля съ ханомъ крымскимъ производились тайныя пересылки о дружбѣ да и нынѣ у него учиненъ съ салтаномъ турскимъ мирный договоръ и Украйна уступлена салтану, а за сторону Царскаго Величества ничего въ томъ договорѣ не постановлено, и резиденту Его Цар. Величества при тѣхъ договорахъ король быть не указалъ. И потому по всему г. Кіевъ въ сторону Королевскаго Величества нынѣ и впредь никогда отдать невозможно; въ Васильковѣ никакихъ зацѣпокъ со стороны Царскаго Величества не бывало; подданный его гетманъ Иванъ Самойловичъ пишется обоей стороны Днѣпра потому, что воинскимъ Е. Ц. Величества ратныхъ людей промысломъ на той сторонѣ Чигиринъ съ иными городами и уѣздами изъ-подъ ига турскаго учинился въ подданствѣ подъ самодержавною Его Ц. Величества рукою. А которые города на той же сторонѣ—Королевскаго Величества, въ тѣ города Царское Величество вступать не изволилъ и подданному своему гетману не указалъ.

Послы сказали: вольно же Царскому Величеству размышлять о содержаніи Кіева; если бы Кіевъ былъ отданъ къ положенному сроку, король праздным бы его не оставилъ, какъ и нынѣ, не допуская непріятеля, Бѣлую Церковь и иные города держитъ. А гетману Самойловичу писаться гетманомъ той стороны Днѣпра не довелось и кіевскимъ воеводамъ въ Васильковъ и въ иныя мѣста *черезъ* договоры вступать не годилось. Да и, кромѣ того, ради подтвержденныхъ присягою договоровъ надобно было Дорошенка съ городами отдать Королевскому Величеству. Прибыльнѣе было бы обоимъ великимъ государямъ соединиться силами, а не города задерживать изъ-за прописокъ. Они, послы, надѣются, что блажен. памяти Великій Государь при отшествіи своемъ съ сего свѣта въ вѣчное небесное царствіе всѣмъ,

---

[7]) Въ числѣ книгъ, гдѣ непочтительно говорилось о Вел. Государѣ, посламъ въ 9 мъ отвѣтѣ были предъявлены двѣ: Лѣторасль корибутская, соч. ксендза Стан. Трембовскаго, да Censura candidatorum, гдѣ авторъ подканцлеръ Ольшовскій разсуждаетъ о кандидатахъ на польскій престолъ (1668). Послы ихъ смотрѣли и чли; Сапѣга даже что-то записалъ, а потомъ сказалъ: „Въ книгахъ де безчестья не написано; только написано, что здѣсь никакого ученья не имѣютъ, а тѣ де книги писали себѣ для ученья краковскіе студенты, потому что они изъ тѣхъ книгъ говорятъ *рацыи*.“ Но бояре на то сказали, что тѣ книги печатаны на безчестье, а не студенты ихъ писали.

согрѣшавшимъ предъ нимъ, грѣхи ихъ отпустилъ и нынѣ ни о какихъ досадительствахъ Великому Государю имъ, ближнимъ боярамъ и думнымъ людямъ, вспоминать было ненадобно: буде кто согрѣшитъ безъ хитрости, за то и Богъ не казнитъ. И со стороны Царск. Величества такія прописки бываютъ, только они того не внимаютъ, а какъ будетъ коммиссія съ посредниками, тогда объявятъ книги печатныя, въ коихъ они, христіяне, причтены къ бусурманамъ. И нынѣ де междо обоими государи надобно изобрѣсти дѣло къ покою христіанскому и унятію кровопролитія.

Послѣ того воевода полоцкій Сапѣга говорилъ съ великою жалостію: О Боже! доколѣ бусурманъ будетъ разорять христіанъ, доколѣ не престанетъ разливати христіанскую кровь яко рѣки? Уже де отъ того межъ христіанскихъ государей несогласія многіе города и мѣста запустѣли и неисчетныя тысячи плѣну въ бусурманскія руки достались, и чтобы-де нынѣ, оставя всѣ досадительства и прописки, мыслить обоимъ великимъ государямъ о цѣлости христіанской и о слученіи на бусурмановъ новыми способами, а впредь-де которые Королевск. Величества грамоты и всякихъ чиновъ людей листы явятся съ прописками Вел. Гос., Е. Ц. Величества, именованья и титлъ—такихъ бы грамотъ и листовъ въ сторону Ц. Величества не принимать.

Но сами послы тутъ же спросили: для чего Ц. Величество пишется въ титлахъ отчичемъ кіевскимъ—Кіевъ де пребываетъ въ сторонѣ Ц. Величества нынѣ только до уступки, а не вѣчно?

Бояре на это отвѣчали посламъ: чтобы Кіевъ могъ остаться за королемъ—то дѣло нестаточное; не только та великая крѣпость, въ которую множество надобно людей и запасовъ, но и Бѣлая Церковь была бы у непріятеля, если бы Вел. Государь своею казною вспомочь не указалъ. Что же до именованія Кіева отчиной, то мы, ближніе бояре, объявляемъ: нынѣ Кіевъ подъ его самодержавной рукою на той сторонѣ Днѣпра, которая королемъ уступлена салтану; только Великій Государь, ради договоровъ въ своихъ грамотахъ и въ письмахъ къ Кор. Величеству Кіева отчиною не именуетъ до времени, а въ королевской печати на грамотахъ, писанныхъ къ Великому Государю прежде сего и нынѣ, выображены прежнія титла: Смоленскій, Кіевскій, Сѣверскій, Черниговскій, что противно договорамъ.

Послы на это отвѣта не дали, а представили письменную жалобу на то, что изъ Смоленска къ римскому костелу за рубежъ никого не пускаютъ, что для расправы межевые судьи не высланы, не отданы взятыя въ войну пушки, церковныя и костельныя утвари, книги, древо св. Креста. Бояре обѣщали дать отвѣтъ также письменно, а

затѣмъ пословъ спросили: на какихъ статьяхъ король постановилъ съ салтаномъ договоръ подъ Журавною и почему резидентъ царскій при договорѣ не былъ?

Послы отвѣчали, что король учинилъ договоръ по неволѣ, потому что помочи со стороны Царскаго Величества не имѣлъ, что резиденту подъ Журавну пройти изъ-подо Львова было невозможно, а на какихъ статьяхъ тѣ договоры постановлены—списокъ съ нихъ королевскому резиденту былъ присланъ, и резидентъ его думнымъ людямъ Великаго Государя объявилъ.

Бояре сказали, что король, по ихъ свѣдѣніямъ, заключилъ договоръ по волѣ и что ему можно было постановить и за сторону его Царскаго Величества, но онъ постановить ничего не указалъ и списка съ тѣхъ договоровъ съ своею грамотою прислать не изволилъ и резидентъ списка не объявлялъ.

Затѣмъ бояре спросили: почему представленная послами на первомъ отвѣтѣ подтверженная грамота только за одною корунной печатью, а печати вел. княжества литовскаго не привѣшено? Прежнія грамоты, присланныя съ Станиславомъ Беневскимъ и Яномъ Гнинскимъ, имѣли по 2 печати. Говорятъ послы о подтвержденіи, а такой потверженной грамоты за одною печатью, мимо прежняго обыкновенія, и принять Великому Государю невозможно.

Послы просили показать прежнія подтверженныя грамоты; имъ показали. Они снова свалили вину на королевскую канцелярію и просили вручить грамоту посламъ, которые будутъ отправлены къ королю—король безъ спору велитъ приложить литовскую печать. Бояре просили пословъ написать о томъ королю черезъ почту; послы обѣщали.

Затѣмъ бояре объявили посламъ, что государь указалъ дать имъ свое жалованье въ зачетъ 1000 рублей. Послы били челомъ и просили назначить время, когда быть третьему засѣданію. Бояре сказали, что они объявятъ имъ о томъ черезъ приставовъ, послѣ чего послы отпущены на подворье.

IV.

V a r i a.[8])

1. Съ пріѣздомъ въ 1678 г. польскихъ пословъ въ Москву, къ нимъ немало приставало проживавшихъ въ ней поляковъ. Посольская дворня, при тайномъ содѣйствіи пословъ (главнымъ образомъ, повиди-

[8]) Эти *Varia* извлечены мною изъ документовъ Посольскаго приказа. Присоединяю ихъ потому, что въ нихъ есть нѣкоторыя черты, характеризующія пребывавшую въ Москвѣ посольскую шляхту и дворню.

мому, Сапѣги) занималась укрывательствомъ бѣглыхъ, даже сманивала къ себѣ русскихъ людей.

Великимъ постомъ 1678 г. государевъ конюхъ Ѳедоръ Свидерскій билъ Вел. Государю челомъ, чтобы онъ его пожаловалъ—велѣлъ отдать сына его, Якушку, для ученья живописному письму. Государь велѣлъ отдать его къ живописцу Ивану Солтанову, но Якушкѣ у него не нравилось. Когда пріѣхали въ Москву польскіе послы, онъ услыхалъ отъ живописца Кисленскаго, что на Посольскомъ дворѣ есть работа—починивать золотыя посольскія кареты. Якушка, не похотя учиться, не замедлилъ сбѣжать отъ *налоги* Солтанова и пришелъ на Посольскій дворъ, сказавъ караульнымъ стрѣльцамъ, что онъ пришелъ починивать золотыя кареты. Когда его пропустили, онъ явился къ дворецкому Сапѣги, а дворецкій доложилъ про него самому Сапѣгѣ. Тотъ призвалъ Якушку, сталъ распрашивать и оставилъ у себя, велѣвъ остричь попольски, чтобы ему съ посольскаго двора и на дворъ ходить было свободно. Но Якушка, кажется, расхаживалъ черезъ чуръ свободно. Его узнали и привели въ Посольскій приказъ, гдѣ онъ и разсказалъ, какъ попалъ онъ на Посольское подворье. Онъ говорилъ, что дворецкій и иные сапѣгины люди звали съ собою въ Польшу и лошадь до Польши дать хотѣли и говорили, буде онъ съ ними въ Польшу выѣдетъ, и въ Польшѣ де онъ, Якушка, человѣкъ будетъ. „И за тѣми словами онъ, Якушка, съ сапѣгиными и дворецкаго его и иныхъ дворянъ челядниками по двору и по хоромамъ ходилъ свободенъ и передъ Сапѣгою, какъ онъ съ дворяны ѣстъ, стаивалъ почасту, и въ мясные дни съ челядниками ихъ ѣлъ вмѣстѣ, а въ постные Сапѣга приказалъ кормить постною ѣствою, для того что онъ, Якушка, въ постные дни съ челядниками ихъ не похотѣлъ скоромныхъ ѣствъ ѣсть... А капитанъ де разспрашивалъ его, Якушку, всѣ ль государскіе служилые люди на службѣ, и онъ де сказалъ, что государскихъ людей на службѣ только съ половину. А какъ послы пріѣзжали сверху отъ отвѣту, и посольскіе люди, сходясь на польскомъ дворѣ, межъ себя говорили: лучше де бы то было, какъ бы В. Государь съ ними помирился вѣчнымъ миромъ, и послали де бы они съ Москвы въ Польшу гонца, велѣли ратныхъ людей своихъ сбирать и высылать въ поле противъ турскихъ людей собча, а то де они московскихъ людей не боятся. И будетъ де В. Государь съ ними не учинитъ миру, и они де мирную *зиду* учинятъ съ турскимъ царемъ". Якушка прибавилъ также, что на посольскомъ дворѣ у ксенза кн. Мих. Черторыйскаго видѣлъ онъ на поварнѣ челядника русскаго, под-

стриженъ попольски, такъ же подъ волосъ, а сказывалъ онъ ему, Якушкѣ, что его поляки съ собою везутъ въ Польшу....

2. Августа 2-го объявился въ Посольскомъ приказѣ стольника кн. Юрья Щербатова человѣкъ Аѳонька Прокофьевъ, а сказалъ: въ іюнѣ шелъ онъ въ городъ, „и будетъ онъ противъ Посольскаго двора, остановилъ его, Аѳоньку полякъ и сталъ его спрашивать, чей онъ и какой породы. И онъ сказалъ ему, что онъ стольника Щербатова человѣкъ, а породы русской, крестьянскій сынъ. И тотъ полякъ учалъ ему говорить, чтобы онъ отъ боярина своего ушелъ и отъ него бы что снесъ, а онъ де увезетъ его совсѣмъ въ Польшу, а чтобы де отъ боярина своего шелъ *утре* и дожидался его на Москвѣ рѣкѣ у живаго моста, а онъ де по него выѣдетъ по утру рано.“ Аѳонька далъ согласіе. Въ тотъ же день, примѣтя у боярина въ поставцѣ на верху 2 кружки, 2 стакана большихъ, 4 стакана малыхъ, 6 чарокъ медвеныхъ серебр., онъ вынулъ ихъ да въ верху же снялъ узду серебряную да платье-- кафтанъ суконный темнозеленый да полукафтанье тафтяное теплое и съ тѣмъ животомъ сбѣжалъ по утру рано. За нимъ дѣйствительно пріѣхалъ остановившій его полякъ самъ третей (онъ служилъ, кухмистромъ у Сапѣги), взялъ у него *сносные животы*, одѣлъ его въ польское платье, посадилъ на лошадь и привезъ на Посольскій дворъ. „И пріѣхавъ де на Посольскій дворъ, велѣлъ Янъ кухмистръ, чтобы стрѣльцы не видали, спрятать его въ пекарню. И жилъ онъ въ пекарнѣ недѣли съ три, и приходили де стрѣльцы съ конюхомъ, у котораго конюха на Посольскій же дворъ малой ушелъ, въ пекарнѣ того малого *обыскивать*, и его, Аѳоньку, съ то время схоронили на полати. И послѣ де того, какъ въ пекарнѣ обыскивали, жилъ онъ, Аѳонька, у Яна кухмистра въ палатѣ, и велѣлъ Янъ ему называться шляхтичемъ Заблоцкимъ, и хотѣли его съ Москвы свезть тайно въ возахъ. И онъ де, Аѳонька, не хотя съ ними въ Польшу ѣхать, съ Посольскаго двора ушолъ тому дня съ три и хочетъ быть у боярина своего по-прежнему. А что де снесъ отъ него—кружки и стаканы и чарки медвеныя и узду и кафтаны, и то все осталось у Яна кухмистра, а отъ него де Яна никакихъ животовъ польскихъ и своихъ онъ, Аѳонька, не снесъ“.

Онъ же сказалъ, что на Посольскомъ дворѣ живутъ русскіе люди, и ихъ онъ укажетъ.

Послали приставовъ съ Аѳонькою и „по его указыванью взяты съ Посольскаго двора 3 чел. и въ Посольскомъ приказѣ распрашиваны, а въ распросѣ сказались—одинъ Никитинъ человѣкъ Насопова шляхетской породы, котораго на Посол. дворѣ поляки называли со-

кольникомъ; другой Борисовъ человѣкъ Резицкаго, шляхетской породы; третій сказался полуголовы Родіоновъ человѣкъ Остафьева, шляхетскій сынъ. А стольника князь Никиты Семен. Урусова человѣка Родьку польскіе люди ухоронили.

Неизвѣстно, отданъ ли былъ Якушка Свидерскій опять къ Солтанову, но Аѳонька вернулся по-прежнему къ своему боярину.

3. Іюля 26-го мимо Посольскаго подворья шли два шляхтича—Степанъ Василевскій да Янъ Антоновичъ. Они только что выѣхали изъ Польской земли на имя Великаго Государя; за выѣздъ имъ дано было *противъ* ихъ братьи, и по ихъ челобитью велѣно ихъ послать въ Патріаршій приказъ для *подначальства* и крещенія въ православную христіанскую вѣру. Вѣроятно, послы о выѣздѣ ихъ знали. Когда они поровнялись съ Посольскимъ подворьемъ, вдругъ посольскіе люди ухватили Яна Антоновича и увели на дворъ. „И платье, и деньги, что ему дано государево жалованье, писалъ въ челобитной товарищъ его Ст. Василевскій, съ него обрали, посадили за караулъ и морятъ голодомъ“. Сапѣга, какъ разсказывалъ послѣ самъ Антоновичъ, изъ-за караула бралъ его къ себѣ и спрашивалъ, для чего онъ къ Москвѣ пріѣхалъ. И онъ ему сказалъ, что выѣхалъ на имя Великаго Государя въ вѣчное холопство. И спрося его, велѣлъ Сапѣга держать его за карауломъ по прежнему“. Благодаря челобитной товарища его Василевскаго приставамъ велѣно было его разыскать. Его розыскали и 6-го августа взяли съ Посольскаго подворья.

4. Августа 1-го въ Стрѣлецкій приказъ привезли сотника московскихъ стрѣльцовъ Гаврилу Башева, въ крови, безъ шапки, да стрѣльца Вас. Иванова. Они стояли того числа на карауле на Посольскомъ дворѣ, и въ пожарное время, какъ горѣло за Покровскими воротами, польскихъ пословъ люди, нарядясь въ саадаки, съ Посольскаго двора стали ломиться и стрѣльцовъ стали бить палками и каменьемъ въ нихъ бросать. „И въ тѣ поры вышелъ изъ караульной палатки полуголова Микита Зотовъ съ сотникомъ. И тѣ де посольскіе люди сотника зашибли каменьемъ въ голову до крови, а стрѣльцу Василью расшибли ногу“. По осмотру оказалось, что у сотника на головѣ выше праваго виска, дѣйствительно, расшиблено до крови больно и лицо въ крови. У стрѣльца правая нога въ лодыжкѣ расшиблена и опухла больно. Самъ Башевъ говорилъ, что зашибли его посольскіе люди, а кто—имени не знаетъ, а былъ тутъ на дракѣ и кто его зашибъ, видѣлъ шляхтичъ Ждановичъ. Рана, должно быть, была не изъ легкихъ, потому что черезъ день послѣ того полковникъ Полтевъ говорилъ, что Башевъ умираетъ и исповѣдывался. „И о томъ

ближніе бояре и думные люди выговаривали польскимъ посламъ, будучи въ отвѣтѣ. И послы управу въ томъ учинили — шляхтичъ далъ сотнику за увѣчье 15 рублевъ".

5. За Мясницкими воротами, въ Огородной слободѣ, въ приходѣ Трехъ Святителей, у князя Шайсупова былъ загородный дворъ. На дворничество князь пустилъ на тотъ дворъ племянника своего, отставнаго подьячаго сытнаго дворца, Гаврилу Нефедьева, взявъ на него запись въ томъ, что живучи на дворѣ, онъ виномъ и табакомъ торговать и корчмы и воровства держать не будетъ.

Лѣтомъ 1678 г., съ пріѣздомъ польскихъ пословъ въ Москву, въ слободѣ стали говорить и объѣзжему головѣ доносили, что у себя на дворѣ держитъ Гаврила б. . . ю и корчму. Разъ даже отъ него *вынесли* двухъ женокъ, а два поляка ушли.

Въ ночь на 9-ое іюля слободскіе караульщики съ десятскимъ Иваномъ Березниковымъ привели на съѣзжій дворъ шляхтича Яна Паска, трехъ женщинъ, самого Гаврилу да малаго. Березниковъ сказалъ, что на томъ дворѣ учинился крикъ и по двору и въ хоромахъ ходили съ огнемъ; онъ и послалъ караульщиковъ, а тѣ взяли съ того двора пятерыхъ человѣкъ и привели на съѣзжій дворъ.

На съѣзжемъ дворѣ всѣхъ пятерыхъ продержали до утра, а утромъ препроводили въ Посольскій приказъ. Отобравъ необходимыя показанія отъ шляхтича Яна Паска, бояре велѣли отвести его къ польскимъ посламъ, а прочихъ подвергли допросу.

Гаврила Нефедьевъ показалъ, что живетъ онъ на князь-Шайсупова, дяди своего, загородномъ дворѣ въ Огородникахъ, и какъ де нынѣ пріѣхали польскіе послы къ Москвѣ, съ ними пріѣхалъ и шляхтичъ Иванъ Ивановъ сынъ Пасокъ. А тотъ де Пасокъ дядѣ его по женѣ свойственникъ. И по приказу де дяди своего и по свойству велѣлъ онъ, Гаврила, на томъ дворѣ того шляхтича поставить телѣги. И вчерашняго дня присылалъ шляхтичъ Пасокъ челядника своего для вытопки бани, а потомъ и самъ пришелъ къ нему *въ отдачу дневныхъ часовъ*. И того де шляхтича *унялъ* онъ у себя почевать и положилъ въ вышкѣ. И въ полночь де слободскіе тяглецы, человѣкъ съ тридцать и больше, вломились къ нему на дворъ и въ хоромы и, выволокши, били невѣдомо за что и шляхтича и его, Гаврилу, и вдову Орину, которая у него живетъ, и дочь ея названую Овдотью и работницу его сестры (которая приходила отъ нея узнать о здоровьѣ его, Гавриловой, жены), и бивъ, отвели на съѣзжій дворъ, что въ Огородникахъ, и наложили на того шляхтича *путь*, а съ съѣзжаго

двора привели въ Посольскій приказъ. „А онъ де, Гаврила, ни за какимъ воровствомъ не ходитъ, а того дни и ночью бани не топилъ".

Вдова Орина Лопатина показала, что живетъ она у Гаврилы по пріятству съ недѣлю, а прежде жила на Кулижкахъ, а вчера де пришла для *повиданья* дочь ея названая грузинца Павлова жена Овдотья, а не для какого худа. Овдотья подтвердила, что вчера она пришла къ своей названой матери для повиданья, и согласно съ ней показала, что вечеромъ того числа на тотъ дворъ къ Гаврилѣ Нефедьеву, которому тотъ дворъ приказано беречь, пріѣхалъ полякъ, и слышала де она отъ Гавриловы жены и отъ дочери дѣвки, что тотъ полякъ пріѣхалъ мыться въ баню, только того дни бани они ночью топить не смѣли. Полякъ остался ночевать, легъ въ вышкѣ, а онѣ, женщины, легли въ горницѣ вмѣстѣ; въ полночь вломились люди къ поляку въ вышку и къ нимъ въ горницу, учали бить и рвать и, связавъ поляку руки назадъ, отвели всѣхъ на съѣзжій дворъ и тамъ наложили на поляка чѣпь, а со съѣзжаго двора привели въ Посольскій приказъ. „А она, Дунька, къ матери своей приходила не для воровства какого, только для повиданья".

Давъ нѣсколько предварительныхъ показаній въ Посольскомъ приказѣ 9-го іюля, отпущенный Пасокъ прислалъ вскорѣ цѣлое *Оправданіе невинности своей*, гдѣ подробно разъяснялъ, какъ онъ попалъ къ Гаврилѣ Нефедьеву на дворъ. Оказывалось, что кн. Шайсуповъ былъ женатъ на дочери шляхтича Соколинскаго, а родная ея сестра, впрочемъ уже лѣтъ шесть умершая, была за роднымъ братомъ Яна Паска, смоленскимъ шляхтичемъ Даниломъ. Данило былъ на царской службѣ и, уѣзжая изъ Смоленска подъ Чигиринъ, писалъ будто бы брату своему Яну, что въ случаѣ, если на Посольскомъ дворѣ будетъ тѣсно, онъ свои возы можетъ поставить на дворѣ у князя Шайсупова, гдѣ и самъ онъ по свойству и знакомству стаивалъ.

Янъ Пасокъ, повидимому, никогда не видалъ ни князя Шайсупова, ни его жены. Пріѣхавъ въ Москву, онъ „за утѣсненіемъ" на Посольскомъ дворѣ просилъ позволенія черезъ своего племянника, Данилова сына, перевести свои двѣ подводы на дворъ къ Гаврилѣ. Ему не только будто бы позволили перевести, но и „съ соизволенія ихъ милостей, пишетъ Пасокъ, велѣли тотчасъ для меня уготовать баню по пріѣздѣ нашемъ въ Москву. По тому-жъ знакомству коликратно бывалъ есмь тамо въ банѣ не для какой дурости—Боже сохрани!—точію омытися ради *руды*, на что имѣю добрыхъ людей русскихъ свидѣтелей, которыхъ употреблялъ есмь ко умовенію, и они никакого безчинства не видѣли—пущай тѣхъ людей допросятъ!" Въ понедѣль-

никъ 8 іюля былъ съѣздъ, и Пасокъ былъ въ отвѣтѣ съ послами. Вернувшись съ съѣзда и узнавъ, отъ приставовъ, что съѣздъ назначенъ и назавтра, онъ послалъ впередъ малаго *съ платьемъ бѣлымъ*, чтобы просить Гаврилу „о уготовленіи бани“. Малый вернулся уже къ вечеру и сказалъ, что баня будетъ готова, только бы де онъ, господинъ, пріѣхалъ. Когда у пословъ на верху трубили къ ужину, онъ, ничего не медля, отправился къ Гаврилѣ въ надеждѣ скоро вернуться. Но ожиданія его не оправдались.

На лѣстницѣ встрѣтилъ его хозяинъ и сказалъ: „не покручинься де, господинъ Пасокъ, баня не топлена, понеже дважды готовилъ и дрова даромъ сжегъ, а теперво *противъ* ночи невозможно топить и огня имѣти *не вольно*; ибо кой бы часъ объѣзжій провѣдалъ, и онъ былъ бы въ бѣдѣ великой и наказаніи“.

Пасокъ сказалъ, что коли сегодня нельзя, то ему нельзя завтра, потому что назавтра назначено засѣданіе въ четвертомъ часу.

На то ему сказали хозяинъ съ хозяйкой: „не кручинься-де ты о томъ: мы до свѣта велимъ изготовить, и на дворъ поспѣешь вовремя, а нынѣ поздно итти на Посольскій дворъ; ночуй де смѣло съ нами на княжомъ дворѣ!“—И я склонился на тѣ рѣчи, пишетъ Пасокъ, и заночевалъ.

„Тамъ сидя въ верху въ тѣхъ разговорѣхъ, велѣлъ подать малому вино во флягѣ, которое принесъ съ собою, пилъ съ хозяиномъ и, напившись гораздо, взвелъ меня хозяинъ въ верхъ и заперъ двери на крюкъ, а я такъ подпилъ, что не пришло къ тому, чтобы платье скинуть съ себя—легъ въ платьѣ, зная, что нѣтъ за мной вины, и что я никому ничѣмъ не досадилъ.

„Тогда не слышалъ, какъ воровскіе люди пришли на дворъ къ свѣту уже, прежде взяли внизу того хозяина и трехъ женщинъ, знакомыхъ того хозяина, вывели ихъ на улицу и отдали караулу, а потомъ съ фонарями вернулись въ домъ, отворили верхъ, ударили меня спящаго въ бокъ обухомъ или кистенемъ дважды—я упалъ съ кровати и два ребра вышибъ (!).

„Потомъ вся саранча кинулась ко мнѣ, бія и толкая, спихнула съ лѣстницы на улицу, гдѣ держали хозяина и женокъ, и повели не безъ частыхъ побоевъ. Я спрашивалъ: кто у васъ большой? за что вы меня бьете?—и они сказали, что всѣ мы большіе, и досадными словами бранили и били и таскали и, о земь ударя, топтали и, лопатки назадъ завернувъ, колѣнками и ногами стоптавъ, связали и погоняли меня обухами и дубьемъ и совками на съѣзжій дворъ вышеупомянутымъ наруганіемъ, ни въ чемъ неповиннаго и ни на какомъ

зломъ дѣлѣ взятаго, свидѣтель тому самъ Господь Богъ! А что около себя имѣлъ, въ очахъ моихъ оборвали на 30 рубл. и больше на томъ съѣзжемъ дворѣ. Да тѣ же гулящіе воровскіе люди послали за подьячимъ, который пришедъ, видя меня замученнаго и избитаго, не спрашивая ни о какомъ дѣлѣ, по наученію вышеупомянутыхъ людей, надъ которыми большимъ былъ Иванъ Березниковъ, *положилъ* мнѣ чѣпь на шею, и такъ я до свѣту сидѣлъ до пріѣзду дворянъ отъ ихъ милостей господъ пословъ. И тогда тотъ подьячій велѣлъ снять съ меня чѣпь".

„Но не такъ мнѣ болѣзненны побои дубовые и обуховые, продолжаетъ краснорѣчивый шляхтичъ, забывъ, повидимому, о томъ, что онъ два ребра вышибъ: яко досады и наруганіе мужичье! А какъ объѣзжій пріѣхалъ на съѣзжій дворъ, тогда взялъ меня къ себѣ наверхъ, и тамъ я показывалъ ему раны свои и сидѣлъ безопасно. И ту свою невинность подаю подъ высокое разсужденіе: аще ли я виненъ, пущай подлежу суду, а будетъ—невиненъ, о наказаніи разбойниковъ смиренно прошу!"

Изъ росписи, поданной шляхтичемъ, оказывалось, что у него пропали: обушокъ польскій, цѣна 2 р.; поясъ шелковый съ ложкою серебряной и ножикъ, оправа серебряна—цѣна всему 5 руб.; у кафтана *зепь* вырвана, а въ зепи было 20 червонныхъ золотыхъ да два рубля денегъ мелкихъ; очки хрустальныя, цѣна алтынъ; рубашка съ портками да полотенце, цѣна два рубля съ полтиною.

„Высокое разсужденіе" сдѣлало запросъ князю Шайсупову о свойствѣ его съ Яномъ Паскомъ. Шайсуповъ жилъ въ Москвѣ, а Пасокъ былъ городничій полоцкій. Свойство, конечно, легко могло быть, но по всей вѣроятности князь очень мало зналъ Паска. Какъ бы то ни было, онъ отвѣтилъ на запросъ изъ Посольскаго приказа, что польскаго шляхтича Яна Паска онъ не знаетъ и стоять ему на загородномъ своемъ дворѣ, что въ Огородникахъ, не веливалъ и смоленскому шляхтичу Данилу Паску тотъ шляхтичъ братъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ.

Посольскіе люди были гостями въ Москвѣ, а потому въ Посольскомъ приказѣ нашли не особенно удобнымъ доискиваться, какъ и зачѣмъ попалъ Пасокъ на дворъ къ Гаврилѣ Нефедьеву. Не вдавались и въ разсмотрѣніе того, какъ это могъ Пасокъ напиться, когда, по его же словамъ, онъ долженъ былъ скоро вернуться на подворье, потому что на другой день ему предстояло быть въ отвѣтѣ съ послами; обошли молчаніемъ и вопросъ, какъ могла вломиться толпа въ

20 или 30 человѣкъ безъ всякаго повода къ Гавр. Нефедьеву на дворъ и въ хоромы. Имѣлось въ виду лишь то, что посольскій шляхтичъ былъ взятъ на съѣзжій дворъ, посаженъ на цѣпь, да въ добавокъ избитъ и обобранъ. Кто его избилъ и обобралъ? Какъ могли посадить его на цѣпь?

Въ *Оправданіи невинности своей* Пасокъ намекалъ, что главный виновникъ всѣхъ его злоключеній—десятскій Ив. Березниковъ. Вызванный въ Посольскій приказъ, Березниковъ старался показать что онъ дѣйствовалъ лишь законно, согласно съ даннымъ ему наказомъ. „По десятной памяти за рукою объѣзжаго головы велѣно ему, Березникову, наряжать на караулы для береженья отъ огня и отъ воровскихъ людей и *вынмки* корчмы. Слободскіе караульщики и ближніе сосѣди двора князя Шайсупова ему сказали, что туда пріѣзжаютъ посольскіе люди и по ночамъ пьютъ и съ огнемъ по двору и въ хоромахъ ходятъ небережно, и женки многія на тотъ дворъ приходятъ. Въ четвертомъ часу ночи онъ съ караульщиками на тотъ дворъ ходилъ, для того что тамъ учинился крикъ и по двору и въ хоромѣхъ ходили съ огнемъ. Пришедъ, онъ спросилъ Гаврилу Нефедьева, какіе люди у него ночуютъ; тотъ учалъ его бранить и говорилъ, что никакихъ людей нѣтъ... Тогда онъ попросилъ, чтобы Гаврила сѣни отперъ и пустилъ ихъ для осмотру. Караульщики вошли и увидали трехъ женокъ—сидятъ съ польскимъ шляхтичемъ, пьютъ вино. И караульщики и окольные сосѣди шляхтича и Гаврилу и женокъ взяли и отвели на съѣзжій дворъ. А со многими людьми онъ, Иванъ, не прихаживалъ, а былъ де онъ на томъ дворѣ для вынмки б... и. А шляхтича не били и не безчестили и въ сушилѣ съ лѣстницы не пихали. И тотъ де шляхтичъ взятъ изъ горницы, а не изъ верху, и, наземь поваля, никто его не билъ и не топталъ и руки назадъ не вязали и дубьемъ и совками не бивали жъ и изъ кармана ничего не выпяли, а что де онъ подалъ челобитную роспись, будто у него отняли золотые червонные и деньги и ножикъ и кафтанъ изорвали, про то онъ не вѣдаетъ. А на съѣзжемъ дворѣ онъ объѣзжему сказалъ, что у него изъ кармана выняли только 20 алтынъ да обушокъ польскій да ножикъ, оправа серебряна, да ложку серебряну, а про золотые и про кафтанъ объѣзжему не сказалъ, а кто де то взялъ и та рвалъ—про то онъ, Иванъ, не вѣдаетъ. А вели де того шляхтича до съѣзжаго двора честью, видя то, что онъ польскихъ пословъ шляхтичъ, и отдали его тамъ подьячему, а *въ тотъ* сажать не велѣли, а сажалъ ли подьячій его въ чѣпь или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ. А какъ де

пришелъ онъ, Иванъ, по утру къ объѣзжему—и тотъ шляхтичъ сидитъ *въ чьпи*, а сказалъ, что посадилъ его подьячій. Да Иванъ же Березниковъ сказалъ, что на томъ же дворѣ отъ Гаврилы взяли и прежде двухъ женокъ... стрѣльчанокъ—приходили они къ Гаврилѣ, а какъ приходили, и у него, Гаврилы, были въ то время два поляка. И тѣхъ де поляковъ не поимали, а женокъ, взявъ, отвели на съѣзжій дворъ, и за то имъ учинено наказанье".

Показаніе Березникова такимъ образомъ не сходилось съ показаніемъ Паска: оказывалось, что шляхтичъ былъ не въ вышкѣ, а въ горницѣ, что о пропавшихъ вещахъ онъ говорилъ не то, что писалъ послѣ. На вопросъ, кто билъ его, Березниковъ отвѣчалъ, что его не только не били дорогой, но и въ цѣпь сажать не велѣли. Подьячій Моисей Литвиновъ призналъ, что въ цѣпи шляхтича посадилъ онъ, но посадилъ по незнанію. Когда привели Паска на съѣзжій дворъ, его, Моисея, въ то время тамъ не было, а извѣстилъ онъ, Березниковъ, *ему* про него въ 4-мъ часу по утру. „А какъ де онъ, Моисей, пріѣхалъ, и шляхтичъ сидѣлъ на съѣзжемъ дворѣ не скованъ и не на чѣпи. И взявъ того шляхтича передъ себя, онъ распрашивалъ, для чего онъ въ Огородную слободу пріѣхалъ и караульные стрѣльцы съ нимъ были ль. И онъ де сказалъ, что пріѣхалъ на дворъ князь-Шайсупова по знакомству париться въ баню, а караульныхъ съ нимъ стрѣльцовъ нѣтъ, для того что онъ пошелъ въ баню и ночевать да и прежде сего онъ, шляхтичъ, на тотъ дворъ безъ караульныхъ стрѣльцовъ прихаживалъ и ночевывалъ... Не вѣдая, что это шляхтичъ, посольскій человѣкъ, велѣлъ было онъ, Моисей, наложить на него караульнымъ цѣпь, и сидѣлъ тотъ шляхтичъ у него на цѣпи съ часъ, а какъ онъ сказался, что онъ польскихъословъ дворянинъ, и онъ де велѣлъ съ него цѣпь снять до объѣзжаго, а какъ объѣзжій пріѣхалъ, и онъ того шляхтича объѣзжему объявилъ, а шляхтичъ ему сказалъ, что съ него сорвали опояску да ложку да *вынялн* 20 алтынъ денегъ, а про золотые и про иное шляхтичъ ему не объявлялъ". Литвиновъ къ этому прибавилъ, что сказывали той слободыт яглецы, что тѣ женки приходятъ на дворъ многажды, и въ то де время, какъ онѣ приходятъ, пріѣзжаетъ на тотъ дворъ польскихъословъ шляхта.

Изъ словъ подьячаго выяснилось только то, что на цѣпь посадилъ шляхтича онъ, но виной того былъ самъ же шляхтичъ, явившійся въ слободу безъ караульныхъ стрѣльцовъ. Приходилось допросить другихъ, которые принимали участіе въ выимкѣ. Но допросъ опять не привелъ ни къ чему: одни говорили, что они не принимали участія въ выимкѣ,

другіе, не отрицая своего участія, говорили, что кто еще принималъ участіе, сказать не могутъ, потому что была пора ночная. Виноватымъ за всѣхъ и за все остался И. Березниковъ. При думномъ дьякѣ Л. Ивановѣ, при дьякахъ—Бобынинѣ и Украинцевѣ и при самомъ любителѣ париться Паскѣ онъ „за вину его былъ битъ батоги, снявъ рубашку, и изъ приказу свобоженъ“.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
IV	15 снизу:	(1673 г.)	(въ 1654 и 1673 г.)
V	10 „	по отписки	по отпискѣ
IX	6 сверху:	(см. гл. XXII)	(см. гл. XXIII)
10	18 „	литавровъ	литавръ
17	24 „	Меньжинкій	Меньжинскій
26	9 „	по крупной, круглой фигурѣ	по широкому и круглому лицу
27	12 снизу:	(Шавнево?)	(Шавѣсво?)
43	6 „	петелекъ	пуговокъ
55	1 „	ѣствомъ	ѣствой
62	19 сверху:	прелесть красоты	свою красоту
63	10 „	отдаетъ	отдастъ
71	5 „	по	на
84	5 снизу:	тотъ князь	тотъ первенствовавшій князь (Н. И. Одоевскій?)
87	5 сверху:	у турокъ	турками
102	15 снизу:	Шею тоже	Шею
107	2 „	congelatum — longum	congelatam—longam
135	13 сверху:	преемники	потомки
138	9 снизу:	которая	и
139	13 сверху:	(1560)	(1580)
141	14 „	принадлежавшимъ тогда къ восточной церкви	входившимъ тогда въ составъ восточной, или греческой церкви
145	7 снизу:	сводами	арками
148	6 „	городъ былъ вшестеро больше. Теперь же онъ въ окружности не больше 3 миль въ чемъ...	городъ былъ вшестеро больше, теперь же онъ въ окружности не больше 3 миль. Въ этомъ...
159	1 „	на ней	по нимъ
163	17 „	сыновей	дѣтей

На страницѣ 153 и 157 въ олеаріевомъ описаніи Москвы переводъ нѣсколькихъ строкъ въ видахъ большей точности, немного измѣненъ; то же сдѣлано и въ петреевомъ описаніи (стр. 146—149), гдѣ вновь переведено начало и кое-гдѣ вставлены нѣмецкія слова въ скобкахъ. Къ этому описанію надо прибавить еще слѣдующія строки:

„Близъ г. Москвы лежитъ большая деревня, въ которой до 700 крестьянъ и ремесленниковъ; она называется Красное село (Crasna cella). Въ четверти мили пути отъ нея, на рѣкѣ Яузѣ, находится Нѣмецкая слобода, гдѣ живутъ иностранцы, построившіе свою собственную деревянную церковь и отправляющіе въ ней свое богослуженіе; тамъ есть и лютеранскіе проповѣдники, учители и глашатаи чистаго и неложнаго Слова Божія и совершающіе таинства въ ихъ истинномъ значеніи. Въ этой же церкви покоится знаменитый и высокородный князь, герцогъ Іоаннъ, родной братъ Христіана IV, могущественнѣйшаго короля датскаго, къ великому сожалѣнію, принявшій блаженный покой во Христѣ въ 1603 г. въ Москвѣ. Чтен. въ Им. Общ., 1865, кн. 4, стр. 7.

Къ поссевинову описанію Москвы на стр. 140—141 слѣдуетъ прибавить:

„Два московскихъ замка велѣлъ воздвигнуть отецъ нынѣшняго князя (т.-е. Ивана IV); зодчимъ былъ миланецъ, рабочими—итальянцы. Память объ этомъ сохранилась въ латинской надписи надъ воротами замка, подъ образомъ блаж. Дѣвы. Впрочемъ сами высокія стѣны и всюду возвышающіяся надъ ними башни показываютъ, что сооруженіе это—царское.

Antonii Possevini societatis Iesu Moscovia, стр. 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I—XI
I. Путь отъ Праги до Варшавы	4
II. Поѣздка въ Вильну, а потомъ на сеймъ	8
III. Препятствіе къ поѣздкѣ въ Турцію	11
IV. Поступленіе въ дворню отправлявшагося въ Московію посла	13
V. Снаряженіе посольства	16
VI. Путь посольства до московскихъ предѣловъ	20
VII. Вступленіе въ Московію черезъ Смоленскъ	28
VIII. Путь изъ Смоленска внутрь Московіи	34
IX. Путь отъ Вязьмы до Москвы	37
X. Торжественный въѣздъ въ Москву	42
XI. Посольское подворье и первый пріемъ у царя	48
XII. Московское угощеніе	54
XIII. Описаніе Москвы	57
XIV. Нѣмецкій городъ, или Кукуй	68
XV. Переговоры пословъ въ царской думѣ	71
XVI. Скрѣпленіе договора между москвитянами и поляками присягою	79
XVII. Непостоянство москвитянъ. Взятіе Чигирина турками. Водосвятіе	87
XVIII. Царская присяга и конецъ посольства	92
XIX. Нравы москвитянъ и состояніе страны	100
XX. Обратный путь изъ Москвы до Смоленска	109
XXI. Обратный путь изъ Смоленска по Литвѣ	118
XXII. Обратный путь черезъ Польшу въ Чехію	120
XXIII. Прибавленіе: О недавнемъ бунтѣ въ Москвѣ	125
Приложенія:	
I. Записка стольника кн. Бориса Мышецкаго и дьяка Протопопова о встрѣчѣ посольской и о разговорѣхъ	130
II. Описаніе Москвы въ сочиненіяхъ иностранцевъ	131
III. Первый отвѣтъ, или засѣданіе	176
Второй отвѣтъ	181
IV. Varia	190

MOSCUA
Metropolis Moscoviæ
CZARI
Residentia

ad pag. 59. seqq:

A Residentia Czari Krimgorod dicta
B. Kitaigorod
C. Bialgorod
D. Zemlenigorod
E. Slobodoco præurbium
F. Ecclesia S.ta Trinitatis
G. Moscua Fluvius
H. Pons fluvio innatans
I. Strzeleczka sloboda
K. Neglina fluvius
L. Platea, quâ Legatio introducta
M Palatium Legatorum
N. Platea, quâ Czar Spatiatum pergere solet
O. Platea, versus Kukui
P. Via qua ex Urbe versus Drgomilowska Slaboda educti Legati
Q Hortus pro specialibus equis Czari.
R. Fora ampla, ubi domus paratæ venduntur.
S Pars Urbis tunc igne insperato exusta.
T. Forum spatiosum trabibus glabris stratum
V. Officinæ Mercatorum

Kukui

C

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
г. 193 г.